

ISSN 2713-2021
Научный журнал

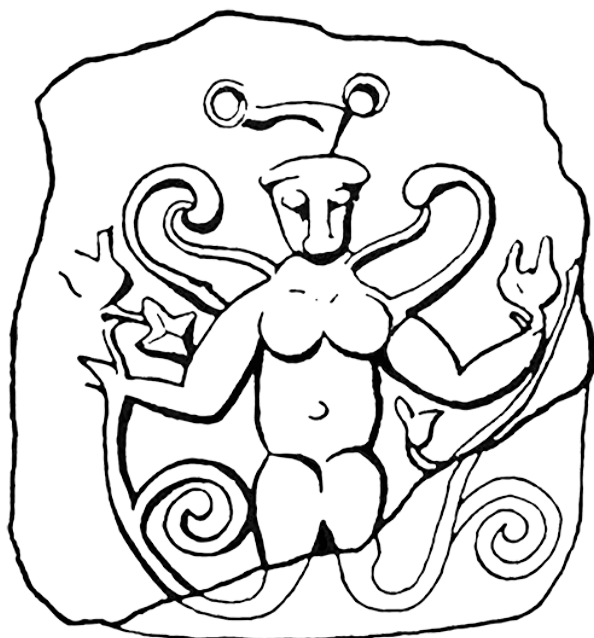
**Материалы по археологии и истории
античного и средневекового Причерноморья**

**Proceedings in Archaeology and History
of Ancient and Medieval Black Sea Region**

**2022
№ S1**

Материалы по Археологии и Истории Античного и Средневекового Причерноморья

№ S1

Нижневартовск
2022

Редакция

- С.Ю. Сапрыкин — доктор исторических наук, профессор, МГУ им М.В. Ломоносова, главный редактор
 М.М. Казанский — Dr. habil. (History), Director of research work in the CNRS (UMR 8167 “The East and the Mediterranean Sea”), заместитель главного редактора
 В.М. Лурье — доктор философских наук, Институт философии и права СО РАН, заместитель главного редактора
 Д. Браунд — Dr. habil. (History), Professor, University of Exeter
 А.И. Груша — доктор исторических наук, НАН Беларуси
 М.Ю. Трейстер — Dr. phil. habil. (RUS), независимый исследователь, Бонн, Германия
 А.А. Тюрк — Dr. habil. (History), Institute of Archaeological Sciences, Pázmány Péter Catholic University
 Л.Г. Хрушкова — доктор исторических наук, профессор, МГУ им М. В. Ломоносова
 Н.П. Тельнов — кандидат исторических наук, Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
 В.Б. Панковский — кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела археологии энеолита — бронзового века ИА НАН Украины
 М.М. Чореф — кандидат исторических наук, профессор РАЕ, ННГУ им. Н.И. Лобачевского, редактор-составитель, ответственный секретарь

Редакционный совет

- А.И. Иванчик — доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник ИВИ РАН, научный руководитель Отдела изучения древних цивилизаций ИВИ РАН, руководитель Центра античной и восточной археологии Института классического Востока и античности НИУ ВШЭ, Senior Research Fellow (directeur de recherche) at the CNRS, Senior Fellow of Institute for the Study of the Ancient World of New York University, Corresponding member of the Institut de France (Académie des Inscriptions et Belles-Lettres), Deutsches Archäologisches Institut and of the Istituto Italiano per l’Africa e l’Oriente, Institut Ausonius, Bordeaux, председатель постоянного редакционного совета
 М.Д. Бухарин — доктор исторических наук, академик РАН, главный научный сотрудник ИВИ РАН, руководитель Центра истории древнего Востока ИВИ РАН, Corresponding member of the Deutsches Archäologisches Institut and of the Associazione Internazionale di Studi sul Mediterraneo e l’Oriente
 М.Г. Абрамзон — доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Отдела классической археологии ИА РАН
 Ш. Альбрехт — Dr. habil. (History), Römisch-Germanisches Zentralmuseum Leibniz-Forschungsinstitut für Archäologie
 Г.Г. Атанасов — доктор исторических наук, профессор, директор Археологического музея (г. Силистра, Болгария)
 А.Н. Балаш — доктор культурологии, профессор, СПбГИК
 Ю.А. Виноградов — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела истории античной культуры ИИМК РАН
 Н.А. Гаврилюк — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела античной археологии ИА НАН Украины
 П.Б. Голден — Dr. habil. (History), Professor, Rutgers University — New Brunswick
 В.А. Дмитриев — доктор исторических наук, научный сотрудник главной категории, Российский этнографический музей
 И.В. Зайцев — доктор исторических наук, профессор РАН, ведущий научный сотрудник ИВ РАН, старший научный сотрудник ИРИ РАН, руководитель Центра сравнительного изучения цивилизаций ИНИОН РАН
 Л. Йованович — Dr. habil. (History), Professor, American Public University System
 Ф. де Каллатай — Dr. habil. (History), Royal Library of Belgium, professor at the Université libre de Bruxelles, directeur d’études at the Ecole pratique des Hautes Etudes, Member of the Royal Academy of Belgium, of the Academia Europaea and a corresponding member of the Institut de France (Académie des Inscriptions et Belles-Lettres)
 А.К. Кушкumbaев — доктор исторических наук, профессор, ЕНУ им. Л.Н. Гумилева
 Е.А. Молев — доктор исторических наук, профессор, ННГУ им. Н.И. Лобачевского
 С.Ю. Монахов — доктор исторических наук, профессор, СГУ им. Н.Г. Чернышевского
 И.С. Прокопов — доктор исторических наук, профессор, Юго-западный университет «Неофит Рильский», президент Ассоциации болгарских музеев
 Н.Д. Руссев — Dr. habil. (History), Professor, Университет «Высшая антропологическая школа»
 Д.В. Сень — доктор исторических наук, профессор, ЮФУ
 С.А. Скорый — доктор исторических наук, профессор, ИА НАН Украины
 С.Б. Сорочан — доктор исторических наук, профессор, ХНУ им. В.Н. Каразина
 И.Ю. Шауб — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела истории античной культуры ИИМК РАН
 С.В. Ярцев — доктор исторических наук, ТПУ им. Л.Н. Толстого
 С.А. Яценко — доктор исторических наук, профессор, РГГУ, МосГУ, Member of European Association of Archaeologists
 Р.А. Рабинович — доктор истории, Университет «Высшая антропологическая школа»
 С.С. Филипова — доктор истории, Региональный исторический музей «Академик Йордан Иванов»
 П.Н. Петров — кандидат исторических наук, профессор РАЕ, Центральный государственный музей Республики Казахстан
 Л. Публичи — PhD (History), Professor, Università degli Studi di Firenze
 К. Ерк — PhD (Philology), Jamia Millia Islamia University
 А.Л. Ермолин — PhD (History), Zinman Institute of Archaeology, University of Haifa
 Д.Я. Ильясов — кандидат искусствоведения, ведущий научный сотрудник, Институт искусствознания АН РУЗ
 М.А. Заразир — PhD (Archaeology), Sohag University
 Э. Минева — PhD (Philology), National & Kapodistrian University of Athens
 М.И. Носоновский — PhD, University of Wisconsin-Milwaukee

Адрес: ул. Омская, д. 38, оф. 187, г. Нижневартовск, Ханты-Мансийский автономный округ — Югра, Россия 628602
 Тел./факс: +7 (964) 170-96-41, E-mail: choref@yandex.ru, Site: maiask.ru

ISSN 2713-2021

© Издательство «Киммерия»
 © ИП Мельник Н.В.

Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region

No. S1

**Nizhnevartovsk
2022**

Editorials Board

S.Yu. Saprykin	—	Dr. habil. (History), Professor, Lomonosov Moscow State University, Editor-in-Chief
Michel Kazanski	—	Dr. habil. (History), Director of Research Work in the CNRS (UMR 8167 “The East and the Mediterranean Sea”), Deputy Chief Editor
Basil Lourié	—	Dr. habil. (Philology), Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Deputy Chief Editor
David Braund	—	Dr. habil. (History), Professor, University of Exeter
A.I. Grusha	—	Dr. habil. (History), National Academy of Sciences of Belarus
Mikhail Treister	—	Dr. phil. habil. (RUS), Independent Researcher, Bonn, Germany
Attila Antal Türk	—	Dr. habil. (History), Institute of Archaeological Sciences, Pázmány Péter Catholic University
L.G. Khrushkova	—	Dr. habil. (History), Professor, Lomonosov Moscow State University
N.P. Telnov	—	PhD (History), T.G. Shevchenko Pridnestrovian State University
V.B. Pankowski	—	PhD (History), Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine
M.M. Choref	—	PhD (History), Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod,
Professor of Russian Academy of Natural Sciences Editor-in-Charge, Responsible Secretary

Editorial Advisory Board

A.I. Ivantchik	—	Dr. habil. (History), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Director of the Centre for Comparative Studies of Ancient Civilizations of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Senior Research Fellow (directeur de recherche) at the CNRS, Senior Fellow of Institute for the Study of the Ancient World of New York University, Corresponding member of the Deutsches Archäologisches Institut and of the Istituto Italiano per l’Africa e l’Oriente, Chairman of the Editorial Advisory Board
M.D. Bukharin	—	Dr. habil. (History), Academician of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Director of the Centre for the History of the Ancient East of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Corresponding member of the Deutsches Archäologisches Institut and of the Associazione Internazionale di Studi sul Mediterraneo e l’Oriente
M.G. Abramzon	—	Dr. habil. (History), Professor, Leading researcher of the Department of Classical Archeology of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences
Stefan Albrecht	—	Dr. habil. (History), Römisch-Germanisches Zentralmuseum Leibniz-Forschungsinstitut für Archäologie
G.G. Atanasov	—	Dr. habil. (History), Professor, Director of Museum of Archaeology (Silistra, Bulgaria)
A.N. Balash	—	Dr. habil. (Cultural Studies), Professor, Saint Petersburg State Institute of Culture
Jaroslav Artur Bodzek	—	Dr. habil. (History), Institute of Archaeology, Jagiellonian University
Yu.A. Vinogradov	—	Dr. habil. (History), Leading researcher of the Department of the History of Ancient Culture of the Institute of History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences
N.A. Gavriluk	—	Dr. habil. (History), Leading Researcher of the Department of Ancient Archaeology of Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine
Peter Benjamin Golden	—	Dr. habil. (History), Professor, Rutgers University — New Brunswick
V.A. Dmitriev	—	Dr. habil. (History), Principal researcher, The Russian Museum of Ethnography
Ljubica Jovanovic	—	Dr. habil. (History), Professor, American Public University System
I.V. Zaytsev	—	Dr. habil. (History), Professor of the Russian Academy of Sciences, Leading Researcher of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Senior Researcher of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Head of the Center for Comparative Studies of Civilizations of the Institute of Scientific Information of Social Sciences of the Russian Academy of Sciences
François de Callataÿ	—	Dr. habil. (History), Royal Library of Belgium, Professor at the Université libre de Bruxelles, Directeur d’études at the Ecole pratique des Hautes Etudes, Member of the Royal Academy of Belgium, of the Academia Europaea and a corresponding member of the Institut de France (Académie des Inscriptions et Belles-Lettres)
E.A. Molev	—	Dr. habil. (History), Professor, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod
S.Yu. Monakhov	—	Dr. habil. (History), Professor, Saratov Chernyshevsky State University
I.S. Prokopov	—	Dr. habil. (History), Professor, South-West University, President of the Bulgarian Museum Association
N.D. Russev	—	Dr. habil. (History), Professor, High Anthropological School University
D.V. Sen’	—	Dr. habil. (History), Professor, Southern Federal University
S.A. Skoryi	—	Dr. habil. (History), Professor, Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine
S.B. Sorochan	—	Dr. habil. (History), Professor, Kharazin Kharkiv National University
I.Yu. Schaub	—	Dr. habil. (History), Leading researcher of the Department of the History of Ancient Culture of the Institute of History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences
S.V. Yartsev	—	Dr. habil. (History), Leo Tolstoy Tula State Pedagogical University
S.A. Yatsenko	—	Dr. habil. (History), Professor, Russian State University for the Humanities, Moscow University for the Humanities, Member of European Association of Archaeologists
S.S. Filipova	—	Doctor of History, Regional Historical Museum “Academician Yordan Ivanov”, Kyustendil
R.A. Rabinovich	—	Doctor of History, High Anthropological School University
P.N. Petrov	—	PhD (History), Professor of Russian Academy of Natural Sciences, Central State Museum of the Republic of Kazakhstan
Lorenzo Publici	—	PhD (History), Professor, Università degli Studi di Firenze
Kutluay Erk	—	PhD (Philology), Jamia Millia Islamia University
Alexander Iermolin	—	PhD (History), Zinman Institute of Archaeology, University of Haifa
Mahmoud Ahmad Zarazir	—	PhD (Archaeology), Sohag University
Evelina Mineva	—	PhD (Philology), National & Kapodistrian University of Athens
Michael Nosonovsky	—	PhD, University of Wisconsin-Milwaukee

Address: 38 Omskaya Street, of. 187, Nizhnevartovsk, Khanty-Mansi Autonomous Okrug — Yugra, Russia 628602
Tel./fax: +7 (964) 170-96-41, **E-mail:** choref@yandex.ru, **Site:** maiask.ru

ISSN 2713-2021

© Cimmerica Publishing
 © IE Melnik N.V.

СОДЕРЖАНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ

Mikhail Treister (<i>Bonn, Germany</i>). Some Reflections concerning the Phiale with the Images of Heracles and Auge from the Rogozen Treasure	9
И.Ю. Шауб (<i>Санкт-Петербург, Россия</i>). Неизвестный свинцовый вотив из Ольвии	38
М.Ю. Трейстер (<i>Бонн, Германия</i>). Существовал ли трансевразийский «Меховой путь» в эпоху Хань (размышления на основании материалов археологии)	50
М.Н. Растегаева (<i>Саратов, Россия</i>). Керамическая петрография: история метода и современное состояние	110

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

А.Е. Негин (<i>Нижний Новгород, Россия</i>). Находки средневековых булав в Нижегородском Поволжье	129
---	-----

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

С.А. Яценко (<i>Москва, Россия</i>). Боги сарматов	143
--	-----

ИСТОРИЯ

С.В. Ярцев (<i>Тула, Россия</i>). К вопросу о выделении центральноазиатской династической линии боспорской аристократии	187
---	-----

ИСТОРИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Abbas Panahi (<i>Rasht, Iran</i>). The role of Henry Martyn, a Christian priest, in confronting Iranian Shiite clerics	201
--	-----

НУМИЗМАТИКА

Д.В. Андриевский (<i>Санкт-Петербург, Россия</i>), М.М. Чореф (<i>Нижний Новгород, Россия</i>). Римские денарии из Байдарской долины (Крым)	211
Д.В. Андриевский (<i>Санкт-Петербург, Россия</i>). Привозные монеты эпохи «скифских войн» из Горного Крыма	221

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

М.М. Чореф (<i>Нижний Новгород, Россия</i>). К вопросу об атрибуции «Статуи полководца из Тиволи»	231
Список сокращений	239
Авторам «Материалов по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья»	241

CONTENTS

ARCHAEOLOGY

Mikhail Treister (<i>Bonn, Germany</i>). Some Reflections concerning the Phiale with the Images of Heracles and Auge from the Rogozen Treasure	9
I.Yu. Schaub (<i>Saint Petersburg, Russia</i>). Unknown lead votive from Olbia	38
Mikhail Treister (<i>Bonn, Germany</i>). Whether the “Fur Road” existed in Han Period? (the Reflections on the Basis of archaeological Materials)	50
M.N. Rastegaeva (<i>Saratov, Russia</i>). Ceramic petrography: the history of the method and the current state	110

MILITARY HISTORY AND ARCHAEOLOGY

A.E. Negin (<i>Nizhny Novgorod, Russia</i>). New finds of medieval mace heads in the Nizhny Novgorod Volga Region	129
---	------------

RELIGIOUS STUDIES

S.A. Yatsenko (<i>Moscow Russia</i>). The Gods of Sarmatians	143
--	------------

HISTORY

S.V. Yartsev (<i>Tula, Russia</i>). On the designation of the Central Asian dynastic line of the Bosporan aristocracy	187
---	------------

HISTORICAL PHILOLOGY

Abbas Panahi (<i>Rasht, Iran</i>). The role of Henry Martyn, a Christian priest, in confronting Iranian Shiite clerics	201
--	------------

NUMISMATICS

D.V. Andriyevskiy (<i>Saint Petersburg, Russia</i>), M.M. Choref (<i>Nizhny Novgorod, Russia</i>). Roman denarii from the Baydar Valley (Crimea)	211
D.V. Andriyevskiy (<i>Saint Petersburg, Russia</i>). Imported coins of the “Scythian wars” times in Mountain Crimea	221

ART HISTORY

M.M. Choref (<i>Nizhny Novgorod, Russia</i>). The attribution of the “Statue of the commander from Tivoli” revisited	231
Abbreviations	239
Submissions	241

Археология

Archaeology

УДК 902/904

DOI: 10.53737/2713-2021.2022.34.33.001

Mikhail Treister

SOME REFLECTIONS CONCERNING THE PHIALE WITH THE IMAGES OF HERACLES AND AUGE FROM THE ROGOZEN TREASURE*

One of the most important finds from the richest of the Thracian hoards, the Rogozen Treasure, is the so-called Auge Phiale. Its chronological position is crucial for the dating of the Hoard and had already been a point of debates. Its decoration, which consists of a mythological scene in high relief occupying the interior of the flat bottom and a relief pattern of alternating palmettes and lotus flowers grouped around the central rosette on the outside is discussed, thus allow us not only to determine the position of the vessel among the masterpieces of the Late Classical/Early Hellenistic metalware, but also to dwell on the genesis of the main subject of the composition. Clarifying the chronological position of the phiale is also extremely important for the establishment of the date, when the Treasure was hidden.

Both the analysis of the general shape, the construction and composition of the elements of the vessel, the ornamental patterns decorating its bottom and the parallels of the figural composition on the inner medallion do not allow dating earlier than 350/340 BCE. Moreover, there is strong evidence that the phiale should be dated in the chronological frames of the last quarter of the 4th — first decades of the 3rd century BCE. The shape of the vessel and the decoration of its bottom may suggest a somewhat earlier dating, whereas that of the medallion — somewhat later, within the frames of the chronological period mentioned above. Thus, it may be a further confirmation of the history of the vessel, reconstructed on the grounds of its technological examination.

This is not the only vessel from the Rogozen Treasure for which a dating after 340 BCE and as late as the last quarter of the 4th/early 3rd century BCE, first decades or even the second quarter of the 3rd century BCE has been already proposed. Consequently, it provides another argument that the Treasure was buried much later than it was usually suggested before (330s BCE).

Key words: Thrace, Rogozen Treasure, Scythia, Greek toreutics, phialai, palmettes, vessel medallions, Heracles, Auge, iconography.

About the author: Mikhail Treister, Dr. phil. habil. (RUS), Independent Researcher.

Contact information: 53175, Federal Republic of Germany, Bonn, Weißenburgstr. 59; e-mail: mikhailtreister@yahoo.de.

М.Ю. Трейстер

НЕКОТОРЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ ОТНОСИТЕЛЬНО ФИАЛЫ С ГЕРАКЛОМ И АВГОЙ ИЗ РОГОЗЕНСКОГО СОКРОВИЩА

Одной из самых важных находок из богатейшего фракийского клада, найденного в Рогозене, является фиала с изображением Геракла и Авги. Ее хронологическая позиция имеет решающее значение для датировки клада и уже была предметом споров. Рассматривается форма чаши, ее

* This article was written in the fall 2016 / early 2017 and submitted in February 2017 to the organizers of the conference in Vratsa (K. Rabadjiev & T. Stoyanov), devoted to the Rogozen Treasure and held in November 2016. After that I had no possibility to update it substantially. Waiting more than six (!) years after the conference, I decided to publish the article elsewhere.

Статья поступила в номер 27 ноября 2022 г.

Принята к печати 12 декабря 2022 г.

детали, представленные выполненной в высоком рельефе мифологической сценой, занимающей внутреннюю часть плоского дна, и рельефного декора из чередующихся пальметт и цветов лотоса, сгруппированных вокруг центральной розетты снаружи. Это позволяет нам не только определить место сосуда среди шедевров позднеклассической / раннеэллинистической торевтики, но и остановиться на генезисе основного предмета композиции. Уточнение датировки фиалы также чрезвычайно важно для установления даты тезаврации клада.

Как анализ общей формы сосуда, конструкции и состава его элементов, декора, украшающего его дно, так и параллели фигурной композиции на внутреннем медальоне не позволяют датировать чашу ранее 350/340 гг. до н.э. Более того, есть веские основания относить ее к период последней четверти IV — первых десятилетий III в. до н.э. Форма сосуда и декор его дна могут свидетельствовать о несколько более ранней датировке, а медальона — о более поздней, в рамках указанного выше хронологического периода. Таким образом, это может быть еще одним подтверждением истории чаши, реконструированного на основании его технологического осмотра.

Это не единственный сосуд из Рогозенского клада, для которого предлагалась датировка после 340 г. до н.э., в том числе последней четвертью IV / началом III в. до н.э., первыми десятилетиями или даже второй четвертью III в. до н.э. Следовательно, это еще один аргумент в пользу того, что клад был спрятан намного позже, чем обычно предполагалось ранее (330-е гг. до н. э.).

Ключевые слова: Фракия, Рогозенский клад, Скифия, греческая торевтика, фиалы, пальметты, медальоны сосудов, Геракл, Авга, иконография.

Сведения об авторе: Трейстер Михаил Юрьевич, Dr. phil. habil. (RUS), независимый исследователь.

Контактная информация: 53175, Федеративная республика Германия, г. Бонн, Вайсенбургштрассе 59; e-mail: mikhailtreister@yahoo.de.

Introduction

One of the most important finds from the Rogozen Treasure is the so-called Auge Phiale (figs. 1—7) (Nikolov et al. 1987: 18, figs. 3—4; 90, no. 4; Ognenova-Marinova 1987: 47—55; Fol et al. 1989: 67—69, no. 4; Archibald 1989: 19; Byvank-Qarles van Ufford 1989: 212; 1990: 51, fig. 1; 57—58; Shefton 1989: 82—90; Fol 1990: 195—196: before the mid-4th century BCE, based on the form of the inscription; Sparkes 1996: 149, 152, fig. VI: 11: early 4th century BCE; Marazov 1996: 109—130; Schwarzmaier 1997: 93, 169—170: early 3rd century BCE, based on the stylistic parallels to the figure of Herakles and ornamental pattern; Kull 1997: 698; Archibald 1998: 265; Cat. Saint Louis 1998: 176—177, no. 107 (4th century BCE); Zazoff 1998: 89—95=2011: 327—331; Stoyanov 2003: 88; Cat. Basel 2007: 168—169, no. 120h (third quarter? of the 4th century BCE); Ambrosini 2020: 92, figs. 9—10)¹. Its chronological position is crucial for the dating of the Hoard and had already been a point of debates. The shape of the bowl is characterized by the absence of *omphalos*. Therefore, it may scarcely even be called a phiale. I will discuss its decoration, which consists of a mythological scene in high relief occupying the interior of the flat bottom and a relief pattern of alternating palmettes and lotus flowers grouped around the central rosette on the outside. It will allow us not only to determine the position of the vessel among the masterpieces of the Late Classical/Early Hellenistic metalware, but also to dwell on the genesis of the main subject of the composition. Clarifying the chronological position of the phiale is also extremely important for the establishment of the date, when the Treasure was hidden (See Fol 1990: 195—96).

In general, the piece was dated within the 4th century BCE B. Shefton found “it hard to put the image later than the beginning of the 4th century B.C.E.” (Shefton 1989: 85). At the same time, he thought that “both pointillé ownership mark “Didykaimou” and the chisel-made labels next to the

¹ Vratsa Museum, inv. Б 464. Dm. 13,6 cm (dm. of the medallion — ca. 10.0 cm), ht. 2,0 cm. Wt. 182,8 g.

two figures are much later, hardly earlier than the last quarter of the fourth century and perhaps even beyond that” (Shefton 1989: 86). Other scholars (L. Ognenova-Marinova, M. Tatcheva) considered the piece later, dating it to the third quarter (Ognenova-Marinova 1987: 53) or to the late 4th century, or even to early 3rd century BCE (Tatcheva 1986: 15—30; 1987: 8—9; Tatcheva 1990: 72—73; Tatcheva, Valtchinova 1998: 274). In any case, all scholars accept that this bowl is different in shape and technique from the rest of the vessels of the Rogozen Treasure. The technological examination of the phiale, conducted soon after the Treasure was found, led to the conclusion that the bowl itself was manufactured originally, while the combination of the bowl and the medallion, which could have a different provenance, was secondary. At a certain point the bowl was deformed so that the medallion could fit into it (Inkova et al. 1987: 28—45, esp. 39—40).

The shape

Analyzing the phiale we should pay a special attention to its shape, which, for instance, was almost completely ignored by B. Shefton.

To judge from the arrangement of the base of the phiale, there is a reason to assign it to a later development of phiale *omphalos* — the bowls with shallow bodies without *omphalos*. That means that the discussed piece should be later than the transitional variant with a very small rudimentary and decorated *omphalos*, like that on the silver phiale from the Early Sarmatian burial at Prokhorovka in the Southern Urals (Rostovtzeff 1918: 6, no. 7, pl. I: 1; Luschey 1939: 61, no. EB7; 72—73; Pfrommer 1987a: 98, notes 582—583; 158; Abka 'i-Khavari 1988: 107; 108; 125—126, no. F3c17; Treister 2009b: 95—135; 2012: 75—81; Treister et al. 2012: 66—67, no. A11.1.1.1 with complete bibliography). The analysis of this phiale allowed me to conclude that it was manufactured in the second half of the 4th century BCE. It most probably found its way to the nomads during the campaign of Alexander the Great to the East and was used later, together with a fifth-century BCE phiale, as phalerae on a horse harness buried in the 3rd century BCE (Treister 2009b: 95—135; 2012: 75—81).

Comparable in shape (see the cross-section, fig. 1: 3) is, for instance, a small silver phiale from grave B in the tumulus at Nikesiani, Macedonia, which was also dated to the second half of the 4th century BCE (Zimi 2011: 201—202, no. 38 with bibliography).

What about the phialai without an umbo, with decorated central part of the flat bottom? We know of three such phialai.

One of these was a chance find near the *stanitsa* Mariinskaya in the region of the Kuban River (Bapst 1887a: 121; 1887b: 147—148, pl. 21; Odobesco 1889/1890: 510, fig. 214; Mayer 1910: 31, fig. 2; Reinsberg 1980: 47—49; Pfrommer 1987a: 100—101, 261, no. KBk 106; Schwarzmaier 1997: 167—169; Cat. Moscow 2002: 108, no. 514; Treister 2009b: 108, 109, fig. 11; 112; Firsov 2010: 334, 335, fig. 12; Sideris 2021: 302, 305, 309, fig. 280: a). The second one — the so-called *Coppa Tarantina* — originated from Tarentum. It was acquired by the Museum of Bari, from where it was stolen in 1923 (Delbrueck 1912: 315—316, figs. 31—32; Nachod 1918: 115—118, pls. IV—V; Segall 1965: 557—558, fig. 1; Willeumier 1968: 338—343, pls. VII—VIII; XIX: 1; Reinsberg 1980: 47—49, 124—126, fig. 17; Hausmann 1981: 215, fig. 80; Pfrommer 1987a: 132—136, 249, no. KBk 17, pl. 35; Hausmann 1995: 88—97, fig. 2; Webster 1995: 81, no. ITA 1; Schwarzmaier 1997: 94—95, 168—169, pl. 19: 2; Cat. Trieste 2002: 119, fig. 3; Treister 2009b: 108, 110, fig. 12; 112; Sideris 2021: 302, 305, 309, fig. 280: b—c). Among the moulds used for manufacturing metal items, found in Mit Rahine in Egypt, there is one for a phiale with a similar ornamental pattern (Rubensohn 1911: 26—27, no. 16, pl. 9; Luschey 1939: 62, no. 12; Reinsberg 1980: 55—56, 299, no. 13, fig. 21; Pfrommer 1999: 44—45, 48, figs.

79—80; Treister 2009b: 108, 111, fig. 13; 112). The third vessel of the unknown provenance with the medallion representing the birth of Aphrodite was acquired by the Vasil Bojkov collection (Sideris 2021: 298—309, no. 280).

The decoration of the phiale found near Mariinskaya employs an intricate pattern: a double, intricate rosette with eight oval petals grouped around a circle occupies the centre. A 16-petal one with straight alternating acanthus and lily leaves encircles the central rosette. Four whimsical tendrils with scrolls alternating with depictions of *Rankengöttinnen* emerge out of the lily leaves. The central medallion is framed by a ridge decorated a gilded frieze in the form of a double plait, which is, to some extent, reminiscent of the ridge found on the Prokhorovka phiale. The edge of the phiale is decorated with a frieze consisting of 18 raised sections. Their ends point towards the centre and pairs of lotus flowers are placed between them.

The phiale from Tarentum is usually dated in the modern scholarship to the second quarter of the 3rd century BCE and it is defined as a product of a workshop in Tarentum or Alexandria. The dates given for the phiale from Mariinskaya vary from the end of the 4th century BCE (Luschey 1939: 61, no. 6; 71) to the beginning (Reinsberg 1980: 47—49; Schwarzmaier 1997: 167—169) or second quarter (Pfrommer 1987a: 100—101, 261, no. KBk 106: find-spot incorrectly indicated as: “Mariinskaya Hill”, as was its current location as the “Pushkin Museum”, pl. 59a. The mistake was repeated by A. Schwarzmaier (1997: 167)) of the 3rd century BCE. The cast from Hildesheim is dated to the very beginning (Reinsberg 1980, 299, no. 13: *ca.* 290 BCE) or the first half (Pfrommer 1999: 44—45, 48) of the 3rd century BCE. The very close resemblance between the cast from Mit Rahine and the phiale from Mariinskaya is one of the arguments cited in favour of the likely origin of the Mariinskaya phiale from Alexandria. At this point we shall not launch into a further analysis of the discussed group of phialai. Instead, we would merely point out that in this particular case it is not so crucial whether we date the Mariinskaya phiale to the end of the 4th or first half of the 3rd century BCE, although an earlier date would seem to us preferable (Treister 2009b: 112).

Concerning the Bojkov phiale, A. Sideris came to the following conclusion: “our plate was made most probably either in Athens or in an Atticizing workshop of Alexandria, before the last decade of the 4th century BCE, and it is thus slightly more recent than the *Auge* plate, and slightly more ancient than the *Coppa Tarantina*” (Sideris 2021: 309).

In any case, given the genesis of the phialai, we can hardly date the Heracles and Auge phiale earlier than the late 4th century BCE, whereas a dating in the early 3rd century BCE cannot be excluded given the evident proximity of the main structural elements to *Coppa Tarantina*. Like the piece from the Rogozen Treasure the phiale from Tarentum is decorated with a medallion with a figural composition in high relief. The attribution of the figures is not clear. These were identified in relevant scholarship as Kephalos and Prokris, Aphrodite and Adonis, Io and Hermes or in general as Heros with a Nymph. Furthermore, the narrow, gilded frieze of crossing notches (fig. 1: 2—3) on the lower exterior of the bowl is a feature unknown on earlier bowls and should be considered a rather late feature, though I am not aware of direct parallels.

The decoration of the bottom of the phiale

Let us discuss now the decoration of the bottom of the phiale (figs. 2: 2; 3) (Marazov 1996: 117, fig. 109). B. Shefton only very briefly discussed it, stating the difficulty of its dating (Shefton 1989: 90, note 36).

Firstly, I would mention that the central rosette with eight rounded petals (figs. 2: 2; 3: 2) finds close parallels in the decoration of the so-called Achaemenid bowls of Macedonian type or calyx cups, dating mainly to the last third of the 4th century BCE (Stavroupolis, Cist Grave. Thessaloniki,

inv. 7427: Zimi 2011: 220, no. 74 with bibliography. — Hamburg, Museum für Kunst und Gewerbe, inv. 1917.11: Zimi 2011: 227, no. 82 with bibliography).

Of special interest is a lotus-and-palmette chain on the bottom of the Rogozen phiale (figs. 2: 2; 3). This pattern was widely employed in Greek art since the Archaic period, in vase-painting, architectural terracotta, and silverware as well. It was often used in the late 5th — first half of the 4th century BCE for framing the *omphaloi* of phialai, as on a piece from Bashova Mogila (Cat. Saint Louis 1998: 138—139, no. 64; Cat. Bonn 2004: 155, 157, no. 211e; Cat. Basel 2007: 182, no. 125e; 183), as well as on a silver rhyton with horse protome from the same burial (Cat. Saint Louis 1998: 187, no. 124; Cat. Bonn 2004: 155, 156, no. 211b; Cat. Basel 2007: 179, 180, no. 125b). However, the palmettes on these vessels have different proportions and shapes and the tendrils are encircling the palmettes. In addition, the examples of jewelry and metalwork executed in the so-called Graeco-Scythian style and dated primarily to the middle and the third quarter of the 4th century BCE were very often decorated with lotus-and-palmette friezes. Among these are hammered friezes, as on the overlays of goryti of the Chertomlyk type (Treister 1999b: 71—81) and filigree friezes, in some cases with inlays of blue and green enamel. The examples include those on the terminals of the pectoral from Tolstaya Mogila (Mozolevs'kiy 1979: 73—77, no. 135; Galanina, Grach 1986: figs. 119—120; Boardman 1994: 210—211, fig. 6.35; Cat. Vienna 1993: 205—207, no. 59; Schiltz 1994: 202, fig. 158; Cat. San Antonio 1999: 329—330, no. 172), on collars of the torques (Kul-Oba, with terminals shaped as riders: Williams, Ogden 1994: 137—139, no. 81; Alekseev 2012: 184—189. — Kul-Oba, a terminal with a lion head: Galanina, Grach 1986: fig. 212; Cat. Zurich 1993: 84, no. 37; Williams 1998: 101, color pl. 16. Solokha: Galanina, Grach 1986: fig. 122; Mantsevich 1987: 55—57, no. 33; Williams 1998: 101, color pl. 15; Alekseev 2012: 148—149) and bracelets (Theodosia, excavations by I. Ayvazovskiy, 1853: Kalashnik 2004: 107, fig. 66; 2014: 100—101. — Elder Three Brothers tumulus in the Crimea: Cat. Vienna 1993: 186—189, no. 53; Cat. Milan 1995: 87, 191, no. 35; Cat. San Antonio 1999: 214—216, no. 97; Treister 2006: 176—180, figs. 23—26, 31; 189—190, no. 14; 2007: 136—138, no. 5, figs. 23—26, 31; 143, no. 14; 2008: 117—119, no. 21 with bibliography. pl. 62; 108; 109, left)), on caps of the touchstones (Kul-Oba: Williams, Ogden 1994: 142, no. 84; Cat. Bonn 1997: 165—166, no. 71; Kalashnik 2014: 126—127. — Talaev burial mound: Galanina, Grach 1986: fig. 175; Cat. Zurich 1993: 112, no. 57), as well as on female heads-shaped pendants (From the burial mound no. 2/1972 (burial no. 3) near the village of Bol'shaya Belozerka: Cat. Milan 1995: 86, 191, no. 36; Cat. San Antonio 1999: 212—213, no. 95. — From excavations by D.V. Kareisha in Pantikapaion in 1840: Williams, Ogden 1994: 163, no. 103; Cat. Bonn 1997: 149—150, no. 61; Kalashnik 2004: 84, fig. 51; 2014: 94—95; Cat. Malibu 2007: 168—169, no. 71). Although the shape of the lotus flowers on these pieces more or less corresponds with that on the bottom of the phiale from Rogozen, the palmettes are different — with the drooping, instead of flame-shaped petals.

Of special attention are such openwork, flame-shaped palmettes on the central floral frieze of the pectoral from Tolstaya Mogila (thus, there are two types of palmettes on the pectoral) (Cat. Vienna 1993: 205—207, no. 59; Cat. San Antonio 1999: 329—330, no. 172), which was most probably not later than 350 BCE (Polin 2014: 273—279). The same combination of the two types of palmettes (none of them as part of lotus-and-palmette friezes) occurs on a golden pediment-shaped brooch said to be from Patras, now in the Metropolitan Museum. It was dated on stylistic grounds to 340—320 BCE (Williams, Ogden 1994: 71, no. 24). Additional comparanda comes from a golden strap necklace with beech-nut pendants from tomb 1 of the Great Bliznitsa, dated to the last third of the 4th century BCE (Williams, Ogden 1994: 191, no. 123) and from an Early Hellenistic golden, pyramid-shaped pendant from Odessos (Ivanov 1956: 93, pl. III: 2; Cat. Cologne 1979: 188—189, no. 372; Cat. Montreal 1987: 250, no. 450; Tonkova 1997a: 84, fig. 2; 1997b: 24, fig. 20; 2002: 103—104, fig. 4).

Both types of palmettes (with drooping and with flame-shaped petals) appear alternately on the painted lotus-and-palmette frieze on the entrance of the tomb of Eurydice, mother of Philip II — the so-called Tomb I at Vergina (fig. 8: 1) (Andronikos 1987: 82, fig. 8; Andronikos 1993: 101, fig. 57; Kottaridi 2006: 159, pl. 60: 1—2; Cat. Oxford 2011: 145, 146, fig. 165; Haddad 2015: 145, fig. 2). It was securely dated to *ca.* 340 BCE (given the finds of fragments of three Panathenaic amphorae, the tomb was already built in 343 BCE) (Kottaridi 2011: 302, note 18; Cat. Oxford 2011: 149, fig. 168). Even if the new hypothesis that this was the tomb where Philipp II, his wife and child were buried, is correct, and the burial in the tomb dated to 336 BCE (the tomb itself should have been built somewhat earlier), while Philipp III Arrhidaios and Eurydice were buried in Tomb II (if we consider the publications of the last decade; see, e.g., *pro*: Gill 2008: 354; Borza, Palagia 2008: 117—118; Bartsikas et al. 2015: 9844—9848. — *Contra*: Hatzopoulos 2008: 116—117; Polin 2014: 468—471; Haddad 2015: 143—162; Delides 2016: 239), it does not change significantly the dating of the ornamental patterns. Similar frieze (with two types of palmettes) decorates the temple of Zeus and other buildings in the Sanctuary of Zeus in Labraunda, constructed by Maussolus and other representatives of the Hekatomnid Dynasty after 355/354 BCE (friezes with two types of palmettes and with one) (Praschniker, Theuer 1979: 185, fig. 150; Rumscheid 1994: 21—22, pls. 64: 6; 65: 5—6; 68: 5). The list of comparable examples includes the Arsinoeion on the island of Samothrace, sponsored by the Ptolemaic Queen Arsinoe and constructed between 289 and 281 BCE (see, e.g. the block in Vienna (fig. 8: 2): khm.at: 1; Praschniker, Theuer 1979: 183, fig. 147; Frazer 1990: 193, fig. 149; see block in the Louvre: louvre.fr: 1; McCredie et al. 1992: 45—46, figs. 25—26; 108, fig. 72; 111—113, fig. 76; 172, fig. 115; pls. XXIII—XXV); the temple of Dionysos in Miletus, the *terminus ante quem* of which is 277/276 BCE (Rumscheid 1994: 29—30, pl. 97: 3), according to an inscription; as well as the basements of the columns and the anta capitals of naiskos in Didyma (fig. 8: 3) (arachne.dainst.org: 1; See also detail of anta capital: Praschniker, Theuer 1979: 182, fig. 145; Pfrommer 1987b: pl. 44: 1—2; McCredie et al. 1992: 111, fig. 75; Rumscheid 1994: pl. 31: 2—4), which was planned in the second quarter of the 3rd and constructed between the middle of the 3rd and the late 3rd/early 2nd century BCE (Pfrommer 1987b: 185; Rumscheid 1994: 12—13).

Friezes with alternating palmettes with inverted (flame-shaped) petals and lotus flowers decorate marble blocks from various Early Hellenistic buildings in Asia Minor². Such are the Mausoleum of Halicarnassus (de.pinterest.com: 1; Pfrommer 1987b: 159, 165, pl. 52: 4; Jeppesen 2002: 125—132, figs. 13.5—7, Rumscheid 1994: pl. 47: 1—3)³ and the Belevi Mausoleum (arachne.dainst.org: 2; arachne.dainst.org: 3; arachne.dainst.org: 4; Praschniker, Theuer 1979: 33, fig. 24; 36, fig. 26b; 38, fig. 27; Rumscheid 1994: pls. 14: 1—2; 15: 1), the burial place of the Seleucid King Antiochus II Theos, who reigned 261—246 BCE. The latter one was first erected, according to the archaeological dating of architectural ornaments and ceramics, between *ca.* 290 and 270 BCE (Rumscheid 1994: 9; 70—76).

The closest parallel, among the finds from the North Pontic area, is a middle frieze on a golden circular plaque, the *periamma*, from the second stone tomb excavated by D.V. Kareisha in the necropolis of Pantikapaion in 1834. It could be dated to the last quarter of the 3rd century BCE (Schefold 1934: 63; Axmann 1986: 27—28, 225—226, no. 36, pl. 1: 3; Pfrommer 1990: 278, FK 140, note 2519; Treister 2010: 589—591; Kalashnik 2014: 226—227), although the medallion itself may be somewhat earlier than the date of the burial. In the Thracian and Graeco-Thracian metalwork the closest examples of such frieze of alternating flame-shaped palmettes and lotus flowers, come from a golden amphora from Panagyurishte (Simon 1960: 11—17, pls. II: 5; III:

² On the development of lotus-palmette frieze in the Hellenistic architecture of Asia Minor, see in general: Pfrommer 1987b: 165—172; McCredie et al. 1992: 110—113; Rumscheid 1994: 288—290.

³ The architectural decoration of the building is dated to *ca.* 350 BCE (Rumscheid 1994: 18).

4—5; IV; Venedikov 1961: 14—16, fig. 25—34; Marazov 1978: 100—109; Cat. Saint Louis 1998: 144—145, no. 71; Cat. Bonn 2004: 225—226, no. 233a; Kitov 2006a: 43—71; Cat. Paris 2006: 166—167, no. 65; Cat. Basel 2007: 200—201, no. 137a; Manassero 2007: 116—117; Valeva 2008: 9, 11, fig. 1; Rehm 2010: 177, 178, fig. 13; Cat. Paris 2015: 222—223, no. 185), and from a gold applique for leather armor from Golyama Kosmatka, dated to the last quarter of the 4th century BCE, *terminus ante quem* 297/295 BCE (Kitov 2006b: 76, fig. 61; Dimitrova 2006: 105, no. 21; 2015: 251—252, no. 19, figs. 188—189; Cat. Paris 2015: 132—133, no. 98a).

Comparable palmettes without lotus flowers decorate the golden elements for a horse harness from the same securely dated burial (plaques: Kitov 2006a: 100, fig. 63; 2006b: 80, fig. 65; Dimitrova 2006: 109—110, no. 33; 2015: 211—213, fig. 168; 247—252, nos. 16—18, figs. 184—187; Cat. Paris 2006: 156—157, nos. 59—62; Cat. Paris 2015: 132—133, no. 97b. — Frontlet: Kitov 2006b: 80, fig. 65; Cat. Paris 2006: 154, no. 56; Dimitrova 2006: 109, no. 30; 2015: 211, 217, fig. 171; 245—247, no. 15, figs. 182—183; Cat. Paris 2015: 132—133, no. 100). Moreover, such a palmette is decorating a silver gilt shell-pyxis shaped (Kitov 2006b: 75, fig. 55; Dimitrova 2006: 105, no. 22; 2015: 207—209, figs. 166—167; 264—267, no. 30, figs. 202—203; Nankov 2011: 3—4, fig. 4a—d; Cat. Paris 2015: 134, no. 101). Continuing the list of sole palmettes of the type discussed we should mention the gold frontlets from Lukovit (Cat. Cologne 1979: 164, no. 327), Kavarna (Mintschev 1983: 313—14, fig. 4; Tonkova 2010: 50—51, fig. 13), Kravevo (Ginev 1983: 37, fig. 26; 39, fig. 27; Cat. Saint Louis 1998: 118, no. 37; Cat. Bonn 2004: 169, no. 224j; Cat. Basel 2007: 194, no. 135j; Tonkova 2010: 53, fig. 17) and Shipka (Tonkova 2010: 56, fig. 23), dated to the first half of the 3rd century BCE and to the 4th century BCE, from Biniova Mogila (Cat. Saint Louis 1998: 98, no. 6; Cat. Bonn 2004: 236, no. 243a), as well as the example from the Scythian Alexandropol burial mound (Artamonov 1970: 70, fig. 132; Marazov 1981: 20, (bottom right); Cat. St. Petersburg 2004: 42—43, no. 45; Alekseev 2012: 16, 250—251; 2018: 550, no. 66, fig. 278).

Significantly, we find sole images of flame-shaped palmettes (not as elements of lotus-and-palmette friezes) morphologically comparable to that on the bottom of the phiale, as details of architectural decoration of monuments, which could not be dated before the late second/third quarter of the 4th century BCE. Examples are the Tholos and North Propylaea from Epidauros (McCredie et al. 1992: 152, fig. 108: *b—c*), built between 360 and 325 BCE (Winter 2006: 73) (it is noteworthy that on the orthostate crowning the Tholos we see a lotus-palmette frieze with the palmettes with drooping petals) (McCredie et al. 1992: 110—111, fig. 74). Such palmettes are also decorating the terracotta and stone antefixes from Aegae, dated to *ca.* 340 BCE (Cat. Oxford 2011: 159, fig. 177; 161; 256, nos. 544—548), Olympia (Leonidaion, third quarter of the 4th century BCE) (deutsche-digitale-bibliothek.de: 1), Seutopolis (exhibited in the National Historical Museum, Sofia. See: Dimitrov 1960: 3—15), Ostrousha tumulus (Dimitrova 2006: 102, no. 13), the later, 3rd century BCE antefixes from Pergamum (deutsche-digitale-bibliothek.de: 2) and Aegina (arachne.dainst.org: 5), as well as the grave stelae of the second half of the 4th century BCE from Macedonia (Kavala, inv. Λ318: Cat. Hanover 1994: 236, no. 282). Such a palmette, combined with the images of two griffins, decorates a bronze silver-plated Chalcidian helmet Type V of unknown provenance, kept in Sofia. The helmet was dated sometimes even to the second half of the 5th century BCE, although stylistically, as it was mentioned by I. Venedikov, it should be dated to the first half or the middle of the 4th century BCE (Cat. Cologne 1979: 101—102, no. 187; Cat. Montreal 1987: 165, no. 240; Venedikov, Gerassimov 1973: 109; Ognenova, Stoyanov 2005: 522, figs. 1—2). The latter dating, even a dating in the third quarter of the 4th century BCE seems to be more plausible, given the style of the griffin figures on the helmet.

Such palmettes also decorate items of jewelry of the middle — second half of the 4th century BCE originating from the North Pontic barrow-mounds. These include examples of Greek (Macedonian?,

Asia Minor?) origin such as earrings from Kul-Oba (Williams, Ogden 1994: 146—149, nos. 88—89; Kalashnik 2004: 39, 94, fig. 14; 2014: 140—145; Cat. Malibu 2007: 244—245, no. 142), Theodosia (Artamonow 1970: pls. 326—328; Williams, Ogden 1995: 264—265, no. 200; Saverkina 2000: 15—17, fig. 5; 2014: 196—197) and Chersonesos (Manzewitsch 1932: 12, no. 7, pl. II: 2; Saverkina 2000: 17—18, figs. 6—7; Kalashnik 2014: 206—207), terminals of necklaces with three rows of seed-like pendants from tomb 1 of Great Bliznitsa (Williams, Ogden 1994: 188—189, no. 121; Cat. Bonn 1997: 191—193, no. 88; Cat. Malibu 2007: 273—274, no. 163; Kalashnik 2014: 170—171) and from Theodosia (Williams, Ogden 1995: no. 201; Kalashnik 2014: 198—199), lion-shaped terminals of bracelets originating from stone tomb no. 4 of Great Bliznitsa (Artamonow 1970: fig. 152; Kalashnik 2014: 194—195). Likewise, pieces of North Pontic or Scythian origin bear the same decoration. Among these are gold appliques for a gorytus from Soboleva Mogila and sewn appliques from burial mound no. 15 of Zolotaya Balka, from Melitopol burial mound, Babina Mogila, Five-Brothers burial mound no. 8, burial no. 4 of Gaimanova Mogila, Kul-Oba etc., i.e. from burial complexes dated to the late second quarter-third quarter of the 4th century BCE⁴. These palmettes also decorate the pediment-shaped diadems from the necropoleis of Makriyalos, Pieria (Cat. Thessaloniki 1997: 137, no. 134) and Pydna in Macedonia, found in burials of the late 4th — early 3rd century BCE (Tsigarida 2006: 156—157, 162, figs. 5—6), from the 4th century tomb in Soloi (Kaba 2016: 226—227, 237, fig. 2) and from Tamassos (Pierides 1971: 28, pl. XVII: 1) on Cyprus, as well as from Kyme (Marshall 1911: no. 1611, pl. 53; Scatozza Höricht 2010: 108—109, figs. 7—8; 113—114) and the gulf of Elia (Konze 1884: 90, pl. 7: 1; Scatozza Höricht 2010: 113—114, fig. 14) in Asia Minor. The same type of palmette is incised on the pediment-shaped diadem on the head of Amazon or Hera of one of the golden rhyta from the Panagyurishte Treasure (Venedikov 1961: 13, figs. 19—21; Marazov 1978: 93—96; Kitov 2006a: 72—76; Cat. Paris 2006: 178—179, no. 71; Cat. Basel 2007: 206, no. 137i; Cat. Paris 2015: 228—229, no. 191).

We also find comparable, though strongly schematized palmettes on silver cups from the Treasure of Paternó in Sicily (Platz-Horster 2003: 210—217, nos. 2—4; 250—252, pls. 8—10; 254—256, pls. 12—14). These cups, occupy a chronologically transitional place between the Macedonian silverware of the late 4th century BCE and the silver vessels from the Gallic burial at Montefortino, dated to *ca.* 275—225 BCE, as was shown by G. Platz-Horster (Cat. Toledo 1977: 64—65, nos. 31—32; Platz-Horster 2003: 216, 261, pl. 19).

Thus, the analysis of the decoration of the bottom of the Heracles and Auge phiale (fig. 2: 2; 3) confirms the suggestion based on the general shape and tectonic of the vessel that it cannot be dated before 350/340 BCE. A manufacture in the time-frames of the last quarter of the 4th or even early 3rd century BCE seems most plausible.

The medallion

Now let us turn to the medallion of the phiale (figs. 1: 1; 2: 1; 4—6). A scene of the seduction of Auge by Heracles is represented on this partially gilt medallion in high relief. This composition (with a female figure on the left and a seated male figure on the right) can be compared, as it had already been done by B. Shefton (Shefton 1989: 82—90) and most recently by L. Ambrosini

⁴ See the complete lists of such appliques: Bidzilya, Polin 2012: 504; Polin 2014: 132. See also contour appliques from Kul-Oba in State Historical Museum, Moscow: Zhuravlev et al. 2014: 124—125, no. 40, 255, pl. 12. In his discussion of the parallels to the appliques, Polin however, makes no difference in the shape of the palmettes discussing all together the appliques with the leaves turned inside with those turned outside the palmette shown on the earrings and vessels (cf. Bidzilya, Polin 2012: 505; Polin 2014: 133—134).

(Ambrosini 2020: 89—99), to examples of Greek metalwork of the 4th century BCE. The only difference is that the female figure has been depicted standing in this instance.

We encounter this motif in reliefs decorating lids of bronze mirrors such as a mirror assumed to be from Elis and held in the National Museum of Athens (fig. 9: 3). This mirror was decorated with a comparable palmette with petals turned inwards. It was dated by A. Schwarzmaier to *ca.* 340 BCE, therefore is most probably the earliest example of the discussed scene in metalwork (Schwarzmaier 1997: 252, no. 43 with bibliography, pl. 6: 1: *ca.* 340 BCE; Zazoff 1998: 92—93, fig. 7=2011: 328, fig. 5; Ambrosini 2020: 93, fig. 12). Another example comes from the Loeb collection in Munich (fig. 9: 2) (Sieveking 1930: 5—6, pl. 6; Schwarzmaier 1997: 305, no. 175 with bibliography; Zazoff 1998: 92, fig. 6=2011: 328, fig. 4; Ambrosini 2020: 93—94, fig. 14). One more mirror, assumed to be from Thessaly, is held in the collection of Christos G. Bastis in New York (fig. 9: 4) and was dated by A. Schwarzmaier to the middle of the 3rd century BCE (Schwarzmaier 1997: 333—334, no. 243 with bibliography, pl. 6: 2: *ca.* mid-3rd century BCE; Zazoff 1998: 92, 94, fig. 8; Ambrosini 2020: 93, fig. 13). The motif is also found on a silver medallion assumed to have originated from Syria and held in the Czartoryski Collection in the Cracow Museum (fig. 9: 1) (Shefton 1989: 83—84, note 3, pl. XVA; Schwarzmaier 1997: 45, 105, 108—109, pl. 31: 1; Ambrosini 2020: 92—93, fig. 11), as well as on the lids of two pyxides from the Lipari Island: one — in golden leaf pottery and one in silvered pottery (fig. 10) (Ambrosini 2020: 88—92, figs. 1—8).

There is every reason to assume that this composition had been adopted for depictions of the scene with a satyr and a maenad no later than the turn of the 4th century BCE (Zazoff 1998: 89—93, fig. 6=2011: 327—328; Treister 2016: 69). Among the earliest examples is a bronze mirror from the collection of the British Museum (Schwarzmaier 1997: 47—48, 200, no. 136, pl. 85: 2: *ca.* 300 BCE; Zazoff 1998: 92, fig. 5=2011: 328, fig. 6).

A different composition is found on a silver medallion from a dish in the Pomerance collection, which is assumed to have originated from Asia Minor and has been dated by A. Oliver to the end of the 2nd century BCE. A kneeling satyr, depicted in profile, attacks a bathing nymph, shown on the left, and embraces her. The nymph, depicted at a complicated angle and leaning with her right hand on the ground, has raised her left arm bent at the elbow in an effort to push away the satyr's head (Oliver 1977: 16—20, figs. 3—4; Cat. Toledo 1977: 90, no. 53 assigned a date at the end of the 2nd century BCE; Pfrommer 1993: 64; 98, note 774: 2nd century BCE; LIMC VIII, 1997, s. v. Mainades (I. Krauskopf & E. Simon), 789, no. 80, Prittwitz und Gaffron 1999: 184, pl. 59: 2; Treister 2016: 69). Another such scene is represented on the relief medallion of the Calenian bowl (dm. 21.5 cm), which originated from Acarnania and is held in Brussels. A satyr, half-seated on a rock and leaning on it with his left hand, is depicted to the left; in his right hand he is holding a *lagobolon*. Opposite him, stands a nymph. The satyr is pulling off the nymph's garments with his outstretched right hand. The nymph is pushing him away with her right hand, which she has placed on satyr's elbow. Behind the nymph's back there is a *hydria* on a column (fig. 11: 4). According to U. Hausmann, the Brussels medallion is stylistically linked with the *Coppa Tarantina* medallion and dates most probably to *ca.* 200 BCE or to the beginning of the 2nd century BCE, to judge from the decoration on the pyxis lid (Mus. Cinquantaire A 1028: Corpus Vasorum Antiquorum. 3 IB/IIIN, pls. 4—5 (Belgique 142); Courby 1922: 247—248, note 37; Züchner 1942: 116; Matz 1956: 26; Hausmann 1981: 211—212; 213, fig. 79). Finally, I would mention a scene with a satyr and a nymph on a silver 2nd century BCE dish medallion, secondary used as a phalera of a horse harness. The phalera must have been made between the late-2nd or mid-1st century BCE, most probably in a Pontic workshop. It incorporated the medallion of a silver plate, a phiale or a conic cup, perhaps manufactured in Asia Minor in the second half of the 2nd century BCE. The phalera was placed in a Xiongnu burial-ground in Northern Mongolia no later than the middle of the 1st century

CE and is currently the easternmost find of Hellenistic silver plate (Polos'mak et al. 2011: 92—109; Treister 2016: 55—95).

Size wise (dm. 13.6 cm, dm. of the medallion *ca.* 10.0 cm) the bowl differs from other examples from the Rogozen hoard (see, Kull 1997: 698, fig. 4). On the other hand, it fits well in the group of Hellenistic plates and cups with medallions. The medallion with a depiction of Scylla originating from Southern Italy (Bothmer 1984: 55, no. 95; Guzzo 2003: 51—52, no. 4 with bibliography), which, at least when being reused, decorated a conical cup (Bothmer 1984: 55, no. 93; Guzzo 2003: 47—50, no. 2 with bibliography), has a diameter of 10.5 cm. A medallion of similar dimensions, held in the collection of the J. Paul Getty Museum (10.3—10.5 cm), is decorating a dish with a depiction of Dionysos, Ariadne and Silenos (Pfrommer 1993: 64—66, 218—219, no. 127; Treister 1997: 128—131, figs. 7—8; 1999a: 568—569, fig. 5; Carter 2015: 139, fig. 2.12), and a medallion with a depiction of Pentheus being torn apart by Bacchae, found in a hoard in Inner Asia (10 cm), which used to decorate a phiale (LIMC VII, 1994, s.v. Pentheus (J. Bažant & G. Berger-Doer), 310, no. 27: *ca.* 150 BCE; cf. Baratte 2002: 21—23, no. 3, fig. 6). The medallion from a dish in the Pomerance collection is only very slightly larger (diameter *ca.* 11.3 cm) (Oliver 1977: 16—20, figs. 3—4; Cat. Toledo 1977: 90, no. 53 assigned a date at the end of the 2nd century BC; Pfrommer 1993: 64; 98, note 774: 2nd century BCE; LIMC VIII, 1997, s.v. Mainades (I. Krauskopf & E. Simon), 789, no. 80; Prittwitz und Gaffron 1999: 184, pl. 59: 2)⁵.

As it has been already discussed (Antonov, Torbov 2002: 578, fig. 13C; Treister 2009a: 124, fig. 6), there is an earring with pyramidal pendant (*Kegelhänger*) on the ear of Auge (fig. 7: 1—2). This type became widespread especially in Macedonia and Asia Minor, but also in South Italy and North Pontic area in the second half of the 4th century BCE (Pfrommer 1990: 223—225, fig. 41; Williams 1996: 119—121; Treister 2002: 67; 2003: 69—72; 2009a: 123). Such earrings are shown in detail on a gilt medallion with the head of Aphrodite on a silver phiale from tomb no. 2 in Mogilanska burial mound (Cat. Cologne 1979: 149—150, no. 297; Archibald 1998: 320—321, pl. 18; Theodosiev 2000: 146, fig. 94; Antonov, Torbov 2002: 578, fig. 13A; Stoyanov 2003: 87, fig. 1: 1—2; Cat. Bonn 2004: 151, no. 206j; Torbov 2005: 77—78, 101, no. 67; pl. X: 2; 22: 2; 2015: 65, no. 67; pl. X: 2; XXX: 3a—bж; Stoychev 2012: 95—96, figs. 6—7), on the ears of Athena, whose protome is decorating bronze greaves from Golyamata Kosmatka (Kitov 2006b: 76—78, figs. 58—60; Cat. Paris 2006: 158—161, no. 63, see esp. illustration on p. 161; Cat. Basel 2007: 159—161, no. 118c; Dimitrova 2015: 173—178, figs. 141—144; 282—283, no. 40, figs. 221—223; Cat. Paris 2015: 128—129, no. 93), as well as on the ears of Medusa on a bronze breastplate from Elizavetinskaya burial mound no. 6 in the Lower Don area (Treister 2009a: 123—124, fig. 4: 2).

I also need to make another remark regarding the composition and the details of the medallion of the Heracles and Auge phiale. Let us have a look at a silver medallion (d. 9.3 cm) from Tarentum with the toilet of Aphrodite (fig. 11: 1—3), perhaps from a bowl, now in the British Museum. It was dated on stylistic grounds unanimously to the 3rd century BCE (Walters 1921: no. 71; Wulfeumier 1930: 62—66, pl. X: 2; 1968: 350—351, pl. XXIII: 5; Strong 1966: 104, pl. 29b; Gehrig 1977: 7—9, fig. 2; Künzl 1979: 290, fig. 165; Reinsberg 1980: 260, note 951; Cat. Milan 1984: 45; Hausmann 1995: 92, note 24; Carter 2015: 154, fig. 2.15; Kan Şahin et al. 2019: 129—130, fig. 9; Lafli, Çetingöz 2021: 8—9, fig. 8; Lafli, Kan Şahin 2021: 71—72, fig. 11.8). It is also suggested, that the figure of Aphrodite may represent the ideal and sacred image of Arsinoe II and thus the medallion may be dated to 269—251 BCE (Bonivento Pupino 1994: 335—336, pl. XVIII;

⁵ The diameter of the dish is 15.6 cm (on the basis of the photograph the size of the medallion can be determined as *ca.* 11.3 cm).

1995: 131—155). The ornaments in the background and below are incised into the metal, with details emphasized by gilding. There is a long-handled, heart-shaped fan on the left (fig. 11: 1), while a flower and a butterfly with half-folded wings decorate in the background (fig. 11: 2). Below are musical instruments, a set of pipes on the left and a lyre to the right, with a bird and a grasshopper (cicada) between, each with a star or flower (fig. 11: 3).

Not only the pose of Aphrodite, leaning with her hand on the rock, reminds of the pose of Heracles on the discussed phiale from Rogozen, but also the use of small rosettes in the field on the booth medallion (fig. 7: 3) — a feature which provides a further argument in favor of their possible chronological proximity.

Conclusion

To conclude, I see no reasons for dating the Heracles and Auge phiale to the first half of the 4th century BCE. Both the analysis of the general shape, the construction and composition of the elements of the vessel, the ornamental patterns decorating its bottom and the parallels of the figural composition on the inner medallion do not allow dating earlier than 350/340 BCE. Moreover, there is strong evidence that the phiale should be dated in the chronological frames of the last quarter of the 4th — first decades of the 3rd century BCE. The shape of the vessel and the decoration of its bottom may suggest a somewhat earlier dating, whereas that of the medallion — somewhat later, within the frames of the chronological period mentioned above. Thus, it may be a further confirmation of the history of the vessel, reconstructed on the grounds of its technological examination (Inkova et al. 1994: 28—45). Moreover, this may also explain the possible discrepancy in the identification of the centers of manufacture of the vessel. For instance, it is quite possible, that the vessel, manufactured in Greece, Macedonia or Asia Minor, was adopted to fit the medallion, executed in Thrace, the latter assumption, put forward by P. Zazoff (Zazoff 1998: 93—95=2011: 328—329; cf. various views on the centres of manufacture of the vessel: Byvank-Qarles van Ufford 1989: 57—58: Propontide, Cyzicus (?)), to my mind explains well the inscriptions made by the craftsmen on the medallion.

This is not the only vessel from the Rogozen Treasure for which a dating after 340 BCE and as late as the last quarter of the 4th/early 3rd century BCE (Kull 1997: esp. 689—699; Stoyanov 1991: 31—32), first decades (Stoyanov 2005: 237) or even the second quarter of the 3rd century BCE (Stoyanov 2007: 561—574) has been already proposed. Consequently, it provides another argument that the Treasure was buried much later than it was usually suggested before (330s BCE) (See above p. 10—11 and also: Fol 1990: 195—196; Archibald 1998: 265—269 and 274—275: “With the possible exception of no. 97, there is nothing in the Rogozen hoard which need be later than 340 BC.” (cf. Archibald 1989: 21 with the dating of the phialai from the treasure from the second quarter of the 4th to the first quarter of the 3rd century BCE); Loukopoulou 2008: 161; Delev 2015: 52; Dana 2015: 251; Avramidou, Tsiafaki 2015: 157).

Acknowledgements

My cordial thanks to Narzis Torbov for facilitating the examination and photographing the phiale during the conference held in Vratsa in November 2016, to Totko Stoyanov — for sending me Bulgarian publications related to the Rogozen Treasure, and to Veselina Inkova for friendly discussions of the results of technological examinations of the phiale.

References

- Abka'i-Khavari, M. 1988. Die achämenidischen Metallschalen. *Archäologische Mitteilungen aus Iran* 21, 91—137.
- Alekseev, A.Yu. 2012. *Zoloto skifskikh tsarey v sobranii Ermitazha (Gold of the Scythian Kings in the Collection of the Hermitage)*. Saint Petersburg: State Hermitage (in Russian).
- Alekseev, A.Yu. 2018. In: Polin, S.V., Alekseev, A.Yu. *Skifskiy tsarskiy Aleksandropol'skiy kurgan IV v. do n.e. v Nizhnem Podneprov'e (Scythian Royal Alexandropol Burial mound of the 4th Century BCE in the Lower Dnieper Region)*. Kyiv: Oleg Filyuk, 466—590 (Burial mounds of the Ukraine 6) (in Russian).
- Ambrosini, L. 2020. La violenza di *Herakles* su *Auge*. Studio del procedimento produttivo di pissidi in ceramica argentata e dorata da Lipari derivate da specchi a teca di bronzo. *Mediterranea. Studi e ricerche sul mediterraneo antico* XVII, 87—106.
- Andronicos, M. 1993. *Vergina: The Royal Tombs and the Ancient City*. Athens: Ekdotike Athenon.
- Andronikos, M. 1987. Βεργίνα. Ανασκαφή 1987. *AErgMak* 1 (1987), 81—88.
- Antonov, D., Torbov, N. 2002. Bronze Tools with Human Effigies found in Northwestern Bulgaria. In: Giumlia-Mair, A. (ed.). *I Bronzi antichi: Produzioni e tecnologia. Atti del XV Congresso Internazionale sui Bronzi Antichi*. Montagnac: Éditions Monique Mergoïl, 571—580 (Instrumentum Monographies 21).
- arachne.dainst.org: 1: Friesblock. Available at: arachne.dainst.org/entity/1137404 (accessed 01.10.2022).
- arachne.dainst.org: 2: Friesblock der korinthischen Ordnung mit Lotus-Palmettenfries. Available at: arachne.dainst.org/entity/1182827 (accessed 01.10.2022).
- arachne.dainst.org: 3: Friesblock der korinthischen Ordnung mit Lotus-Palmettenfries. Available at: arachne.dainst.org/entity/1182819 (accessed 01.10.2022).
- arachne.dainst.org: 4: Friesblock der korinthischen Ordnung mit Lotus-Palmettenfries. Available at: arachne.dainst.org/entity/1182821 (accessed 01.10.2022).
- arachne.dainst.org: 5: Palmetten-Antefix. Available at: arachne.dainst.org/entity/1326934 (accessed 01.10.2022).
- Archibald, Z.H. 1989. Thracian Interpretations of Greek and Oriental Elements in Fourth-Century Metalwork. In: Cook, B.F. (ed.). *The Rogozen Treasure, Papers of the Anglo-Bulgarian Conference, 12 March 1987*. London: British Museum, 12—25.
- Archibald, Z.H. 1998. *The Odrysian Kingdom of Thrace. Orpheus Unmasked*. Oxford: Clarendon Press.
- Artamonow, M. I. 1970. *Goldschatz der Skythen*. Prague: Artia.
- Avramidou, A., Tsiafaki, D. 2015. *ΑΤΤΙΚΗ ΚΕΡΑΜΙΚΗ. Συμβολή στις επαφές Αθήνας και Θράκης*. Athens: ΕΛΛΗΝΙΚΑ ΑΚΑΔΗΜΑΪΚΑ ΗΛΕΚΤΡΟΝΙΚΑ ΣΥΓΓΡΑΜΜΑΤΑ ΚΑΙ ΒΟΗΘΗΜΑΤΑ.
- Axmann, U. 1986. *Hellenistische Schmuckmedaillons*. Inagural-Diss. Berlin.
- Bapst, G. 1887a. Les fouilles de Siverskaia (Caucase). *Gazette archéologique* 5—6, 116—123.
- Bapst, G. 1887b. Les fouilles de Siverskaia (Caucase) (Suite). Coupe en argent doré. *Gazette archéologique* 12, 147—149.
- Baratte, F. 2002. *East and West: A Central Asian Silver Hoard from the Parthian Era* London: Melisende.
- Bartsiokas et al. 2015: Bartsiokas, A., Arsuagab, J.L., Santos, E., Algaba, M., Gymezi-Olivenciad, A. 2015. The lameness of King Philip II and Royal Tomb I at Vergina, Macedonia. *PNAS* 112(32), 9844—9848.
- Bidzilya, V.I., Polin, S.V. 2012. *Skifskiy tsarskiy kurgan Gaymanova Mogila (Scythian Royal Burial mound Gaymanova Mogila)*. Kiev: Skif (in Russian).
- Boardman, J. 1994. *The Diffusion of Classical Art in Antiquity*. London: Thames and Hudson.
- Bonivento Pupino, G. 1994. Il dibattito. In: *Magna Grecia etruschi fenici. Atti del 33. Convegno di Studi sulla Magna Graecia, Taranto, 8—13 ottobre 1993*. Tarent: Istituto per la storia e l'archeologia della magna Grecia, 335—336.
- Bonivento Pupino, G. 1995. L'emblema in argento da Taranto al British Museum. *Rendiconti della Accademia di Archeologia Lettere e Belle Arti. Nuova Serie*. Vol. LXV, 131—155.
- Borza, E.N., Palagia, O. 2008. The Chronology of the Macedonian Royal Tombs at Vergina. *JDI* 122, 81—126.
- Byvank-Qarles van Ufford, L. 1989. A propos de l'orfèvrerie thrace. *BABesch* 64, 205—219.
- Byvank-Qarles van Ufford, L. 1990. A propos du trésor de Rogosen. *BABesch* 65, 51—72.
- Carter, M.L. 2015. *Arts of the Hellenized East, Precious Metalwork and Gems of the Pre-Islamic Era*. London: Thames and Hudson.
- Cat. Basel 2007: Zanoni, I. (Hrsg.). *Die alten Zivilisationen Bulgariens. Das Gold der Thraker*. Basel: Antikenmuseum und Sammlung Ludwig.
- Cat. Bonn 1997: Barkova, L., Kalašnik, Ju. (Hrsg.). *Zwei Gesichter der Eremitage. Die Skythen und ihr Gold*. Bonn: Ostfildern-Ruit bei Stuttgart Hatje.

- Cat. Bonn 2004: Echt, R. (Hrsg.). *Die Thraker. Das goldene Reich des Orpheus*. Bonn: Kunst und Ausstellungshalle der Bundesrepublik Deutschland.
- Cat. Cologne 1979: *Gold der Thraker. Archäologische Schätze aus Bulgarien*. Mainz: von Zabern.
- Cat. Hanover 1994: Vokotopoulou, I. (Hrsg.). *Makedonen die Griechen des Nordens*. Athens: Kultusministerium.
- Cat. Malibu 2007: Trofimova, A. (ed.). *Greeks on the Black Sea: Ancient Art from the Hermitage*. Los Angeles: J. Paul Getty Museum.
- Cat. Milan 1984: de Juliis, E.H. (ed.). *Gli ori di Taranto in età ellenistica*. Milan: A. Mondadori.
- Cat. Milan 1995: Curletti, M.G. (ed.). *Tesori delle Steppe. Cimmeri, Sciti, Sarmati, Unni, Avari e Cazari*. Milan: Galleria Ottavo Piano, La Rinascente.
- Cat. Montreal 1987: *Gold of the Thracian Horsemen. Treasures from Bulgaria*. Montreal: Editions de l'Homme.
- Cat. Moscow 2002: Zhuravlev, D.V. (ed.). *Na krayu oykumeny. Greki i varvary na severnom beregu Ponta Evksinskogo (At the edge of the oikumene. Greeks and Barbarians on the North Coast of Pontus Euxine)*. Moscow: State Historical Museum (in Russian).
- Cat. Oxford 2011: Galanakis, Y. (ed.). *Heracles to Alexander the Great. Treasures from the Royal Capital of Macedon, a Hellenic Kingdom in the Age of Democracy*. Oxford: Ashmolean Museum.
- Cat. Paris 2006: Fol, V. (ed.). *L'or des Thraces. Trésors de Bulgarie. Musée Jacquemart-André*. Gand: Snoeck.
- Cat. Paris 2015: Martinez, J.-L. (ed.). *L'épopée des rois thraces — Des guerres médiques aux invasions celtes, 479—278 av. J.-C.* Paris: Somogy.
- Cat. Saint Louis 1998: Marazov, I. (ed.). *Ancient Gold: The Wealth of the Thracians. Treasures from the Republic of Bulgaria*. New York: Harry N. Abrams.
- Cat. San Antonio 1999: Reeder, E.D. (ed.). *Scythian Gold. Treasures from Ancient Ukraine*. New York: Harry Abrams in association with the Walters Art Gallery and the San Antonio Museum of Art.
- Cat. St. Petersburg 2004: Piotrovskiy, M.B. (ed.). *Iran v Ermitazhe, Formirovanie kollektsiy (Iran in the Hermitage. The Formation of the Collections)*. Saint Petersburg: Slaviya (in Russian).
- Cat. Thessaloniki 1997: *Greek Jewellery. 6000 Years of Tradition*. Athens: Archaeological Receipts Fund.
- Cat. Toledo 1977: Oliver, A.Jr. *Silver for the Gods. 800 Years of Greek and Roman Silver*. Toledo: Toledo Museum of Art.
- Cat. Trieste 2002: Giumlia-Mair, A., Rubinich, M. (eds.). *Le arti di Efesto. Capolavori in metallo dalla Magna Grecia*. Trieste: Silvana Editoriale.
- Cat. Vienna 1993: Seipel, W. (Hrsg.). *Gold aus Kiew. 170 Meisterwerke aus der Schatzkammer der Ukraine*. Vienna: Kunsthistorisches Museum.
- Cat. Zurich 1993: Karabelnik, M. (Hrsg.). *Aus den Schatzkammern Eurasiens*. Zurich: Kunsthhaus.
- Conze, A. 1884. Goldschmuck kleinasiatischer Fundorte. *AZ* 42, 89—94.
- Courby, F. 1922. *Les vases Grecs à reliefs*. Paris: E. de Boccard.
- Dana, D. 2015. Inscriptions. In: Valeva, J., Nankov, E., Graninger, D. (eds.). *A Companion to Ancient Thrace*. Chichester: John Wiley & Sons, Inc., 243—264.
- de.pinterest.com: 1: Didyma, Temple of Apollo. Available at: <https://de.pinterest.com/pin/45458215611479719/> (accessed 01.10.2022).
- Delbrueck, R. 1912. Italien: Archäologische Funde im Jahre 1911. *AA*, 270—322.
- Delev, P. 2015. Thrace from the Assassination of Kotys I to Koroupedion (360—281 BCE). In: Valeva, J., Nankov, E., Graninger, D. (eds.). *A Companion to Ancient Thrace*. Chichester: John Wiley & Sons, Inc., 48—58.
- Delides, G.S. 2016. The Royal Tombs at Vergina Macedonia, Greece, Revisited. *A Forensic Review. International Journal of Forensic Science and Pathology* 4 (4), 234—239.
- deutsche-digitale-bibliothek.de: 1: Palmettenantefix von der Traufsimä des Leonidaions. Available at: <https://www.deutsche-digitale-bibliothek.de/item/4CJ2UPTS5UUWVSJG4VU73AQZ6RWFRLYC> (accessed 01.10.2022).
- deutsche-digitale-bibliothek.de: 2: Palmettenantefix. Available at: <https://www.deutsche-digitale-bibliothek.de/item/POMPHGZF5TPMM45FGFDA3NM7LP6VCA2F> (accessed 01.10.2022).
- Dimitrov, D.P. 1960. Gradoustroistvo i arkhitektura na trakiiskiya grad Sevtopolis (Town planning and architecture of the Thracian city of Seuthopolis). *Arkheologiya (Archaeology Sofia)* 1, 3—15 (in Bulgarian).

- Dimitrova, D. 2006. Annotations to the Catalogue. In: Fol, V., Stoev, A., Stoeva, P., Kitov, G., Dimitrova, D. *The Thracian Cosmos. The Sacred Realm of Kings*. Sofia: Institute of Thracology of Bulgarian Academy of Sciences, 96—111.
- Dimitrova, D. 2015. *Гробницата на Севт III в могила Голяма Косматка / The Tomb of King Seuthes III in Golyama Kosmatka Tumulus*. Sofia: Aros.
- Firsov, K.B. 2010. Gosudarstvennyy istoricheskiy muzey. Pamyatniki skifo-sarmatskogo vremeni i rannego srednevekov'ya iz Prikuban'ya (State Historical Museum. Monuments of the Scythian-Sarmatian period and the early Middle Ages from the Kuban region). In: Bongard-Levin, G.M., Kuznetsov, V.D. (eds.). *Antichnoe nasledie Kubani (Ancient Heritage of Kuban)*. Vol. III. Moscow: Nauka, 328—352 (in Russian).
- Fol, A. 1990. Der Schatzfund von Rogozen. Zum Hellenismus in Südosteuropa. In: *International Congress of Classical Archaeology (Hrsg.). Akten des XIII. Intern. Kongresses für klassische Archäologie Berlin 1988*. Mainz: von Zabern, 195—205.
- Fol, A., Tsvetkov, B., Mihailov, G., Venedikov, I., Marazov, I. 1989. *The Rogozen Treasure*. Sofia: Publishing House of the Bulgarian Academy of Sciences.
- Frazer, A. 1990. *The Propylon of Ptolemy II*. Princeton: Princeton University Press (Samothrace 10).
- Galanina, L., Grach, N. 1986. *The Scythian Art*. Leningrad: Aurora.
- Gehrig, U. 1977. Antiken Museum. Zwei neue hellenistische Silberarbeiten im Antikenmuseum. *JbBerlMus* 19, 5—12.
- Gill, W.J.D. 2008. Inscribed Silver Plate from Tomb II at Vergina: Chronological Implications. *Hesperia* 77, 335—358.
- Ginev, G. 1983. *Sakrovisheto ot Kralevo (Treasure from Kralevo)*. Sofia: Bulgarian artist (in Bulgarian).
- Guzzo, P.G. 2003. A Group of Hellenistic Silver Objects in the Metropolitan Museum. *Metropolitan Museum Journal* 38, 45—94.
- Haddad, N.A. 2015. Critical Assessment of the Barrel Vault. Geometry and Structure of the Oldest Macedonian Tomb of Eurydice in Vergina. *Mediterranean Archaeology and Archaeometry* 15.2, 143—62.
- Hatzopoulos, M.B. 2008. The Burial of the Dead (at Vergina) or the Unending Controversy on the identity of the Occupants of Tomb II. *Tekmeria* 9, 91—118.
- Hausmann, U. 1981. Reliefmedallion Heracles und Hesperide. In: Mallwitz, A. (Hrsg.). *X. Bericht über die Ausgrabungen in Olympia*. Berlin: de Gruyter, 209—227.
- Hausmann, U. 1995. Aphrodite und Adonis. *Eirene* XXXI. In *honorem Jan Bouzek*, 88—97.
- Inkova et al. 1994: Inkova, V., Tsaneva, Sv., Draganova, K. 1994. Prinosa kum izsledvaneto na fiala No. 4 ot Rogozenskoto sukravishte (Contribution to the Study of the Phiale No. 4 from the Rogozen Treasure). *Problemi na izkustvoto (Problems of Art)* 4, 28—45 (in Bulgarian).
- Ivanov, T. 1956. Trakiyski mogilni pogrebeniya v Odesos i okolnosta mu prez rannoellinisticheskata epokha (Thracian tumular burials in Odessos and its surroundings of the Early Hellenistic period). *Izvestiya na Varnenskoto arheologicheskoto druzhestvo (Reports of the Varna Archaeological Society)* X, 87—109 (in Bulgarian).
- Jeppesen, K. 2002. *The Superstructure. A comparative analysis of the architectural, sculptural, and literary evidence*. Aarhus: Jutland Archaeological Society Publications (The Maussolleion at Halikarnassos 5).
- Kaba, H. 2016. Being Rich in Life and Death. Gold and Silver Finds from a 4th Century Tomb in Soloi. In: Summerer, L., Kaba, H. (eds.). *The Northern Face of Cyprus. New Studies in Cypriot Archaeology and Art History*. Istanbul: Yayinlari, 225—242.
- Kalashnik, Yu.P. 2004. *Greek Gold. From the Treasure Rooms of the Hermitage*. Zwolle: Waanders Publishers.
- Kalashnik, Yu.P. 2014. *Grecheskoe zoloto v sobranii Ermitazha (Greek Gold in the Collection of the Hermitage)*. Saint Petersburg: State Hermitage (in Russian).
- Kan Şahin, G., Christof, E., Lafli, E. 2019. A Bronze Mirror with Aphrodite and Eros from Nicomedia. In: *Uluslararası Orhan Gazi ve Kocaeli Tarihi-Kültürü Sempozyumu — V, Bildirileri International Symposium on Orhan Gazi and History-Culture of Kocaeli-V. Proceedings*. Vol. 1. Kocaeli: Kocaeli Büyükşehir Belediyesi, 125—132.
- khm.at: 1: Gesimsblock mit Lotos-Palmettenfries. Available at: www.khm.at/de/object/62af24ffc4/ (accessed 01.10.2022).
- Kitov, G. 2006a. *Panagyurskoto sakrovishche (Panagyurishte Treasure)*. Varna: Slavena (in Bulgarian).
- Kitov, G. 2006b. The Valley of the Thracian Kings”. In: Fol, V., Stoev, A., Stoeva, P., Kitov, G., Dimitrova, D. *The Thracian Cosmos. The Sacred Realm of Kings*. Sofia: Institute of Thracology of Bulgarian Academy of Sciences, 40—95.

- Kottaridi, A. 2006. Couleur et sens: l'emploi de la couleur dans la tombe de la reine Eurydice. In: Guimier-Sorbes, A.-M., Hatzopoulos, M.B., Morizot, Y. (eds.). *Rois, cites, necropoles: institutions, rites et monuments en Macedoine*. Athens: Centre de recherches de l'antiquité grecque et romaine, 155—168 (Meletemata 45).
- Kottaridi, A. 2011. The Palace of Aegae. In: Lane Fox, R.J. (ed.). *Brill's Companion to Ancient Macedon. Studies in the Archaeology and History of Macedon, 650 B.C. —300 A.D.* Leiden; Boston: Brill, 297—333.
- Kull, B. 1997. Orient und Okzident. Aspekte der Datierung und Deutung des Hortes von Rogozen. In: Becker, C. et al. (Hrsg.). *Chronos. Beiträge zur prähistorischen Archäologie zwischen Nord- und Südosteuropa. Festschrift für Bernhard Hänsel*. Rahden/Westf: Verlag Marie Leidorf, 689—710 (Internationale Archäologie; Studia honoraria 1).
- Künzl, E. 1979. Zum hellenistischen Silber des Grabes von Es Soumâa bei El Khroub. In: Horn, H.G., Rüger, C.B. (Hrsg.). *Die Numider. Reiter und Könige nördlich der Sahara*. Cologne: Rheinland-Verlag; Bonn: In Kommission bei R. Habelt, 287—304.
- Lafli, E., Çetingöz, A. 2021. A Bronze Mirror with Aphrodite and Eros from Nicomedia in Bithynia (northwestern Turkey). *Cuadernos de arqueologia de la Universidad de Navarra* 29, 329—340. DOI: <https://doi.org/10.15581/012.29.014>.
- Lafli, E., Kan Şahin, G. 2021. A Bronze Mirror with Aphrodite and Eros from Nicomedia in Bithynia (Northwestern Turkey). In: Lafli, E. (ed.). *Greek, Roman, and Byzantine Bronzes from Anatolia and Neighbouring Regions*. Oxford: BAR Publishing, 67—72 (BAR International Ser. 3038).
- Loukopoulou, L.D. 2008. Les inscriptions des trésors nord-balkaniques. In: Loukopoulou, L.D., Psoma, S. *Thrakika Zetemata*. I. Athens: KERA, 139—169 (Μελετήματα 58).
- louvre.fr: 1: Louvre. Available at: <http://www.louvre.fr/en/oeuvre-notices/fragments-arsinoeion-samothrace-marble-coping-and-part-parapet> (accessed 01.10.2022).
- Luschey, H. 1939. *Die Phiale*. Bleicherode am Harz: Nief.
- Manassero, N. 2007. Confronting Two Rhytons' Settings: The Panagyurishte and the "Black Sea" Treasures. In: Marazov, I. (ed.). *Mif. Obredut (Myth. The rite)*. Iss. 12. Sofiya: Novbulgarski universitet, 115—139.
- Mantsevich, A.P. 1987. *Kurgan Solokha. Publikatsiya opdnoy kollektzii (Solokha Burial mound. Publication of one Collection)*. Leningrad: Iskusstvo (in Russian).
- Manzewitsch, A. 1932. Ein Grabfund aus Chersonnes. *Verhandlungen der Akademie für Geschichte der Materiellen Kultur*. II.1. Leningrad: Druckerei OGIZ "Iw. Fedorow", 7—13.
- Marazov, I. 1978. *Ritonite v drevna Trakiya (Rhyta in Ancient Thrace)*. Sofia: Bulgarian artist (in Bulgarian).
- Marazov, I. 1981. Trakiiskiyat tip nachelnitsi (The Thracian type of Frontlets). *Problemi na izkustvoto (Problems of Art)* 14 (1), 19—27 (in Bulgarian).
- Marazov, I. 1996. *Rogozenskoto sakrovishche (Rogozen Treasure)*. Sofia: IK "Sekor" (in Bulgarian).
- Marshall, F.H. 1911. *Catalogue of the Jewellery, Greek, Etruscan and Roman, in the Departments of Antiquities, British Museum*. London: Printed by order of the Trustees.
- Matz, F. 1956. Ein neuattisches Motiv und seine hellenistischen Voraussetzungen. *Marburger Winckelmannsprogramm*, 21—30.
- Mayer, M. 1910. *La coppa tarantina di argento dorato del Museo provinciale di Bari. Commissione provinciale di archeologia e storia patria, Documenti e Monografie*. Vol. IX. Bari: Vecchi; Trani.
- Mc Credie, J.R., Roux, G., Shaw, S.M., Kurtich, J. 1992. *The Rotunda of Arsinoe*. Princeton: Princeton University Press (Samothrace VII).
- Meetings Between Cultures in the Ancient Mediterranean. *Bolletino di archeologia on line* 1/2010. Volume speciale C/C10/4, 44—63.
- Mintshev, A. 1983. Ein verschwundener thrakischer Schatz aus Kavarna und einige Bemerkungen über die Goldschmiedekunst Thrakiens im IV. —III. Jh. v.u.z. *Pulpudeva. Semaines Philippopolitaines de l'Histoire et de la Culture Thrace, Plovdiv, 3—17 octobre 1980*. 4. Sofia: Editions de l'Académie bulgare des sciences, 310—323.
- Mozolevs'kiy, B.M. 1979. *Tovsta Mogila (Tovsta Mogila)*. Kiev: Naukova dumka (in Ukrainian).
- Nachod, H. 1918. Die Silberschale aus Tarent in Bari. *RM* 33, 103—124.
- Nankov, E. 2011. Berenike Bids Farewell to Seuthes III: The Silver-Gilt Scallop Shell Pyxis from the Golyama Kosmatka. *Archaeologia Bulgarica* XV.3, 1—22.
- Nikolov et al. 1987: Nikolov, B., Mashov, S., Ivanov, P. 1987. Trakiisko srebro srebarno sukrovishche ot Rogozen (Thracian Silver Treasure from Rogozen). *Izvestiya na muzeite v Severozapadna Bulgariya (Reports of the Museums of North-Western Bulgaria)* 12, 9—133 (in Bulgarian).
- Odebesco, A. 1889/1900. *Le trésor de Pétrossa*. I. Leipzig: Hiersemann.

- Ogdenova, L., Stoyanov, T. 2005. The Chalkidian Helmets and the Origin of the North Thracian Ceremonial Armour. In: Rabadjiev, K., Milcheva, M. (eds.). *Stephanos Arcaeologicos in honorem Professoris Ludmili Getov*. Sofia: University Publishing House "St. Kliment Ohridski", 519—539 (Studia archaeologica Universitatis Serdicensis, Supplementum 4).
- Ogdenova-Marinova, L. 1987. Belezhi vurkhu fialata ot Rogozenskoto sukrovishhte s motiv ot mita za Kherakul i Avge (Notes on the Phiale from the Rogozen Treasure with a Motif from the Myth of Heracles and Auge). *Arkheologiya (Archaeology Sofia)* 3, 47—54 (in Bulgarian).
- Oliver, A.Jr. 1977. New Hellenistic Silver: Mirror, Emblem Dish and Spoons. *JbBerlMus* 19, 13—22.
- Pfrommer, M. 1987a. *Studien zu alexandrinischer und grossgriechischer Toreutik frühhellenistischer Zeit*. Berlin: Gebr. Mann (Archäologische Forschungen 16).
- Pfrommer, M. 1987b. Überlegungen zur Baugeschichte des Naiskos im Apollontempel zu Didyma. *IstMitt* 37, 145—185.
- Pfrommer, M. 1990. *Untersuchungen zur Chronologie früh- und hochhellenistischen Goldschmucks*. Tübingen: E. Wasmuth (Istanbuler Forschungen 37).
- Pfrommer, M. 1993. *Metalwork from the Hellenized East*. Malibu: J. Paul Getty Museum.
- Pfrommer, M. 1999. *Alexandria. Im Schatten der Pyramiden*. Mainz: von Zabern.
- Pierides, A. 1971. *Jewellery in the Cyprus Museum*. Nicosia: Department of antiquities.
- Platz-Horster, G. 2003. Der Silberfund von Paternö. *JdI* 118, 205—284.
- Polin, S.V. 2014. *Skifskiy Zolotobalkovskiy kurgannyi mogil'nik V—IV vv. do n.e. na Khersonshchine (Scythian Zolotaya Balka Tumular Cemetery of the 5th — 4th Centuries BCE in the Kherson Region)*. Kiev: Oleg Filyuk (Burial mounds of the Ukraine 3) (in Russian).
- Polos'mak et al. 2011: Polos'mak, N.V., Bogdsanov, E.S., Tsevendorzh, D. 2011. *Dvadsatyy noin-ulinskiy kurgan (Noin-Ula Burial mound no. 20)*. Novosibirsk: Infolio (in Russian).
- Praschniker, C., Theuer, M. 1979. *Das Mausoleum von Belevi*. Vienna: Österreichisches Archäologisches Institut (Forschungen in Ephesos 6).
- Rehm, E. 2010. The Classification of Objects from the Black Sea Region Made or Influenced by the Achaemenids. In: Nieling, J., Rehm, E. (eds.). *Achaemenid Impact in the Black Sea. Communication of Powers*. Aarhus: Aarhus University Press, 161—194 (Black Sea Studies 11).
- Reinsberg, C. 1980. *Studien zur hellenistischen Toreutik. Die antiken Gipsabgüsse aus Memphis*. Hildesheim: Gerstenberg (Hildesheimer ägyptologische Beiträge 9).
- Rostovtzeff, M.I. 1918. *Kurgannye nakhodki Orenburgskoy oblasti epokhi rannego i pozdnego ellinizma (Tumular Finds of the Orenburg region of the Early and Late Hellenistic Periods)*. Petrograd: State Archaeological Commission (Materials on Archaeology of Russia 37) (in Russian).
- Rubensohn, O. 1911. *Hellenistisches Silbergerät in antiken Gipsabgüssen*. Berlin: K. Curtius.
- Rumscheid, F. 1994. *Untersuchungen zur kleinasiatischen Bauornamentik des Hellenismus*. Mainz: von Zabern (Beiträge zur Erschließung hellenistischer und kaiserzeitlicher Skulptur und Architektur 14).
- Saverkina, I.I. 2000. Roskoshnyye ser'gi v Ermitazhe i v drugikh muzeyakh (Luxurious earrings in the Hermitage and other museums). In: Solovyov, S.L. (ed.). *Antichnoe Prichernomor'e. Sbornik statey po klassicheskoy arkheologii (Antique Black Sea Coast. A Collection of Articles on Classical Archaeology)*. Saint-Petersburg: State Hermitage, 7—23 (in Russian).
- Scatozza Hörcht, L.A. 2010. Kyme di Eolide e l'oro di Dioniso: Nuovo diadema dalla necropoli. *AA* 1, 105—123.
- Schefold, K. 1938. Der skythische Tierstil in Südrussland. *Eurasia Septentrionalis Antiqua* XII, 1—78.
- Schiltz, V. 1994. *Die Skythen und andere Steppenvölker*. Munich: C.H. Beck.
- Schwarzmaier, A. 1997. *Griechische Klappspiegel*. Berlin: Gebr. Mann (AM Beih. 18).
- Segall, B. 1965. Alexandria und Tarent. Eine tarentinische Fundgruppe des frühen Hellenismus. *AA*, 553—588.
- Shefton, B. 1989. The Auge Bowl. In: Cook, B.F. (ed.). *The Rogozen Treasure, Papers of the Anglo-Bulgarian Conference, 12 March 1987*. London: British Museum, 82—90.
- Sideris, A. 2021. *Metal Vases & Utensils in the Vassil Bojkov Collection*. Vol. 2. Sofia: Thrace Foundation.
- Siebeking, J. 1930. *Bronzen, Terrakotten, Vasen der Sammlung Loeb*. Munich: Buchholz.
- Simon, E. 1960. Der Goldschatz von Panagurište — eine Schöpfung der Alexanderzeit. *Antike Kunst* 3, 3—26.
- Sparkes, B.A. 1996. *The Red and the Black. Studies in Greek Pottery*. London; New York: Routledge.
- Stoyanov, T. 1991. Za interpretatsiyata na kanichka No. 155 ot Rogozenskoto sukrovishhte (On the Interpretation of the Jug No. 155 from the Rogozen Treasure). *Arkheologiya (Archaeology Sofia)* 4, 16—34 (in Bulgarian).
- Stoyanov, T. 2003. Za proizkhoda i razvitiето na fialite s antropomorfna plastichna dekoratsiya (On the Origin and Development of Phialai with Anthropomorphic Plastic Decoration). In: Angelova, S. (ed.).

- Sbornik v pamet na d-r P. Gorbanov (Collection of Articles in the Memory of Dr. P. Gorbanov)*. Sofia: University Publ. House „Saint Kliment of Ohrid“, 87—104 (Studia Archaeologica, Suppl. 1) (in Bulgarian).
- Stoyanov, T. 2005. The Balkan Group of White Lotus Jugs (or the so-called Derveni type jugs): some notes on the origin and distribution. In: Stoyanov, T., Tonkova, M., Preshlenov, H., Popov, H. (eds.). *Heros Hephaistos. Studies in honorem Liubae Ognenova-Marinova*. Veliko Tarnovo: Faber, 235—245.
- Stoyanov, T. 2007. Late Classical and Early Hellenistic pottery imitations of metal tableware from Thrace. In: Iakovidou, A. (ed.). *Thrace in the Greco-Roman World. Proceedings of the 10th International Congress of Thracology. Komotini-Alexandroupolis 18—23 October 2005*. Athens: National Hellenic Research Foundation, 561—574.
- Stoychev, R. 2012. Tekhniki za pozlata na metalni sudove ot Severozapadna Bulgariya (IV—III v. pr. Khr.) (Techniques for Gilding Metal Vessels from Northwestern Bulgaria (4th — 3rd Centuries BCE)). *Arkheologiya (Archaeology Sofia)* 4, 91—98 (in Bulgarian).
- Strong, D.E. 1966. *Greek and Roman Gold and Silver Plate*. London: Methuen.
- Tacheva, M. 1986. Problemi i stanovishta po istoricheskata interpretatsiya na Rogozenskoto sukrovishte (Problems and Opinions on the Historical Interpretation of the Rogozen Treasure). *Istoricheski Pregled (Historical Review)* 12, 15—30 (in Bulgarian).
- Tacheva, M. 1987. Arkheologicheski dannii za datirane na Rogozenskoto sukrovishte. Problemi i stanovishta (Archaeological Grounds for dating of the Rogozen Treasure. Issues and Opinions). *Arkheologiya (Archaeology Sofia)* 4, 1—11 (in Bulgarian).
- Tatcheva, M. 1990. Once Again About the “Unusual Phiale” from Rogozen. *Bulgarian Historical Review* 1, 72—73.
- Tatcheva, M., Valtchinova, G. 1998. Le trésor de Rogozen: une nouvelle publication: Ivan Marazov, The Rogozen Treasure. *Dialogues d'histoire ancienne* 24.2, 271—278.
- Theodossiev, N. 2000. *North-Western Thrace from the Fifth to the First Century BC*. Oxford: Archaeopress (BAR Intern. Ser. 859).
- Tonkova, M. 2010. Les parures d’harnachement en or de Thrace et l’orfèvrerie de la haute époque hellénistique. Roma 2008. International Congress of Classical Archaeology.
- Torbov, N. 2005. *Mogilanskata mogila vav Vratsa (Mogilanska Mogila in Vratsa)*. Vratsa: Mayobo (in Bulgarian).
- Torbov, N. 2015. *Mogilanskata mogila vav Vratsa. Katalog (Mogilanska Mogila in Vratsa. Catalogue)*. Vratsa: Mikrotest OOD (in Bulgarian).
- Treister, M. 1997. Concerning the Jewellery Items from the Burial Mound at Nogaichik. *ACSS* 4.2, 122—157.
- Treister, M. 1999a. Some Classical Subjects on Sarmatian Phalerae (to the origin of phalerae. In: Tsetskhladze, G.R. (ed.). *Ancient Greeks. West and East*. Leiden; Boston; Cologne: Brill, 567—605.
- Treister, M.Y. 1999b. The Workshop of the Gorytos and Scabard Overlays. In: Reeder, E. (ed.). *Scythian Gold. Treasures from Ancient Ukraine*. New York: Harry Abrams in association with the Walters Art Gallery and the San Antonio Museum of Art, 71—81.
- Treister, M. 2002. Grecia settentrionale e il Regno del Bosforo. Produzione metallurgica come riflesso dei contatti nella seconda metà del IV secolo a.C. In: Giumlia-Mair, A., Rubinich, M. (eds.). *Le arti di Efesto. Capolavori in metallo dalla Magna Grecia*. Trieste: Silvana Editoriale, 63—67.
- Treister, M. 2003. Metal Vessels from Zelenskaya Gora Barrow and Related Finds from Karagodeuashkh. *AWE* 2.1, 51—77.
- Treister, M.Yu. 2006. Garnitur ukrasheniy iz pogrebeniya No. 1 Starshego Trekhbratnego kurgana (Jewelry set from burial No. 1 of the Elder Trekhbratny mound). In: Solovyov, S.L. (ed.). *Greki i varvary na Bospore Kimmeriyskom v VII—I vv. do n.e. Materialy mezhdunarodnoy konferentsii, Taman', Rossiya 9—16 oktyabrya 2000 (Greeks and Barbarians of the Cimmerian Bosphorus in the 7th —1st Centuries BCE. Materials of the International Conference, Taman, Russia October 9—16, 2000)*. Saint Petersburg: State Hermitage, 164—190 (in Russian).
- Treister, M. 2007. A Set of Jewellery from the Burial No.1 of the Elder Three Brothers barrow. In: Solovyov, S.L. (ed.). *Greeks and Natives in the Cimmerian Bosphorus (7th — 1st Centuries BCE). Papers of the International Conference, Taman, Russia, 9—16 October 2000*. Oxford: Archaeopress, 128—144 (BAR Intern. Ser. 1729).
- Treister, M.Yu. 2008. Izdeliya iz bronzy, kosti i ukrasheniya (Items from bronze, bones and jewelry). In: Treister, M.Yu. (ed.). *Trekhbratnie kurgany. Kurgannaya gruppa vtoroy poloviny IV—III vv. do n. e. v Vostochnom Krymu (Three-Brothers Burial mounds. Kurgan Group of the second half of the 4th — 3rd Centuries BCE in the Eastern Crimea)*. Simferopol; Bonn: Universum, 105—122 (in Russian).

- Treister, M.Yu. 2009a. Bronzovyy nagrudnik pantsirya s izobrazheniyem golovy Meduzy iz kurgana No. 6/1914—1915 u st. Yelizavetinskoy v Prikuban'ye (Bronze breastplate with a depiction of the head of Medusa from barrow No. 6/1914-1915 near St. Elizabethan in the Kuban region). *Bosporskie issledovaniya (Bosporan Studies)* XXI, 120—134 (in Russian).
- Treister, M. 2009b. Silver phialai from the Prokhorovka Burial-Mound No. 1. *ACSS* 15, 95—135.
- Treister, M.Yu. 2010. O khronologii nekotorykh pogrebal'nykh kompleksov iz raskopok D.V. Kareyski i A.B. Ashika 1834—1835 gg. (On the chronology of some burial complexes from the excavations of D.V. Kareyski and A.B. Ashika 1834—1835). In: Tunkina, I.V. (ed.). *Paul Du Brux. Sobranie sochineniy / Paul Du Brux. Oeuvres*. T. 1. Saint Petersburg: Kolo, 589—601 (in Russian).
- Treister, M.Yu. 2012. Sosudy iz dragotsennykh metallov akhemenidskogo kruga iz Yuzhnogo Priural'ya (Vessels of precious Metals of the Achaemenid Circle from the Southern Urals). In: M.Yu. Treister, L.T. Yablonskiy (eds.). *Vliyaniya akhemenidskoy kul'tury v Yuzhnom Priural'e (V—III vv. do n.e.) (Influences of the Achaemenid Culture in the Southern Urals (5th—3rd Centuries BCE))*. Vol. 1. Moscow: Taus, 50—87 (in Russian).
- Treister, M. 2016. On the Find of a Phalera made from the Medallion of a Hellenistic Cup in Barrow No. 20 of the Noin-Ula Burial-ground (Northern Mongolia). *ACSS* 22.2, 55—95.
- Treister et al. 2012: Treister, M.Yu., Shemakhanskaya, M.S., Yablonskiy, L.T. 2012. Sosudy iz dragotsennykh metallov akhemenidskogo kruga iz Yuzhnogo Priural'ya (Vessels made of precious metals of the Achaemenid circle from the Southern Urals). In: Treister, M.Yu., Yablonskiy, L.T. (eds.). *Vliyaniya akhemenidskoy kul'tury v Yuzhnom Priural'e (V—III vv. do n.e.) (Influences of the Achaemenid Culture in the Southern Urals (5th—3rd Centuries BCE))*. Vol. 2. Moscow: Taus, 65—76 (in Russian).
- Tsigarida, B. 2006. Gold Diadems from the Cemetery of Ancient Pydna. In: Nicolini, G. (ed.). *Les Ors des mondes Grec et "Barbare"*. Paris: Picard, 153—163.
- Valeva, J. 2008. Gold and Silver Vessels from Ancient Thrace, II, Rhyta. *Bulletin of Miho Museum* 7/8, 9—136.
- Venedikov, I. 1961. *Panagyurskoto zlatno sakrovishche (Panagyurishte Gold Treasure)*. Sofia: Bulgarian artist (in Bulgarian).
- Venedikov, I., Gerassimov, T. 1973. *Thrakische Kunst*. Vienna, Munich: Schroll.
- von Bothmer, D. 1984. *A Greek and Roman Treasury. The Metropolitan Museum of Art Bulletin*, XLII.1. New York: The Metropolitan Museum of Art.
- von Prittwitz und Gaffron, H.-H. 1999. Die andere Seite der Einsichtigkeit. In: Bol, P.C. (Hrsg.). *Hellenistische Gruppen. Gedenkschrift für Andreas Linfert*. Mainz: von Zabern, 181—186.
- Walters, H.B. 1921. *Catalogue of the Silver Plate (Greek, Etruscan and Roman) in the British Museum*. London: Printed by Order of the Trustees.
- Webster, T.B.L. 1995. *Monuments illustrating New Comedy. BICS Suppl. 50*. 3rd ed. rev. and enlarged by J.R. Green and A. Seeberg. London: Institute of Classical Studies; University of London School of Advanced Study.
- Williams, D. 1996. The Kyme Treasure. In: Calinescu, A. (ed.). *Ancient Jewelry and Archaeology*. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 117—129.
- Williams, D. 1998. Identifying Greek Jewellers. In: Williams, D. (ed.). *The Art of the Greek Goldsmith*. London: British Museum Press, 99—104.
- Williams, D., Ogden, J. 1994. *Greek Gold. Jewellery of the Classical World*. London: British Museum Press.
- Williams, D., Ogden, J. 1995. *Grecheskoe zoloto. Yuvelirnoe iskusstvo klassicheskoy epokhi V—IV veka do n.e. (Greek Gold. Jewelry art of the Classical Era 5th—4th Centuries BCE)*. Saint Petersburg: AO Slaviya (in Russian).
- Winter, F. 2006. *Studies in Hellenistic Architecture*. Toronto; Buffalo; London: University of Toronto Press.
- Wuilleumier, P. 1930. *Tresor de Tarente*. Paris: E. Leroux.
- Wuilleumier, P. 1968. *Tarente des origines à la conquête romaine*. Paris: E. de Boccard (Bibliothèque des écoles françaises d'Athènes et de Rome 148).
- Zazoff, P. 1998. Ein thrakischer Heracles: Zur Phiale von Rogozen. In: Fol, A., Gočeva, Z., Jordanov, K., Porozhanov, K. (eds.). *Studia in honorem Christo M. Danov*. Sofia: Academia Litterarum Bulgarica, 89—95 (Thracia 12).
- Zazoff, P. 2011. Ein thrakischer Heracles: Zur Phiale von Rogozen. In: Popov, D. et al. (eds.). *In memoriam Ivani Venedikov*. Sofia: Institute of Thracology, 327—331 (Thracia 19).
- Zhuravlev et al. 2014: Zhuravlev, D.V., Novikova, E.Yu., Shemakhanskaya, M.S. 2014. *Yuvelirnye izdeliya iz kurgana Kul'-Oba v sobranii Istoricheskogo muzeya (Items of Jewellery from the Kul'-Oba Burial mound in the Collection of the State Historical Museum)*. Moscow: State Historical Museum (in Russian).
- Zimi, E. 2011. *Late Classical and Hellenistic Silver Plate from Macedonia. Oxford Monographs on Classical Archaeology*. Oxford: University Press.
- Züchner, W. 1942. *Griechische Klappspiegel*. Berlin: De Gruyter (14. Ergh. Jdl.).

Fig. 1. “Heracles and Auge phiale”. Rogozen Treasure. Vratsa, Regional Museum, inv. Б464. General views and the cross-section. 1—2 — photos, M. Treister, 2016, 3 — after Nikolov et al. 1987: 18, fig. 4.

Fig. 2. “Heracles and Auge phiale”. Rogozen Treasure. Vratsa, Regional Museum, inv. Б464. General views. 1 — inner side from the perspective; 2 — the bottom. Photos, M. Treister, 2016.

1

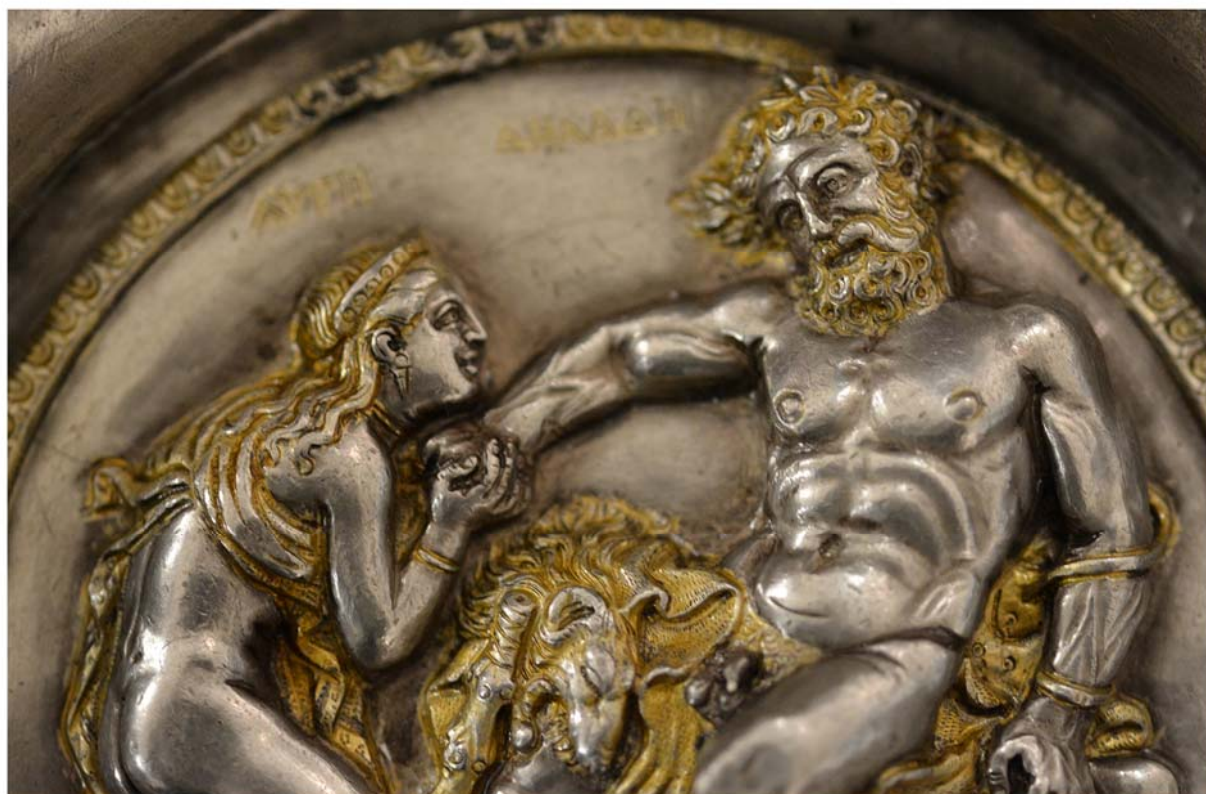

2

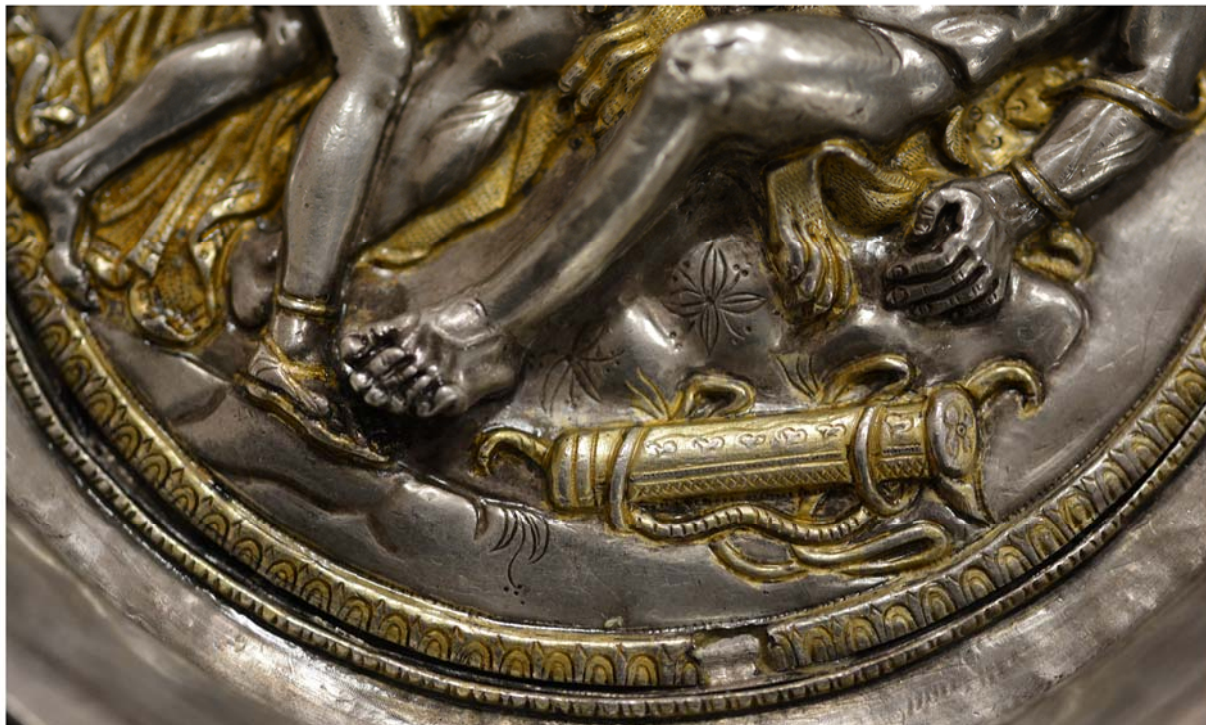

3

Fig. 3. “Heracles and Auge phiale”. Rogozen Treasure. Vratsa, Regional Museum, inv. Б464. The bottom. Details. Photos, M. Treister, 2016.

1

2

Fig. 4. “Heracles and Auge phiale”. Rogozen Treasure. Vratsa, Regional Museum, inv. Б464. Medallion. Detail. Photos, M. Treister, 2016.

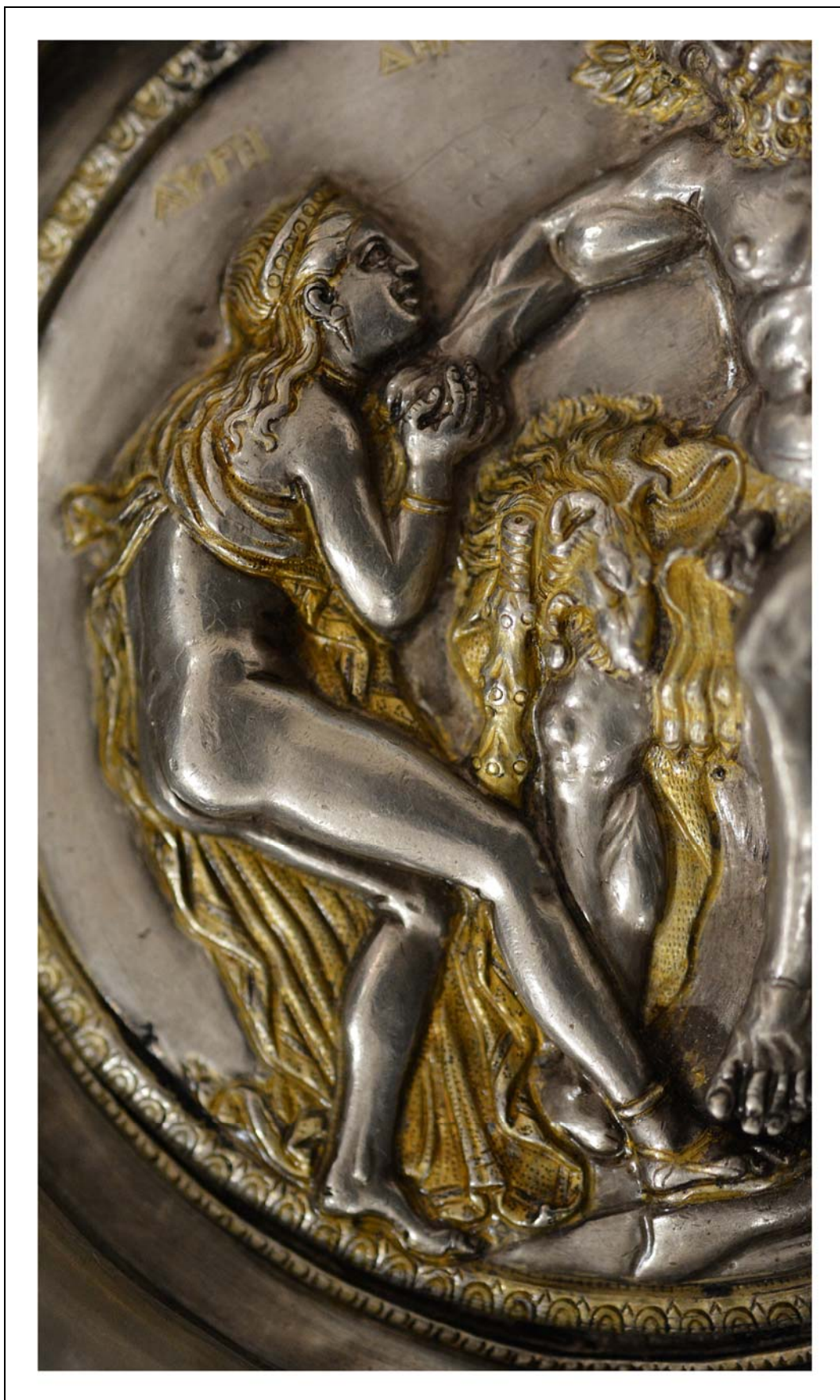

Fig. 5. “Heracles and Auge phiale”. Rogozen Treasure. Vratsa, Regional Museum, inv. Б464. Medallion. Detail. Photo, M. Treister, 2016.

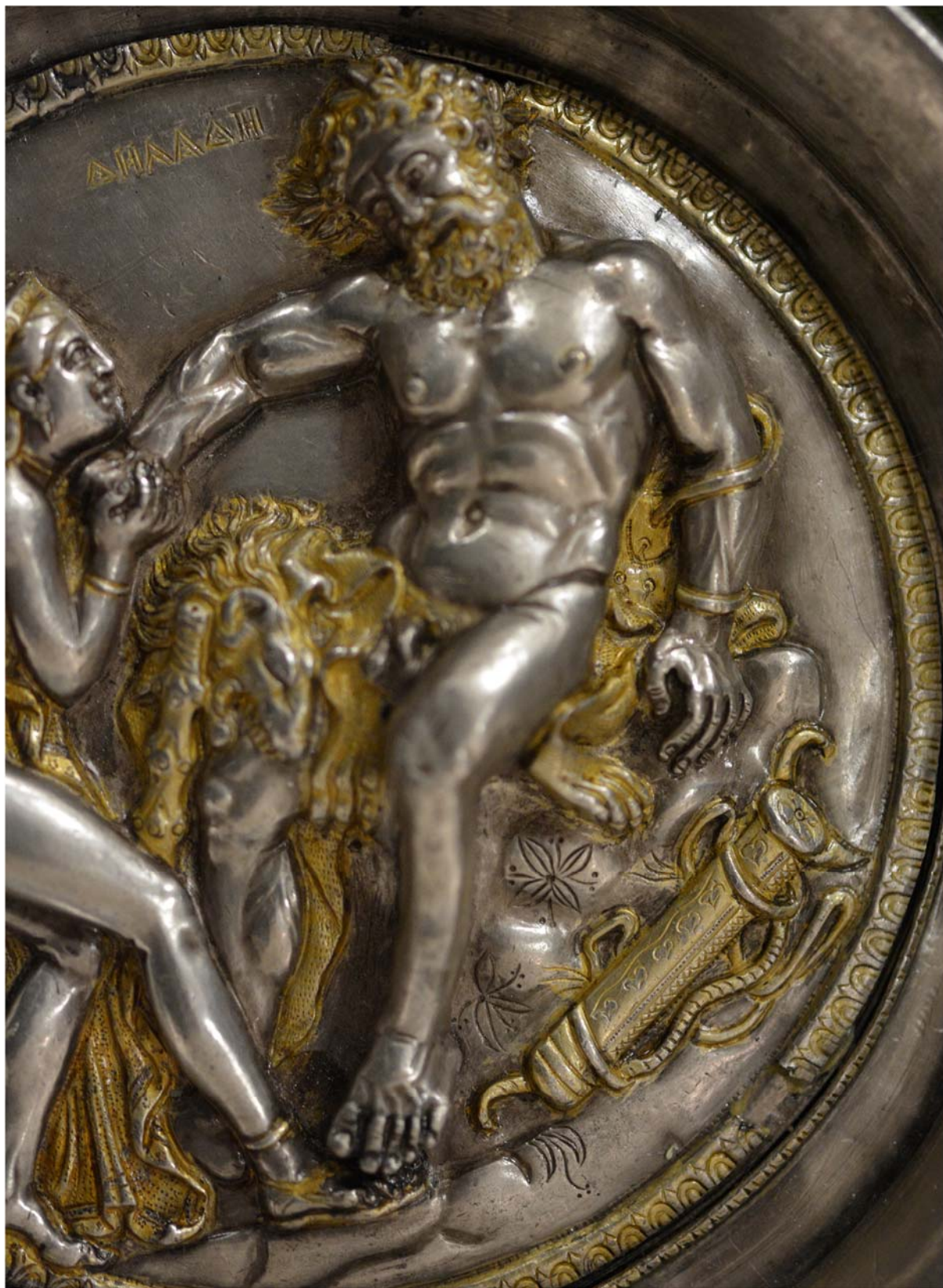

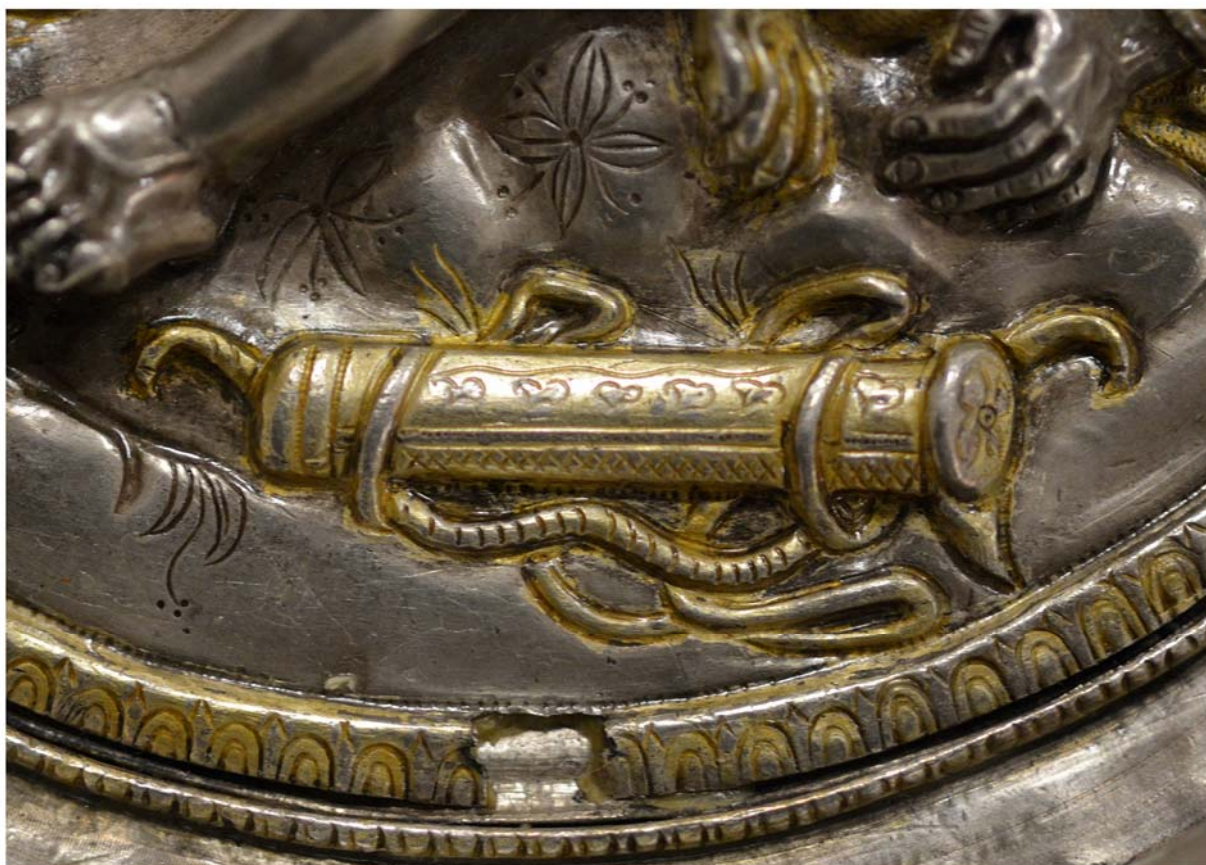
Fig. 6. “Heracles and Auge phiale”. Rogozen Treasure. Vratsa, Regional Museum, inv. Б464. Medallion. Detail. Photo, M. Treister, 2016.

1

2

3

Fig. 7. “Heracles and Auge phiale”. Rogozen Treasure. Vratsa, Regional Museum, inv. B464. Medallion. Details. Photos, M. Treister, 2016.

Fig. 8. Lotus-and-palmette friezes. 1 — painted entrance of the Tomb I at Vergina (after Haddad 2015: 145, fig. 2); 2 — Arsinoeion on Samothrace. Cornice block. Vienna, Kunsthistorisches Museum, Antikensammlung, inv.-no. I 698 (photo, Museum); 3 — Didyma, Apollo temple. Frieze block (after arachne.dainst.org: 1).

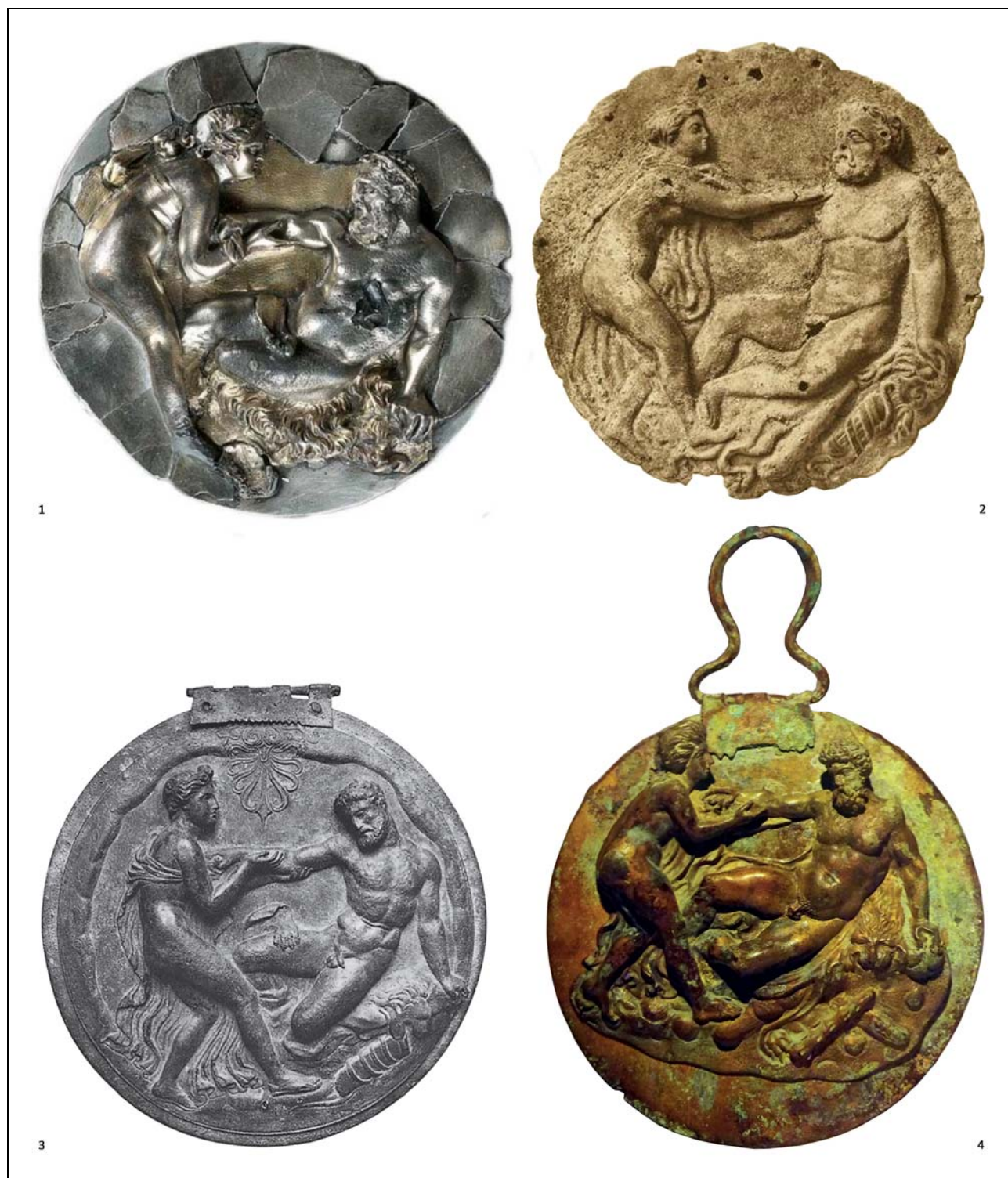

Fig. 9. Reliefs with the scenes of Heracles and Auge. 1 — silver medallion allegedly from Syria. Cracow, National Museum, Princes Czartoryski Museum, inv.-no. XI-441 (photo, Museum); 2 — bronze mirror cover. Munich, Antikensammlung, inv.-no. Loeb 45 (after: Sieveking 1930: pl. 6); 3 — bronze mirror allegedly from Elis. Athens, National Museum, inv.-no. St. 312 (after: Ambrosini 2020: 93, fig. 12); 4 — bronze mirror allegedly from Thessaly. New York. Collection of Christos G. Bastis (after: Ambrosini 2020: 93, fig. 13).

Fig. 10. Pyxides from the Lipari Island with the scenes of Heracles and Auge (after Ambrosini 2020: 88—92, figs. 1, 3—4, 8).

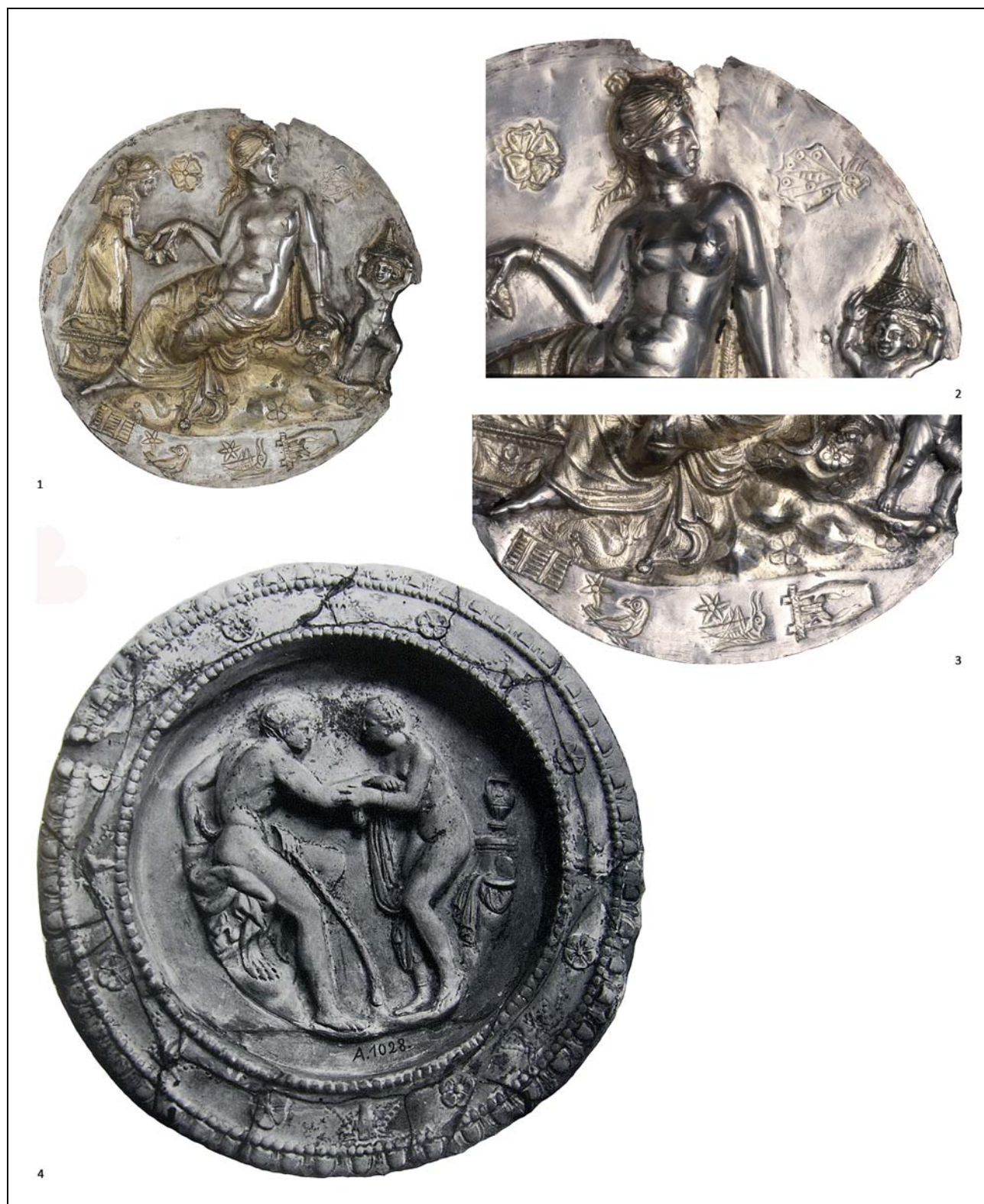

Fig. 11. 1—3 — silver medallion from Tarentum. London, British Museum, inv.-no. 1853,0314.1 (photos, Museum); 4 — Calenian medallion from Acarnania. Brussels, Musée Cinquantenaire, inv.-no. A 1028 (after Corpus Vasorum Antiquorum. 3 IB/IIIN).

УДК 94(3)

DOI: 10.53737/2713-2021.2022.30.96.002

И.Ю. Шайб

НЕИЗВЕСТНЫЙ СВИНЦОВЫЙ ВОТИВ ИЗ ОЛЬВИИ*

Статья посвящена публикации свинцовой композиции, которая была случайно найдена в Ольвии в 80-х годах XX в. и ныне находится в одной частной коллекции. Подобные свинцовые фигурки, которые не без основания считаются вотивами, весьма характерны для Ольвии и её окружи. Однако сюжет, представленный на рассматриваемой композиции — крылатая женщина на колеснице — среди ольвийских свинцовых изделий не зафиксирован. В то же время аналогичный сюжет фигурирует на предметах погребального инвентаря боспорян. Близкие аналогии автор находит и среди вещей и сюжетов заупокойного культа фракийцев. Поэтому он предполагает, что в образе крылатой женщины на публикуемом вотиве ольвиополиты видели не богиню победы Нику, но некоего хтонического демона (или хтоническую богиню). Наиболее близкие боспорские и фракийские аналогии говорят о том, что вотив был отлит в конце IV или в III в. до н.э.

Ключевые слова: Ольвия Понтийская, Боспор, Фракия, свинцовые вотивы, крылатые персонажи, античная религия.

Сведения об авторе: Шайб Игорь Юрьевич, доктор исторических наук, Институт истории материальной культуры РАН.

Контактная информация: 191186, Россия, г. Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18А, Институт истории материальной культуры РАН; e-mail: schaubigor@mail.ru.

I.Yu. Schaub

UNKNOWN LEAD VOTIVE FROM OLBIA

The article is devoted to the publication of a lead composition, which was accidentally found in Olbia in the 80s of the 20th century CE and is now in a private collection. Similar lead figurines, which are not without reason considered votives, are very characteristic of Olbia and its environs. However, the plot presented in the composition under consideration — a winged woman on a chariot — was not recorded among the Olbian lead items. At the same time, a similar plot appears on the items of the Bosporan funerary inventory. The author finds close analogies among the things and plots of the funeral cult of the Thracians. Therefore, he suggests that in the image of the winged woman on the published votive, the Olbiopolites saw not the goddess of victory, Nike, but some kind of chthonic demon (or chthonic goddess). The closest Bosporan and Thracian analogies indicate that the votive was cast at the end of the 4th or in the 3rd century BCE.

Key words: Pontic Olbia, Bosporus, Thrace lead votives, winged characters, ancient religion.

About the author: Schaub Igor Yurievich, Dr. habil. (History), Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences.

Contact information: 191186, Russia, Saint Petersburg, Embankment, 18A, Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences; e-mail: schaubigor@mail.ru.

* Исследование проведено в рамках выполнения ФНИ ГАН «Древнейшее наследие Юга России: города, сельские поселения, некрополи, хозяйственные трансформации по естественнонаучным данным» (FMZF-2022-0013).

В одной частной коллекции хранится свинцовое изделие, случайно найденное в Ольвии в 80-х годах XX в. Это снабжённая подставкой односторонняя композиция в виде стоящей на колеснице крылатой женщины¹, которая управляет парой несущихся во весь опор коней. Размеры композиции — 42 × 60 мм, подставки — 10 × 39 мм. Сохранность вещи хорошая (утрачена только незначительная часть одной из вожжей) (рис. 1).

Фигурки, отлитые из свинца, предназначенные для посвящения богам, имеют долгую традицию бытования, которая начинается на Ближнем Востоке (Emre 1971). В греческом мире наиболее масштабными по количеству (свыше 100 тысяч, датируемых разными периодами) и разнообразию являются свинцовые вотивы из святилища Артемиды Орфии в Спарте (Wace 1929: 249 ff.; Андреев 2008: 52 сл., 223 сл.; Lloyd 2021). Кроме святилища Орфии эти фигурки в довольно большом количестве находили в Менелайоне (Wace 1908—1909: 127) и в других местах, где могли располагаться еще нераскопанные спартанские святилища (Андреев 2008: 52)². Некоторое количество свинцовых фигурок обнаружено и за пределами Лаконии: в аргосском Герайоне, в Бассах, во Флиунте (Wace 1929: 250). Вне Пелопоннеса несколько подобных вещей было найдено в Олинфе (Robinson 1941: 8—14). Вотивные фигурки из свинца изготавливались и в Северном Причерноморье. В сравнительно небольшом количестве они зафиксированы на черноморском побережье Болгарии: в Аполлонии (Венедиков 1963; 1969; Конова 2002) и в Одессе (Минчев 2012), а также в довольно большом и самых разнообразных типов — в Ольвии (а также на её хоре)³, будучи в высшей степени характерны для её религиозной жизни⁴. Хотя самыми распространёнными среди ольвийских свинцовых изделий являются букрании и лабрисы (Зайцева 2004а; Шауб 2008), другие сюжеты здесь тоже не редки (Зайцева 1971; 2004b)⁵. Однако, сюжетные композиции в свинце как в Ольвии, так и среди подобных находок в других областях античного мира, встречаются весьма редко. Наиболее интересны в данной связи три находки: одна на хоре Ольвии (Кателино-I) (Рубан 1985) и две на самом городище (Русяева 2005: 182, рис.; Крапивина 2007).

Крупнейший знаток ольвийских свинцовых вотивов К.И. Зайцева была уверена в том, что все свинцовые (и не только, добавим мы от себя) крылатые женские фигуры являлись изображениями Ники (Зайцева 2004: 138—139, №№ 44—48)⁶. Однако хорошо известные исследовательнице вотивы в виде крылатых женщин из святилища Артемиды Орфии в Спарте явно представляли именно эту богиню, а отнюдь не персонификацию победы. Из всех немногочисленных ольвийских фигурок подобного типа об изображении Ники можно говорить только в композиции, где крылатая богиня, опирающаяся на герму, представлена

¹ Явные признаки пола у возницы отсутствуют, лицо выполнено довольно грубо, но о том, что здесь изображена женщина, свидетельствует её причёска, а также длинный хитон.

² Аналогичные фигурки, хотя и в гораздо меньшем количестве (несколько тысяч), были найдены также и при раскопках Менелайона на другом берегу Еврота, в Амikleione и в других святилищах, открытых на территории Спарты и в её окрестностях (Wace 1929: 250; Андреев 2008: 223, прим. 183).

³ Лабрисы в сочетании с букраниями, помимо тех экспонатов Данцигского музея, о которых пишет Р. Вюнш (Wünsch 1913), на Боспоре не зафиксированы. Весьма вероятно, что исследователя невольно дезориентировали хранители коллекции северопричерноморских вещей музея в Данциге, перепутавшие Ольвию со столицей Боспора.

⁴ Правда, Э.Р. фон Штерн в свое время рассматривал эти свинцовые вотивы в качестве детских игрушек: «Эти маленькие фигурки — в числе их, кроме животных, попадаются и солдаты, и всадники, <...> — вручались как игрушки, конечно, уже детям более развитым и осмысленным; для малюток, которые играли глиняными собачками или черепаками, эти тонкие оловянные игрушки едва ли годились» (Штерн 1911: 23).

⁵ О свинцовых ольвийских фигурках см. также: (Петровська 1957; Фурманська 1958; Рубан 1982; Алексинский 2004; Хмелевский 2004; 2015; 2016; Папанова, Ляшко 2014; 2015).

⁶ Эрмитажная фигурка из коллекции Ю.Х. Лемме (Зайцева 2004: № 45), сильно отличающаяся по стилю от ольвийских, скорее всего, найдена не в Нижнем Побужье. Что касается фигурки из ГИМ (Зайцева 2004: № 46), то Д.В. Журавлёв и Г.А. Ломтадзе осторожно называют её «крылатая (?) богиня» (Журавлёв, Ломтадзе 2002: № 347).

рядом с Гераклом (Крапивина 2007). По мнению К.И. Зайцевой, крылатые женские фигурки «символизировали победы не государственного характера, а в повседневной жизни и трудах ольвиополитов <...>⁷. Такие пластины могли находиться не только в домах горожан, но и в погребениях умерших, как знак одержанной при жизни победы». Большинство фигурок «Ники» предположительно датируются К.И. Зайцевой первой половиной III в. до н.э. (Зайцева 2004: 138—139, №№ 46—48). Эти датировки крылатых женских фигурок кажутся слишком суженными, но в принципе приемлемы (см. ниже). Что касается рассуждений исследовательницы по поводу их семантики, то здесь её мнение выглядит чересчур абстрактным и едва ли адекватным восприятию этих образов самими ольвиополитами.

Насколько нам известно, изображение крылатой богини на колеснице среди ольвийских свинцовых фигурок ранее не зафиксировано⁸. В то же время аналогичный сюжет встречается на Боспоре, причём на предметах заупокойного культа. Так, изображение крылатой богини на колеснице фигурирует в росписи продольных досок саркофага «царицы» из кургана Куль-Оба, но здесь возница управляет квадригой (DuBois de Montperreux 1843: pl. XXV) (рис. 2)⁹. Тот же сюжет мы видим и на Большом лекифе Ксенофанта, обнаруженном в одном из пантикапейских курганов (Виноградов 2006; 2007) (рис. 2). На фризе над центральной сценой, украшающей лекиф, трижды повторено рельефное изображение крылатой богини, которая, стоя на колеснице, управляет парой коней (бигой). Этот шедевр керамического искусства Ю.А. Виноградов убедительно трактует как «символ героического бессмертия» (Виноградов 2007: 49—51). Аналогичная композиция — крылатая богиня на колеснице управляет четвёркой коней — представлена и на знаменитых феодосийских золотых серьгах «роскошного стиля» (Максимова 1958; Шайб 2022: рис. 1, 2).

На биге изображение богини (в фас) представлено на среднем *фризе треугольной* пластины из кургана Карагодеуашх (Вахтина 2022: рис. 1), но здесь *женщина бескрыла (как и та, которую мы видим сидящей в повозке на стеле из Трёхбратнего кургана). Все вышеупомянутые памятники найдены на Боспоре и относятся к IV в. до н.э.*

Вне Северного Причерноморья изображение крылатой женщины, которая управляет квадригой, нередко фигурирует на краснофигурных апулийских вазах, к примеру, — на *лутрофоре* из Национального археологического музея Испании (Мадрид) (Вахтина 2022: 218, рис. 4) и *диносе* из частной коллекции (Schauenburg 1987: Abb. 33)¹⁰. Но более близкие аналогии ольвийской композиции имеются на произведениях искусства, происходящих из Фракии. Если на феодосийских серьгах «Ника» представлена на квадриге, то на золотых серьгах из погребения фракийской аристократки (по всей вероятности, жрицы)¹¹ в кургане близ с. Синеморец она управляет бигой (Агре 2013: 284—285, № 107). Обращает на себя

⁷ Здесь К.И. Зайцева ссылается на работы В.А. Латышевой (Латышева 1984: 65—67; 1994: 133—134).

⁸ На территории ольвийского некрополя была найдена свинцовая композиция из двух вздыбленных коней (Хмелевский 2016: рис. 4: 1), однако следов колесницы на ней нет, а сами животные стилистически сильно отличаются от тех, которые представлены на нашем вотиве.

⁹ На расписном деревянном саркофаге «царицы» в композиции верхнего фриза с обеих сторон представлены запряжённые четвёрками коней колесницы с крылатыми возничими. В последнем по времени исследовании этого памятника погребального культа автор воздерживается от определения пола этих «крылатых возничих» (Власова 2014: 42). Однако аналогии позволяют уверенно предполагать, что речь здесь идёт о персонажах женского пола. Так, аналогичный сюжет фигурирует в росписи погребальных боспорских пелик (правда, женщина—возница на этих вазах бескрыла).

¹⁰ Здесь же фигурирует и крылатый персонаж мужского пола («Эрот»), который также правит четвёркой коней.

¹¹ В частности, среди многочисленных «сакральных даров» выделяется уникальная «антропоморфная фигурка» (терракота? — И. Ш.), которая с одной стороны «имеет мужские половые признаки, а с другой стороны — женские» (Агре 2013: 184).

внимание сходство в трактовке крыльев этой «Ники» и богини ольвийского вотива: в обоих случаях крылья довольно коротки.

Аналогичный сюжет мы видим и на росписи гробницы у села Мыглиж: здесь «Ника» на биге изображена на тулове амфоры (рис. 5), которая мультиплицировано представлена в обрамлении пальметт (Fol, Fol 2005: 116—117). Особое внимание здесь привлекает тот факт, что, как и на ольвийском вотиве, колесничное колесо здесь представлено в виде овала. И серьги, и роспись, относятся к III в. до н.э. Но ещё серединой V в. до н.э. датируется изображение крылатой женщины на квадриге (тело богини и крупы коней даны в фас, головы — в профиль) на серебряной пластине из некрополя Дуванли (Venedikov, Gerassimov 1973: № 228).

Изображения крылатой богини иногда встречается среди ольвийских свинцовых изделий. Так, свинцовую фигурку крылатой женщины при раскопках Ольвии обнаружила В.И. Денисова (Пругло), назвав её «персидской Артемидой» (Пругло 1978: 48)¹². Естественно, что даже если предположение исследовательницы верно в отношении её находки, оно не может быть безоговорочно применимо к богине на колеснице рассматриваемого нами вотива.

В статье о боспорских «Никах» мы уже отмечали необходимость дифференцированного подхода к тем многочисленным и разнообразным персонажам боспорского искусства, которые автоматически называются «Никами» только из-за того, что имеют крылья (Шауб 2020). В искусстве греческой архаики подавляющее большинство женских божеств нередко изображалось с крыльями. Таковы Артемида, Афина, Афродита, Немесида, Эос, Ирида, Эринии, Горгоны и др. (Шауб 2020: 155); некоторые из этих персонажей сохраняли свои крылья и в более позднее время. Поэтому логично заключить, что семантика женского образа в иконографии Ники на Боспоре зависела от контекста¹³. Тот же вывод напрашивается и в отношении ольвийских крылатых персонажей. На Ближнем Востоке Великая богиня Иштар, которая нередко изображалась крылатой¹⁴, в позднебронзовом веке обрела тесную связь с конями и получила статус «хозяйки колесницы» (Léclant 1960). Это обстоятельство позволяет предполагать, что крылатое божество на колеснице могло восприниматься варварами как одно из воплощений их Великой богини (Шауб 1999; 2007; 2011). Подобным образом трактовал образ Ники на Большом лекифе Ксенофанта Ю.А. Виноградов¹⁵.

Кстати, несмотря на то, что на вышеупомянутой серебряной пластине из некрополя Дуванли перед нами исполненное греческим мастером изображение Ники, можно уверенно предполагать, что носивший его на своём панцире фракийский династ, который был погребён в здешнем Большом Кургане, видел в этом крылатом образе не греческую персонификацию

¹² Это вызвало категорический протест со стороны К.И. Зайцевой, которая уверена, что на всех подобных памятниках представлена именно «богиня победы» (Зайцева 2004: 138). Однако на многочисленных свинцовых изображениях крылатой богини из святилища Артемиды Орфии, иные из которых весьма схожи с обсуждаемой ольвийской фигуркой, явно запечатлён образ именно этого божества, а отнюдь не Ники.

¹³ Та же зависимость от контекста должна определять и трактовку крылатых мужских персонажей, которые представлены на найденных в Северном Причерноморье памятниках античного искусства (Шауб 2022). (Хотя большинство исследователей уверено, что любой из этих персонажей — Эрот, причём в его «классическом» качестве бога любви; самый наглядный пример (Скржинская 2007; 2010).)

¹⁴ Например, крылатой представлена Иштар на печати писца Адды (ок. 2300 г. до н.э., Британский музей).

¹⁵ По словам исследователя, этот лекиф, «украшенный «по-мужски» сценами сражений и охоты, в общем, является «женским» предметом, поскольку на его плечики надето золоченое женское ожерелье. А значит, можно предполагать, что героические подвиги, совершаемые мужчиной при жизни, и его охотничья доблесть в парадизе, который он обретает после смерти, есть лишь элементы служения Великой богине, выступающей в данном случае в образе Ники, но, конечно, гораздо более могущественной и значимой» (Виноградов 2007: 51).

победы, но воплощение своей Богини (об орнитоморфной природе Великой фракийской богини (Маразов 1992: 244 сл.))¹⁶.

Поскольку контекст находки рассмотренной нами свинцовой фигурки, к сожалению, неизвестен, сказать определённо, какое божество она изображала и какому богу (или, скорее, богине) была посвящена, невозможно. Но тот факт, что изображение, аналогичное представленному на публикуемом вотиве, фигурирует на предметах погребального инвентаря боспорян, а также среди вещей и сюжетов заупокойного культа фракийцев, наводит на мысль, что в образе крылатой женщины ольвиополиты видели не богиню победы Нику, но некоего хтонического демона (или хтоническую богиню). Здесь стоит напомнить авторитетное мнение Х. Хоффманна, который связывает часто фигурирующий в греческой вазописи образ крылатой женщины с представлениями о загробном мире, видя в этом образе символ перехода от смерти в одном состоянии к возрождению в другом. Таким образом, скрытая в этом персонаже семантика прямо соотносится с тайной жизни и смерти на различных уровнях (Hoffmann 1997: 44—45; Шайб 2020: 157).

В заключение возвращаемся к вопросу о датировке публикуемой вещи. Если спартанские свинцовые вотивы относятся в подавляющем большинстве к эпохе архаики, то ольвийские фигурки датируются IV—II вв. до н.э. Несмотря на то, что специфических черт эллинистического искусства в нашей композиции, кажется, не просматривается, для вотивных памятников, как известно, характерны консервативные тенденции, сохранение черт прошлого. Поэтому предполагать, что наша фигурка была изготовлена не позднее конца IV в. до н.э., пожалуй, чересчур смело. Если наиболее близкие ей сюжетные композиции на памятниках Северного Причерноморья были созданы в IV в. до н.э., то фракийские аналогии относятся уже к III в. до н.э. Это даёт основание думать, что публикуемый ольвийский вотив был отлит в пределах конца IV — конца III вв. до н.э.

Литература

- Агре Д. 2013. Захоронение фракийской аристократки близ с. Синеморец, округ Царёво. В: Журавлев Д., Фирсов К. (ред.). *Фракийское золото. Ожившие легенды*. Москва: Кучково Поле, 284—285.
- Алексинский Д.П. 2004. Околпаченные гоплиты: К вопросу о «фригийских колпаках» воинов на вотивных изображениях из Ольвии. *ΣΤΕΦΑΝΟΣ 2. Искусство древности и средних веков: новые исследования и публикации. Сборник статей, посвященный 80-летию со дня рождения В.Б. Блэк*. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, 53—64.
- Андреев Ю.В. 2008. *Архаическая Спарта. Искусство и политика*. Санкт-Петербург: Нестор-История.
- Вахтина М.Ю. 2022. Об изображении на среднем фризе треугольной пластины из кургана Карагодеуашх в Прикубанье. *АВ* 35, 214—221.
- Венедиков И. 1963. Металлически и костени предметы от некрополя на Аполония. В: Венедиков И., Герасимов Т., Дремсизова Ц., Иванов Т., Младенова Я., Велков В. *Аполония. Разкопките в некрополя на Аполония през 1947—1949 г.* София: Българският археологически институт, 319—334.
- Венедиков И. 1969. Фракийцы в греческом искусстве Понтийской Аполлонии. *СА* 3, 70—73.
- Виноградов Ю.А. 2006. О смысле изображений на Большом лекифе Ксенофанта. *БИ* 13, 134—161.
- Виноградов Ю.А. 2007. *Большой лекиф Ксенофанта*. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж.
- Власова Е.В. 2014. О саркофагах из кургана Куль-Оба. В: Зуев В.Ю., Хршановский В.А. (отв. ред.). *Погребальная культура Боспорского царства. Материалы Круглого стола, посвящённого 100-летию со дня рождения Михаила Моисеевича Кубланова (1914—1998)*. (Санкт-Петербург, 25—26 ноября 2014 г.). Санкт-Петербург: Нестор-История, 41—46.
- Зайцева К.И. 1971. Ольвийские культовые свинцовые изделия. В: Горбунова К.С. (отв. ред.). *Культура и искусство античного мира*. Ленинград: Аврора, 4—106.

¹⁶ О популярности крылатых женских образов во фракийской среде свидетельствует их широкое распространение на памятниках искусства, обнаруженных на территории Фракии; см., например: (Venedikov, Todorov 1970: Fig. 47, 52, 72).

- Зайцева К.И. 2004а. Свинцовые изделия в виде головок быков, баранов и секир из Ольвии. *БИ* 7, 356—390.
- Зайцева К.И. 2004б. Свинцовые изделия IV—II вв. до н.э. местного производства в Ольвии. В: Ходза Е.Н. (ред.). *Эллинистические штудии в Эрмитаже: Сборник статей к 60-летию М.Б. Пиотровского*. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, 120—149.
- Журавлёв Д.В. Ломтадзе Г.А. 2002. Изделия из металла. В: Журавлев Д.В., Диатроптов П.Д., Ильина Т.А. *На краю Ойкумены. Греки и варвары на северном берегу Понта Эвксинского*. Москва: ГИМ, 79—85.
- Конова Л. 2002. Оловни букрании от некрополя на Аполония Понтика. Опыт за интерпретация. *Известия на Националния исторически музей* 13, 46—55.
- Крапивина В.В. 2007. Вотивная свинцовая пластина из Ольвии с Гераклом и Никой. В: Зуев В.Ю. (отв. ред.). *Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок. Материалы международной научной конференции*. Ч. 2. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, 127—132.
- Латышева В.А. 1984. К истории культов населения херсонесской хоры (по материалам поселения Маслины). *Археологія* 48, 65—67.
- Латышева В.А. 1994. Терракоты из раскопок поселения херсонесской хоры Маслины. *Древности* 1994, 127—140.
- Макимова М. И. 1958. Миниатюрная группа на феодосийских серьгах. *ТГЭ* 2, 62—66.
- Маразов И. 1992. *Мит, ритуал и искусство у Траките*. София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски».
- Минчев А. 2012. Миниатюрни двойни бравички — оброци от Одесос и неговата околност (V—III в. пр. Хр.). В: Рабаджиев К. (ред.). *Изкуство & идеология*. София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 752—767.
- Папанова В.А., Ляшко С.Н. 2014. Свинцовые фигурки из Ольвийской усадьбы IV в. до н.э. *Старожитності степового Причорномор'я і Криму* XVII, 207—229.
- Папанова В.А., Ляшко С.Н. 2015. Свинцовые культовые изделия из пригородных усадеб Ольвии. *Старожитності степового Причорномор'я і Криму* XVIII, 171—180.
- Петровська Є.О. 1957. Потрійна свинцева герма з розкопок Ольвії 1955 р. *Археологія* XII, 154—156.
- Пругло В.И. 1978. Раскопки северо-западного района ольвийской агоры в 1975 г. *КСИА* 156, 45—52.
- Рубан В.В. 1982. Литое свинцовое изображение группы фигур из поселения Кателино-І. В: Баран В.Д. (отв. ред.). *Новые памятники древней и средневековой художественной культуры*. Киев: Наукова думка, 54—58.
- Русяева А.С. 2005. *Религия понтийских эллинов в античную эпоху: Мифы. Святилища. Культы олимпийских богов и героев*. Киев: Стилос.
- Скржинская М.В. 2007. Образ Эроса в представлении греческого населения Боспора, Херсонеса и Ольвии. *РА* 2, 16—24.
- Скржинская М.В. 2010. *Культурные традиции Эллады в античных государствах Северного Причерноморья*. Киев: Институт истории Украины НАН Украины.
- Фурманська А.І. 1958. Ливарні форми з розкопок Ольвії. В: *Археологічні пам'ятки УРСР*. Т. 7. Киев: Наукова думка, 40—60.
- Хмелевский Д. 2004. Литое свинцовое изображение фигуры воина из Ольвии. В: Крыжицкий С.Д. (отв. ред.). *Borysthenika-2004. Материалы международной научной конференции к 100-летию начала исследований острова Березань Э.Р. Штерном*. Николаев: Национальная Академия наук Украины, 178—179.
- Хмелевский Д.Н. 2015. Свинцовые изделия участка «Т» Березанского античного поселения. *АДІУ* 1 (14). *OLBIO. Пам'яті В.В. Крапивиної*, 231—237.
- Хмелевский Д.Н. 2016. Свинцовые изделия из некрополя и пригорода Ольвии (возвышенность на западном склоне Заячьей балки). *Ерміако. Науковий щоквартальник* 4 (16) (жовтень—грудень). *FORUM OLBICUM I. Пам'яті В.В. Крапивиної*, 169—177.
- Шауб И.Ю. 1999. Культ Великой богини у местного населения Северного Причерноморья. *Stratum plus* 3, 207—224.
- Шауб И.Ю. 2007. *Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье VII—IV вв. до н.э.* Санкт-Петербург: СПбГУ.
- Шауб И.Ю. 2008. Культ Диониса и свинцовые вотивы из Ольвии. *AB* 15, 112—117.
- Шауб И.Ю. 2011. *Эллинские традиции и варварские влияния в религиозной жизни греческих колоний Северного Причерноморья (VI—IV вв. до н.э.)*. Saarbrücken: LAP.
- Шауб И.Ю. 2020. Боспорские «Ники». *AB* 29, 155—161.

- Шайб И.Ю. 2022. Эроты феодосийских серёг. *АВ* 35, 208—213.
- фон Штерн Э.Р. 1911. Из жизни детей в греческих колониях на северном побережье Черного моря. В: *Сборник археологических статей, поднесенный графу А.А. Бобринскому в день 25-летия председательства его в Археологической комиссии. 1886 — 1.II.1911.* Санкт-Петербург: Типография В.Ф. Киршбаума, 13—30.
- DuBois de Montperreux F. 1843. *Voyage au Caucase chez les Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Arménie et en Crimée par Frédéric Du Bois de Montpéreux.* Atlas. IV Série. Neuchatel en Suisse; Paris: Gide libraire-éditeur.
- Emre K. 1971. *Anatolian lead figurines and their stone moulds = Anadolu kursun figürinleri ve tas kalıpları.* Ankara: TTK.
- Fol A., Fol V. 2005. *The Thracians.* Sofia: All Bulgarian Foundation.
- Hoffmann H. 1997. *Sotades. Symbols of Immortality on Greek Vases.* Oxford: Oxford University Press.
- Léclant J. 1960. Astarte à cheval. *Syria* 57, 1—67.
- Lloyd J. 2021. The Spartan lead votives: new data from archival and scientific analysis. *Thiasos. Rivista di archeologia e architettura antica* 10.2. *Offerte in metallo nei santuari greci. Doni votivi, rituali, smaltimento, Atti del seminario internazionale online, 29 ottobre 2020,* 33—44.
- Robinson D.M. 1941. *Excavations at Olynthus.* Pt. X. *Metal and Minor Miscellaneous Finds: an Original Contribution to Greek Life.* Baltimore: Johns Hopkins Press; London: Humphrey Milford.
- Schauburg K. 1987. Flügelgestalten auf unteritalischen Grabvasen. *Jahrbuch des Deutschen Archäologischer Instituts* 102, 199—232.
- Venedikov I., Gerassimov T. 1973. *Thrakische Kunst.* Wien; München: Schroll.
- Venedikov I., Todorov N. 1970. *Prehistoric and Antique Relics in Bulgaria.* Sofia: Sofia Press.
- Wace A.J.B. 1929. The Lead Figurines. In: Dawkins R.M. (ed.). *The Sanctuary of Artemis Orthia at Sparta.* London: Macmillan and Co., 249—284.
- Wace A.J.B. 1908—1909. The Menelaion. The Lead Figurines. *Annual of the British School at Athens* 15, 127—140.
- Wünsch R. 1913. Die Labrys in Pantikapaion. *Archiv für Religionswissenschaft* 16, 632—633.

References

- Agre, D. 2013. In: Zhuravlev, D., Firsov, K. (edw.). *Frakiyskoye zoloto. Ozhivshiye legendy (Thracian gold. Living legends).* Moscow: Kuchkovo Pole, 284—285 (in Russian).
- Aleksinskiy, D.P. 2004. In *ΣΤΕΦΑΝΟΣ 2. Iskusstvo drevnosti i srednikh vekov: novyye issledovaniya i publikatsii. Sbornik statey, posvyashchennyy 80-letiyu so dnya rozhdeniya V.B. Blek (The art of antiquity and the Middle Ages: new research and publications. Collection of articles dedicated to the 80th Anniversary of the birth of V.B. Black).* Saint Petersburg: Gosudarstvennyy Ermitazh, 53—64 (in Russian).
- Andreev, Yu.V. 2008. *Arkhaicheskaya Sparta. Iskusstvo i politika (Archaic Sparta. Art and Politics).* Saint Petersburg: Nestor-Istoriya (in Russian).
- Vakhtina, M.Yu. 2022. In *Arkheologicheskie vesti (Archaeological News)* 35, 214—221 (in Russian).
- Venedikov, I. 1963. In: Venedikov, I., Gerasimov, T., Dremsizova, Ts., Ivanov, T., Mladenova, Ya., Velkov, V. *Apoloniya. Razkopkite v nekropola na Apoloniya prez 1947—1949 g. (Apolonia. Excavate in the necropolis at Apolonia Prez 1947—1949).* Sofia: B"lgarskiyat arkheologicheski institut, 319—334 (in Bulgarian).
- Venedikov, I. 1969. In *Sovetskaya arkheologiya (Soviet Archaeology)* 3, 70—73 (in Russian).
- Vinogradov, Yu.A. 2006. In *Bosporskie issledovaniya (Bosporos Studies)* 13, 134—161 (in Russian).
- Vinogradov, Yu.A. 2007. *Bol'shoy lekif Ksenofanta (Large lekythos of Xenophantus).* Saint Petersburg: Gosudarstvennyy Ermitazh (in Russian).
- Vlasova, E.V. 2014. In: Zuev, V.Yu., Khrshanovskiy, V.A. (eds.). *Pogrebal'naya kul'tura Bosporskogo tsarstva. Materialy Kruglogo stola, posvyashchonnogo 100-letiyu so dnya rozhdeniya Mikhaila Moiseyevicha Kublanova (1914—1998). (Sankt-Peterburg, 25—26 noyabrya 2014 g.) (Burial culture of the Bosporan kingdom. Materials of the round table dedicated to the 100th Anniversary of the birth of Mikhail Moiseevich Kublanov (1914—1998). (Saint Petersburg, November 25—26, 2014)).* Saint Petersburg: Nestor-Istoriya, 41—46 (in Russian).

- Zaytseva, K.I. 1971. In: Gorbunova, K.S. (ed.). *Kul'tura i iskusstvo antichnogo mira (Culture and art of the ancient world)*. Leningrad: Avrora, 4—106 (in Russian).
- Zaytseva, K.I. 2004a. In *Bosporskie issledovaniya (Bosporos Studies)* 7, 356—390 (in Russian).
- Zaytseva, K.I. 2004b. In: Khodza, E.N. (ed.). *Ellinisticheskiye shtudii v Ermitazhe: Sbornik statey k 60-letiyu M.B. Piotrovskogo (Hellenistic studies in the Hermitage: Collection of articles dedicated to the 60th Anniversary of M.B. Piotrovsky)*. Saint Petersburg: Gosudarstvennyy Ermitazh, 120—149 (in Russian).
- Zhuravlev, D.V. Lomtadze, G.A. 2002. In: Zhuravlev, D.V., Diatroptov, P.D., Il'ina, T.A. *Na krayu Oykumeny. Greki i varvary na severnom beregu Ponta Evksinskogo (On the edge of the ecumene. Greeks and barbarians on the north coast of Pontus Euxine)*. Moscow: GLM, 79—85 (in Russian).
- Konova, L. 2002. In *Izvestiya na Natsionalniya istoricheski muzey (News at the National Historical Museum)* 13, 46—55 (in Russian).
- Krapivina, V.V. 2007. In: Zuev, V.Y. (ed.). *Bosporskiy fenomen: sakral'nyy smysl regiona, pamyatnikov, nakhodok. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Bosporus Phenomenon: Sacred Meaning of the Region, Monuments, Finds. Materials of the international scientific conference)*. Pt. 2. Saint Petersburg: Gosudarstvennyy Ermitazh, 127—132 (in Russian).
- Latysheva, V.A. 1984. In: *Arkheologiya (Archaeology)* 48, 65—67 (in Russian).
- Latysheva, V.A. 1994. In *Drevnosti (Antiquities)* 1994, 127—140 (in Russian).
- Maksimova, M. I. 1958. In *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha (Proceedings of the State Hermitage Museum)* 2, 62—66 (in Russian).
- Marazov, I. 1992. *Mit, ritual i izkustvo u Trakite (Myth, ritual and art among the Thracians)*. Sofiya: Universitetsko izdatelstvo "Sv. Kliment Okhridski" (in Bulgarian).
- Minchev, A. 2012. In: Rabadzhiev, K. (ed.). *Izkustvo & ideologiya (Art & Ideology)*. Sofiya: Universitetsko izdatelstvo "Sv. Kliment Okhridski", 752—767 (in Bulgarian).
- Papanova, V.A., Lyashko, S.N. 2014. In *Starozhitnosti stepovogo Prichornomor'ya i Krimu (Antiquities of the Steppe Black Sea and Crimea)* XVII, 207—229 (in Russian).
- Papanova, V.A., Lyashko, S.N. 2015. In *Starozhitnosti stepovogo Prichornomor'ya i Krimu (Antiquities of the Steppe Black Sea and Crimea)* XVIII, 171—180 (in Russian).
- Petrovs'ka, E.O. 1957. In *Arkheologiya (Archaeology)* XII, 154—156 (in Ukrainian).
- Pruglo, V.I. 1978. In *Kratkie soobshheniya Instituta arkheologii (Brief Reports of the Institute of Archaeology)* 156, 45—52 (in Russian).
- Ruban, V.V. 1982. In Baran, V.D. (ed.). *Novyye pamyatniki drevney i srednevekovoy khudozhestvennoy kul'tury (New monuments of ancient and medieval artistic culture)*. Kyiv: Naukova dumka, 54—58 (in Russian).
- Rusyaeva, A.S. 2005. *Religiya pontiyskikh ellinov v antichnuyu epokhu: Mify. Svyatilishcha. Kul'ty olimpiyskikh bogov i geroyev (Religion of the Pontic Hellenes in the Ancient Era: Myths. sanctuaries Cults of Olympic gods and heroes)*. Kyiv: Stilos (in Russian).
- Skrzhinskaya, M.V. 2007. In *Rossiyskaya arheologiya (Russian archaeology)* 2, 16—24 (in Russian).
- Skrzhinskaya, M.V. 2010. *Kul'turnyye traditsii Ellady v antichnykh gosudarstvakh Severnogo Prichornomor'ya (Cultural traditions of Hellas in the ancient states of the Northern Black Sea region)*. Kyiv: Institut istorii Ukrainy NAN Ukrainy (in Russian).
- Furmans'ka, A.I. 1958. In: *Arkheologichni pam'yatki URSR (Archaeological monuments of the Ukrainian SSR)*. Vol. 7. Kyiv: Naukova dumka, 40—60 (in Ukrainian).
- Khmelevskiy, D. 2004. In: Kryzhitskiy, S.D. (ed.). *Borysthenika-2004. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii k 100-letiyu nachala issledovaniy ostrova Berezan' E.R. Shternom (Borysthenika-2004. Proceedings of the International Scientific Conference on the 100th Anniversary of the Beginning of Research on the Berezan Island E.R. Stern)*. Nikolayev: Natsional'naya Akademiya nauk Ukrainy, 178—179 (in Russian).
- Khmelevskiy, D.N. 2015. In *Arkheologiya i davnya istoriya Ukrayiny (Archaeology and Ancient History of Ukraine)* 1 (14). *OLBIO. Pamyati V.V. Krapivinoi (OLBIO. In memory of V.V. Krapivina)*, 231—237 (in Russian).
- Khmelevskiy, D.N. 2016. In *Еривако. Naukoviy shchokvartal'nik (Еривако. Scientific shchokvartal'nik)* 4 (16) (zhovten'—gruden') (October—December). *FORUM OLBICUM I. Pam'yati V.V. Krapivinoi (FORUM OLBICUM I. In memory of V.V. Krapivina)*, 169—177 (in Russian).
- Schaub, I.Yu. 1999. In *Stratum plus* 3, 207—224 (in Russian).
- Schaub, I.Yu. 2007. *Mif, kul't, ritual v Severnom Prichornomor'ye VII—IV vv. do n.e. (Myth, cult, ritual in the Northern Black Sea region of the 7th — 4th cc. BCE)*. Saint Petersburg: SPbGU (in Russian).
- Schaub, I.Yu. 2008. In *Arkheologicheskie vesti (Archaeological News)* 15, 112—117 (in Russian).

- Schaub, I.Yu. 2011. *Ellinskiye traditsii i varvarskiye vliyaniya v religioznoy zhizni grecheskikh koloniy Severnogo Prichernomor'ya (VI—IV vv. do n.e.) (Hellenic traditions and barbarian influences in the religious life of the Greek colonies of the Northern Black Sea region (6th — 4th cc. BCE))*. Saarbrücken: LAP (in Russian).
- Schaub, I.Yu. 2020. In *Arkheologicheskie vesti (Archaeological News)* 29, 155—161 (in Russian).
- Schaub, I.Yu. 2022. In *Arkheologicheskie vesti (Archaeological News)* 35, 208—213 (in Russian).
- von Stern, E.R. 1911. In: *Sbornik arkheologicheskikh statey, podnesenny grafu A.A. Bobrinskomu v den' 25-letiya predsedatel'stva yego v Arkheologicheskoy komissii. 1886 — 1.II.1911 (Collection of archaeological articles presented to Count A.A. Bobrinskiy on the day of the 25th Anniversary of his chairmanship in the Archaeological Commission. 1886 — 1.II.1911)*. Saint Petersburg: Tipografiya V.F. Kirshbauma, 13—30 (in Russian).
- Du Bois de Montperreux, F. 1843. *Voyage au Caucase chez les Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Arménie et en Crimée par Frédéric Du Bois de Montpéreux*. Atlas. IV Série. Neuchatel en Suisse; Paris: Gide libraire-éditeur.
- Emre, K. 1971. *Anatolian lead figurines and their stone moulds = Anadolu kursun figürinleri ve tas kalıpları*. Ankara: TTK.
- Fol, A., Fol, V. 2005. *The Thracians*. Sofia: All Bulgarian Foundation.
- Léclant, J. 1960. Astarte à cheval. *Syria* 57, 1—67.
- Hoffmann, H. 1997. *Sotades. Symbols of Immortality on Greek Vases*. Oxford: Oxford University Press.
- Lloyd, J. 2021. The Spartan lead votives: new data from archival and scientific analysis. *Thiasos. Rivista di archeologia e architettura antica* 10.2. *Offerte in metallo nei santuari greci. Doni votivi, rituali, smaltimento, Atti del seminario internazionale online, 29 ottobre 2020*, 33—44.
- Robinson, D.M. 1941. *Excavations at Olynthus. Pt. X. Metal and Minor Miscellaneous Finds: an Original Contribution to Greek Life*. Baltimore: Johns Hopkins Press; London: Humphrey Milford.
- Schauenburg, K. 1987. Flügelgestalten auf unteritalischen Grabvasen. *Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts* 102, 199—232.
- Venedikov, I., Gerassimov, T. 1973. *Thrakische Kunst*. Wien; München: Schroll.
- Venedikov, I., Todorov, N. 1970. *Prehistoric and Antique Relics in Bulgaria*. Sofia: Sofia Press.
- Wace, A.J.B. 1908—1909. The Menelaion. The Lead Figurines. *Annual of the British School at Athens* 15, 127—140.
- Wace, A.J.B. 1929. The Lead Figurines. In: Dawkins R.M. (ed.). *The Sanctuary of Artemis Orthia at Sparta*. London: Macmillan and Co., 249—284.
- Wünsch, R. 1913. Die Labrys in Pantikapaion. *Archiv für Religionswissenschaft* 16, 632—633.

Рис. 1. Свинцовый вотив. Ольвия, III в. до н.э.: 1 — лицевая сторона; 2 — оборотная сторона.

Fig. 1. Lead votive. Olbia, 3rd century BCE: 1 — front side; 2 — reverse side.

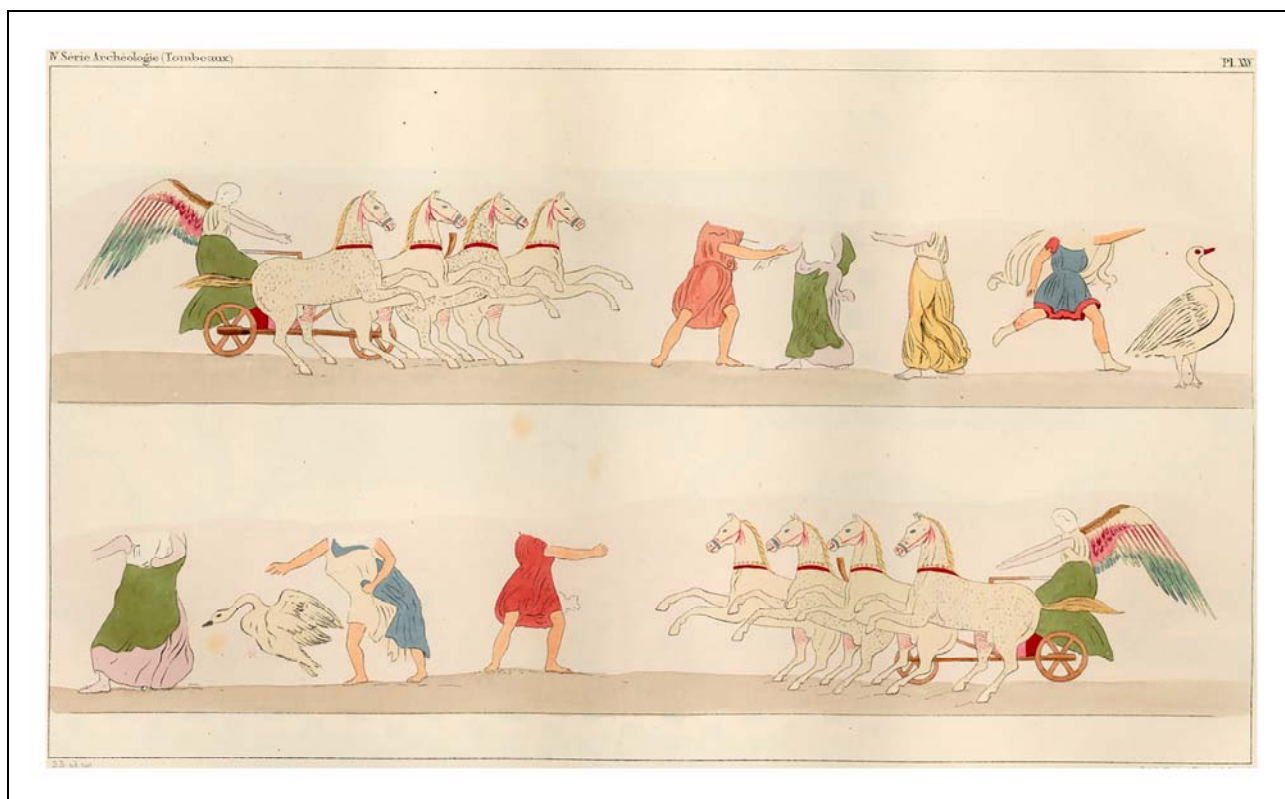

Рис. 2. Фрагменты росписи продольных досок саркофага «царицы». Курган Куль-Оба, IV в. до н.э. (по DuBois de Montperreux: pl. XXV).

Fig. 2. Fragments of the painting of the longitudinal boards of the “Queen” sarcophagus. Burial Mound Kul-Oba, 4th century BCE (after DuBois de Montperreux: pl. XXV).

Рис. 3. «Ника» на колеснице. Фрагмент рельефного украшения Большого лекифа Ксенофанта, ок. 375 г. до н.э. (по Виноградов 2007: 31).

Fig. 3. “Nika” on chariot. Fragment of relief decoration of the Great Lekythos of Xenophantus, circa 375 BCE (after Vinogradov 2007: 31).

Рис. 4. Золотая серьга. Курган близ с. Синеморец (Болгария), III в. до н.э. (по Агре 2013: 285, № 107).

Fig. 4. Gold earring. Burial mound near Sinemorets village (Bulgaria), 3rd c. BCE (after Agre 2013: 285, No. 107).

Рис. 5. Роспись гробницы у села Мыглиж (Болгария), III в. до н.э. (по Fol, Fol 2005: 116—117).

Fig. 5. Painting of the tomb near Myglizh village (Bulgaria), 3rd century BCE (after Fol, Fol 2005: 116—117).

УДК 902/904

DOI: 10.53737/2713-2021.2022.30.80.003

М.Ю. Трейстер

**СУЩЕСТВОВАЛ ЛИ ТРАНСЪЕВРАЗИЙСКИЙ «МЕХОВОЙ ПУТЬ» В ЭПОХУ ХАНЬ?
(РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ОСНОВАНИИ МАТЕРИАЛОВ АРХЕОЛОГИИ)***

Отсутствие конкретики и системного подхода к рассмотрению археологического материала, заставляет меня в рамках одной публикации рассмотреть в динамике и выявить соотношение распространения китайских импортов на Западе, т.е. в погребениях кочевников Азиатской Сарматии и в Северном Причерноморье, с одной стороны, и западных и центральноазиатских импортов в Китае и в некрополях сюнну эпохи Хань, с другой. Несмотря на многовекторность связей, которые демонстрируют некоторые погребения элиты кочевников Азиатской Сарматии I в. до н.э. — III в. н.э., говорить о существовании стабильного передвижения товаров из Китая в Северное Причерноморье и в обратном направлении по сухопутному пути трудно.

Даже если принять во внимание то, что на восток шли товары, которые с трудом фиксируются археологически, например, меха, как это имело место в раннем средневековье, то обращает на себя внимание существенное большее количество находок китайских и центрально-азиатских предметов на территории Азиатской Сарматии и Северного Причерноморья, нежели предметов, которые можно было бы идентифицировать как северопричерноморские (или проходящие транзитом через Северное Причерноморье), в могильниках хунну в Монголии и в некрополях эпохи Хань в Китае.

Картина отражает продвижение отдельных категорий товаров с востока на запад в результате межплеменного обмена и (или) миграций, в среднесарматский период. В позднесарматский период предметы китайского происхождения не попадали западнее Южного Приуралья, а римские импорты — восточнее Южного Приуралья и Зауралья. И те, и другие направлялись специально в этот регион, а купцов из Северного Причерноморья и из Кангюя (?) привлекали одни и те же товары, доступные именно здесь, вероятно, меха.

Ключевые слова: Евразия, Китай, Азиатская Сарматия, Северное Причерноморье, китайские и римские импорты, Шелковый путь, Меха, меховой путь.

Сведения об авторе: Трейстер Михаил Юрьевич, Dr. phil. habil. (RUS), независимый исследователь.

Контактная информация: 53175, Федеративная республика Германия, г. Бонн, Вайсенбургштрассе 59; e-mail: mikhailtreister@yahoo.de.

* Представленная публикация выполнена в рамках проекта, финансируемого DFG и РФНФ «Формы и пути культурных контактов кочевников Азиатской Сарматии. Импорты в сарматских памятниках II в. до н.э. — III в. н.э.» (FL-334/15-1). Партнер проекта с российской стороны — Б.А. Раев.

Автор выражает искреннюю признательность за предоставленную нам возможность работать в экспозиции и фондах музеев, в которых хранятся рассмотренные в статье предметы: Ю.А. Апалькову (БИХМ, Борисоглебск), Н.В. Хабаровой†, А.В. Жадаевой (ВОКМ, Волгоград), О.А. Халяпиной (ГИКМ, Оренбург), К.Б. Фирсову (ГИМ, Москва), И.П. Засецкой, Е.Ф. Корольковой, С.В. Воронятову (ГЭ, Санкт-Петербург), Е.В. Величко (МИДУ, Киев), А.Д. Таирову (МНТУ ЮрГУ, Челябинск), А.Г. Язовских (РОМК, Ростов-на-Дону), Н.М. Шумейко (СОМК, Саратов), С.А. Науменко и Н.С. Щербаковой (АМЗТ, Танаис), Е.Н. Плаховой (ЭКМ, Энгельс).

Статья поступила в номер 25 ноября 2022 г.

Принята к печати 12 декабря 2022 г.

Mikhail Treister

WHETHER THE “FUR ROAD” EXISTED IN HAN PERIOD? (THE REFLECTIONS ON THE BASIS OF ARCHEOLOGICAL MATERIALS)

The lack of specificity and systematic approach to the treatment of archaeological material forces me, within the framework of one publication, to consider in dynamics and to identify the correlation of the distribution of Chinese imports in the West, i.e. in the burials of the nomads of Asian Sarmatia and in the Northern Black Sea region, on the one hand, and of Western and Central Asian imports in China and in the Xiongnu necropoleis of the Han period. Despite the multi-vector connections that demonstrate some of the elite burials of the nomads of Asian Sarmatia in the 1st century BCE — 3rd century CE, it is difficult to talk about the existence of a stable movement of goods from China to the Northern Black Sea region and in the opposite direction along the land route.

Even if we take into account the fact that goods that are difficult to be fixed archaeologically, for example, furs, were transported to the east, as was the case in the Early Middle Ages, a significantly larger number of finds of Chinese and Central Asian objects in the territory of Asian Sarmatia and the Northern Black Sea region, rather than objects that could be identified as North Pontic (or transiting through the Northern Black Sea region), in the burials of the Xiongnu in Mongolia and in the necropoleis of the Han period in China, attracts attention.

The picture reflects the movement of certain categories of goods from east to west as a result of intertribal exchange and (or) migrations in the Middle Sarmatian period. In the Late Sarmatian period, objects of Chinese origin were not distributed to the west of the Southern Urals, and Roman imports did not penetrate to the east of the Southern Urals and Trans-Urals. Both of them were sent specifically to this region, and merchants both from the North Pontic area and from Kangju (?) were attracted by the same goods available here, probably furs.

Key words: Eurasia, China, Asian Sarmatia, North Pontic area, Chinese and Roman imports, Silk Road, Fur Road.

About the author: Treister Mikhail, Dr. phil. habil. (RUS), Independent Researcher.

Contact information: 53175, Federal Republic of Germany, Bonn, Weißenburgstr. 59; e-mail: mikhailtreister@yahoo.de.

1. Существовал ли прототип Шелкового пути в первой половине — середине I тыс. до н.э.?

Предположения о существовании трансевразийских торговых путей, существовавших задолго до возникновения (как предполагается в конце II в. до н.э.) т.н. Шелкового пути, высказывались неоднократно и возникновение их относили еще к IV—III тыс. до н.э. (Christian 2000: 10—14; Кузьмина 2010: 106, 113; Manning 2014: 6—7; De la Vaissière 2014: 101—124). Предполагалось, что эти связи получают более интенсивное развитие с начала I тыс. до н.э., а, по мнению К. Рубинсон, возникновение т.н. Меховых путей, связывающих Китай и Сибирь, следует относить не позднее, чем к VII в. до н.э. (Rubinson 1992: 67—69), и эти связи усиливаются в скифскую эпоху (De la Vaissière 2014: 101—124). В то же высказывалось сомнения о возможности постоянного и систематического функционирования трансевразийских торговых путей (Christian 2000: 16), а шелк вряд ли мог быть основным товаром, который перемещался по таким торговым путям (De la Vaissière 2014: 101—124). Точки зрения о том, что товары перемещались из Китая на запад по Шелковому пути или его северному отрезку, Меховому пути, придерживались многие исследователи (см. обзоры Selbitschka 2018: 3—5; Трейстер 2018б: 153—156).

Если исходить из того, что находки восточных (центральноазиатских и китайских) предметов в погребениях кочевников Азиатской Сарматии и в Северном Причерноморье являются отражением существования в этот период торгового пути, то логично предположить, что товары по этому пути, предшественнику Мехового пути, распространялись не только с востока на запад, но и в обратном направлении.

Мнение о том, что движущей силой распространения китайских товаров на запад были китайские купцы, вряд ли можно признать оправданным, учитывая состояние источников, свидетельствующих о том, что никакой торговли на большие расстояния не было, и что китайские правители совершенно не ставили перед собой задачу завоевать чужие рынки, а обменом и перепродажей даров китайских властителей занимались кочевники, занимавшие территории к северу от Китая (Raschke 1978: 606—622; Christian 2000: 16—17; Barfield 2001: 238—241; Honeychurch 2015a: 50—87; Selbitschka 2010; 2018: 7—10; Brosseder 2016: 200; Khazanov 2019: 88—91; Brosseder, Miller 2018: 162—183; Hoppál 2021: 72). Существенную роль в такой торговле принадлежала и частной инициативе купцов из Индии и Центральной Азии (Manning 2014: 9—10). Вместе с тем, письменные документы, датирующиеся от 111 г. до н.э. до 107 г. н.э., обнаруженные при раскопках почтовой станции в районе Дуньхуана, показывают, что правители династии Хань создали сеть государственных почтовых станций и постоянных дворов в Ганьсуйском коридоре, соединяющем Китай с Синьцзяном, и контролировали торговлю в этом коридоре (Yang 2015: 421—432).

Следующий момент касается того, каким образом осуществлялось передвижение товаров? В отечественной историографии встречаются точки зрения о том, что это были отдельные предприниматели-купцы или большие караваны, которые могли проходить весь путь от границ Китая до Причерноморья. По мнению Н.Е. Берлизова (1993: 33; 2011: 221), находки китайских предметов в Сарматии попадали с караванами китайских купцов. При этом для I в. до н.э. — II в. н.э. исследователь выделяет два хронологических отрезка, когда это могло иметь место: первый — между 36 г. до н.э. и 23 г. н.э. и второй — в 74—125 гг. н.э.

В то же время в современной науке получили распространение точка зрения о том, что торговцы путешествовали небольшими группами и на небольшие расстояния — от оазиса — к оазису (Levi 2012: 325; Selbitschka 2018: 11; Khazanov 2019: 90) и соответственно важную роль в механизме этой торговли играло оседлое население Центральной Азии (Høisæter 2017: 1—25). По настоящему трансевразийская континентальная торговля могла быть реальной только в тех случаях, когда империи кочевников контролировали всю или значительную территории евразийской степи, считает А.М. Хазанов, отмечая, что в мировой истории это имело место лишь дважды: впервые в VI в. н.э. при тюрках, когда важнейшую роль играли согдийские купцы, а затем уже в XIII в. н.э. при монголах (Khazanov 2019: 90—91).

Совсем недавно, в работе С.А. Яценко, который в начале 1990-х гг. отстаивал точку зрения о том, что находки китайских импортов в Сарматии были связаны с миграцией аланов из Центральной Азии, существенно изменил свою точку зрения, считая, что попадание этих предметов связано с торговым путем, который возник в 36 г. до н.э. оформился в I в. н.э. и на западе доходил до Урала, при этом торговлей на этом пути занимались не китайские купцы, а торговцы из Кангюя (Яценко 2017: 260; 2020: 50—57). Предполагается, что этот торговый путь продолжался и далее на запад, к устью Дона и контролировался аорсами, которые не пропускали по нему греческих купцов, а около середины I в. н.э. с приходом алан кочевники по этому пути стали пропускать «греческих купцов из Римской империи на свои территории» (Яценко 2017: 261; 2020: 53). При этом распространение китайских зеркал связывается предположительно «с китайской контрабандой» (Яценко 2017: 262) или высказывается точка зрения, что подделки-имитации китайских зеркал, которые по ничем не

обоснованному мнению С.А. Яценко изготавливались в Фергане (Яценко 2020: 54; ср. Ravich, Treister 2021: 41—46; Равич, Трейстер 2021: 416—423), о том, что зеркала китайских типов по технологии изготовления и составу металла абсолютно соответствуют находкам таких зеркал в Китае), а мечей с нефритовыми деталями — дарами правителей Кангюя своим западным «вассалам (пусть даже формальным)» (Яценко 2017: 263; 2020: 54—55).

В последних работах А.М. Хазанова, преимущественно на материалах письменных источников с кратким привлечением выводов работ других исследователей (в частности, автора этой статьи), публикующих археологические материалы, высказывается точка зрения о том, что северная ветка «Шелкового пути» в большинство исторических периодов, в частности в эпоху Хань, просто не существовала (Khazanov 2021: 134—137, 155—157; Хазанов 2022: 170—172, 182—183).

2. Многовекторность контактов по материалам из погребальных комплексов кочевников Азиатской Сарматии

Я уже неоднократно рассматривал находки, как китайских предметов, так и западных импортов в погребениях кочевников Азиатской Сарматии в связи с различными гипотезами о появлении их в степях Восточной Европы и Северном Причерноморье. Отсутствие конкретики и системного подхода к рассмотрению археологического материала, заставляет меня в рамках одной публикации рассмотреть в динамике и выявить соотношение распространения китайских импортов на Западе, т.е. в погребениях кочевников Азиатской Сарматии и в Северном Причерноморье, и западных и центральноазиатских импортов в Китае и в некрополях хунну.

2.1. IV — первая половина I в. до н.э.

В погребениях, датируемых временем ранее второй половины I в. до н.э., находки предметов китайского или центральноазиатского происхождения чрезвычайно редки. К ним относятся, в частности, фрагмент китайского зеркала последней трети V — первой половины IV в. до н.э. (рис. 1: 1; 2: 2), происходящий из погребения IV в. до н.э. № 3 кургана № 4/1983 могильника у совх. Чкаловский (рис. 2) (Трейстер 2017: 140—147; 2018б: 156—157 с библиографией, рис. 1; Treister, Ravich 2021: 24—26, fig. 1; Равич, Трейстер 2021: 407, рис. 1; 11).

Китайская бронзовая с позолотой поясная пластина первой половины II в. н.э. во вторичном использовании (рис. 1: 2; 3: 5) была найдена в воинском погребении № 2 второй половины этого столетия или начала (первой половины) I в. до н.э. кургана № 17/1993 могильника Покровка 2 на левом берегу р. Илек, также в Южном Приуралье (рис. 3) (Яблонский и др. 1994: 41—42, 159, рис. 81: 13; Трейстер 2018б: 156—159 с библиографией, рис. 2). Эта пластина, находящаяся параллели как в княжеских погребениях династии Западной Хань (Boardman 2010: 55, No. B/W 2, figs. 193—195; Cat. Cambridge 2012: 188—191, no. 82; Kost 2017: 366—369, fig. 4.14), так и при раскопках гробницы времени Западной Хань у Сандианкум, в восточных пригородах Ксиана (Boardman 2010: 54, no. B/W 2, figs. 191—192) может рассматриваться как североазиатское изделие, мода на которые получила распространение в эпоху Западной Хань, или как изделие китайской мастерской по степным образцам (Rawson 2012: 24; cf. Kost 2017: 368—371). Никаких западных импортов в указанных погребениях (рис. 2—3) найдено не было.

Хотя античная керамика в небольшом количестве начинает поступать к кочевникам Южного Приуралья и Нижнего Поволжья еще в III в. до н.э., а во II—I вв. до н.э. в

погребениях кочевников встречено относительно много керамических унгентариев (Трейстер 2021a: 157—194), для этого периода комплексы, в которых были найдены предметы, как восточного, так и западного происхождения чрезвычайно редки. Исключение составляют два погребения пожилых мужчин из Нижнего Поволжья и междуречья Волги и Дона, датирующиеся в рамках второй половины II — первой половины (трети) I в. до н.э.: погребение № 19 кургана № 12/1953 у с. Политотдельское (рис. 4) и № 4 кургана № 27/1964 в Жутово, в которых находки унгентариев, а в последнем — и гончарной керамики, и, возможно, происходящего из Малой Азии бронзового котла сочетались с предметами и элементами обряда центральноазиатского происхождения (Трейстер 2021a: 175—180 с лит.). Если для некоторых керамических сосудов, в первую очередь унгентариев, можно предполагать, происхождение из Малой Азии, то другие — весьма вероятно были изготовлены на Боспоре. Многие комплексы с античной керамикой, как показано выше, демонстрируют находки центральноазиатского происхождения или восточные элементы в погребальном обряде.

Не меньшего внимания заслуживает еще один комплекс рассматриваемого времени из Заволжья: женское погребение № 3Б кургана № 4/2002 могильника Майеровский-III, в котором античный красноглиняный узкогорлый кувшин с широким венчиком, скорее всего, свидетельствующий о его назначении — хранении масла, сочетается с серебряной чашей парфянского происхождения, янтарными и коралловыми бусами и пронизьями, а также предметами, имеющими ближайшие параллели по форме и декору в Южном Приуралье: костяным навершием гребня и серьгами с подвесками на цепочках (рис. 5) (Трейстер 2021a: 181—182).

Итак, очевидно, что владельцы античной керамики, все или частично, представляют собой пришедших с Востока кочевников, по крайней мере, часть из которых имела какие-то контакты с Парфией. На мой взгляд, это вполне согласуется с тем, что погребения, в которых они найдены, могли принадлежать представителями той самой волны, которая участвовала в разгроме Греко-Бактрийского царства ок. 145 г. до н.э. (Трейстер 2018в: 148; 2021a: 182 с лит.; Treister 2020: 385), и нет необходимости относить их к более ранней миграционной волне кочевников первой четверти II в. до н.э., как это делают В.П. Глебов и А.В. Дедюлькин (Глебов, Дедюлькин 2020: 104—106).

Обращает на себя внимание тот факт, что в указанных погребениях в Жутово, Политотдельском и Майеровском предметов китайского происхождения нет. Основные Векторы контактов этого времени — восточный (Центральная Азия), южный (Парфия), юго-западный (Малая Азия, Боспор).

Вместе с тем, о том, что не позднее II вв. до н.э. далеко на восток поступала не только керамика свидетельствует находка клада боспорских монет в Джунгарии, неподалеку от оз. Эби-нор. В 1918 г. киргизы нашли на берегу реки Боротола, вместе с различными предметами керамики, группу бронзовых монет III—II вв. до н.э. из которых 15 оказались пантикапейскими и 1 — фанагорийской (рис. 1: 3) (Diehl 1923: 441—449, Taf. 266: 1—6; Werner 1933: 249—250; Gajdukevič 1971: 108; IGCH 1821; Olbrycht 2001: 118, Anm. 175; Vinogradov 2006: 222 (указывает, что наиболее поздний экземпляр датируется II в. до н.э.); coinhoards.org: 1; Coin Hoards XI: 49, no. 269). Довольно редкая первая публикация монет клада и единственная с фотографиями монет после Й. Вернера (Werner 1933: 249—250) никем не использовалась. М.Г. Абрамзон сделал современные определения монет, опубликованных Дилем, и любезно предоставил их в наше распоряжение. Пантикапейские монеты клада относятся к трем типам и датируются в рамках 330—250 гг. до н.э. Наиболее поздней монетой в кладе является широко датируемая в рамках ок. 200—110 г. до н.э. монета

Фанагории: л.с. Голова безбородого сатира вправо. Точечный ободок; о.с. Лук и стрела; ФА; Бурачков 1884: табл. XXIII: 8—11; SNG BM: 990—994). Она и дает *terminus post quem*клада не ранее II в. до н.э.

Таким образом, уже для этого времени у нас есть, пусть и редкие и без контекста, свидетельства трансевразийских контактов. Две медные монеты были найдены в кочевническом мужском погребении кургана близ с. Иштуганово Мелеузовского района Республики Башкортостан: одна — понтийский тетрахалк чеканки Митридата VI Евпатора, вторая — пантикапейский обол времени Фарнака (Кропоткин, Обыденнов 1985: 244—245, рис. 3; Скрипкин 2003: 194—195; Акбулатов 2014: 30—31).

2.2. Вторая половина I в. до н.э. — первая половина I в. н.э.

В комплексах второй половины I в. до н.э. — первой половины I в. н.э. количество китайских предметов в погребениях сарматов увеличивается. Начиная с этого этапа в комплексах с китайскими изделиями встречаются предметы западного импорта: бронзовая посуда позднеереспубликанских типов (Треистер 2020б: 41—109), серебряный сосуд августовского времени (Треистер 2007: 42—43) (Виноградный (рис. 6), Косика, Соколова Могила, Октябрьский), а также изделия, выполненные в Парфии (Октябрьский) (Треистер 2018в: 122—124) или в парфянском стиле (Косика) (Треистер 2018в: 125—126).

Обращают на себя внимание комплексы погребений из Косики (Dvornichenko, Fedorov-Davydov 1989: 5—13; 1993: 141—179; 1994: 66—75; Treister 1997: 49—74; Треистер 1994: 172—203; 2007: 47—50; 2018а: 108—143; 2021б: 153—178; Treister 2005: 206—223, 240—245; Белоусов, Треистер 2018: 92—128) и Калиновки. Широкий географический спектр происхождения вещей, прежде всего сочетание в погребении, которое датируется в рамках второй половины I в. до н.э., изделий центральноазиатского, италийского позднеереспубликанского, восточно-средиземноморского позднеэллинистического и прикубанского происхождения характеризует комплекс женского погребения в Калиновке (рис. 7—8) (Треистер 2019а: 208—209, 213—214, рис. 9: 1—4; 2020а: 163—178).

Появление массивных золотых украшений с утратами и со следами древнего кустарного ремонта, вероятно доставшихся погребенной по наследству, можно предположительно связывать с миграцией кочевников из Центральной Азии в степи Нижнего Поволжья и их возможном участии в событиях, связанных с падением Греко-бактрийского царства. Вероятно также, что более современные находки из этой могилы, также, как я предполагал и ранее по отношению к погребению в Косике, отражают участие кочевников в малоазийском походе Фарнака 47—46 гг. до н.э. (Треистер 2020а: 174—175).

Особенность комплексов этого времени — многовекторность контактов, относительно широкое распространение предметов из Китая (зеркала, шелковые ткани), Центральной Азии (ювелирные украшения) (Треистер 2019а: 208—212, рис. 9), Италии (бронзовые сосуды) (Треистер 2020б: 75—82), Восточное Средиземноморье (стеклянные сосуды) (Треистер 2019в: 260—264; 2020а: 168, рис. 5). Китайские зеркала именно в этот период достигают Нижнего Подонья, а китайские лаковые шкатулки и шелковые ткани появляются в Крыму и на Южном Буге (рис. 9: 1) (Треистер 2018б: 161—166, рис. 4—5; 178—179, рис. 14; Treister, Ravich 2021: 26—28, fig. 2; 38—39, fig. 12; Равич, Треистер 2021: 407—409, рис. 2; 12).

2.3. Вторая половина I — первая половина II в. н.э.

В погребальных комплексах кочевников Азиатской Сарматии второй половины I в. н.э. — первой половины II в. н.э. встречаются зеркала, шелковые ткани и лаковые сосуды. По-прежнему, они не известны в Приуралье, но представлены и в Нижнем Поволжье, и в Нижнем Подонье. В целом распределение китайских предметов близко к тому, которое мы наблюдаем в предшествующий период (рис. 9: 2) (Трейстер 2018б: 166—170, рис. 6—8; 179—181, рис. 15; Treister, Ravich 2021: 28—35, figs. 3—5; 39, fig. 13; Равич, Трейстер 2021: 409—410, рис. 3—5; 13).

Фрагменты лаковой чаши из датирующегося последней третью I — первой половиной II в. н.э. курганного могильника «Царский» недалеко от Танаиса (рис. 10) относятся к категории чаш с выступами-ушками *erbei*. Помимо находки в могильнике «Царский» фрагменты китайских лаковых изделий были найдены еще в трех погребальных комплексах Нижнего Подонья и междуречья Дона и Волги. Не исключено, что они также принадлежали чашам с выступами-ушками (Прях, Трейстер 2019: 328—337). Составленная У. Бросседер карта распространения китайских лаковых изделий в Евразии наглядно показывает их широкое распространение на территории к востоку от Иртыша: в Западной Сибири, однако в массовых масштабах еще восточнее — в степях Монголии, Бурятии и на Алтае. Напротив, их находки в погребениях кочевников в Поволжско-Уральском регионе и далее на запад — чрезвычайно редки (Brosseder 2015: 250, fig. 21). Новый импульс к вопросу об их распространении на запад придали находки китайских лаковых шкатулок в погребениях Усть-Альминского могильника в Юго-Западном Крыму, датирующихся в рамках второй четверти — второй половины I в. н.э. (Prüch 2013: 142—151; Brosseder 2015: 291, nos. 227—231).

Судя по картам У. Бросседер, на запад от Урала попадали преимущественно шкатулки (Brosseder 2015: 258, fig. 27). Четыре находки в могильниках Нижнего Подонья и междуречья Дона и Волги кардинально меняют эту картину, так как они представляют фрагменты чаш. Коррективу следует внести и в карту распространения изделий государственных и частных мастерских, судя по которой на запад попадали лишь изделия частных мастерских (Brosseder 2015: 258, fig. 28). Между тем, чаша из могильника «Царский», происходит, вероятно, из одной из государственных мастерских, чего нельзя, однако, с уверенностью сказать о других находках из Нижнего Подонья и междуречья Дона и Волги (Прях, Трейстер 2019: 328—337).

Предметы западного импорта (бронзовая, стеклянная и краснолаковая римская посуда) — частая совместная находка китайских бронзовых зеркал (Третьяки (рис. 11), оба комплекса из Кобяково, Чугуно-Крепинка (рис. 12)) (Трейстер 2020г: 165, 168, рис. 6; 171, 173, 175, 177; 2020д: 13, 16—17, рис. 6—7; 20, 35—36; 2020е: 9, рис. 7—9; 19—20, 24—25, рис. 12—13; 30). Вместе с тем, если китайские бронзовые зеркала в этот период — относительно частая находка в Подонье (при этом они не получают дальнейшего распространения в античных центрах Северного Причерноморья, за исключением одной находки в курганном некрополе Танаиса, которое скорее всего принадлежало кочевнику), то римская бронзовая и стеклянная (Трейстер 2019г: 25—68) посуда I — первой половины II в. н.э. в степи встречается лишь изредка восточнее Нижнего Поволжья (на этом фоне выделяется комплекс с находками бронзовой и стеклянной посуды и броши с эмалью из погребения первой половины — середины III в. н.э. кургана № 21/2010 в Южном Зауралье (рис. 13)) (Трейстер 2016а: 279—286) и, насколько мне известно, не попадает в Китай, хотя бронзовые тазы типа Eggers 99—106 встречены среди разнообразных находок римского происхождения (бронзовые сосуды, светильники статуэтки, стеклянные сосуды и т.д.) из

сокровищницы в Беграме (Menninger 1996; Morris 2020: 580—592), куда они, скорее всего, попадали через порты Западной Индии.

Находки таких тазов в Иудее (Yadin 1963: 46—48, nos. 1—2, fig. 10, pls. XII—XIV), Хадрамауте (Breton, Bâfaqîh 1993: 27, nos. 20, 21, 23; 49, pls. 13, figs. 32, 34; 26, fig. 78) и Западной Индии (de Puma 1991: 91—95, figs. 5.13—18; в Колхапуре были найдены и другие римские бронзовые сосуды Wheeler 1954: 151, pl. XXVIIa; de Puma 1991: 82—112), свидетельствуют о том, что такие тазы распространялись и в Восточном Средиземноморье и, вероятно, по морским путям доходили до Южной Азии (Треистер 2020е: 8—9).

2.4. Вторая половина II—III вв. н.э.

В погребениях позднесарматского времени конца II — середины — второй половины III в. н.э. китайские зеркала относительно в большом количестве представлены на Урале, где картографирование находок позволяет выделить две локальные группы (1 — Южное Приуралье: Лебедевка и могильники в бассейне р. Илек; 2 — Южная Башкирия, междуречье Сакмары и Урала, и Зауралье) при этом далее на запад они вообще перестали попадать (рис. 14: 1) (Треистер 2018б: 170—172, рис. 9; 180—181, рис. 16; Treister, Ravich 2021: 36—38, figs. 6—9; 39—41, fig. 14; Равич, Треистер 2021: 410—412, рис. 6—9; 14). Соображения о том, что эти зеркала целенаправленно поступали к кочевому населению Южного Приуралья уже высказывались (Малашев, Яблонский 2008: 59). Зеркала встречаются в одних комплексах вместе с римскими шарнирными брошами, украшенными в технике миллефиори (Покровка, Темясово, курган № 3) (Треистер 2016б: 345—354), в одном случае — бронзовая патера типа Миллинген с утраченной ручкой¹ была найдена в другом погребении того же кургана (Лебедевка-V, курган № 23, погребение № 2) (Мошкова 1982: 82, 85, рис. 2: 1—2; Берлизов 2011: 223—224, табл. 75: 1; Треистер 2022: 38, рис. 10; 41—42, 45). В аналогичном же сочетании (провинциально-римская брошь и бронзовый таз было найдено и зеркало в погребении № 2 могильника у хут. Городской в Адыгее (Marčenko, Limberis 2008: 375—376, Nr. 192, Taf. 200). Находки западной бронзовой посуды в Южном Приуралье (Треистер 2015: 112—125; Treister 2015: 241—246) и Зауралье (Треистер 2016а: 279—286) чрезвычайно редки.

Впервые в позднесарматский период в погребениях появляются мечи с элементами (скобы, перекрестья), выполненными из нефрита или халцедона или с бронзовыми перекрестьями, но лишь немногие из них следует рассматривать как китайские изделия — а основная часть вероятнее всего являлась подражаниями им (Треистер 2018б: 172—177, рис. 11).

3. Предметы западного происхождения в могильниках хунну в Монголии и некрополях эпохи Хань в Китае

В этой работе я попробую подробно рассмотреть западные импорты в эпохи Хань в Китае, и в комплексах сюнну Монголии и Алтая, с тем, чтобы попытаться понять, какими путями (морским или сухопутным) такие предметы попадали на Дальний Восток. В большинстве работ исследователи не делали попыток определить, каким именно путем попадали эти вещи на Дальний Восток (Brosseder 2015: 260—267, fig. 29).

Находок предметов западного происхождения в могильниках хунну в Монголии и некрополях эпохи Хань в Китае значительно меньше. В большинстве работ исследователи давали более или менее подробный список находок предметов преимущественно римских,

¹ Кроме того, отдельная ручка патеры с головой барана была найдена на песчаных выдувах у п. Ганюшкино Курмангазинского района Атырауской области в Западном Казахстане (Касенов, Сейткалиев 2017: 115—118).

происходящих из комплексов, датирующихся от I в. до н.э. до III в. н.э., и рассматривали их как аргумент в пользу существования как морского, так и сухопутного трансконтинентального пути, не делая попытки определить, каким же именно путем попадали эти вещи на Дальний Восток. Даже в работе У. Бросседер, в которой собран большой фактический материал как по находкам китайских предметов в комплексах Сарматии, так и римских — в могильниках сюнну, далеко не всегда такое разделение проводится. Поэтому попробуем проанализировать имеющиеся в нашем распоряжении археологические материалы под этим углом зрения.

3.1. Предметы торевтики

В княжеской гробнице T1/2000—2001 I в. н.э. могильника Гол Мод был найден фрагмент края серебряного кубка с позолоченным декором в форме «бегущей волны» (André, Desroches 2002: 204, fig. 33; Tao 2010: 181—182, fig. 15). Серебряный кувшин с аналогичным декором по краю, фризом в форме мерлонов у перехода к плоскому дну и фризом растительного декора в центральной части, с округлой вертикальной петлеобразной ручкой происходит из погребения YIM3 могильника Шансунцзяжай в Датуне, провинции Цинхай (Qinghai 1993: 160; André, Desroches 2002: 204, fig. 34; Cat. New York 2004: 193, no. 100; Tao 2010: 177—183, fig. 1—2). Декоративные фризы дают все основания рассматривать эту бутылку и фрагмент другого сосуда как изделия парфянских торевтов, в то же время форма ручки (вероятно вторичной) находит близкие параллели, как на сосудах бактрийской и парфянской работы, так и на серебряных и золотых кубках из погребений кочевников Азиатской Сарматии (Трейстер 2018в: 123—124).

Если мы исходим из парфянского происхождения этих сосудов, то весьма вероятно, что они попали в Тибет и Монголию сухопутным путем, тем более что находки серебряных чаш парфянской и хорезмийской работы встречаются в комплексах элиты саргатской культуры на Иртыше вместе с бактрийскими (или парфянскими серебряными фаларами, бактрийской или хорезмийской флягой (?), а также изделиями китайского происхождения (серебряным чубуком опиумной трубки, шелковой тканью, парчой, крашеной кожей — в погребении № 2 кургана № 1 у с. Сидоровка (Матющенко, Татаурова 1997: 60—61, 68—69, 72—76, рис. 15, 18—20, 23—24, 30; Трейстер 2018в: 121, 123, 147, 149) и из погребения № 6 в кургане № 3/1989 могильника Исаковка-I (Лившиц 2002: 54—55; Livshits 2003: 165—169; Трейстер 2018в: 122, 123). Серебряные чаши из Исаковки рассматривают как «Arsacid gifts presented to the nomadic rulers» (Olbrycht 2015: 341). Весьма вероятно, что и погребение в Сидоровке датируется не позднее I в. до н.э. — I в. н.э., хотя оно и было датировано авторами первой публикации в широких рамках II в. до н.э. — II в. н.э. (Матющенко, Татаурова 1997: 79—82). По крайней мере, хорезмийская выючная фляга с рельефным знаком из этого погребения (Матющенко, Татаурова 1997: 42, 68—69, рис. 15; Brosseder 2011: 378, fig. 26: 32) может быть уверенно датирована, как мне любезно сообщил С.Б. Болелов, не позднее I в. до н.э. (Treister 2020: 384, note 45). Близкую точку зрения на датировку погребения (I в. до н.э. или I в. н.э.) на основании анализа ажурных пластин и ложковидных подвесок ремней высказала и У. Бросседер (Brosseder 2011: 375; 2015: 232).

Пожалуй, наиболее ранним западным предметом, найденным в погребении хунну в Монголии, и с большой вероятностью попавшим туда континентальным путем из Северного Причерноморья, является найденный в кургане № 20 Ноин-Улы переделанный из медальона серебряной эллинистической чаши фалар (рис. 15), который был изготовлен, с наибольшей вероятностью, в период с конца II по середину I в. до н.э., скорее всего, в одной из мастерских Причерноморского региона из медальона серебряного блюда либо фиалы, либо

конической чаши, возможно, малоазийской работы второй половины II в. до н.э. Фалар попал в могилу хунну в Забайкалье, — судя по находке в ней китайской лаковой чаши, датированной 4-м годом Юананьской эры (или 9 г. до н.э.), — в период времени около рубежа и не позднее первой половины I в. н.э. Данный медальон является самой восточной на сегодняшний день находкой произведения эллинистической торевтики, обнаруженной за многие тысячи километров от предполагаемого района его изготовления (см. Трейстер 2014: 125—150; Treister 2016: 55—95 с библиографией и подробным анализом; см. также Eregzen 2011: 128—129, no. 162; Brosseder 2015: 261, 262, fig. 29: 1; Honeychurch 2015b: 280, fig. 9.7; Whitfield 2018: 24; Baumer 2019: 3).

Высказывались также соображения о том, что распространение в ханьском Китае в I в. до н.э. золотых украшений, оформленных филигранью вероятно связано с эллинистическим влиянием (Yan Liu 2020: 175—198).

3.2. Фаянсовые подвески и пронизи

Примечательна находка двух подвесок в форме гениталий в погребении № 39 второй половины II — середины III в. н.э. могильника Курайка на Горном Алтае² (рис. 16: 5) (Богданов, Слюсаренко 2007: 77—80, рис. 5), аналогичной — на территории Монгольского Алтая (Miller 2011: 472, 473, fig. 10: 1; Brosseder 2015: 265, note 151), еще двух — на севере Китая, в Хотане (Ния), и в гробнице времени династии Хань у деревни Шансунья в провинции Цинхай (рис. 16: 4) (Lin Yixian 2010: 204, fig. 2), а также пронизи в форме алтарика синего фаянса в могильнике Сампулы в Синьцзяне (Wang Bo, Lu Lipeng 2009: 311, photo 15)³, и в могильнике Икхерин Ам (погребение № 1) и подвесок в форме руки с кукишем (Egiimaа 2011: 125, no. 157; Brosseder 2015: 262, fig. 29: 10; 265) и фигурки Беса (Egiimaа 2011: 125, no. 156; Brosseder 2015: 262, fig. 29: 11; 265): погребение № 1, Икхерин Ам, Дэлгэрцогт, провинция Дундговь) — на севере Гоби. Кроме того, одна из хранящихся в Королевском музее Онтарио в Торонто плакеток с фигуркой льва была приобретена в районе Лояна (провинция Хэнань) (Seligman, Beck 1938: 11, pl. IV: 6c).

Откуда, из Северного Причерноморья или с Ближнего Востока, редкие фигурные фаянсовые украшения попадали далее на восток, на территорию Горного Алтая и на север Китая — вопрос открытый (см. подробно Трейстер 2018г: 16—19, 26), хотя и высказывались предположения о том, что они могли поступать к сюнну через степи Нижнего Поволжья и Центральную Азию (Brosseder 2015: 265), поскольку найденные там пронизи в подвески в форме гениталий, руки с кукишем и пронизи в форме алтарика известны, как среди северопричерноморских, так и ближневосточных находок. В целом, хотя набор фаянсовых украшений, найденных на территории Центральной Азии, и представлен большим разнообразием форм, чем набор подобных украшений найденных в погребениях I в. до н.э. — II в. н.э. на территории Ближнего Востока и Передней Азии, тем не менее, он все же обнаруживает большую близость к нему, нежели к набору фаянсовых бус, пронизей и

² Последний датируется в настоящее время в рамках конца III — начала V вв. н.э. (Богданов, Новикова 2017: 275).

³ Тип Алексеева 1972: 9, рис. 3: 18; 1975: 48, тип 936, табл. 7: 33 (представлена единственной находкой из погребения некрополя Пантикапея, датирующегося концом I в. до н.э. — первой половиной I в. н.э.). По одной аналогичной пронизи происходит: из склепа № 620/1996 некрополя Усть-Альминского городища (из фаянса бирюзового цвета) (Труфанов 2009: 243, рис. 73: 2; Puzdrovskij 2013: 309, Kat.VII.55), могильника Опушки (Стоянова 2012: 36, рис. 31: 12) и из могильника Новофилипповка (голубого цвета) (Симоненко 2011: 114—115, рис. 69: 16). Аналогичные пронизи голубого фаянса вместе с сердоликовыми бусами и амфоровидной подвеской голубого фаянса образуют ожерелье неизвестного происхождения из собрания П. Берч, предположительно происходящее из Северного Ирана: Кат. Москва 1999: 44, инв. № 58.

подвесок из Северного Причерноморья. Украшений, типа распространенных только в Северном Причерноморье (см. подробно Трейстер 2018г: 20—24) здесь найдено не было (если не учитывать упомянутые выше плакетку с фигуркой лежащего льва, приобретенную в провинции Хэнань), при этом такие украшения характерных северо-причерноморских типов, достигали по крайней мере Центральной Азии, о чем свидетельствуют их находки из Кенимехских курганов на территории Западного Согда (Ниязова, Мирзаахмедов 2008: 164—165, рис. 1—2).

Показательны новые находки в могильнике Рабат в Бойсуне на юге Узбекистана: подвески в форме кукиша (Central Asian Archaeology Team et al. 2018: 20, 26, fig. 3; M36: 2—14; Central Asian Archaeology Team et al. 2020: 63—64(1383—1384), M66: 11); черепахи (Central Asian Archaeology Team et al. 2020: 65—66(1385—1386), M67: 5; ср. Алексеева 1975: табл. 11: 14—16; 12: 8; 13: 47) зерновидной (Central Asian Archaeology Team et al. 2018: 19, 26, fig. 18; M17: 40; Central Asian Archaeology Team et al. 2020: 65—66(1385—1386), M67: 7), грозди винограда (Central Asian Archaeology Team et al. 2018: 19, 26, figs. 1: 5; M17: 30; M36: 6—13; ср. Алексеева 1975: табл. 11: 21—35), а также в форме сфинкса (Central Asian Archaeology Team et al. 2018: 19, 26, fig. 3; M44: 10), плакетки овальной формы с изображением обнаженной фигурки (Central Asian Archaeology Team et al. 2018: 19, 26, fig. 4). Особый интерес вызывает подвеска в форме сфинкса на низком постаменте — подобные подвески в Северном Причерноморье мне не известны.

3.3. Подвески из многоцветного стекла

На севере Китая, в Хотане (Ния) (рис. 16: 3) (Lin Yixian 2010: 204 с аналогиями, fig. 1), в могильнике сюнну Бага Газрын Чулуу в Алаг Толгой в пустыне Гоби в Монголии (рис. 16: 2) (Lankton et al. 2012: 688, fig. 1; Honeychurch 2015a: 67, fig. 4.8; 2015b: 282—283, fig. 9.9) и в могильнике Ала Тей-1 в Туве были найдены треугольной формы подвески, спаянные из разноцветного стекла, с полосами, направленными вдоль канала отверстия. Полоски белого стекла в обоих случаях узкие, основной фон одной из подвесок — коричневый (Килуновская, Леус 2022: 116, рис. 7: 20), другой — синий (Килуновская, Леус 2022: 116, рис. 7: 25). В нижней части обе подвески — желтые (рис. 16: 1).

Исследования подвески из Нии показало, что это plant ash glass с содержанием поташа выше 4%, что свидетельствует, по мнению исследователей, о ее центрально-азиатском происхождении (Lin Yixian 2010: 209; см. о центральноазиатском происхождении рецептуры также: Henderson et al. 2018: 91—94, 100; Wang et al. 2020). Среди подвесок треугольной формы из Алаг Толгой выделяются две группы: две подвески с узкими белыми полосками на темно-красном и синем фоне изготовлены из натронного стекла (natron glass) (Lankton et al. 2012: 686—687, 688, fig. 1 слева), и, по мнению издателей, могут быть средиземноморского происхождения, две другие — с широкими полосками белого и желтого стекла — из стекла с растительной золой (plant ash glass) — вероятно происходят из Ирана (Lankton et al. 2012: 688, fig. 1 справа). У. Бросседер, которая обратила внимание на эту публикацию, использует лишь выводы, основанные на данных исследования стекла (Brosseder 2015: 264), но не рассматривает распределение находок таких подвесок в Евразии.

В указанных работах (Lin Yixian 2010: 204; Lankton et al. 2012: 686) уже отмечался факт находок аналогичных подвесок на Делосе (Nenna 1999: 128, E42—46, pl. 52) в Иране (ошибочно как Норузмахал, Амлаш: Goldstein 1979: 211—272, no. fig. 813: бусы из Музея стекла в Корнинге со ссылкой на аналогии, при этом указано, что в Норузмахале имеются лишь аналогичные биконические бусы, Goldstein приводит ссылку на Egami et al. 1966: 32,

pl XXIII: 3) и Таксиле (Beck 1941: 30 pl. IX: 27). Многочисленные находки таких подвесок с Делоса важны для хронологии, т.к. некоторые из них происходят из так наз. острова бронзы («Îlot de bronze») и могут соответственно датироваться в рамках конца II — I в. до н.э. (Siebert 2001: 55—84, 133—147).

Такие треугольные подвески, представленные находками в погребения некрополей Северного Причерноморья I в. до н.э. — II в. н.э. (Алексеева 1978: 43, тип 193, табл. 27: 60—65), и в меотском могильнике в Закубанье (Беглова, Эрлих 2018: 165, рис. 190, 52). Подобные подвески известны по находкам из некрополей Кавказской Иберии и дворца в Дедоплис гора (Gogiberidze 2008: 169, 180, no. 66 с литературой, pl. 67).

Известны также довольно редкие находки таких подвесок (в сочетании в фаянсовыми пронизиями-скарабеем или подвесками-амулетами) в погребениях сарматов I в. н.э. Нижнего Побужья (Дзнеладзе 2016: 76), Нижнего Поднепровья (Костенко 1993: 15, № 11.в, рис. 4: 7—8), Нижнего Подонья (рис. 6), Нижнего Поволжья I в. н.э. (рис. 17) (в целом: Скрипкин 1990: 81, рис. 27: 33)⁴. Вероятно, через посредничество кочевников такие подвески попадали в комплексы пьяноборской культуры Прикамья (Красноперов 2009: 95, 102, рис. 3; Саттаров 2019: 11), где также представлены фигурные украшения из фаянса, в том числе в форме скарабеев, алтарика и льва на постаменте (Генинг 1970: 55, табл. XV: 50—52; Иванов 1980: 76, 81, рис. 1: 38—39; Красноперов 2006: 105, табл. 41: 10; Голдина 2010: 158; Голдина, Красноперов 2012: 84; Акбулатов 2014: 26, 29; Левкова, Саттаров 2017; Трейстер 2018г: 11, прим. 4). Особого внимания заслуживает находка таких подвесок (рис. 6: 8) (Косяненко, Максименко 1989: 265, рис. 1: 8) в разрушенном погребении у хут. Виноградный в Нижнем Подонье вместе с бронзовыми позднеереспубликанской бронзовой кружкой (рис. 6: 1) и китайским зеркалом (рис. 6: 4).

До тех пока не исследован состав стекла подвесок из античных некрополей Северного Причерноморья, Кавказской Иберии и некрополей кочевников Сарматии, в которых подвески представлены находками на огромной территории от Побужья до Южного Приуралья, делать окончательные выводы о путях поступления т.н. средиземноморских подвесок к хунну в пустыню Гоби преждевременно, однако не исключено, что они могли поступать сухопутным транс-евразийским путем. Обращает на себя внимание и тот факт, что исследование стеклянных (в основном глазчатых) бус из погребений эпохи Хань и более позднего времени в Бизили (Синьцзян) показало использование натронового стекла с растительной золой в качестве флюсов, что, по мнению издателей, свидетельствует об их происхождении из Центральной Азии, возможно, с территории Кушанской империи (Wang et al. 2020).

3.4. Украшения из коралла

Вероятно, наиболее ранними находками украшений из коралла в Китае являются подвески из веточек и бусы, найденные в погребении № 10 (пожилой женщины) могильника Даодунзи, Учжун, Нинся-Хуэйский автономный район на севере Китая (Kost 2011: 67, 209; Anhang: 15—16, 20, Nr. F, H; Taf. 111: F, H; 2014: 63, 155, 156, 205, 206, pl. 98: F, H). Погребения могильника, в том числе указанное, относятся к среднему — позднему этапу периода Западной Хань, т.е. с наибольшей вероятностью к концу II—I вв. до н.э. (Linduff 2008: 184—194, tab. 9: 2; Kost 2014: 154—160, 205—208). К редким находкам коралловых бус и подвесок относятся

⁴ Племхоз. Курган № 8/2003. Погребение № 1 (рис. 17: 3): Клепиков и др. 2006: 168, рис. 17: 7p); Трейстер 2018г: 14 (с фаянсовым скарабеем). — Курганный могильник Торгунский-I. Курган № 1/2009. Погребение № 1: Демиденко 2015: 190—191, № 18, рис. 2: 13 (рис. 17: 4)). — Южное Приуралье. Могильник Кардаилово-I. Курган № 12/1978. Погребение № 1 (рис. 17: 1—2): Моргунова 1996: 14, 33, рис. 12, I. 3—7; Трейстер 2018г: 15, рис. 8: 1.

находки, сделанные в «царском погребении» № 8 могильника 95MN1 на поселении Ния в округе Хотан Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая на южной границе пустыни Такламакан, датированном в рамках III — начала IV в. н.э. (C¹⁴ — 145—265 гг. н.э., см. Selbitschka 2010: 129, 632, Tab. 38; Hoppál 2021: 68) и расположенном на Шелковом пути. Здесь были найдены как цилиндрические пронизи и бусы бочонковидной формы, так и подвеска из веточки коралла с поперечным отверстием вверху (Xinjiang Wenwu Kaogu Yanjiusuo 2000: no. 1, 20 (M8—36); 21, 22, fig. 43: 5 (M8—31); Selbitschka 2010: 7, Anm. 25; 134, Anm. 8; 467, Taf. 71: 7; Żuchowska 2016: 34, fig. 5). Из коралла изготовлены также накладка на шапочку из женского погребения 95MN1M5, бусы — из женского погребения (скелет С) из погребения 95MN1M6 (Selbitschka 2010: 111) и цилиндрическая подвеска серьги из мужского погребения (скелет А) 95MN1M1 этого же некрополя (Selbitschka 2010: 7, Anm. 25; 134, Anm. 8; 415). Коралловые бусы были обнаружены и в погребении 84LSUIM01:c91 могильника Сампула (Wang Bo, Lu Lipeng 2009: 306, 326).

Во II—I вв. до н.э. зафиксированы украшения из веточек коралла в погребениях сюнну в Туве, на Горном Алтае и в памятниках на территории Хакасии. В 2019 г. в женском погребении АТ1/112 могильника Ала-Тей 1 в Туве вместе с поясом с гагатовыми пряжками, расшитым каури (Килуновская, Леус 2022: 115, рис. 5), и китайским зеркалом (Килуновская, Леус 2022: 114, рис. 4: 2) были обнаружены серьги с подвесками из веточек коралла (рис. 16: 1) (Килуновская, Леус 2022: 117, рис. 7: 1—3; 118). Крупная бусина из отрезка ветки розового коралла (Евтюхова, Левашева 1946: 82; Кызласов 1992: 54; 2001: 55, рис. 25: 7; 58) была найдена при раскопках «китайского дома» в районе Абакана, датируемого временем около первой четверти I в. до н.э. (Киселев 1951: 479—484; Кызласов 1992: 55—56) или I в. н.э. (Ковалев 2007: 145—148). Л.Р. Кызласов отмечает найденную там же «бусину-привеску», сделанную из отрезка ветки розового коралла, и рассматривает найденные здесь коралловые бусы как вещи дальневосточного происхождения (Кызласов 2001: 58). Коралловые бусы, округлой формы и из отрезков веточек розового коралла, просверленных по длине, находились и в составе клада из с. Знаменка на Среднем Енисее (Вадецкая 1999: 171; Подольский 2002: 233; Кызласов 2001: 51; Cat. London 2017: 190, no. 115), который датирован Э.Б. Вадецкой концом I в. н.э., а М.Л. Подольским — первой четвертью I тыс. н.э., а, возможно, более поздним временем (Вадецкая 1999: 173—174; Подольский 2002: 233—234). Подвески из веточек коралла образовывали ожерелье из женского погребения в кургане № 10 могильника Усть-Эдиган на Горном Алтае, которое связывается с культурой хунну (Chudjakov 1997: 584, 588, Abb. 6c; 591; Худяков 1998: 101, рис. 7 внизу; Трифанова, Соенов 2019: 41, 82, рис. 14: 3; 38: 2). Подобная же подвеска входила в состав ожерелья из погребения № 2 хуннуского могильника Алаг Толгой, в Дельгерцогт, провинции Дундговь в Монголии (Egiimaа 2011: 118, no. 135). Каким образом попали сюда кораллы сказать определенно трудно. Они, конечно, могли попасть туда во II в. до н.э. сухопутным путем через Центральную Азию и Приаралье, где серьги с подвесками из веточек кораллов представлены находками в памятниках чирикратской культуры. Однако в это же время кораллы начинают поступать в Китай, и есть все основания, учитывая контексты редких находок коралловых бус и подвесок в погребальных памятниках сюнну и так называемом китайском доме в районе Абакана, скорее считать, что они попали к кочевникам через Китай, где они представлены находками, в частности, в погребении конца II—I вв. до н.э. могильника Даодунзи на севере, куда в свою очередь могли быть доставлены по морю из Индии или по суше по так называемой южной ветке Шелкового пути (Трейстер 2021в: 352, 363, 370). Впрочем, в расположенном на ней могильнике поселения Ния коралловые бусы и подвески были найдены в погребении, датируемом по данным C₁₄ несколько более поздним

временем, III в. н.э. (С¹⁴ — 145—265 гг. н.э., см. Selbitschka 2010: 129, 632, Tab. 38; Hoppál 2021: 68; Трейстер 2021в: 352).

3.5. Украшения из янтаря

Исследование янтарных бус и подвесок из пещер в Вешнавах, в Иране, где было найдены 62 бусины и три подвески, значительная часть которых может быть отнесена к парфянскому периоду, показало, что они изготовлены из балтийского янтаря (Bagherpour Kashani 2011: 19, 133—139, 160—162, 223—227, 243—244, pls. 20, 21, 26; Bagherpour Kashani et al. 2011: 71—77; Duturaeva 2021: 253). По мнению К. Рапэна, янтарь мог поступать на территорию Индостана и далее в Центральную Азию тем же путем, что и коралл, через порты Индии (Rapin 1992: 181; 1996: 37).

Не позднее I в. до н.э. янтарные бусы начинают использоваться и в Таксиле, и в могильниках Бишкентской долины в Таджикистане, и на востоке Сибири, и в Китае. Обращает на себя внимание их довольно широкое распространение в погребениях хунну в Монголии конца I в. до н.э. — I в. н.э. (Трейстер 2020в: 153—156, 168—169; Duturaeva 2021: 256—257). В этом регионе и вероятно в Бактрии, судя по находкам из некрополя Тилля-тепе, янтарь начинают применять также как материал для инкрустации ювелирных изделий и поясных пряжек (Трейстер 2020в: 171). Несмотря на то, что очевидно, что бусы из янтаря могли попадать к хунну и в Китай с запада (как балтийский янтарь использовался для изготовления бус из раннескифского кургана Аржан-2 в Туве), однозначно рассматривать все янтарные бусы из погребений хунну как изготовленные именно из балтийского янтаря, нельзя, и не только потому, что их состав специально не изучался, но и потому что на фоне остальных, однозначно импортных предметов, они довольно многочисленны (Трейстер 2020в: 173). Тот факт, что этот янтарь мог иметь не обязательно балтийское происхождение, которое подтверждено для серии янтарных бус из погребений эпохи Хань на территории провинции Хунань (Qi Liu et al. 2022: 354—361), а также происходить из Бирмы, подтвердило исследование янтарных предметов из датирующейся I в. н.э. гробницы M18 в Наньянге, пров. Хэнань (Chen et al. 2019; Трейстер 2020: 169; Duturaeva 2021: 256).

Особое внимание привлекают находки из погребения 30 могильника Гол Мод-2, в котором 23 янтарные и стеклянные бусы были найдены в медной шкатулке, обернутой шелком (рис. 18: 2) (Erdenebaatar et al. 2011: 306, 312, fig. 11: 2; 313), вместе со стеклянной *zarte Rippenschale* (рис. 18: 1) (Erdenebaatar et al. 2011: 311, 312, fig. 11: 1; Erdenbaatar 2011: 186—187, no. 264; 2018, 71—72, fig. 16; Brosseder 2015: 261, 262, fig. 29: 2; 265; Honeychurch 2015b: 281, 282, fig. 9.8; Otani 2017: 67, fig. 2, 24; 70, no. 24; Iderkhangai, Orgilbayar 2018: 208—213, fig. 1; Baumer 2019: 3), дающей *terminus post quem* погребению — середина — вторая половина I в. н.э. Кроме того, две фрагментированные чаши этого типа (Isings 1957: Form 17) были найдены в том же могильнике — в царском погребении № 1 (рис. 18: 4—5) (Otani 2017: 67, fig. 2: 23: 1—2; 70, no. 23.1—2; Iderkhangai, Orgilbayar 2018: 209).

3.6. Стеклянные сосуды. *Zarte Rippenschale*

Высказывались точки зрения о том, что в отличие от римских стеклянных сосудов других типов *Rippenschale* могли попадать к сюнну не через Китай (куда, в свою очередь, они могли доставляться морским путем), а сухопутным — через Центральную Азию (Brosseder 2015: 264; Leese-Messing 2020: 570). Однако обращает на себя внимание тот факт, что фрагменты мозаичной *Rippenschale* (Isings 1957: Form 3a; Rütli 1991: Form AR 2.1; Goethert-Polaschek 1977: Form 3a) были найдены в датированном 67 г. н.э. гробнице Liu Jing, King of Guangling в Ganquan, провинции Цзянсу на восточном побережье Китая (Yangzhou Bowuguan 1991: 66—67, fig. 10: 8; 70; An Jiayao 1991: 9, 10, fig. 1; 2004: 58, fig. 47; Borell 2010: 127—128, fig. 1; Brosseder 2015: 261, 263; Hoppál 2015: 289, fig. 3; 2016: 100—101, 112, no. I.1, fig. 9; 2021: 64; Otani 2017: 67, fig. 2: 12; 69, no. 12; Leese-Messing 2020: 569—570), куда такие хрупкие сосуды скорее всего попадали морским путем (Borell 2010; Borell et al. 2014: 105—107, 112; Hoppál 2015: 289; 2021: 71; Otani 2017: 67, fig. 2, карта), что косвенно подтверждают находки аналогичных чаш в Арикамеду на западном побережье Индостана (Wheeler 1954: 159, fig. 19: 2; 163), откуда подобные сосуда могли попадать и в Таксилу (Marshall 1951: 688, Nos. 8—9), и в Беграм (Wheeler 1954: 159, fig. 19: 1; 163) и далее в Центральную Азию (Халчаян: Пугаченкова 1966: 55, рис. 32 сверху).

Я не буду комментировать фантастическую точку зрения, что *Rippenschale* из могильника Гол Мод-2 попали туда с римскими legionерами из армии Красса (Iderkhangai, Orgilbayar 2018: 210—211). Другим аргументом в пользу попадания *Rippenschale* в хунну через Китай, куда они доставлялись морским путем, является полное отсутствие находок таких стеклянных сосудов в погребениях кочевников Азиатской Сарматии, при том, что они были широко распространены в античных центрах Северного Причерноморья (Кунина 1997: 256—257, № 54—56, илл. 30; Алексеева, Сорокина 2007: 57, Ф.Ф4, табл. 38: 4; рис. 10; Шевченко 2004: 193, № 3; 208, рис. 10: 2), варварских святилищах горного Крыма (Lysenko, Masyakin 2012: 22; Новиченкова 2002: 106—107, рис. 52: 6—7) и в европейском Барбарикуме (Schuster 2010: 55—58 с картой, Abb. 18).

4. Выводы

Несмотря на многовекторность связей, которые демонстрируют некоторые погребения элиты кочевников Азиатской Сарматии I в. до н.э. — III в. н.э., говорить о существовании стабильного передвижения товаров из Китая в Северное Причерноморье и в обратном направлении по сухопутному пути трудно. Даже если принять во внимание то, что на восток шли товары, которые с трудом фиксируются археологически, например, меха, как это имело место в раннем средневековье (Kovalev 2001: 25—64; Duturaeva 2016: 199—202), то обращает на себя внимание существенное большее количество находок китайских и центрально-азиатских предметов на территории Азиатской Сарматии и Северного Причерноморья, нежели предметов, которые можно было бы идентифицировать как северопричерноморские (или проходящие транзитом через Северное Причерноморье), в могильниках хунну в Монголии и в некрополях эпохи Хань в Китае.

Данная картина, как представляется, скорее, отражает преимущественное продвижение отдельных категорий товаров с востока на запад, которое могло осуществляться не в результате стабильной предпринимательской деятельности купцов, а в результате межплеменного обмена и (или) миграций, при этом оно в основном ограничивалось среднесарматским периодом. Имеются и данные, свидетельствующие о распространении в Заволжье и Приуралье римских

бронзовых, стеклянных и краснолаковых сосудов вместе со светлоглиняными узкогорлыми амфорами (рис. 19) (типа С или CIVC) (рис. 14: 2) и боспорским (?) Blechkanne (рис. 20), примером чему являются датирующийся второй — третьей четвертью II в. н.э. комплекс из погребения могильника Горелый-I (Трейстер 2018в: 154—155; 2018д: 219, 232, рис. 6—7; 2019г: 26—33, рис. 1—3; 2020е: 9, рис. 4: 2; 5—6; 20, 29; 2021г: 27, 31—32, рис. 6: 3; 10: 4; 12). В этом ограбленном погребении была найдена и серия золотых украшений и изделий из резной кости парфянской работы (Трейстер 2018в: 130—131, рис. 16: 2; 132—133, рис. 17: 5; 18; 2019б: 317—327; Treister 2021: 60—63, 74—77, figs. 4, 6—7).

При этом зеркала, которые во второй половине I в. до н.э. — первой половине I в. н.э. достигали Нижнего Подонья, не попадали в античные центры Северного Причерноморья и далее на территорию Римских провинций. Таким образом, их путь заканчивался в степи (рис. 14: 1) (Трейстер 2018б: 161—166, рис. 4—8), а китайские лаковые шкатулки и шелковые ткани появляются в Нижнем Поволжье, на Нижнем Дону, в Крыму и на Южном Буге (Brosseder 2015: 258, figs. 27—28; Трейстер 2018б: 167, рис. 8; Прюх, Трейстер 2019: 328—337, рис. 3—5).

В позднесарматский период предметы китайского происхождения не попадали западнее Южного Приуралья (Трейстер 2018б: 171—177, 180—181, рис. 9, 11, 16), поэтому оснований даже для предположения о том, что Меховой путь, связывающий западные границы Китая с Северным Причерноморьем, существовал во второй половине II — III в. н.э., нет. Нет никаких данных, свидетельствующих о распространении в позднесарматский период предметов западного импорта (стекло, бронзы) к востоку от Южного Приуралья и Зауралья (в целом: Трейстер 2016: 279—286). Миграционная теория в объяснение этих явлений явно не работает. Гипотеза о Великом шелковом (меховом) пути — также, так как, даже если мы ее принимаем, то получается, что далее на запад китайские вещи не проходили, подобно тому, как не проходил далее на восток римский и боспорский импорт. Вряд ли объясняет отмеченные особенности и предположение С.А. Яценко о том, что с востока до Приуралья торговлей занимались кангюйские купцы, а к западу от Приуралья — греческие (Яценко 2020: 50—57). Какие бы купцы не занимались торговлей, очевидно, что и в таком случае товары с востока шли бы дальше на запад, и наоборот — западные товары — на восток. Очевидно, что и китайские, и западные предметы, и боспорские амфоры направлялись специально в Южное Приуралье. Весьма возможно, что и купцов из Северного Причерноморья и из Кангюя (?) привлекали одни и те же товары, доступные именно в этом регионе и не исключено, что это и были меха.

Литература

- Акбулатов И.М. 2014. Экономические связи племён Южного Урала с античными центрами. В: Круглов-Мавридис Е.А., Роднов М.И. (ред.). *Наследники «Греческого проекта»*. Уфа: Общество греков РБ «Ксимерома», 24—32.
- Алексеева Е.М. 1972. Предметы из египетского фаянса VI в. до н.э. — IV в. н.э. в Северном Причерноморье. *КСИА* 130, 3—11.
- Алексеева, Е.М. 1975: *Античные бусы Северного Причерноморья*. Ч. 1. Москва: Наука (САИ Г1-12).
- Алексеева Е.М. 1978. *Античные бусы Северного Причерноморья*. Ч. 2. Москва: Наука (САИ Г1-12).
- Алексеева Е.М., Сорокина Н.П. 2007. *Коллекция стекла античной Горгииппи*. Москва: Интербук-бизнес.
- Беглова Е.А., Эрлих В.А. 2018. *Меоты Закубанья в сарматское время. По материалам Тенгинского грунтового могильника*. Москва: Нестор-История.
- Белоусов А.В., Трейстер М.Ю. 2018. Парадный кинжал с надписью из княжеского сарматского погребения у с. Косика в Нижнем Поволжье. *Аристей* XVIII, 92—128.

- Берлизов Н.Е. 1993. Сарматы на Великом Шёлковом пути. В: Раев Б.А. (ред.). *Античная цивилизация и варварский мир (Материалы III-го археологического семинара)*. Ч. II. Новочеркасск: Музей истории донского казачества, 29—36.
- Берлизов Н.Е. 2011. *Ритмы Сарматии. Савромато-сарматские племена Южной России в VII в. до н.э. — V в. н.э.* Краснодар: КГУКИ; Парабеллум.
- Богданов Е.С., Новикова О.И. 2017. Исследовательские работы на могильнике Курайка (Горный Алтай) в 2017 году. *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий* XXIII, 275—278.
- Богданов Е.С., Слюсаренко И.Ю. 2007. Амулеты из египетского фаянса с территории Горного Алтая. *Археология, этнография и антропология Евразии* 4 (32), 77—80.
- Бурачков П.О. 1884. *Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря*. Одесса: Типография А. Шульце.
- Вадецкая Э.Б. 1999. *Таиштыкская эпоха в древней истории Сибири*. Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение.
- Генинг В.Ф. 1970. *История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Чегандинская культура III в. до н.э. — II в. н.э.* Ч. I. Ижевск; Свердловск: Уральский государственный университет (Вопросы археологии Урала 10).
- Глебов В.П., Дедюлькин А.В. 2020. О времени появления ранних сарматов на Нижнем Дону. *НАВ* 19. № 2, 92—119. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.2.5>.
- Голдина Е.В. 2010. *Бусы могильников неволинской культуры (конец IV — IX вв.)*. Ижевск: Удмуртский государственный университет.
- Голдина Е.В., Красноперов А.А. 2012. *Ныргындинский I могильник II—III вв. на Средней Каме*. Ижевск: Удмуртский университет (Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции 22).
- Демиденко С.В. 2015. Погребение сарматской жрицы на Торгуне. В: Коренько В.А., Бойко Л.А. (ред.). *TANAIN DE POTAMON DIABANTI. Памяти В.Е. Максименко (1934—2014)*. Ростов-на-Дону: Южный Федеральный университет, 189—196.
- Дзюладзе Е.С. 2016. Бусы и подвески сарматов Северного Причерноморья. Дисс. ... канд. ист. наук. Киев.
- Евтюхова Л.А., Левашева В.П. 1946. Раскопки китайского дома близ Абакана. *КСИИМК* 12, 72—84.
- Иванов В.А. 1980. Культурные связи оседлых племен Приуралья с кочевниками Великого пояса степей в эпоху раннего железа (к постановке проблемы). В: Мартынов А.И. (ред.). *Скифо-сибирское культурно-историческое единство*. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 74—85.
- Касенов М.С., Сейткалиев М.К. 2017. Случайная находка ручки патыры типа «Millingen» в Северном Прикаспии. *Stratum plus* 4, 115—118.
- Кат. Москва 1999: *Украшения Востока. Из коллекции Патти Берч, США*. Москва: ГМИИ им. А.С. Пушкина.
- Килуновская М.Е., Леус П.М. 2022. Женское погребение с коралловыми сережками из могильника хунну Ала-Тей 1 в Туве. *Научное обозрение Саяно-Алтая* 1 (33), 110—120.
- Киселев С.В. 1951. *Древняя история Южной Сибири*. Москва: АН СССР.
- Клепиков В.М., Дьяченко А.Н., Блохин В.Г., Кривошеев М.В. 2006. Исследования курганов у сел Племхоз и Моисеево. В: Сергацков И.В. (ред.). *Материалы по археологии Волго-Донских степей*. Вып. 3. Волгоград: Волгоградский государственный университет, 164—190.
- Ковалев А.А. 2007. Китайский император на Енисее? Ещё раз о хозяине ташебинского «дворца». В: Харинский А.В. (ред.). *Этноистория и археология Северной Евразии: теория, методология и практика исследования*. Иркутск: Иркутский государственный технический университет, 145—148.
- Костенко В.И. 1993. *Сарматы в Нижнем Поднепровье*. Днепропетровск: ДДУ.
- Косяненко В.М., Максименко В.Е. 1989. Комплекс вещей из сарматского погребения у хутора Виноградный. *СА* 1, 264—267.
- Красноперов А.А. 2006. Костюм населения чегандинской культуры в Прикамье: II в. до н.э. — V в. н.э. Дисс. ... канд. ист. наук. Ижевск.
- Красноперов А.А. 2009. К вопросу о хронологии пьяноборской культуры: заметки к констатации ответа. В: Бугров Д.Г. (ред.). *Древняя и средневековая археология Волго-Камья. Сборник статей к 70-летию П.Н. Старостина*. Казань: Институт истории АН РТ, 92—105 (Археология евразийских степей 10).

- Кропоткин В.В., Обыденнов М.Ф. 1985. Находка античных монет в погребении кочевника на Южном Урале. *СА* 2, 242—245.
- Кузьмина Е.Е. 2010. *Предыстория Великого шелкового пути. Диалог культур Европа — Азия*. Москва: КомКнига.
- Кунина Н.З. 1997. *Античное стекло в собрании Эрмитажа*. Санкт-Петербург: АРС.
- Кызласов Л.Р. 1992. *Очерки по истории Сибири и Центральной Азии*. Красноярск: Красноярский университет.
- Кызласов Л.Р. 2001. *Гуннский дворец на Енисее. Проблема ранней государственности Южной Сибири*. Москва: Восточная литература.
- Левкова К.С., Саттаров Р.Р. 2017. Фигурные украшения из египетского фаянса на территории Западного Приуралья в раннем железном веке (к определению путей поступления бус пьяноборской культуры). В: Деревянко А.П., Тишкин А.А. (ред.). *V (XXI) Всероссийский археологический съезд: сборник научных трудов*. Барнаул: ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет».
- Лившиц В.А. 2002. Три серебряные чаши из Исаковского могильника № 1. *ВДИ* 2, 43—56.
- Малашев В.Ю., Яблонский Л.Т. 2008. *Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время (по материалам могильника Покровка 10)*. Москва: Восточная литература.
- Матющенко В.И., Татаурова Л.В. 1997. *Могильник Сидоровка в Омском Прииртышье*. Новосибирск: Наука.
- Моргунова Н.Л. 1996. Курганы у сел Краснохолм и Кардаилово в Илекском районе. В: Моргунова Н.Л. (ред.). *Археологические памятники Оренбуржья*. Оренбург: ОГПУ, 8—43.
- Мошкова М.Г. 1982. Позднесарматские погребения Лебедевского могильника в Западном Казахстане. *КСИА* 170, 80—87.
- Ниязова М.И., Мирзаахмедов Д.К. 2008. Изделия из египетского фаянса в курганах Западного Согда. В: Пидаев Ш.Р. (ред.). *Культура кочевников Центральной Азии*. Материалы Международной конференции. Самарканд, 22—24 ноября, 2007 г. Самарканд: Международный Институт Центральноазиатских исследований, 164—166.
- Новиченкова Н.Г. 2002. *Устройство и обрядность святилища у перевала Гурзуфское Седло*. Ялта: РИО Крымского Государственного Гуманитарного института.
- Подольский М.Л. 2002. Знаменский клад из Хакасии. В: Савинов Д.В. (ред.). *Клады: состав, хронология, интерпретация*. Санкт-Петербург: Исторический факультет СПбГУ, 229—234.
- Полосьмак и др. 2011: Полосьмак Н.В., Богданов Е.С., Цэвэндорж Д. 2011. *Двадцатый ноин-улинский курган*. Новосибирск: Инфолио.
- Прюх М., Трейстер М.Ю. 2019. Погребение среднесарматского времени могильника «Царский» в окрестностях Танаиса с китайской лаковой чашей «эр бэй». В: Малышев А.А. (ред.). *Scythia et Sarmatia*. Москва: МАКС Пресс, 328—337.
- Пугаченкова Г.А. 1966. *Халчаян. К проблеме художественной культуры северной Бактрии*. Ташкент: ФАН.
- Равич И.Г., Трейстер М.Ю. 2021. Китайские зеркала из погребений кочевников Восточной Европы второй половине I тыс. до н.э. — первых веках нашей эры: типология, хронология, распределение и технология их изготовления. *МАИАСП* 13, 404—452.
- Саттаров Р.Р. 2019. Импортные предметы в пьяноборской культуре (конец II в. до н.э. — II в. н.э.). Автореф... канд. ист. наук. Казань.
- Симоненко А.В. 2011. *Римский импорт у сарматов Северного Причерноморья*. Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ.
- Скрипкин А.С. 1990. *Азиатская Сарматия*. Саратов: Саратовский университет.
- Скрипкин А.С. 2003. К критике источников исследований, посвященных реконструкции торговых путей в скифо-сарматское время. *ВДИ* 3, 194—203.
- Смирнов К.Ф. 1959. Курганы у с. Иловатка и Политотдельское Сталинградской области. В: Крупнов Е.И. (ред.). *Памятники Нижнего Поволжья*. Т. 1. Москва: АН СССР, 206—322 (Итоги работ Сталинградской археологической экспедиции I. МИА 60).
- Стоянова А.А. 2012. *Детские погребения из могильника Опушки (по результатам раскопок 2003—2009 гг.)*. Симферополь: ДОЛЯ.
- Трейстер М.Ю. 2007. Торевтика и ювелирное дело в Северном Причерноморье. II в. до н.э. — II в. н.э. (эллинистическая традиция). В: Мордвинцева В.И., Трейстер М.Ю. *Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье. II в. до н.э. — II в. н.э.* Т. 1. Симферополь; Бонн: Тарпан, 15—194.

- Трейстер М.Ю. 2014. К находке фалара из медальона эллинистической чаши в кургане № 20 могильника Ноин-Ула (Северная Монголия). *ВДИ* 2, 125—150.
- Трейстер М.Ю. 2015. Римские бронзовые сосуды из позднесарматского погребения курганного могильника Лебедевка в Западном Казахстане. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения* 5 (35), 112—125.
- Трейстер М.Ю. 2016а. Кочевники на перекрестке транс-евразийских караванных путей (западные импорты в сарматском погребении кургана № 21 могильника Магнитный). В: Яблонский Л.Т., Краева Л.А. (ред.). *Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии*. Оренбург: ОГПУ, 279—286.
- Трейстер, М.Ю. 2016б. Провинциально-римские шарнирные броши с эмалью и мозаичным стеклом в позднесарматских погребениях Урала и Западного Казахстана. В: Байтанаев Б.А. (ред.). *Актуальные проблемы археологии Евразии. Материалы конференции, посвященной 25-летию независимости Республики Казахстан и 25-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана*. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 345—354.
- Трейстер, М.Ю. 2017. Самая западная находка китайского зеркала с т-образными иероглифами в Евразии. С приложением: Равич И.Г. Состав, микроструктура и технология изготовления зеркала. В: Таиров А.Д. (ред.). *Этнические взаимодействия на Южном Урале. Сарматы и их окружение. VII Всероссийская (с международным участием) научная конференция. Челябинск, 27—28 ноября 2017 г.* Челябинск: Рифей, 140—147.
- Трейстер, М.Ю. 2018а. Драгоценный поясной набор из элитного погребения кочевника у с. Косика. *НАВ* 17.1, 108—143.
- Трейстер М.Ю. 2018б. Китайские «импорты» в погребениях кочевников Восточной Европы во второй половине I тыс. до н.э. — первых веках нашей эры. *Stratum plus* 4, 153—200.
- Трейстер М.Ю. 2018в. Парфянские и раннесасанидские «импорты» в погребениях кочевников Восточной Европы (II в. до н.э. — III в. н.э.). *МАИАСП* 10, 118—210.
- Трейстер М.Ю. 2018г. Фигурные пронизи и подвески из так называемого египетского фаянса в Евразии в I в. до н.э. — III в. н.э. *Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. — IV в. н.э.)* IV, 9—49.
- Трейстер М.Ю. 2018д. Blechkanne. Медные кованые кувшины первых веков н.э. в Северном Причерноморье и Сарматии. *ДБ* 22, 216—238.
- Трейстер М.Ю. 2019а. «Импорты» из Центральной Азии и Сибири в погребальных памятниках Азиатской Сарматии II—I вв. до н.э. *ПИФК* 4, 180—238.
- Трейстер М.Ю. 2019б. Парфянская резная кость из погребений кочевников Азиатской Сарматии. В: Малышев А.А. (ред.). *Scythia et Sarmatia*. Москва: МАКС Пресс, 317—327.
- Трейстер, М.Ю. 2019в: Позднеэллинистические литые в формах стеклянные сосуды и их фрагменты из погребений кочевников Азиатской Сарматии. В: Васильев А.Д. (ред.). *III Международная научная конференция. Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока*. Т. 1. Москва: Пробел-2000, 260—264.
- Трейстер М.Ю. 2019г. Римские стеклянные сосуды середины I — середины III вв. н.э. из сарматских погребений Волго-донского междуречья, Нижнего Поволжья и Южного Урала. *ПИФК* 1, 25—68.
- Трейстер М.Ю. 2020а. Богатое сарматское погребение Калиновского могильника в Нижнем Поволжье и возможности его интерпретации. *Stratum plus* 4, 163—178.
- Трейстер М.Ю. 2020б. Бронзовые сосуды позднереспубликанского времени из погребений кочевников Азиатской Сарматии. *ПИФК* 4, 41—109.
- Трейстер М.Ю. 2020в. Бусы и элементы декора из янтаря в ювелирных изделиях из погребений кочевников Азиатской Сарматии в контексте торговли экзотическими материалами в Евразии. *МАИАСП* 12, 148—223.
- Трейстер М.Ю. 2020г. Позднеэллинистические и римские стеклянные сосуды в погребениях кочевников Подонья. *Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. — IV в. н.э.)* VI, 154—188.
- Трейстер М.Ю. 2020д. Римские бронзовые ковши из погребений кочевников Азиатской Сарматии. *ПИФК* 2, 5—60.
- Трейстер М.Ю. 2020е. Римские бронзовые тазы Eggers 99—106 в Восточной Европе. *ПИФК* 3, 5—48.
- Трейстер М.Ю. 2021а. Веретенообразные унгентарии из погребений кочевников Азиатской Сарматии. *Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. — IV в. н.э.)* VII, 157—194.
- Трейстер М.Ю. 2021б. Золотые касты со вставками из Косики. *НАВ* 20.1, 153—178.

- Трейстер М.Ю. 2021в. Коралловые украшения и элементы декора в ювелирных изделиях и предметах торевтики из погребений кочевников Азиатской Сарматии в контексте торговли экзотическими материалами в Евразии. *ВДИ* 2, 340—393.
- Трейстер М.Ю. 2021г. Римские бронзовые амфоры из сарматских погребений Восточной Европы. *ПИФК* 3, 18—65. DOI: 10.18503/1992-0431-2021-3-73-18-65.
- Трейстер М.Ю. 2022. Римские бронзовые патеры типов Eggers 154—155 в Сарматии. *ПИФК* 1, 23—60.
- Трифанова С.В., Соенов В.И. 2019. *Украшения населения Алтая гунно-сарматского времени*. Горно-Алтайск: Горно-Алтайский государственный университет.
- Труфанов А.А. 2009. Хронология могильников Предгорного Крыма I в. до н.э. — III в. н.э. *Stratum plus* 4 (2005—2009), 117—328.
- Хазанов А.М. 2022. Великий шовковый шлях, якого не було. *Археологія і давня історія України* 1 (42), 163—192.
- Худяков Ю.С. 1998. Проблема генезиса культуры хуннского времени в Горном Алтае. *Древности Алтая. Известия лаборатории археологии* 3, 97—112.
- Шевченко Н.Ф. 2004. Материалы исследований некрополя Горгиппии в 2003 г. *Материалы и исследования по археологии Кубани*. Вып. 4, 186—211.
- Шилов 1954: Архив ВОКМ. № 7 (А—7 а). Шилов В.П. 1954. Отчет о раскопках Калиновского отряда Сталинградской археологической экспедиции ИИМК АН СССР.
- Яблонский Л.Т., Трунаева Т.Н., Девис-Кимболл Дж., Егоров В.Л. 1994. Раскопки курганных могильников Покровка 1 и Покровка 2 в 1993 году. В: Яблонский Л.Т. (ред.). *Курганы левобережного Илека*. Вып. 2. Москва: Институт археологии РАН, 4—57.
- Яценко, С.А. 2017: Китай, Фергана, Кангюй и сарматы в торговле рубежа н.э. — середины III в. н.э. В: Вдовченков Е.В. (ред.). *«Проблемы археологии Восточной Европы и Дальнего Востока»*. Материалы XII Международной археологической конференции студентов и аспирантов (Ростов-на-Дону, 26—29 ноября 2017 г.). Ростов-на-Дону; Таганрог: Южный Федеральный университет, 256—277.
- Яценко С.А. 2020. Кангюй в региональной торговле и культурном обмене. Кангюй и «аланская проблема». В: Яценко С.А., Авизова А.К., Торгоев А.И., Саипов А., Кулиш А. В., Китов Е.П., Рогожинский А.Е., Смагулов Е.А., Ержигитова А.А., Торежанова Н.Ж., Тур С.С., Иванов С.С. *Археология и история кангюйского государства*. Шымкент: Элем, 50—68.
- An Jiayao 1991. The Early Glass of China. In: Brill R.H., Martin J.H. (eds). *Scientific Research in Early Chinese Glass. Proceedings of the Archaeometry of Glass Sessions of the 1984 International Symposium on Glass Beijing, September 7, 1984*. Corning; New York: Corning Museum of Glass, 5—19.
- An Jiayao 2004. The Art of Glass along the Silk Road. In: Cat. New York 2004, 57—65.
- André G., Desroches J.-P. 2002. Une tombe princière Xiongnu à Gol Mod, Mongolie (campagnes de fouilles 2000—2001). *Arts asiatiques* 57, 194—205.
- Bagherpour Kashani N. 2011. Studies of Ancient Depositional Practices and related Jewellery Finds, based on the Discoveries at Veshnaveh: A Source for the History of Religion in Iran. Diss. Bochum.
- Bagherpour Kashani N., Roustaei K., Stöllner T. 2011. Iron Age amber beads from Vešnave / Iran. *AMIT* 43, 71—78.
- Barfield T. 2001. *Steppe Empires, China and the Silk Route: Nomads as a Force in International Trade and Politics*. In: Khazanov A., Wink A. (eds.). *Nomads in the Sedentary World*. London: Routledge, 234—248.
- Baumer L. 2019. China and the Roman Empire: Archeological testimonials. *Blog Scientifique de l'Institut Confucius de l'Université de Genève*, 2019. URL: <http://archive-ouverte.unige.ch/unige:113927> (дата обращения 01.10.2022).
- Beck H.C. 1941. *The Beads from Taxila*. Delhi: Manager of Publications (Memoirs of the Archaeological Survey of India 65).
- Boardman J. 2010. *The Relief Plaques of Eastern Eurasia and China. The “Ordos Bronzes”, Peter the Great’s Treasure, and their kin*. Oxford: The Beazley Archive and Archaeopress (Beazley Archive Occasional Paper).
- Borell B. 2010. Trade and Glass Vessels along the Maritime Silk Road. In: Zorn B., Hilgner A. (eds.). *Glass along the Silk Road, from 200 BC to AD 1000*. Mainz: Römisch-Germanisches Zentralmuseum, 127—142 (RGZM Tagungen 9).
- Borell B., Bellina B., Chaisuwan B. 2014. Contacts between the Upper Thai-Malay Peninsula and the Mediterranean World. In: Revire N., Murphy S.A. (eds.). *Before Siam: Essays in art and archaeology*. Bangkok: River Books & Siam Society, 99—117.

- Breton J.-F. Bâfaqih M.A. 1993. *Trésors du Wâdi Dura' (République du Yemen). Fouilles franco-yéménites de la nécropole de Hajar am-Dhabiyya*. Paris: Institut français d'archéologie du Proche-Orient (Bibliothèque archéologique et historique 141).
- Brosseder U. 2011. Belt Plaques as an Indicator of East-West Relations in the Eurasian Steppe at the Turn of the Millennia. In: Brosseder U., Miller B.K. (eds.). *Xiongnu Archaeology. Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia*. Bonn: Rheinische Friedrich-Wilhelms Universität Bonn, 349—424 (BCAA 5).
- Brosseder U. 2015. A Study on the Complexity and Dynamics of Inter-Action and Exchange in Late Iron Age Eurasia. In: Bemmann J., Schmauder M. (eds.). *Complexity of Interaction along the Eurasian Steppe Zone in the First Millenium CE*. Bonn: Rheinische Friedrich-Wilhelms Universität Bonn, 199—332 (BCAA 7).
- Brosseder U. 2016. Xiongnu Empire. In: Dalziel N., MacKenzie J.M. (eds.). *The Encyclopedia of Empire*. Wiley-Blackwell Online Library. <https://doi.org/10.1002/9781118455074.wbeoe149>.
- Brosseder U., Miller B.K. 2018. Global networks and local agents in the Iron Age Eurasian steppe. In: Boivin N., Frachetti M.D. (eds.). *Globalization in prehistory: Contact, exchange and the people "without history"*. Cambridge: Cambridge University Press, 162—183.
- Cat. Cambridge 2012: Lin J.C.S. (ed.). *The Search for Immortality. Tomb Treasures of Han China*. Cambridge, New Haven: Yale University Press.
- Cat. London 2017: Simpson St.J., Pankova S. (eds.). *The BP exhibition. Scythians. Warriors of Ancient Siberia*. London: Thames & Hudson.
- Cat. New York 2004: Watt J.C.Y. *China: Dawn of a Golden Age, 200—750 AD. The Metropolitan Museum of Art*. New York: The Metropolitan Museum of Art; New Haven: Yale University Press.
- Central Asian Archaeology Team et al. 2018: Central Asian Archaeology Team, Northwest University Institute of Archaeology, Uzbekistan Academy of Sciences Luoyang Institute of Cultural Relics and Archaeology. 乌兹别克斯坦拜松市拉巴特墓地. 2017. 年发掘简报. Archaeological excavation of the Rabat cemetery in Boysun, Uzbekistan, Preliminary Report for Season 2017. 2018. 年第7期, 4—30.
- Central Asian Archaeology Team et al. 2020: Central Asian Archaeology Team, Northwest University Institute of Archaeology, Uzbekistan Academy of Sciences Luoyang Institute of Cultural Relics and Archaeology. 西北大学中亚考古队 乌兹别克斯坦科学院考古研究所 洛阳市文物考古研究院. 2020. 乌兹别克斯坦拜松市拉巴特墓地. 2018. 年发掘简报. Brief Report on the 2018. Excavation of the Rabat Cemetery in Boysun City, Uzbekistan. 2020. 年第12期, 53(1373)—80(1400).
- Chen D., Zeng Q., Yuan Y., Cui B., Luo W. 2019. Baltic amber or Burmese amber: FTIR studies on amber artifacts of Eastern Han Dynasty unearthed from Nanyang. *Spectrochimica acta. Part A, Molecular and Biomolecular Spectroscopy*. 2019 Nov; 222: 117270. DOI: 10.1016/j.saa.2019.117270.
- Christian D. 2000. Silk Roads or Steppe Roads? The Silk Roads in World History. *Journal of World History* 11.1, 1—26.
- Chudjakov J. 1997. Hunnenzeitliche Tracht einer Nomadin aus dem Hochaltai. *Eurasia antiqua* 3, 581—594. coinboards.org: 1: IGCH 1821. URL: <http://coinboards.org/id/igch1821?lang=da> (дата обращения 01.10.2022).
- De la Vaissière É. 2014. Trans-Asian trade, or the Silk Road deconstructed (antiquity, middle ages). In: Neal L., Williamson J. (eds.). *The Cambridge History of Capitalism*. Cambridge: Cambridge University Press, 101—124. doi: 10.1017/CHO9781139095099.005.
- De Puma R.D. 1991. The Roman Bronzes from Kolhapur. In: Begley V., De Puma R.D. (eds.). *Rome and India. The Ancient Sea Trade*. Madison: The University of Wisconsin Press, 84—112.
- Diehl E. 1923. Bosporianische Münzen aus der Dschungarei. *Blätter für Münzfreunde* 58, 441—449.
- Duturaeva D. 2016. Between the Silk and Fur Roads: The Qarakhanid Diplomacy and Trade. Orientierungen. *Zeitschrift zur Kultur Asiens* 28, 173—212.
- Duturaeva D. 2021. The Amber Road to China. Trade and Migration of Culture in Pre-Modern Eurasia. In: Cojocar V., Pázsint A.-I. (eds.). *Migration and Identity in Eurasia from the Ancient Times to the Middle Ages*. Cluj-Napoca: Mega Publ. House, 251—267 (Pontica et Mediterranea X).
- Egami N., Fukai S., Masuda S. 1966. *Dailaman II: The Excavations at Noruzmahale and Khoramrud, 1960*. Tokyo: The Institute of Oriental Culture; The University of Tokyo.
- Egiimaa T.S. 2011. Adornments of the Xiongnu. In: Eregzen G. (ed.). 2011. *Treasures of the Xiongnu*. Ulaanbaatar: National Museum of Mongolia, 112—129.

- Erdenbaatar D. 2011. A Glass Bowl. In: Eregzen G. (ed.). 2011. *Treasures of the Xiongnu*. Ulaanbaatar: National Museum of Mongolia, 186—187.
- Erdenbaatar D. 2018. Material cultural heritage of the Xiongnu empire. *Известия Лаборатории древних технологий (Journal of Ancient Technology Laboratory)* 14. No. 2, 54—73. DOI: 10.21285/2415-8739-2018-2-54-73.
- Erdenbaatar D., Iderkhangai T.-O., Galbadrakh B., Minzhiddorzh E., Orgilbaiar S. 2011. Excavations of Satellite Burial 30, Tomb 1 Complex, Gol Mod 2 Necropolis. In: Brosseder U., Miller B.K. (eds.). *Xiongnu Archaeology. Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia*. Bonn: Rheinische Friedrich-Wilhelms Universität Bonn, 303—314 (BCAA 5).
- Eregzen G. (ed.). 2011. *Treasures of the Xiongnu* = Эрэгзэн Г. (ред.). *Хүннүгийн Өв*. Ulaanbaatar: National Museum of Mongolia.
- Gajdukevič V.F. 1971: *Das Bosporanische Reich*. Berlin; Amsterdam: Akademie-Verlag.
- Goethert-Polaschek K. 1977: *Katalog der römischen Gläser des Rheinischen Landesmuseums Trier*. Mainz: von Zabern.
- Gogiberidze N. 2008. Jewelry. In: Furtwängler A., Gagoshidze I., Löhr H., Ludwig N. (Hrsg.). *Iberia and Rome. The Excavations of the Palace at Dedoplist Gora and the Roman Military Influence in the Caucasian Kingdom of Iberia*. Langenweißbach: Beier & Beran, 165—189.
- Goldstein S.M. 1979. *Pre-Roman and Early Roman Glass in the Corning Museum of Glass*. Corning: Corning Museum of Glass.
- Henderson J., An J., Ma H. 2018. The Archaeometry and Archaeology of ancient Chinese Glass: A Review. *Archaeometry* 60 (1), 88—104.
- Høisæter T.L. 2017. Politics and nomads: the emergence of the Silk Road exchange in the Tarim Basin region during late prehistory (2000—400 BCE). *Bulletin of SOAS*, 1—25.
- Honeychurch W. 2015a. From Steppe Roads to Silk Roads: Inner Asian Nomads and Early Interregional Exchange. In: Amitai R., Biran M. (eds.). *Nomads as Agents of Cultural Change: the Mongols and their Eurasian Predecessors*. Honolulu: University of Hawai'i Press, 50—87.
- Honeychurch W. 2015b. Not of Place, but of Path: Nomads on the World Stage. In: Honeychurch W. (ed.). *Inner Asia and the Spatial Politics of Empire: Archaeology, Mobility, and Culture Contact*. New York: Springer, 261—296.
- Hoppál K. 2015. Contextualizing the comparative perceptions of Rome and China through Written sources and archaeological data. PhD Dissertation, Eötvös Loránd University. *Dissertationes Archaeologicae* 3.3, 285—302.
- Hoppál K. 2016. Contextualising Roman-related Glass Artefacts in China. An Integrated Approach to Sino-Roman Relations. *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae* 67, 99—114.
- Hoppál K. 2021. Rome, China and West-East Intercultural Communications in Antiquity: An Archaeological Perspective. *Studies on Cultures along the Silk Roads* 2, 56—83.
- Iderkhangai T., Orgilbayar S. 2018. Some Issue on Glass Ribbed Bowls and Hunnu Empire Foreign Relations. В: Редькин А.Г., Ротанова И.Н. (ред.). *Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов. Материалы XIII Международной научной конференции. Барнаул, 20—22 сентября 2017 г.* Барнаул; Ховд: Алтайский государственный университет, 208—213.
- Isings C. 1957. *Roman Glass from Dated Finds*. Groningen; Djakarta: J.B. Wolters.
- Khazanov A. 2019. Steppe Nomads in the Eurasian Trade. *Chungara Revista de Antropología Chilena* 51. No.1, 85—93.
- Khazanov A. 2021. The overland “Great Silk Road”: myths and realities (A politically incorrect paper on a politically correct subject). In: Persis B.C., Calogero M.S. (eds.). *Caravans in Global Perspective: Contexts and Boundaries*. London: Routledge, 122—167.
- Kost C. 2011. *Studien zur Bildpraxis im nordchinesischen Steppenraum vom 5. Jahrhundert v. Chr. bis zur Zeitenwende*. Dissertation, LMU. München: Faculty of Cultural Studies.
- Kost C. 2014. *The Practice of Imagery in the Northern Chinese Steppe (5th —1st Centuries BCE)*. Bonn: Vor- und Frühgeschichtliche Archäologie, Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität (BCAA 6).
- Kost C. 2017. Heightened Receptivity: Steppe Objects and Steppe Influences in Royal Tombs of the Western Han Dynasty. *Journal of the American Oriental Society* 137.2, 349—381.
- Kovalev R.K. 2001. The Infrastructure of the Northern Part of the “Fur Road” Between the Middle Volga and the East During the Middle Ages. *Archivum Eurasiae Medii Aevi* 11, 25—64.
- Lankton J.W., Amartuvshin C., Gratuze B., Honeychurch W. 2012. Glass and Faience Beads and Pendants from Middle Gobi Xiongnu burials. New Insights from LA-ICP-MS Chemical Analyses. В: *Древние культуры*

- Монголии и Байкальской Сибири. Материалы III Международной научной конференции (Улан-Батор, 05—09 сентября 2012 г.). Улаанбаатар: Монгольский государственный университет, 683—694.
- Leese-Messing K. 2020. Material Evidence: Lacquerware. In: von Reden S. (ed.). *Handbook of Ancient Afro-Eurasian Economies*. Vol. 1. München: De Gruyter Oldenbourg, 557—573.
- Levi S.C. 2012. Objects in Motion. In: Northrop D. (ed.). *A Companion to World History*. Malden, MA: Wiley-Blackwell, 321—338.
- Lin Yixian. 2010. A Scientific Study of Glass Finds from the Niya Oasis. In: Zorn B., Hilgner A. (eds.). *Glass along the Silk Road, from 200 BC to AD 1000*. Mainz: Römisch-Germanisches Zentralmuseum, 203—210 (RGZM Tagungen 9).
- Linduff K.M. 2008. The Gender of Luxury and power among the Xiongnu in Eastern Eurasia. In: Linduff K.M., Robinson K.S. (eds.). *Are all Warriors male? Gender Roles on the Ancient Eurasian Steppe*. Lanham: AltaMira Press, 175—211.
- Livshits V.A. 2003: Three Silver Bowls from the Isakovka Burial-Ground No. 1 with Khwarezmian and Parthian Inscriptions. *ACSS* 9 1-2, 147—172.
- Lysenko A., Masyakin V. 2012. Roman Imports in the Mountain Crimea. In: Jacob M. (ed.). *The Romans at the Black Sea During the Time of Augustus. The Evidence of Literary, Archaeological and Numismatic Sources. Abstracts*. Tulcea: Institutul de Cercetări Eco-Muzeale Tulcea, 22—23.
- Manning J. 2014. At the Limits: Long-Distance Trade in the Time of Alexander the Great and the Hellenistic Kings. In: Mair W., Hickman J. (eds.). *Reconfiguring the Silk Road: New Research on East-West Exchange in Antiquity*. Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press, 5—14.
- Marčenko I.I., Limberis N.J. 2008. Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Denkmälern des Kubangebietes. In: Simonenko A., Marčenko I.I., Limberis N.J. *Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern*. Mainz: von Zabern, 267—400 (Archäologie in Eurasien 25).
- Marshall J. 1951. *Taxila*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Menninger M. 1996. *Untersuchungen zu den Gläsern und Gipsabgüssen aus dem Fund von Begram/Afghanistan*. Würzburg: Ergon.
- Miller B.K. 2011. Permutations of Peripheries in the Xiongnu Empire. In: Brosseder U., Miller B.K. (eds.). *Xiongnu Archaeology. Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia*. Bonn: Rheinische Friedrich-Wilhelms Universität Bonn, 559—578 (BCAA 5).
- Morris L. 2020. Roman Objects in the Begram Hoard and the Memory of Greek Rule in Kushan Central Asia. In: Mairs R. (ed.). *The Graeco-Bactrian and Indo-Greek world. worlds*. Abingdon: Routledge, 580—592.
- Nenna M.-D. 1999. *Les Verres*. Paris; Athènes: École française d'Athènes (Exploration Archeologique de Délos 37).
- Olbrycht M. 2001. Der Fernhandel in Ostsarmatien und in den benachbarten Gebieten. Zweite Hälfte des 2. Jhs. — 1. Jh. v. Chr. *Laverna. Beiträge zur Wirtschafts- und Sozialgeschichte der Alten Welt* 12, 86—122.
- Olbrycht M. 2015: Arsacid Iran and the Nomads of Central Asia — Ways of Cultural Transfer. In: Bemmman J., Schmauder M. (eds.). *Complexity of Interaction along the Eurasian Steppe Zone in the First Millenium CE*. Bonn: Rheinische Friedrich-Wilhelms Universität Bonn, 333—390 (BCAA 7).
- Otani I. 2017. A Catalogue of Glassware excavated in China and Mongolia (Han and Xiongnu Period). *The Archaeological Journal of Kanazawa University* 76.9, 65—73.
- Prüch M. 2013. Die Lackkästchen aus der Grabung von Ust'-Al'ma. In: Müller S. (Hrsg.). *Die Krim. Goldene Insel im Schwarzen Meer. Griechen — Skythen — Goten*. Bonn: LVR — Landesmuseum Bonn, 142—151.
- Puzdrowskij A. 2013. Ust'-Al'ma: Die Siedlung und Nekropole. In: Müller S. (Hrsg.). *Die Krim. Goldene Insel im Schwarzen Meer. Griechen — Skythen — Goten*. Bonn: LVR — Landesmuseum Bonn, 290—323.
- Qi Liu, Yi-Meng Yuan, Yan-Hua Zhang, Xuan Qin, Yan-Jiao Yu, Hui Wang, Ning-Ning Xu 2022. Fourier transform infrared spectroscopy (FTIR) characteristics of ancient amber artifacts of the Han Dynasty from Hunan, China. *Palaeoentomology* 005 (4), 354—361. URL: <https://www.mapress.com/j/pe/> (дата обращения 01.10.2022).
- Qinghai Provincial Institute of Cultural Relics and Archaeology 青海省文物考古研究所. 1993. Shang Sunjiazhai Han Jin Mu 上孙家寨汉晋墓 (Han and Jin cemetery at Shangsunjiazhai). Beijing: Wenwu Chubanshe.
- Rapin C. 1992. *La trésorerie du palais hellénistique d'Aï Khanoum*. Paris: De Boccard (Fouilles d'Aï Khanoum 8; Mémoires DAFA 33).
- Rapin C. 1996. Relations entre l'Asie centrale et l'Inde à l'époque hellénistique. *Cahiers d'Asie centrale* 1.2, 35—45.

- Raschke M.G. 1978. New Studies in the Roman Commerce with the East. In: Temporini H. (Hrsg.). *Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt* II.9.2. Berlin; New York: Walter de Gruyter & Co., 604—1378.
- Rawson J. 2012. The Han Empire and Its Northern Neighbours: The Fascination of the Exotic. In: Cat. Cambridge 2012, 23—36.
- Rubinson K. 1992. A Reconsideration of Pazyryk. In: Seaman G. (ed.). *Foundations of Empire: Archaeology and Art of the Eurasian Steppes*. Los Angeles, CA: Ethnographic Press; University of Southern California, 68—76.
- Rütti B. 1991. *Die römischen Gläser aus Augst und Kaiseraugst*. Augst: Verlag Römermuseum (Forschungen in Augst 13).
- Schuster J. 2010. *Lübsow — Älterkaiserzeitliche Fürstengräber im nördlichen Mitteleuropa*. Bonn: Rheinische Friedrich-Wilhelms Universität Bonn (Bonner Beiträge zur Vor- und Frühgeschichtlichen Archäologie 12).
- Selbitschka A. 2010. *Prestigegüter entlang der Seidenstraße?: Archäologische und historische Untersuchungen zu Chinas Beziehungen zu Kulturen des Tarimbeckens vom zweiten bis frühen fünften Jahrhundert nach Christus*. Wiesbaden: Harrassowitz-Verlag (Asiatische Forschungen 154).
- Selbitschka A. 2018. The Early Silk Road(s). In: Ludden D. (ed.). *Oxford Research Encyclopedia of Asian History*. New York: Oxford University Press, 1—23. <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190277727.013.2>.
- Seligman C.G., Beck H.C. 1938. *Far Eastern Glass, Some Western Origins*. Stockholm: Östasiatiska Museet (Östasiatiska Museet. Bulletin No. 10).
- Siebert G. 2001. *L'Îlot des bijoux, l'Îlot des bronzes, la Maison des sceaux*. Paris: École française d'Athènes (Exploration archéologique de Délos 38).
- Tao T. 2010. Exotic Style of the Silver Ewer from a Han-to-Jin Period Tomb in Shang Sunjiazhai Village in Datong, Qinghai. *Chinese Archaeology* 10, 177—183.
- Treister M. 2015. Römische Bronzegefäße aus einem spätsarmatischen Grab (3. Jh. n. Chr.) der Kurgan-Nekropole Lebedevka in Westkasachstan. In: Della Casa P., Deschler-Erb E. (Hrsg.). *New Research on Ancient Bronzes. Acta of the XVIII International Congress on Ancient Bronzes*. Zurich: Chronos, 241—246 (Zurich Studies in Archaeology 10).
- Treister M. 2016. On the Find of a Phalera made from the Medallion of a Hellenistic Cup in Barrow No. 20 of the Noin-Ula Burial-ground (Northern Mongolia). *ACSS* 22.2, 55—95.
- Treister M. 2020. Parthian Imports in the Asian Sarmatia (2nd—1st Centuries BC). *ACSS* 26.2, 379—390.
- Treister M. 2021. Parthian carved ivory from the burials of the nomads of Asian Sarmatia. In: Park Hyungbin (ed.). *The Art of Silk Road – New Research Trends and Perspective*. Daejeon: National Research Institute of Cultural Heritage, 56—81 (in Korean and English).
- Treister M., Ravich I. 2021. Chinese mirrors from the burials of the nomads of Eastern Europe of the second half of the 1st millennium BC — first centuries AD: typology, chronology, distribution and technology of manufacture. *Advances in Archaeomaterials* 2, 24—48.
- Veličko E. 2013. Das sarmatische Grab von Čuguno-Krepinka. In: Müller S. (Hrsg.). *Die Krim. Goldene Insel im Schwarzen Meer. Griechen — Skythen — Goten*. Bonn: LVR — Landesmuseum Bonn, 418—423.
- Vinogradov J.A. 2003. Two waves of Sarmatian migrations in the Black Sea steppes during the pre-Roman period. In: Guldager Bilde P., Højte J.M., Stolba V.F. (eds.). *The cauldron of Ariantas: Studies presented to A.N. Sceglov on the occasion of his 70th birthday*. Aarhus: University press, 217—226.
- Wang Bo, Lu Lipeng. 2009. Glass Artifacts Unearthed from the Tombs at the Zhagunluke and Sampula Cemeteries in Xinjiang. In: Gan F., Brill R., Tian S. (eds.). *Ancient Glass Research along the Silk Road*. New Jersey; London; Singapore; Beijing; Shanghai; Hong Kong; Taipei; Chennai: World Scientific Publishing Company, 299—329.
- Wang D., Wen R., Henderson J., Li W. 2020. The chemical composition and manufacturing technology of glass beads excavated from the Hetian Bizili site, Xinjiang. *Heritage Science* 8, 127. <https://doi.org/10.1186/s40494-020-00469-x>.
- Werner J. 1933. Fund bosporanischer Münzen in der Dzungarei. *Eurasia septentrionalis antiqua* VIII, 249—250.
- Wheeler M. 1954. Rome beyond the imperial frontiers. London: Bell and Sons.
- Whitfield S. 2018. Silk, Slaves, and Stupas: Material Culture of the Silk Road. Oakland, CA: University of California Press.
- Xinjiang Wenwu Kaogu Yanjiusuo 2000. [Preliminary report on the excavation of Tomb No. 8 at cemetery 95MN1 at the Niya settlement site in Minfeng County, Xinjiang]. Wenwu 1, 4—40. 新疆文物考古研究所. 新疆民豐縣尼雅遺址 95MN1 號墓地 M8 發掘簡報. 文物 1, 4—40.

- Yadin Y. 1963. *The Finds from the Bar Kokhba Period in the Cave of Letters. Metal Utensils*. Jerusalem: The Israel Exploration Society (Judean Desert Studies 1).
- Yan Liu 2020. The Han Empire and the Hellenistic World: Prestige Gold and the Exotic Horse. *Mediterranean Archaeology and Archaeometry* 20.3, 175—198. DOI: 10.5281/zenodo.4016080.
- Yang J. 2015. Transportation, Boarding, Lodging, and Trade along the Early Silk Road: A Preliminary Study of the Xuanquan Manuscripts. *Journal of the American Oriental Society* 135. No. 3, 421—432.
- Yangzhou Bowuguan 1991: Yangzhou Bowuguan (Yangzhou Museum), Jiangsu Hanjiang Ganquanxiang Laohudun Han mu (Han Tomb at Laohudun in Ganquanxiang of the County of Hanjiang, Jiangsu). *Wenwu* 10, 62—70.
- Żuchowska M. 2016. Palmyra and the Chinese Silk Trade. In: Meyer J.C., Heldaas Seland E., Anfinset N. (eds.). *Palmyrena: City, Hinterland and Caravan Trade between Orient and Occident. Proceedings of the Conference held in Athens, December 1—3, 2012*. Oxford: Archaeopress Publishing Ltd., 29—38.

References

- Akbulatov, I.M. 2014. In: Kruglov-Mavridis, E.A., Rodnov, M.I. (eds.). *Nasledniki "Grecheskogo proekta" (The heirs of the "Greek project")*. Ufa: Society of Greeks of the Republic of Bashkortostan "Ksimeroma", 24—32 (in Russian).
- Alekseeva, E.M. 1972. In *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 130, 3—11 (in Russian).
- Alekseeva, E.M. 1975. *Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ya (Ancient Beads of the North Pontic Area)*. Pt. 1. Moscow: Nauka (Corpus of Archaeological Sources G1-12) (in Russian).
- Alekseeva, E.M. 1978. *Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ya (Ancient Beads of the North Pontic Area)*. Pt. 2. Moscow: Nauka (Corpus of Archaeological Sources G1-12) (in Russian).
- Alekseeva, E.M., Sorokina, N.P. 2007. *Kollekciya stekla antichnoy Gorgippii (The Collection of Glass of Ancient Gorgippia)*. Moscow: Interbook-Business (in Russian).
- Beglova, E.A., Erlikh, V.A. 2018: *Meoty Zakuban'ya v sarmatskoe vremya. Po materialam Tenginskogo gruntovogo mogil'nika (The Maoitians of the Trans-Kuban Region. After the Materials of the Tenginskiy Burial-Ground)*. Moscow: Nestor-Istoriya (in Russian).
- Belousov, A.V., Treister, M.Yu. 2018. In *Aristey (Aristeas) XVIII*, 92—128 (in Russian).
- Berlizov, N.E. 1993. In: Raev, B.A. (ed.). *Antichnaya tsivilizatsiya i varvarskiy mir (Materialy III-go arkheologicheskogo seminar) (The Ancient Civilization and the Barbarian World (Materials of the 3rd archaeological seminar))*. Pt. II. Novocherkassk: Museum of History of Don Cossacks, 29—36 (in Russian).
- Berlizov, N.E. 2011. *Ritmy Sarmatii. Savromato-sarmatskie plemena Iuzhnoi Rossii v VII v. do n. e. — V v. n.e. (Rhythms of Sarmatia. The Sarmatian and Sauromatian Tribes of Southern Russia in the 7th Century BCE — 5th Century CE)*. Krasnodar: Krasnodar State University for Culture and Arts; Parabellum (in Russian).
- Bogdanov, E.S., Novikova, O.I. 2017. In *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy (Problems of Archeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and adjacent Territories)* XXIII, 275—278 (in Russian).
- Bogdanov, E.S., Slysarenko, I.Yu. 2007. In *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii (Archeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia)* 4 (32), 77—80 (in Russian).
- Burachkov, P.O. 1884. *Obshchij katalog monet, prinadlezhashchikh ellinskim koloniyam, sushchestvovavshim v drevnosti na severnom beregu Chernogo morya (General Catalogue of Coins belonging to the Hellenic Colonies, that existed in Antiquity on the Northern Coast of the Black Sea)*. Odessa: A. Schulze Typography (in Russian).
- Vadetskaya, E.B. 1999. *Tashtytskaya epokha v drevney istorii Sibiri (Tashtyk Period of the Ancient History of Siberia)*. Saint Petersburg: Center "Peterburgskoe vostokovedenie" (in Russian).
- Gening, V.F. 1970. *Istoriya naseleniya Udmurtskogo Prikam'ya v p'yanoborskuyu epokhu. Chegandinskaya kul'tura III v. do n.e. — II v. n.e. (The History of the Population of the Udmurt Kama Region in the Pyanobor era. Cheganda Culture of the 3rd Century BCE — 2nd century CE)*. Pt. I. Izhevsk; Sverdlovsk: Ural State University (Voprosy arkheologii Urala (Problems of Archaeology of the Urals 10) (in Russian).
- Glebov, V.P., Dedyul'kin, A.V. 2020. In *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskij vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 19. No. 2, 92—119 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.2.5> (in Russian).
- Goldina, E.V. 2010. *Busy mogil'nikov nevolinskoy kul'tury (konets IV — IX vv.) (Beads from the Cemeteries of the Nevolinskaya Culture (late 4th — 9th Centuries)*. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).

- Goldina, E.V., Krasnoperov, A.A. 2012. *Nyrgyndinskiy I mogil'nik II—III vv. na Sredney Kame (Nyrgynda I Burial ground of the 2nd —3rd Centuries on the Middle Kama)*. Izhevsk: Udmurt State University (Materials and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition 22) (in Russian).
- Demidenko, S.V. 2015. In: Korenyako, V.A., Boyko L.A. (eds.). *TANAIN ΔΕ ΠΟΤΑΜΟΝ ΔΙΑΒΑΝΤΙ. Pamyati V.E. Maksimenko (1934—2014) (In memory of V.E. Maksimenko (1934—2014))*. Rostov-on-Don: South Federal University Publ. House, 189—196 (in Russian).
- Dzneladze, E.S. 2016. *Busy i podveski sarmatov Severnogo Prichernomor'ya (Beads and Pendants of the Sarmatians of the North Pontic area)*. PhD Thesis. Kiev (in Russian).
- Evtyukhova, L.A., Levasheva, V.P. 1946. In *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noy kul'tury (Brief Reports of the Institute of History of the Material Culture)* 12, 72—84 (in Russian).
- Ivanov, V.A. 1980. In: Martynov, A.I. (ed.). *Skifo-sibirskoe kul'turno-istoricheskoe edinstvo (Scytho-Siberian cultural and historical unity)*. Kemerovo: Kemerovo State University, 74—85 (in Russian).
- Kasenov, M.S., Seytkaliev, M.K. 2017. In *Stratum plus* (4), 115—118 (in Russian).
- Cat. Moscow 1999: *Ukrasheniya Vostoka. Iz kollektsii Patti Berch, USA (Jewellery of the East. From the Patty Berch Collection, USA)*. Moscow: Pushkin State Museum of Fine Arts (in Russian).
- Kilunovskaya, M.E., Leus, P.M. 2022. In *Nauchnoe obozrenie Sayano-Altaya (Sayan-Altaï Scientific Review)* 1 (33), 110—120 (in Russian).
- Kiselev, S.V. 1951. *Drevnyaya istoriya Yuzhnoy Sibiri (Ancient History of South Siberia)*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
- Klepikov, V.M., D'yachenko, A.N., Blokhin, V.G., Krivosheev, M.V. 2006. In: Sergatskov, I.V. (ed.). *Materialy po arkheologii Volgo-Donskikh stepey (Materials on Archaeology of the Volga-Don Steppes)*. Iss. 3. Volgograd: Volgograd State University, 164—190 (in Russian).
- Kovalev, A.A. 2007. In: Kharinskiy, A.V. (ed.). *Etnoistoriya i arkheologiya Severnoy Evrazii: teoriya, metodologiya i praktika issledovaniya (Ethnohistory and Archaeology of Northern Eurasia: Theory, Methodology and Research Practice)*. Irkutsk: Irkutsk State Technical University, 145—148 (in Russian).
- Kostenko, V.I. 1993. *Sarmaty v Nizhnem Podneprov'e (The Sarmatians in the Lower Dnieper Region)*. Dnipropetrovsk: Dnipropetrovsk State University (in Russian).
- Kosyanenko, V.M., Maksimenko, V.E. 1989. In *Sovetskaya arkheologiya (Soviet archaeology)* 1, 264—267 (in Russian).
- Krasnoperov, A.A. 2006. *Kostyum naseleniya chegandinskoy kul'tury v Prikam'e: II v. do n.e. — V v. n.e. (The Costume of the Population of the Cheganda Culture in the Kama Region: 2nd Century BCE — 5th century CE)*. PhD Dissertation. Izhevsk (in Russian).
- Krasnoperov, A.A. 2009. In: Bugrov, D.G. (ed.). *Drevnyaya i srednevekovaya arkheologiya Volgo-Kam'ya. Sbornik statey k 70-letiyu P.N. Starostina (Ancient and Medieval Archaeology of the Volga-Kama Region. Collection of articles dedicated to the 70th Anniversary of P.N. Starostin)*. Kazan: Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic Tatarstan, 92—105 (Archaeology of the Eurasian Steppes 10) (in Russian).
- Kropotkin, V.V., Obydenov, M.F. 1985. In *Sovetskaya arkheologiya (Soviet archaeology)* 2, 242—245 (in Russian).
- Kuz'mina, E.E. 2010. *Predystoriya Velikogo shelkovogo puti. Dialog kul'tur Evropa — Aziya (Prehistory of the Great Silk Road. Dialogue of Cultures Europe — Asia)*. Moscow: KomKniga (in Russian).
- Kunina, N.Z. 1997. *Antichnoe steklo v sobranii Ermitazha (Ancient Glass in the Collection of the Hermitage)*. Saint Petersburg: ARS (in Russian).
- Kyzlasov, L.R. 1992. *Ocherki po istoii Sibiri i Tsentral'noy Azii (Essays on the History of Siberia and Central Asia)*. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk University (in Russian).
- Kyzlasov, L.R. 2001. *Gunn'skiy dvorets na Enisee. Problema ranney gosudarstvennosti Yuzhnoy Sibiri (Hunnu Palace on the Yenisei. The Problem of the Early Statehood of Southern Siberia)*. Moscow: Vostochnaya literatura (in Russian).
- Levkova, K.S., Sattarov, R.R. 2017. In: Derevyanko, A.P., Tishkin, A.A. (eds.). *V (XXI) Vserossiyskiy arkheologicheskiy s'ezd: sbornik nauchnykh trudov (5th (21st) All-Russian Archaeological Conference): Collection of Scientific Papers*. Barnaul: Altai State University (in Russian).
- Livshits, V.A. 2002. In *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)* 2, 43—56 (in Russian).
- Malashev, V.Yu., Yablonskiy, L.T. 2008. *Stepnoe naselenie Yuzhnogo Priural'ya v pozdnesarmatskoe vremya (po materialam mogil'nika Pokrovka 10) (The Steppe Population of the South Urals in the Late Sarmatian Period (after the Materials of Pokrovka 10 Cemetery))*. Moscow: Taus (in Russian).

- Matyushchenko, V.I., Tataurova, L.V. 1997. *Mogil'nik Sidorovka v Omskom Priirtysh'e (The Sidorovka Burial-ground in the Omsk Region on the Irtysh River)*. Novosibirsk: Nauka (in Russian).
- Morgunova, N.L. 1996. In: H.L. Morgunova (ed.). *Arkheologicheskie pamyatniki Orenburzh'ya (Archaeological Monuments of the Orenburg Region)*. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 8—43 (in Russian).
- Moshkova, M. G. 1982. In *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 170, 80—87 (in Russian).
- Niyazova, M.I., Mirzaakhmedov, D.K. 2008. In: Pidaev, Sh.R. (ed.). *Kul'tura nomadov Tsentral'noy Azii. Materialy Mezhdunarodnoy konferentsii. Samarkand, 22—24 noyabrya, 2007 g. (The Culture of the Nomads of Central Asia. Materials of the International conference. Samarkand, November 22—24, 2007)*. Samarkand: International Institute of the Central Asian Studies, 164—166 (in Russian).
- Novichenkova, N.G. 2002. *Ustroystvo i obryadnost' svyatilishcha u perevala Gurzufskoe Sedlo (Arrangement and Rites of the Sanctuary at the Gurzufskoe Saddle Pass)*. Yalta: Crimean State Humanitarian Institute (in Russian).
- Podol'skiy, M.L. 2002. In: Savinov, D.V. (ed.). *Klady: sostav, khronologiya, interpretatsiya (Hoards: Composition, Chronology, Interpretation)*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University, 229—234 (in Russian).
- Polos'mak et al. 2011: Polos'mak, N.V., Bogdanov, E.S., Tsevendorzh, D. 2011. *Dvadsatyy noin-ulinskiy kurgan (The 20th Noin-Ula Burial mound)*. Novosibirsk: Infolio.
- Prüch, M., Treister, M.Yu. 2019. In: Malyshev, A.A. (ed.). *Scythia et Sarmatia*. Moscow: MAKSS, 328—337 (in Russian).
- Pugachenkova, G.A. 1966. *Khalchayan. K probleme khudozhestvennoy kul'tury severnoy Baktrii (Khalchayan. On the Problem of the Artistic Culture of Northern Bactria)*. Tashkent: FAN (in Russian).
- Ravich, I.G., Treister, M.Yu. 2021. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 13, 404—452 (in Russian).
- Sattarov, R.R. 2019. *Imported Objects in the Pyanobor Culture (late 2nd Century BCE — 2nd Century CE)*. Abstract of the PhD dissertation. Kazan (in Russian).
- Shilov 1954: Arkhiv VOKM. No. 7 (A—7 a). Shilov V.P. 1954. Otchet o raskopkakh Kalinovskogo otryada Stalingradskoy arkheologicheskoy ekspeditsii IIMK AN SSSR.
- Simonenko, A.V. 2011. *Rimskiy import u sarmatov Severnogo Prichernomor'ya (Roman Import by the Sarmatians of the North Pontic Region)*. Saint Petersburg: Philological Faculty of the Saint Petersburg State University (in Russian).
- Skripkin, A.S. 1990. *Aziatskaya Sarmatiya (The Asian Sarmatia)*. Saratov: Saratov University (in Russian).
- Skripkin, A.S. 2003. In *Vestnik drevney istorii (Bulletin of Ancient History)* 3, 194—203 (in Russian).
- Smirnov, K.F. 1959. In: Krupnov, E.I. (ed.). *Pamyatniki Nizhnego Povolzh'ya (Sites of the Lower Volga Region)*. Vol. 1. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 206—322 (Results of Works of the Stalingrad Archaeological Expedition I; Materials and Studies in the Archaeology of the USSR 60) (in Russian).
- Stoyanova, A.A. 2012. *Detskie pogrebeniya iz mogil'nika Opushki (po rezul'tatam raskopok 2003—2009 gg.) (Children's Burials from the Opushka Burial-ground (after the results of 2003—2009 excavations))*. Simferopol: Dolya (in Russian).
- Treister, M.Yu. 2007. In: Mordvintseva, V.I., Treister, M.Yu. *Proizvedeniya torevtiki i yuvelirnogo iskusstva v Severnom Prichernomor'e. II v. do n.e. — II v. n.e. (Toreutics and Jewelry Objects from the North Pontic Area. 2nd Century BCE — 2nd Century CE)*. Vol. I. Simferopol; Bonn: Tarpan, 15—194 (in Russian).
- Treister, M.Yu. 2014. In *Vestnik drevney istorii (Bulletin of Ancient History)* 2, 125—150 (in Russian).
- Treister, M.Yu. 2015. In *Vestnik Volgogradskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Ser. 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya (Bulletin of the Volgograd State University. Ser. 4. History. Regional studies. International relationships)* 5 (35), 112—125 (in Russian).
- Treister, M.Yu. 2016a. In: Yablonskiy, L.T., Kraeva, L.A. (eds.). *Konstantin Fedorovich Smirnov i sovremennye problemy sarmatskoy arkheologii (Konstantin Fedorovich Smirnov and modern problems of Sarmatian archeology)*. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 279—286 (in Russian).
- Treister, M.Yu. 2016b. In: Baytanaev, B.A. (ed.). *Aktual'nye problemy arkheologii Evrazii. Materialy konferentsii, posvyashchennoy 25-letiyu nezavisimosti Respubliki Kazakhstan i 25-letiyu Instituta arkheologii im. A.Kh. Margulana (Actual Problems of Archeology of Eurasia. Materials of the Conference dedicated to the 25th Anniversary of the Independence of the Republic of Kazakhstan and the*

- 25th Anniversary of the Institute of Archeology named after A. Kh. Margulan). Almaty: Institute of Archeology named after A. Kh. Margulan, 345—354 (in Russian).
- Treister, M. Yu. 2017. In: Tairov, A.D. (ed.). *Etnicheskie vzaimodeystviya na Yuzhnom Urale. Sarmaty i ikh okruzhenie (Ethnic Interactions in South Urals: Sarmatians and their Milieu)*. Chelyabinsk: State Historical Museum of South Urals, 140—147 (in Russian).
- Treister, M.Yu. 2018a. In *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 17.1, 108—143 (in Russian).
- Treister, M.Yu. 2018b. In *Stratum plus* 4, 153—200 (in Russian).
- Treister, M.Yu. 2018c. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Materials in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 10, 118—210. DOI: 10.24411/2219-8857-2018-00004 (in Russian).
- Treister, M.Yu. 2018d. In *Krym v sarmatskuyu epokhu (II v. do n.e. — IV v. n.e.) (The Crimea in the Sarmatian Period (2nd Century BCE — 4th Century CE))* IV, 9—49 (in Russian).
- Treister, M.Yu. 2018e. In *Drevnosti Bospora (Antiquities of the Bosporus)* 22, 216—238 (in Russian).
- Treister, M.Yu. 2019a. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury (Problems of History, Philology and Culture)* 4, 180—238 (in Russian).
- Treister, M.Yu. 2019b. In: A.A. Malyshev (ed.). *Scythia et Sarmatia*. Moscow: MAKSS, 317—327 (in Russian).
- Treister, M.Yu. 2019c. In: Vasil'ev, A.D. (ed.). *III Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya. Istoricheskie, kul'turnye, mezhnatsional'nye, religioznye i politicheskie svyazi Kryma so Sredizemnomorskim regionom i stranami Vostoka (III International scientific conference. Historical, cultural, interethnic, religious and political Ties of Crimea with the Mediterranean Region and the Countries of the East)*. Vol. 1. Moscow: Probel-2000, 260—264 (in Russian).
- Treister, M.Yu. 2019d. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury (Problems of History, Philology and Culture)* 1, 25—68 (in Russian).
- Treister, M.Yu. 2020a. In *Stratum plus* 4, 163—178 (in Russian).
- Treister, M.Yu. 2020b. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury (Problems of History, Philology and Culture)* 4, 41—109 (in Russian).
- Treister, M.Yu. 2020c. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 12, 148—223 (in Russian).
- Treister, M.Yu. 2020d. In *Krym v sarmatskuyu epokhu (II v. do n.e. — IV v. n.e.) (The Crimea in the Sarmatian Period (2nd Century BC — 4th Century AD))* VI, 154—188 (in Russian).
- Treister, M.Yu. 2020e. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury (Problems of History, Philology and Culture)* 2, 5—60 (in Russian).
- Treister, M.Yu. 2020f. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury (Problems of History, Philology and Culture)* 3, 5—48 (in Russian).
- Treister, M.Yu. 2021a. In *Krym v sarmatskuyu epokhu (II v. do n.e. — IV v. n.e.) (The Crimea in the Sarmatian Period (2nd Century BC — 4th Century AD))* VII, 157—194 (in Russian).
- Treister, M.Yu. 2021b. In *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 20.1, 153—178 (in Russian).
- Treister, M.Yu. 2021в. In *Vestnik drevney istorii (Bulletin of Ancient History)* 2, 340—393 (in Russian).
- Treister, M.Yu. 2021г. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury (Problems of History, Philology and Culture)* 3, 18—65 (in Russian). DOI: 10.18503/1992-0431-2021-3-73-18—65.
- Treister, M.Yu. 2022. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury (Problems of History, Philology and Culture)* 1, 23—60 (in Russian).
- Trifanova, S.V., Soyonov, V.I. 2019. *Ukrasheniya naseleniya Altaya gunno-sarmatskogo vremeni (Jewelry of the Population of Altai of the Hunno-Sarmatian Period)*. Gorno-Altai: Gorno-Altai State University (in Russian).
- Trufanov, A.A. 2009. In *Stratum plus* 4, 117—328 (in Russian).
- Khasanov, A.M. 2022. In *Arkheologiya i davnya istoriya Ukraïni (Archaeology and Ancient History of the Ukraine)* 1 (42), 163—192 (in Ukrainian).
- Khudyakov, Yu. S. 1998. In *Drevnosti Altaya. Izvestiya laboratorii arkheologii (Antiquities of Altai. Proceedings of the Laboratory of archeology)* 3, 97—112 (in Russian).
- Shevchenko, N.F. 2004. In *Materialy i issledovaniya po arkheologii Kubani (Materials and Studies on the archeology of the Kuban)* 4, 186—211 (in Russian).

- Yablonskiy, L.T., Trunaeva, T.N., Davis-Kimball, J., Egorov, V.L. 1994. In: Yablonskiy, L.T. (ed.). *Kurgany levoberezhnogo Iлека (Burial Mounds of the Left-Bank Ilek)*. Iss. 2. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 4—57 (in Russian).
- Yatsenko, S.A. 2017. In: Vdovchenkov, E.V. (ed.). *Problemy arkheologii Vostochnoy Evropy i Dal'nego Vostoka (Issues of Archaeology of Southeastern Europe and Far East)*. Rostov-on-Don; Taganrog: Southern Federal University, 256—277 (in Russian).
- Yatsenko, S.A. 2020. In: Yatsenko, S.A., Avizova, A.K., Torgoev, A.I., Saipov, A., Kulish, A.V., Kitov, E.P., Rogozhinskiy, A.E., Smagulov, E.A., Erzhigitova, A.A., Torezhanova, N.Zh., Tur, S.S., Ivanov, S.S. *Arkheologiya i istoriya kangyuyskogo gosudarstva (Archeology and History of the Kangju State)*. Shymkent: "Elem", 50—68 (in Russian).
- An Jiayao 1991. The Early Glass of China. In: Brill, R.H., Martin, J.H. (eds). *Scientific Research in Early Chinese Glass. Proceedings of the Archaeometry of Glass Sessions of the 1984 International Symposium on Glass Beijing, September 7, 1984*. Corning, New York: Corning Museum of Glass, 5—19.
- An Jiayao 2004. The Art of Glass along the Silk Road. In: Cat. New York 2004, 57—65.
- André, G., Desroches, J.-P. 2002. Une tombe princière Xiongnu à Gol Mod, Mongolie (campagnes de fouilles 2000—2001). *Arts asiatiques* 57, 194—205.
- Bagherpour Kashani, N. 2011. Studies of Ancient Depositional Practices and related Jewellery Finds, based on the Discoveries at Veshnaveh: A Source for the History of Religion in Iran. Diss. Bochum.
- Bagherpour Kashani, N., Roustaei, K., Stöllner, T. 2011. Iron Age amber beads from Vešnavé / Iran. *AMIT* 43, 71—78.
- Barfield, T. 2001. *Steppe Empires, China and the Silk Route: Nomads as a Force in International Trade and Politics*. In: Khazanov, A., Wink, A. (eds.). *Nomads in the Sedentary World*. London: Routledge, 234—248.
- Baumer, L. 2019. China and the Roman Empire: Archeological testimonials. *Blog Scientifique de l'Institut Confucius de l'Université de Genève*, 2019. Available at: <http://archive-ouverte.unige.ch/unige:113927> (accessed 01.10.2022).
- Beck, H.C. 1941. *The Beads from Taxila*. Delhi: Manager of Publications (Memoirs of the Archaeological Survey of India 65).
- Boardman, J. 2010. *The Relief Plaques of Eastern Eurasia and China. The "Ordos Bronzes", Peter the Great's Treasure, and their kin*. Oxford: The Beazley Archive and Archaeopress (Beazley Archive Occasional Paper).
- Borell B. 2010. Trade and Glass Vessels along the Maritime Silk Road. In: Zorn, B., Hilgner, A. (eds.). *Glass along the Silk Road, from 200 BC to AD 1000*. Mainz: Römisch-Germanisches Zentralmuseum, 127—142 (RGZM Tagungen 9).
- Borell, B., Bellina, B., Chaisuwan, B. 2014. Contacts between the Upper Thai-Malay Peninsula and the Mediterranean World. In: Revire, N., Murphy, S.A. (eds.). *Before Siam: Essays in art and archaeology*. Bangkok: River Books & Siam Society, 99—117.
- Breton, J.-F. Bâfaqih, M.A. 1993. *Trésors du Wâdî Dura' (République du Yemen). Fouilles franco-yéménites de la nécropole de Hajar am-Dhabiyya*. Paris: Institut français d'archéologie du Proche-Orient (Bibliothèque archéologique et historique 141).
- Brosseder, U. 2011. Belt Plaques as an Indicator of East-West Relations in the Eurasian Steppe at the Turn of the Millennia. In: Brosseder, U., Miller, B.K. (eds.). *Xiongnu Archaeology. Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia*. Bonn: Rheinische Friedrich-Wilhelms Universität Bonn, 349—424 (BCAA 5).
- Brosseder, U. 2015. A Study on the Complexity and Dynamics of Inter-Action and Exchange in Late Iron Age Eurasia. In: Bemmman, J., Schmauder, M. (eds.). *Complexity of Interaction along the Eurasian Steppe Zone in the First Millenium CE*. Bonn: Rheinische Friedrich-Wilhelms Universität Bonn, 199—332 (BCAA 7).
- Brosseder, U. 2016. Xiongnu Empire. In: Dalziel, N., MacKenzie, J.M. (eds.). *The Encyclopedia of Empire*. Wiley-Blackwell Online Library. <https://doi.org/10.1002/9781118455074.wbeoe149>.
- Brosseder, U., Miller, B.K. 2018. Global networks and local agents in the Iron Age Eurasian steppe. In: Boivin, N., Frachetti, M.D. (eds.). *Globalization in prehistory: Contact, exchange and the people "without history"*. Cambridge: Cambridge University Press, 162—183.
- Cat. Cambridge 2012: Lin, J.C.S. (ed.). *The Search for Immortality. Tomb Treasures of Han China*. Cambridge, New Haven: Yale University Press.
- Cat. London 2017: Simpson, St.J., Pankova, S. (eds.). *The BP exhibition. Scythians. Warriors of Ancient Siberia*. London: Thames & Hudson.

- Cat. New York 2004: Watt, J.C.Y. *China: Dawn of a Golden Age, 200—750 AD. The Metropolitan Museum of Art*. New York: The Metropolitan Museum of Art; New Haven: Yale University Press.
- Central Asian Archaeology Team et al. 2018: Central Asian Archaeology Team, Northwest University Institute of Archaeology, Uzbekistan Academy of Sciences Luoyang Institute of Cultural Relics and Archaeology. 乌兹别克斯坦拜松市拉巴特墓地. 2017. 年发掘简报. Archaeological excavation of the Rabat cemetery in Boysun, Uzbekistan, Preliminary Report for Season 2017. 2018. 年第7期, 4—30.
- Central Asian Archaeology Team et al. 2020: Central Asian Archaeology Team, Northwest University Institute of Archaeology, Uzbekistan Academy of Sciences Luoyang Institute of Cultural Relics and Archaeology. 西北大学中亚考古队 乌兹别克斯坦科学院考古研究所 洛阳市文物考古研究院. 2020. 乌兹别克斯坦拜松市拉巴特墓地. 2018. 年发掘简报. Brief Report on the 2018. Excavation of the Rabat Cemetery in Boysun City, Uzbekistan. 2020. 年第12期, 53(1373)—80(1400).
- Chen, D., Zeng, Q., Yuan, Y., Cui, B., Luo, W. 2019. Baltic amber or Burmese amber: FTIR studies on amber artifacts of Eastern Han Dynasty unearthed from Nanyang. *Spectrochimica acta. Part A, Molecular and Biomolecular Spectroscopy*. 2019 Nov; 222: 117270. DOI: 10.1016/j.saa.2019.117270.
- Christian, D. 2000. Silk Roads or Steppe Roads? The Silk Roads in World History. *Journal of World History* 11.1, 1—26.
- Chudjakov, J. 1997. Hunnenzeitliche Tracht einer Nomadin aus dem Hochaltai. *Eurasia antiqua* 3, 581—594. coinboards.org: 1: IGCH 1821. Available at: <http://coinboards.org/id/igch1821?lang=da> (accessed 01.10.2022).
- De la Vaissière, É. 2014. Trans-Asian trade, or the Silk Road deconstructed (antiquity, middle ages). In: Neal, L., Williamson, J. (eds.). *The Cambridge History of Capitalism*. Cambridge: Cambridge University Press, 101—124. doi:10.1017/CHO9781139095099.005.
- De Puma, R.D. 1991. The Roman Bronzes from Kolhapur. In: Begley, V., De Puma, R.D. (eds.). *Rome and India. The Ancient Sea Trade*. Madison: The University of Wisconsin Press, 84—112.
- Diehl, E. 1923. Bosporanische Münzen aus der Dschungarei. *Blätter für Münzfreunde* 58, 441—449.
- Duturaeva, D. 2016. Between the Silk and Fur Roads: The Qarakhanid Diplomacy and Trade. Orientierungen. *Zeitschrift zur Kultur Asiens* 28, 173—212.
- Duturaeva, D. 2021. The Amber Road to China. Trade and Migration of Culture in Pre-Modern Eurasia. In: Cojocaru, V., Pázsint, A.-I. (eds.). *Migration and Identity in Eurasia from the Ancient Times to the Middle Ages*. Cluj-Napoca: Mega Publ. House, 251—267 (Pontica et Mediterranea X).
- Egami, N., Fukai, S., Masuda, S. 1966. *Dailaman II: The Excavations at Noruzmahale and Khoramrud, 1960*. Tokyo: The Institute of Oriental Culture; The University of Tokyo.
- Egiimaa, T.S. 2011. Adornments of the Xiongnu. In: Eregzen, G. (ed.). 2011. *Treasures of the Xiongnu*. Ulaanbaatar: National Museum of Mongolia, 112—129.
- Erdenbaatar, D. 2011. A Glass Bowl. In: Eregzen, G. (ed.). 2011. *Treasures of the Xiongnu*. Ulaanbaatar: National Museum of Mongolia, 186—187.
- Erdenbaatar, D. 2018. Material cultural heritage of the Xiongnu empire. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii (Journal of Ancient Technology Laboratory)* 14. No. 2, 54—73. DOI: 10.21285/2415-8739-2018-2-54-73.
- Erdenbaatar, D., Iderkhangai, T.-O., Galbadrakh, B., Minzhiddorzh, E., Orgilbaatar, S. 2011. Excavations of Satellite Burial 30, Tomb 1 Complex, Gol Mod 2 Necropolis. In: Brosseder, U., Miller, B.K. (eds.). *Xiongnu Archaeology. Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia*. Bonn: Rheinische Friedrich-Wilhelms Universität Bonn, 303—314 (BCAA 5).
- Eregzen, G. (ed.). 2011. *Treasures of the Xiongnu*. Ulaanbaatar: National Museum of Mongolia.
- Gajdukevič, V.F. 1971: *Das Bosporanische Reich*. Berlin; Amsterdam: Akademie-Verlag.
- Goethert-Polaschek, K. 1977: *Katalog der römischen Gläser des Rheinischen Landesmuseums Trier*. Mainz: von Zabern.
- Gogiberidze, N. 2008. Jewelry. In: Furtwängler, A., Gagoshidze, I., Löhr, H., Ludwig, N. (Hrsg.). *Iberia and Rome. The Excavations of the Palace at Dedoplist Gora and the Roman Military Influence in the Caucasian Kingdom of Iberia*. Langenweißbach: Beier & Beran, 165—189.
- Goldstein, S.M. 1979. *Pre-Roman and Early Roman Glass in the Corning Museum of Glass*. Corning: Corning Museum of Glass.
- Henderson, J., An, J., Ma, H. 2018. The Archaeometry and Archaeology of ancient Chinese Glass: A Review. *Archaeometry* 60 (1), 88—104.
- Høisæter, T.L. 2017. Politics and nomads: the emergence of the Silk Road exchange in the Tarim Basin region during late prehistory (2000—400 BCE). *Bulletin of SOAS*, 1—25.

- Honeychurch, W. 2015a. From Steppe Roads to Silk Roads: Inner Asian Nomads and Early Interregional Exchange. In: Amitai, R., Biran, M. (eds.). *Nomads as Agents of Cultural Change: the Mongols and their Eurasian Predecessors*. Honolulu: University of Hawai'i Press, 50—87.
- Honeychurch, W. 2015b. Not of Place, but of Path: Nomads on the World Stage. In: Honeychurch, W. (ed.). *Inner Asia and the Spatial Politics of Empire: Archaeology, Mobility, and Culture Contact*. New York: Springer, 261—296.
- Hoppál, K. 2015. Contextualizing the comparative perceptions of Rome and China through Written sources and archaeological data. PhD Dissertation, Eötvös Loránd University. *Dissertationes Archaeologicae* 3.3, 285—302.
- Hoppál, K. 2016. Contextualising Roman-related Glass Artefacts in China. An Integrated Approach to Sino-Roman Relations. *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae* 67, 99—114.
- Hoppál, K. 2021. Rome, China and West-East Intercultural Communications in Antiquity: An Archaeological Perspective. *Studies on Cultures along the Silk Roads* 2, 56—83.
- Iderkhangai, T., Orgilbayar, S. 2018. Some Issue on Glass Ribbed Bowls and Hunnu Empire Foreign Relations. In: Red'kin, A.G., Rotanova, I.N. (eds.). *Prirodnyye usloviya, istoriya i kul'tura Zapadnoy Mongolii i sopredel'nykh regionov. Materialy XIII Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Barnaul, 20—22 sentyabrya 2017 g. (Natural conditions, history and culture of Western Mongolia and adjacent regions. Proceedings of the 13th International Scientific Conference. Barnaul, September 20—22, 2017)*. Barnaul; Khovd: Altayskiy gosudarstvennyy universitet, 208—213.
- Isings, C. 1957. *Roman Glass from Dated Finds*. Groningen; Djakarta: J.B. Wolters.
- Khazanov, A. 2019. Steppe Nomads in the Eurasian Trade. *Chungara Revista de Antropología Chilena* 51. No.1, 85—93.
- Khazanov, A. 2021. The overland “Great Silk Road”: myths and realities (A politically incorrect paper on a politically correct subject). In: Persis, B.C., Calogero, M.S. (eds.). *Caravans in Global Perspective: Contexts and Boundaries*. London: Routledge, 122—167.
- Kost, C. 2011. *Studien zur Bildpraxis im nordchinesischen Steppenraum vom 5. Jahrhundert v. Chr. bis zur Zeitenwende*. Dissertation, LMU München: Faculty of Cultural Studies.
- Kost, C. 2014. *The Practice of Imagery in the Northern Chinese Steppe (5th —1st Centuries BCE)*. Bonn: Vor- und Frühgeschichtliche Archäologie, Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität (BCAA 6).
- Kost, C. 2017. Heightened Receptivity: Steppe Objects and Steppe Influences in Royal Tombs of the Western Han Dynasty. *Journal of the American Oriental Society* 137.2, 349—381.
- Kovalev, R.K. 2001. The Infrastructure of the Northern Part of the “Fur Road” Between the Middle Volga and the East During the Middle Ages. *Archivum Eurasiae Medii Aevi* 11, 25—64.
- Lankton, J.W., Amartuvshin, C., Gratuze, B., Honeychurch, W. 2012. Glass and Faience Beads and Pendants from Middle Gobi Xiongnu burials. New Insights from LA-ICP-MS Chemical Analyses. In: *Drevniye kul'tury Mongolii i Baykal'skoy Sibiri. Materialy III Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Ulan-Bator, 05—09 sentyabrya 2012 g.) (Ancient cultures of Mongolia and Baikal Siberia. Proceedings of the 3rd International Scientific Conference (Ulaanbaatar, September 05—09, 2012))*. Ulaanbaatar: Mongol'skiy gosudarstvennyy universitet, 683—694.
- Leese-Messing, K. 2020. Material Evidence: Lacquerware. In: von Reden, S. (ed.). *Handbook of Ancient Afro-Eurasian Economies*. Vol. 1. München: De Gruyter Oldenbourg, 557—573.
- Levi, S.C. 2012. Objects in Motion. In: Northrop, D. (ed.). *A Companion to World History*. Malden, MA: Wiley-Blackwell, 321—338.
- Lin Yixian. 2010. A Scientific Study of Glass Finds from the Niya Oasis. In: Zorn, B., Hilgner, A. (eds.). *Glass along the Silk Road, from 200 BC to AD 1000*. Mainz: Römisch-Germanisches Zentralmuseum, 203—210 (RGZM Tagungen 9).
- Linduff, K.M. 2008. The Gender of Luxury and power among the Xiongnu in Eastern Eurasia. In: Linduff, K.M., Robinson, K.S. (eds.). *Are all Warriors male? Gender Roles on the Ancient Eurasian Steppe*. Lanham: AltaMira Press, 175—211.
- Livshits, V.A. 2003: Three Silver Bowls from the Isakovka Burial-Ground No. 1 with Khwarezmian and Parthian Inscriptions. *ACSS* 9 1-2, 147—172.
- Lysenko, A., Masyakin, V. 2012. Roman Imports in the Mountain Crimea. In: Jacob, M. (ed.). *The Romans at the Black Sea During the Time of Augustus. The Evidence of Literary, Archaeological and Numismatic Sources. Abstracts*. Tulcea: Institutul de Cercetări Eco-Muzeale Tulcea, 22—23.

- Manning, J. 2014. At the Limits: Long-Distance Trade in the Time of Alexander the Great and the Hellenistic Kings. In: Mair, W., Hickman, J. (eds.). *Reconfiguring the Silk Road: New Research on East-West Exchange in Antiquity*. Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press, 5—14.
- Marčenko, I.I., Limberis, N.J. 2008. Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Denkmälern des Kubangebietes. In: Simonenko, A., Marčenko, I.I., Limberis, N.J. *Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern*. Mainz: von Zabern, 267—400 (Archäologie in Eurasien 25).
- Marshall, J. 1951. *Taxila*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Menninger, M. 1996. *Untersuchungen zu den Gläsern und Gipsabgüssen aus dem Fund von Begram/Afghanistan*. Würzburg: Ergon.
- Miller, B.K. 2011. Permutations of Peripheries in the Xiongnu Empire. In: Brosseder, U., Miller, B.K. (eds.). *Xiongnu Archaeology. Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia*. Bonn: Rheinische Friedrich-Wilhelms Universität Bonn, 559—578 (BCAA 5).
- Morris, L. 2020. Roman Objects in the Begram Hoard and the Memory of Greek Rule in Kushan Central Asia. In: Mairs, R. (ed.). *The Graeco-Bactrian and Indo-Greek world. worlds*. Abingdon: Routledge, 580—592.
- Nenna, M.-D. 1999. *Les Verres*. Paris; Athènes: École française d'Athènes (Exploration Archeologique de Délos 37).
- Olbrycht, M. 2001. Der Fernhandel in Ostsarmatien und in den benachbarten Gebieten. Zweite Hälfte des 2. Jhs. — 1. Jh. v. Chr. *Laverna. Beiträge zur Wirtschafts- und Sozialgeschichte der Alten Welt* 12, 86—122.
- Olbrycht, M. 2015: Arsacid Iran and the Nomads of Central Asia — Ways of Cultural Transfer. In: Bemmman, J., Schmauder, M. (eds.). *Complexity of Interaction along the Eurasian Steppe Zone in the First Millenium CE*. Bonn: Rheinische Friedrich-Wilhelms Universität Bonn, 333—390 (BCAA 7).
- Otani, I. 2017. A Catalogue of Glassware excavated in China and Mongolia (Han and Xiongnu Period). *The Archaeological Journal of Kanazawa University* 76.9, 65—73.
- Prüch, M. 2013. Die Lackkästchen aus der Grabung von Ust'-Al'ma. In: Müller, S. (Hrsg.). *Die Krim. Goldene Insel im Schwarzen Meer. Griechen — Skythen — Goten*. Bonn: LVR — Landesmuseum Bonn, 142—151.
- Puzdrowskij, A. 2013. Ust'-Al'ma: Die Siedlung und Nekropole. In: Müller, S. (Hrsg.). *Die Krim. Goldene Insel im Schwarzen Meer. Griechen — Skythen — Goten*. Bonn: LVR — Landesmuseum Bonn, 290—323.
- Qi Liu, Yi-Meng Yuan, Yan-Hua Zhang, Xuan Qin, Yan-Jiao Yu, Hui Wang, Ning-Ning Xu 2022. Fourier transform infrared spectroscopy (FTIR) characteristics of ancient amber artifacts of the Han Dynasty from Hunan, China. *Palaeoentomology* 005 (4), 354—361. Available at: <https://www.mapress.com/j/pe/> (accessed 01.10.2022).
- Qinghai Provincial Institute of Cultural Relics and Archaeology 青海省文物考古研究所. 1993. Shang Sunjiazhai Han Jin Mu 上孙家寨汉晋墓 (Han and Jin cemetery at Shangsunjiazhai). Beijing: Wenwu Chubanshe.
- Rapin, C. 1992. *La trésorerie du palais hellénistique d'Aï Khanoum*. Paris: De Boccard (Fouilles d'Aï Khanoum 8; Mémoires DAFA 33).
- Rapin, C. 1996. Relations entre l'Asie centrale et l'Inde a l'époque hellénistique. *Cahiers d'Asie centrale* 1.2, 35—45.
- Raschke, M.G. 1978. New Studies in the Roman Commerce with the East. In: Temporini, H. (Hrsg.). *Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt* II.9.2. Berlin; New York: Walter de Gruyter & Co., 604—1378.
- Rawson, J. 2012. The Han Empire and Its Northern Neighbours: The Fascination of the Exotic. In: Cat. Cambridge 2012, 23—36.
- Rubinson, K. 1992. A Reconsideration of Pazyryk. In: Seaman, G. (ed.). *Foundations of Empire: Archaeology and Art of the Eurasian Steppes*. Los Angeles, CA: Ethnographic Press; University of Southern California, 68—76.
- Rütti, B. 1991. *Die römischen Gläser aus Augst und Kaiseraugst*. Augst: Verlag Römermuseum (Forschungen in Augst 13).
- Schuster, J. 2010. *Lübsow — Älterkaiserzeitliche Fürstengräber im nördlichen Mitteleuropa*. Bonn: Rheinische Friedrich-Wilhelms Universität Bonn (Bonner Beiträge zur Vor- und Frühgeschichtlichen Archäologie 12).
- Selbitschka, A. 2010. *Prestigeüter entlang der Seidenstraße?: Archäologische und historische Untersuchungen zu Chinas Beziehungen zu Kulturen des Tarimbeckens vom zweiten bis frühen fünften Jahrhundert nach Christus*. Wiesbaden: Harrassowitz-Verlag (Asiatische Forschungen 154).
- Selbitschka, A. 2018. The Early Silk Road(s). In: Ludden, D. (ed.). *Oxford Research Encyclopedia of Asian History*. New York: Oxford University Press, 1—23. <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190277727.013.2>.

- Seligman, C.G., Beck, H.C. 1938. *Far Eastern Glass, Some Western Origins*. Stockholm: Östasiatiska Museet (Östasiatiska Museet. Bulletin No. 10).
- Siebert, G. 2001. *L'Îlot des bijoux, l'Îlot des bronzes, la Maison des sceaux*. Paris: École française d'Athènes (Exploration archéologique de Délos 38).
- Tao, T. 2010. Exotic Style of the Silver Ewer from a Han-to-Jin Period Tomb in Shang Sunjiazhai Village in Datong, Qinghai. *Chinese Archaeology* 10, 177—183.
- Treister, M. 2015. Römische Bronzegefäße aus einem spätsarmatischen Grab (3. Jh. n. Chr.) der Kurgan-Nekropole Lebedevka in Westkasachstan. In: Della Casa, P., Deschler-Erb, E. (Hrsg.). *New Research on Ancient Bronzes. Acta of the XVIII International Congress on Ancient Bronzes*. Zurich: Chronos, 241—246 (Zurich Studies in Archaeology 10).
- Treister, M. 2016. On the Find of a Phalera made from the Medallion of a Hellenistic Cup in Barrow No. 20 of the Noin-Ula Burial-ground (Northern Mongolia). *ACSS* 22.2, 55—95.
- Treister, M. 2020. Parthian Imports in the Asian Sarmatia (2nd—1st Centuries BC). *ACSS* 26.2, 379—390.
- Treister, M. 2021. Parthian carved ivory from the burials of the nomads of Asian Sarmatia. In: Park Hyungbin (ed.). *The Art of Silk Road – New Research Trends and Perspective*. Daejeon: National Research Institute of Cultural Heritage, 56—81 (in Korean and English).
- Treister, M., Ravich, I. 2021. Chinese mirrors from the burials of the nomads of Eastern Europe of the second half of the 1st millennium BC — first centuries AD: typology, chronology, distribution and technology of manufacture. *Advances in Archaeomaterials* 2, 24—48.
- Veličko, E. 2013. Das sarmatische Grab von Čuguno-Krepinka. In: Müller, S. (Hrsg.). *Die Krim. Goldene Insel im Schwarzen Meer. Griechen — Skythen — Goten*. Bonn: LVR — Landesmuseum Bonn, 418—423.
- Vinogradov, J.A. 2003. Two waves of Sarmatian migrations in the Black Sea steppes during the pre-Roman period. In: Guldager Bilde, P., Højte, J.M., Stolba, V.F. (eds.). *The cauldron of Ariantas: Studies presented to A.N. Scegllov on the occasion of his 70th birthday*. Aarhus: University press, 217—226.
- Wang Bo, Lu Lipeng. 2009. Glass Artifacts Unearthed from the Tombs at the Zhagunluke and Sampula Cemeteries in Xinjiang. In: Gan, F., Brill, R., Tian, S. (eds.). *Ancient Glass Research along the Silk Road*. New Jersey; London; Singapore; Beijing; Shanghai; Hong Kong; Taipei; Chennai: World Scientific Publishing Company, 299—329.
- Wang, D., Wen, R., Henderson, J., Li, W. 2020. The chemical composition and manufacturing technology of glass beads excavated from the Hetian Bizili site, Xinjiang. *Heritage Science* 8, 127. <https://doi.org/10.1186/s40494-020-00469-x>.
- Werner, J. 1933. Fund bosporanischer Münzen in der Dzungarei. *Eurasia septentrionalis antiqua* VIII, 249—250.
- Wheeler, M. 1954. *Rome beyond the imperial frontiers*. London: Bell and Sons.
- Whitfield, S. 2018. *Silk, Slaves, and Stupas: Material Culture of the Silk Road*. Oakland, CA: University of California Press.
- Xinjiang Wenwu Kaogu Yanjiusuo 2000. [Preliminary report on the excavation of Tomb No. 8 at cemetery 95MN1 at the Niya settlement site in Minfeng County, Xinjiang]. *Wenwu* 1, 4—40. 新疆文物考古研究所. 新疆民豐縣尼雅遺址 95MN1 號墓地M8 發掘簡報. 文物 1, 4—40.
- Yadin, Y. 1963. *The Finds from the Bar Kokhba Period in the Cave of Letters. Metal Utensils*. Jerusalem: The Israel Exploration Society (Judean Desert Studies 1).
- Yan Liu 2020. The Han Empire and the Hellenistic World: Prestige Gold and the Exotic Horse. *Mediterranean Archaeology and Archaeometry* 20.3, 175—198. DOI: 10.5281/zenodo.4016080.
- Yang, J. 2015. Transportation, Boarding, Lodging, and Trade along the Early Silk Road: A Preliminary Study of the Xuanquan Manuscripts. *Journal of the American Oriental Society* 135. No. 3, 421—432.
- Yangzhou Bowuguan 1991: Yangzhou Bowuguan (Yangzhou Museum), Jiangsu Hanjiang Ganquanxiang Laohudun Han mu (Han Tomb at Laohudun in Ganquanxiang of the County of Hanjiang, Jiangsu). *Wenwu* 10, 62—70.
- Żuchowska, M. 2016. Palmyra and the Chinese Silk Trade. In: Meyer, J.C., Heldaas Seland, E., Anfinset, N. (eds.). *Palmyrena: City, Hinterland and Caravan Trade between Orient and Occident. Proceedings of the Conference held in Athens, December 1—3, 2012*. Oxford: Archaeopress Publishing Ltd., 29—38.

Рис. 1. 1 — Чкаловский. Курган № 4/1983. Погребение № 3. Фрагмент зеркала, Оренбург, ОГИКМ, инв. № Ором 16681/49; 2 — Покровка 2. Курган № 17/1993. Погребение № 2. Поясная пластина, Оренбург, ОГИКМ, инв. № Ором 17718/384; 3 — клад боспорских монет из Джунгарии, найденный в 1918 г. неподалеку от озера Эби-нор. 1—2 — фото М.Ю. Трейстера, 2015, 3 — по Diehl 1923.

Fig. 1. 1 — Chkalovskiy-I. Burial mound no. 1/1983. Burial no. 3. A mirror with t-shaped hieroglyphs. Orenburg, Governor's Historical Local Lore Museum, inv. no. Opom 16681/49; 2 — Pokrovka 2. Burial mound 17/1993. Burial 2. Belt plaque. Orenburg, Governor's Historical Local Lore Museum, inv. no. Opom 17718/384; 3 — hoard of Bosphoran coins, found in 1918 not far from Ebi-nor Lake in Dzhungaria. 1—2 — photos by M. Treister; 3 — after Diehl 1923.

Рис. 2. Чкаловский. Курган № 4/1983. Погребение № 3. 1 — бляшки серебряные, обтянутые золотой фольгой, инв. № 16681/10; 2 — фрагмент зеркала бронзового, инв. № 16681/49; 3 — бусы и кусок реальгара, инв. № 16681/20—28; 4 — жертвенник меловой, инв. № 16681/46; 5 — терочник из красного песчаника, без инв. №. Оренбург, ОГИКМ. Фото М.Ю. Трейстера, 2015.

Fig. 2. Chkalovskiy. Burial mound no. 4/1983. Burial no. 3. 1 — silver appliques covered with gold foil, inv.-no. 16681/10; 2 — fragment of a bronze mirror, inv.-no. 16681/49; 3 — piece of realgar, beads, inv.-no. 16681/20—28; 4 — chalky altar, inv.-no. 16681/46; 5 — red sandstone grinder, without inv.-no. Orenburg, Governor's Historical-Cultural Museum. Photos by M. Treister, 2015.

Рис. 3. Покровка 2. Курган № 17/1993. Погребение № 2. 1 — рукоять кинжала железного с золотой обкладкой и обмоткой, инв. № 17718/385; 2 — обкладка ножен кинжала золотая, инв. № 17718/418; 3 — наконечники стрел железные, инв. № 17718/50; 4 — браслет золотой, инв. № 17718/417; 5 — бляха поясная бронзовая с позолотой, инв. № 17718/384. Оренбург, ОГИКМ. Рисунки Н.Е. Беспалой, фото М.Ю. Трейстера, 2015.

Fig. 3. Pokrovka 2. Burial mound no. 17/1993. Burial no. 2. 1 — hilt of an iron dagger with gold overlay and winding, inv.-no. 17718/385; 2 — gold dagger scabbard sheath, inv.-no. 17718/418; 3 — iron arrowheads, inv.-no. 17718/50; 4 — gold bracelet, inv.-no. 17718/417; 5 — bronze gilt belt plaque, inv.-no. 17718/384. Orenburg, Governor's Historical-Cultural Museum. Drawings by N.E. Bepalaya, photos by M. Treister, 2015.

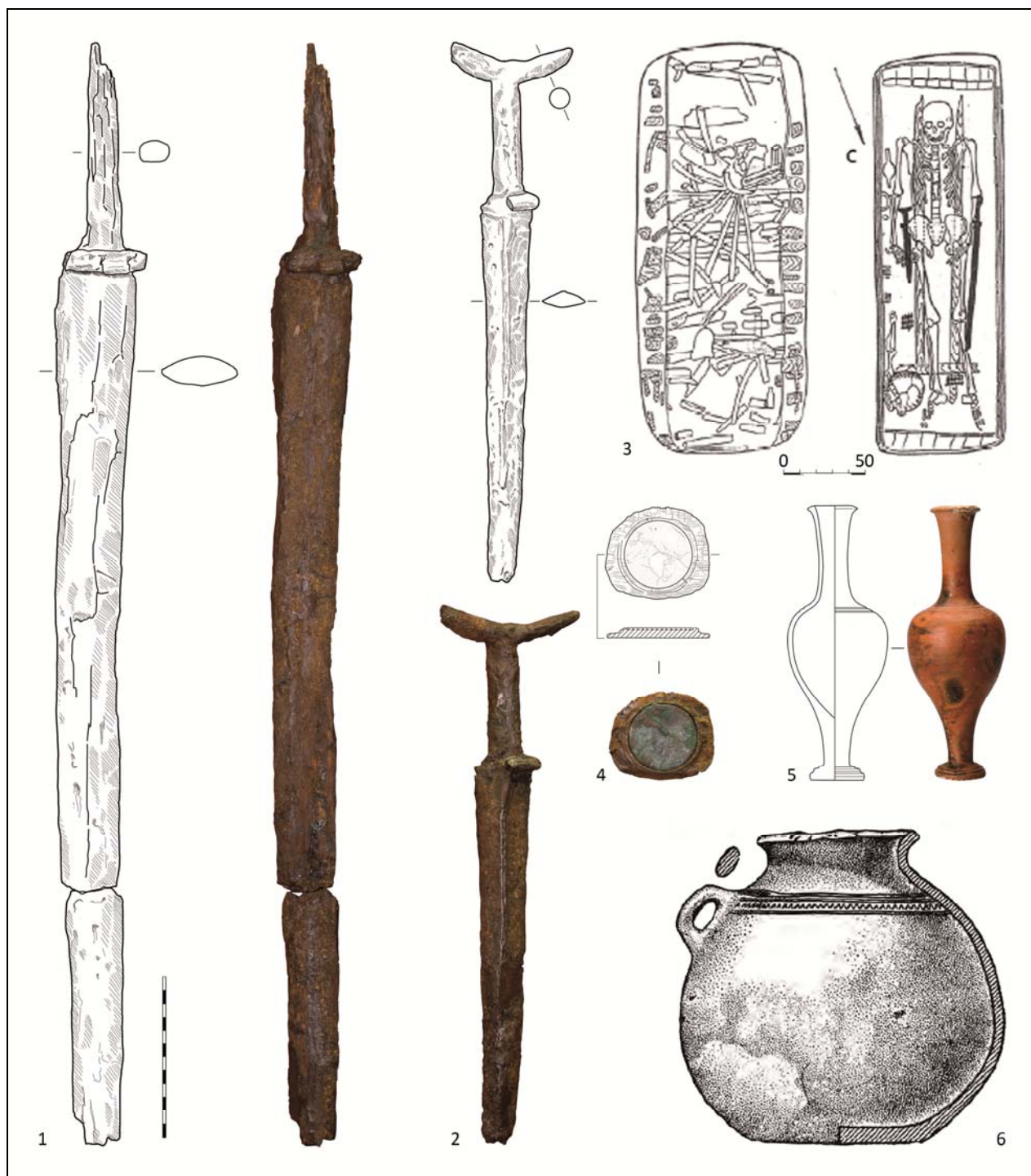

Рис. 4. Политотдельское. Курган № 12/1953. Погребение № 19. 1 — меч железный, оп. Б 936/206; 2 — кинжал железный, оп. Б 936/203; 3 — план погребения (по Смирнов 1959: 269, рис. 24: 1); 4 — зеркало бронзовое в деревянном футляре, оп. Б 936/201; 5 — унгвентарий буролокаковый, оп. Б 936/199; 6 — кувшин серолощенный, оп. Б 936/200 (по Смирнов 1959, 269, рис. 24: 5). Москва, ГИМ, инв. № 84766. 1—3, 5 — рисунки Н.Е. Беспалой, фото ГИМ, 2015.

Fig. 4. Politotdel'skoe. Burial mound no. 12/1953. Burial no. 19. 1 — iron sword, list Б 936/206; 2 — iron dagger, list Б 936/203; 3 — plan of the burial (after Smirnov 1959: 269, fig. 24: 1); 4 — bronze mirror in a wooden case, list Б 936/201; 5 — brown-glazed unguentarium, list Б 936/199; 6 — grey-polished jug, list Б 936/200 (after Smirnov 1959: 269, fig. 24: 5). Moscow, State Historical Museum, inv.-no. 84766. 1—3, 5 — Drawings by N.E. Bespalaya, 1—2, 4—5 — photos, State Historical Museum, 2015.

Рис. 5. Майеровский-III. Курган № 4/2002. Погребение № 3Б. 1 — фиала серебряная, оп. Б2078/77; 2 — перстень золотой, оп. Б 2078/73; 3 — перстень золотой, оп. Б 2078/74; 4 — гривна золотая, оп. Б 2078/72; 5 — пара браслетов золотых, оп. Б 2078/70—71; 6 — пара серег с подвесками золотых, оп. Б 2078/75—76; 7 — подвески золотые на цепочках, оп. Б 2078/78—81; 8 — бусы янтарные, оп. Б 2078/62; 9 — бусы коралловые, оп. Б 2078/62; 10 — фрагмент костяного горла бурдюка (?), оп. Б 2078/59; 11 — навершие костяного гребня, оп. Б 2078/58; 12 — кувшин краснолаковый, оп. Б 2078/51; 13 — колокольчик бронзовый, оп. Б 2078/57; 14 — колокольчик бронзовый, оп. Б 2078/56; 15 — зеркало бронзовое с ручкой с золотыми обкладками, оп. Б 2078/64—65; Москва, ГИМ, инв. № 112873. Фото ГИМ, 2015.

Fig. 5. Mayerovskiy-III. Burial mound no. 4/2002. Burial no. 3Б. 1 — silver phiale, list Б2078/77; 2 — gold finger ring, list Б 2078/73; 3 — gold finger ring, list Б 2078/74; 4 — gold torc, list Б 2078/72; 5 — pair of gold bracelets, list Б 2078/70—71; 6 — pair of gold earrings with pendants, list Б 2078/75—76; 7 — gold pendants on chains, list Б 2078/78—81; 8 — amber beads, list Б 2078/62; 9 — coral beads, list Б 2078/62; 10 — fragment of the bone neck of a wineskin (?), list Б 2078/59; 11 — finial of a bone comb, list Б 2078/58; 12 — red-glazed jug, list Б 2078/51; 13 — bronze bell, list Б 2078/57; 14 — bronze bell, list Б 2078/56; 15 — bronze mirror with a handle with gold overlays, list Б 2078/64—65. Moscow, State Historical Museum, inv.-no. 112873. Photos, State Historical Museum, 2015.

Рис. 6. Хут. Виноградный. Находки 1978 г. из разрушенного погребения. 1 — кружка бронзовая, инв. № 4441/2; 2 — горшок глиняный, инв. № 4441/3; 3 — котел бронзовый, инв. № 4441/1; 4 — зеркало бронзовое, инв. № 4441/4; 5 — серьга золотая, инв. № 4441/8; 6 — медальон золотой со вставкой аметиста, инв. № 4441/9; 7 — бусы сердоликовые и халцедоновые, инв. № 4441/6—7; 8 — подвески стеклянные, инв. № 4441/5. Ростов-на-Дону, РОМК. 1—4, 7—8 — фото М.Ю. Трейстера, 2015; 5—6 — фото РОМК.

Fig. 6. Vinogradnyi Farmstead. 1978 finds from destroyed burial. 1— jar of Idrija type, inv.-no. 4441/2; 2 — clay pot, inv.-no. 4441/3; 3 — bronze cauldron, inv.-no. 4441/1; 4 — bronze mirror inv. no. 4441/4; 5 — gold earring, inv.-no. 4441/8; 6 — gold medallion with amethyst inlay, inv.-no. 4441/9; 7 — carnelian and chalcedony beads, inv.-no. 4441/6—7; 8 — glass pendants, inv.-no. 4441/5. Rostov-on-Don, Rostov-on-Don Regional Local lore Museum. 1—4, 7—8 — photos by M. Treister, 2015, 5—6 — photos, Rostov-on-Don Regional Local lore Museum.

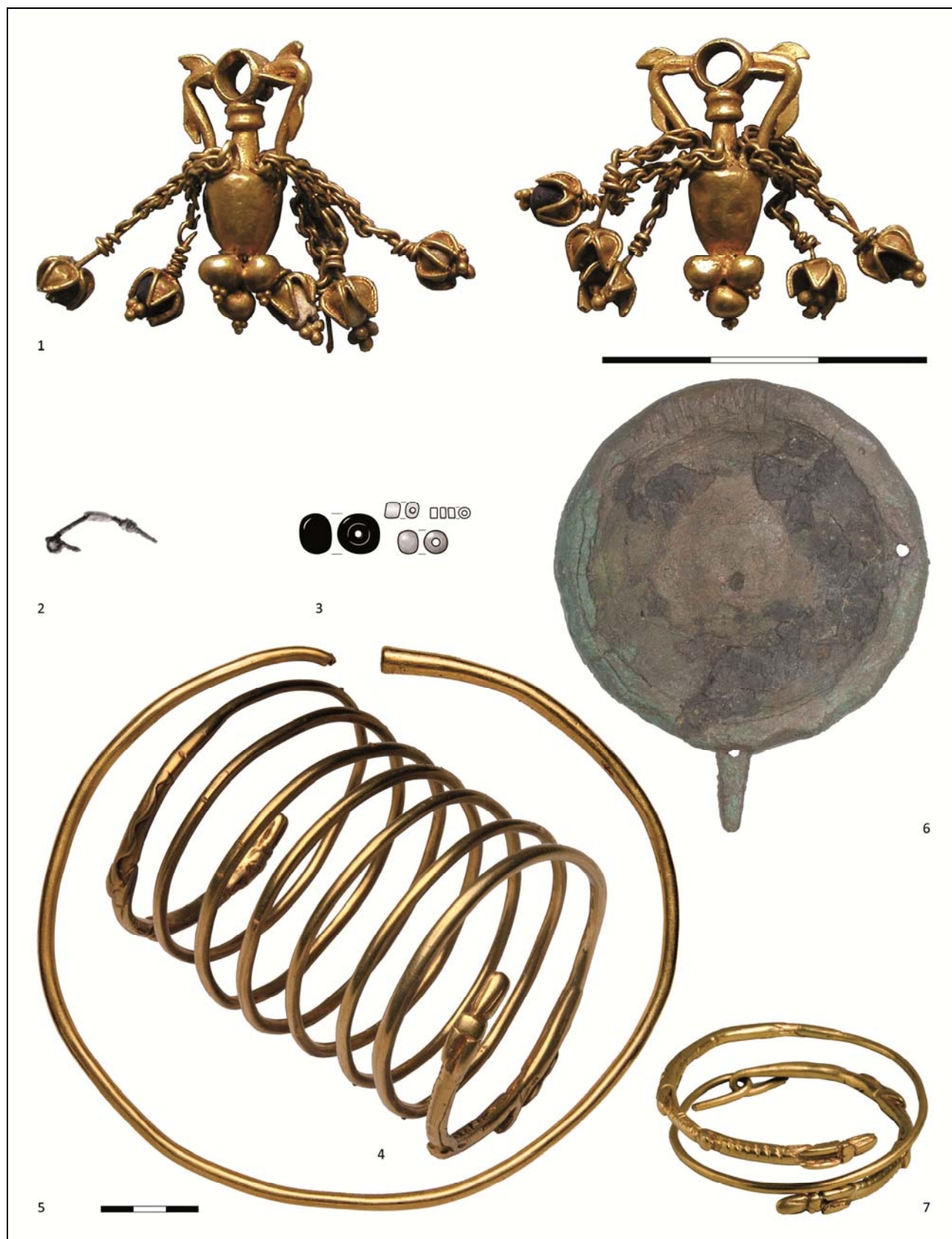

Рис. 7. Калиновский. Курган № 55/1954. Погребение № 8. Санкт-Петербург, ГЭ. 1 — подвески серег, инв. № 2206/57; 2 — фибула; 3 — бусы, инв. № 2206/58, 62; 4 — браслет, инв. № 2206/52; 5 — гривна, инв. № 2206/51; 6 — зеркало, инв. № 2206/61; 7 — браслет, инв. № 2206/53. 1, 4—5, 7 — золото; 2, 6 — бронза; 3 — стекло, гагат. 1, 6 — фото М.Ю. Трейстера, 2002, 2015; 2 — по Шилов 1954: табл. XXV: 1; 3 — рисунок Н.Е. Беспалой, 2015; 4, 5, 7 — фото ГЭ.

Fig. 7. Kalinovka. Burial-mound no. 55/1954. Burial no. 8. St. Petersburg, State Hermitage. 1 — earring-pendants, inv.-no. 2206/57; 2 — fibula; 3 — beads, inv.-no. 2206/58, 62; 4 — bracelet, inv.-no. 2206/52; 5 — torc, inv.-no. 2206/51; 6 — mirror, inv.-no. 2206/61; 7 — bracelet, inv.-no. 2206/53. 1, 4—5, 7 — gold; 2, 6 — bronze; 3 — glass, gagat. 1, 6 — photos by M. Treister, 2002, 2015; 2 — after Shilov 1954: pl. XXV: 1; 3 — drawing by N.E. Besspalaya, 2015; 4, 5, 7 — photos, State Hermitage.

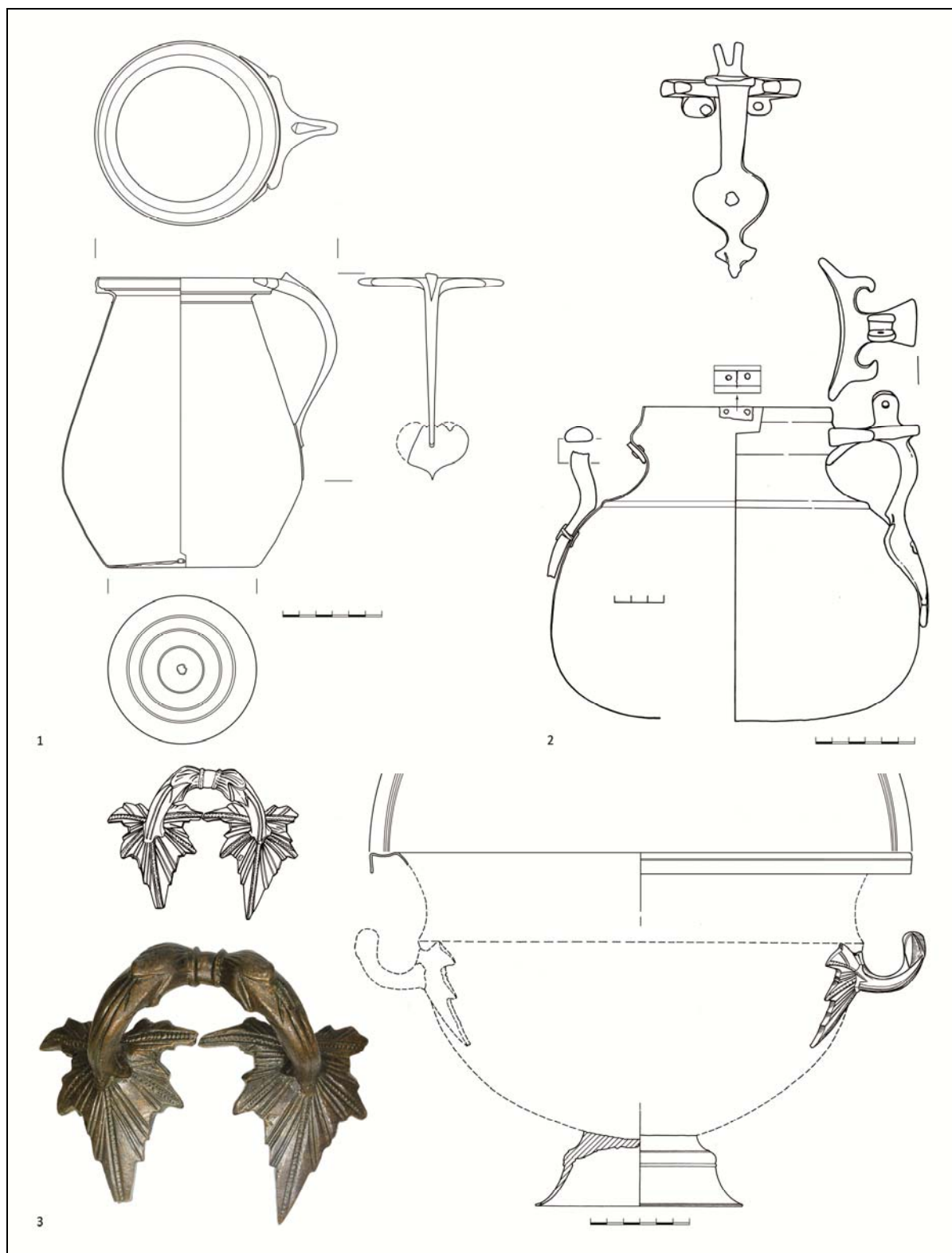

Рис. 8. Калиновский. Курган № 55/1954. Погребение № 8. Бронзовые сосуды. Санкт-Петербург, ГЭ. 1 — кувшин, инв. № 2206/67, 2 — сосуд, инв. № 2206/68; 3 — таз, инв. № 2206/68. Рисунки Н.Е. Беспалой, фото М.Ю. Трейстера, 2015.

Fig. 8. Kalinovka. Burial-mound no. 55/1954. Burial no. 8. Bronze vessels. St. Petersburg, State Hermitage. 1 — jug, inv.-no. 2206/67, 2 — vessel, inv.-no. 2206/68; 3 — basin, inv.-no. 2206/68. Drawings by N.E. Bepalaya, photos by M. Treister, 2015.

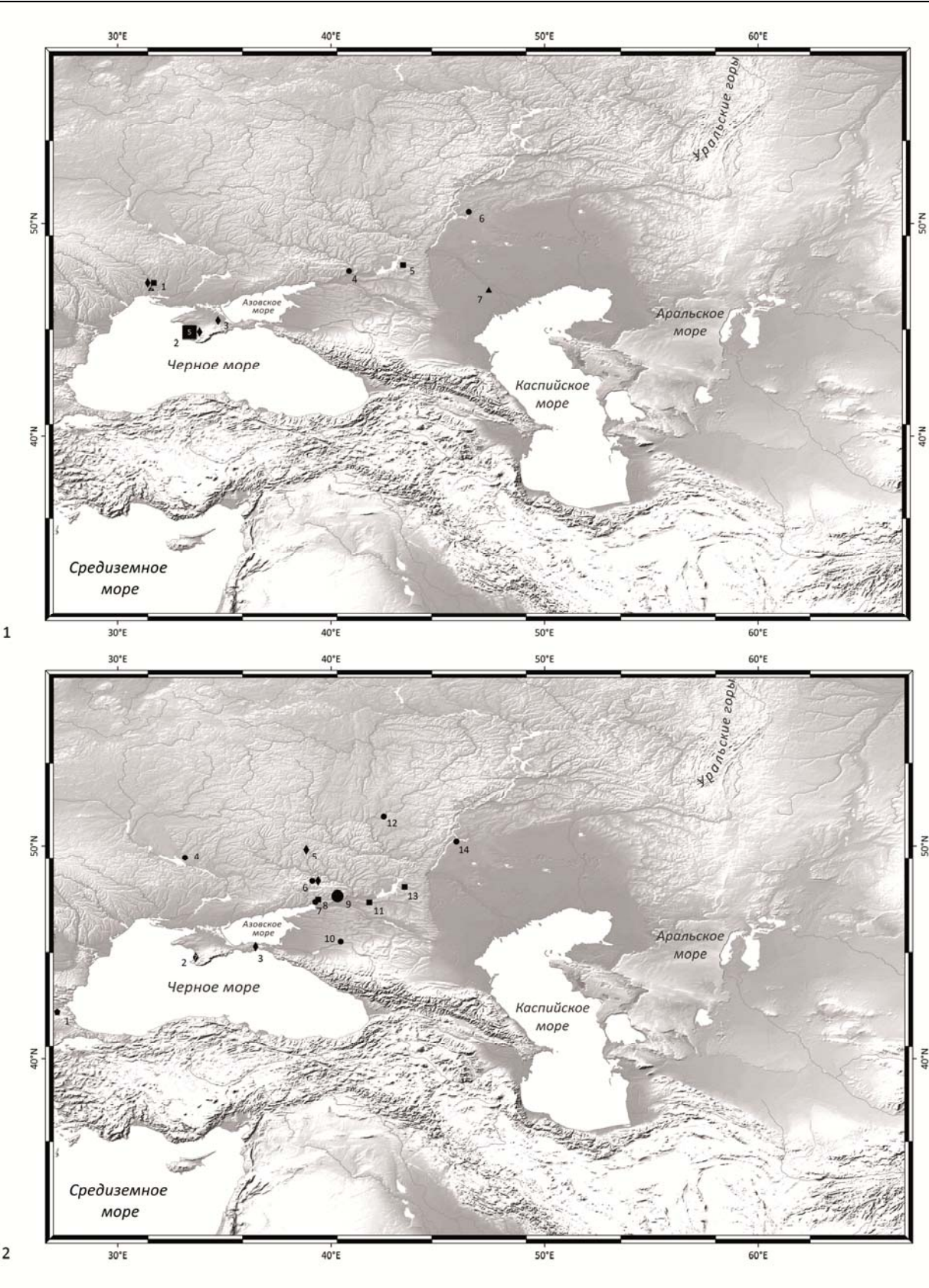

Рис. 9. 1. Находки китайских предметов в комплексах второй половины I в. до н.э. — первой половины I в. н.э. в Северном Причерноморье и в Сарматии. 1 — Соколова могила; 2 — Усть-Альминское городище; 3 — Ногайчинский курган; 4 — Виноградный; 5 — Октябрьский-V; 6 — Старая Полтавка; 7 — Косика. Квадрат — лаковое изделие, ромб — шелк, круг — зеркало; **2. Находки китайских предметов в комплексах второй половины I в. н.э. — первой половины II в. н.э. в Причерноморье и в Сарматии.** 1 — Чаталка; 2 — Херсонес; 3 — Пантикапей; 4 — Градешка; 5 — Сватова Лучка; 6 — Чугуно-Крепинка; 7 — Танаис; 8 — «Царский»; 9 — Кобяково; 10 — Казанская; 11 — Криволиманский-I; 12 — Третьяки; 13 — Жутово; 14 — Бережновский-II. Пятиугольник — портупейная скоба, квадрат — лаковое изделие, ромб — шелк, круг — зеркало (М.Ю. Трейстер, 2018).

Fig. 9. 1. Finds of the objects of Chinese origin in burial complexes of the second half of the 1st century BCE — first half of the 1st century CE in North Pontic area and in Sarmatia. 1 — Sokolova mogila; 2 — Ust'Alma site; 3 — Nogaichin Burial-mound; 4 — Vinogradnyi; 5 — Okt'yabr'skii-V; 6 — Staraya Poltavka; 7 — Kosika. Quadrate — lacquerware, rhombus — silk, circle — mirror; **2. Finds of the objects of Chinese origin in burial complexes of the second half of the 1st — first half of the 2nd century CE in Pontic area and in Sarmatia.** 1 — Chataalka; 2 — Chersonessos; 3 — Pantikapaion; 4 — Gradeshka; 5 — Svatova Luchka; 6 — Chuguno-Krepinka; 7 — Tanais; 8 — “Tsarskii” ; 9 — Kobyakovo; 10 — Kazanskaya; 11 — Krivolimanskii-I; 12 — Tret'yaki; 13 — Zhutovo; 14 — Berezhnovskii-II. Pentagon — scabbard slide, quadrate — lacquerware, rhombus — silk, circle — mirror (M. Treister, 2018).

Рис. 10. Могильник «Царский». Курган № 46/1987. Погребение № 1. Фрагменты лакового сосуда. Танаис, АМЗТ, инв. № НВФ 102. № 138. Фото М.Ю. Трейстера, 2015.

Fig. 10. “Tsarskii” Burial ground. Burial mound no. 46/1987. Burial no. 1. Fragments of lacquer bowl. Tanais, Archaeological Museum-Reserve Tanais, inv. no. НВФ 102. № 138. Photos by M. Treister, 2015.

Рис. 11. Третьяки. Курган № 16/1984. Погребение № 1. 1 — бронзовое зеркало, инв. № 19463; 2 — обкладка золотая венчика деревянного сосуда, инв. № 4908; 3 — бляшки золотые, инв. № 4905—4906; 4 — кувшин краснолаковый, инв. № 4874, 5 — котел бронзовый, без инв. №; 6—7 — курильницы глиняные, без инв. №; 8 — ковш бронзовый, инв. № 4910. Борисоглебск. Борисоглебск, БИХМ. Фото М.Ю. Трейстера, 2015.

Fig. 11. Tret'yaki. Burial mound no. 16/1984. Burial no. 1. 1 — bronze mirror, inv.-no. 19463; 2 — gold overlay of a rim of wooden vessel, inv.-no. 4908; 3 — gold appliques, inv.-no. 4905—4906; 4 — red-glazed jug, inv.-no. 4874, 5 — bronze cauldron, without inv.-no.; 6—7 — clay incense-burners, without inv.-no.; 8 — bronze casserole, inv.-no. 4910. Borisoglebsk, Borisoglebsk Historical and Art Museum. Photographs by M. Treister, 2015.

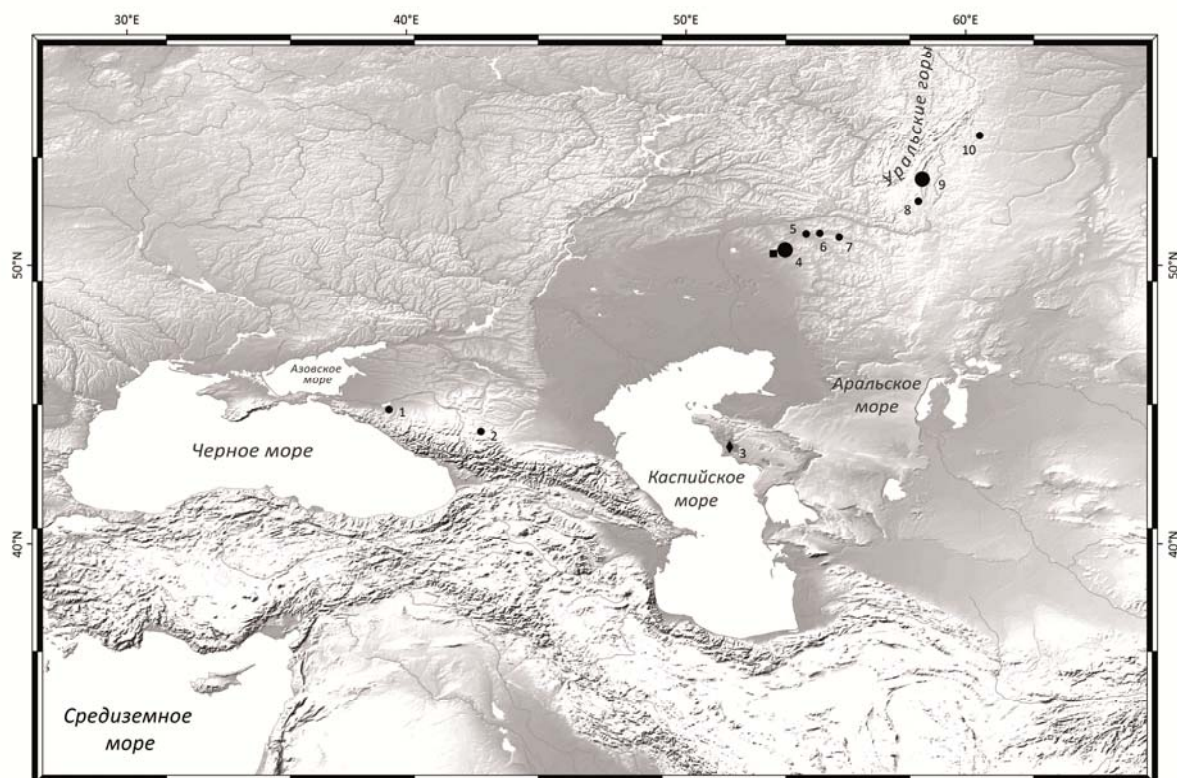
Рис. 12. Чугуно-Крепинка. Курган № 2/1984. Погребение № 1. Китайское зеркало и римская бронзовая посуда. 1 — зеркало бронзовое (по Veličko 2013: 421, Abb. 4); 2 — Blechkanne, инв. № АЗС-3836; 3 — кувшин бронзовый, инв. № АЗС-3830; 4 — ситечко бронзовое, инв. № АЗС-3829; 5 — ковш бронзовый, инв. № АЗС-3831; 6 — таз бронзовый, инв. № АЗС-3832. Киев, МИДУ. Фото Музея.

Fig. 12. Chuguno-Krepinka. Burial mound no. 2/1984. Burial no. 1. Chinese mirror and Roman bronze vessels. 1 — bronze mirror (after Veličko 2013: 421, Abb. 4); 2 — Blechkanne, inv.-no. A3C-3836; 3 — bronze jug, inv.-no. A3C-3830; 4 — bronze strainer, inv.-no. A3C-3829; 5 — bronze casserole, inv.-no. A3C-3831; 6 — bronze basin, inv.-no. A3C-3832. Kiev, Museum of Historical Treasures of the Ukraine. Museum photos.

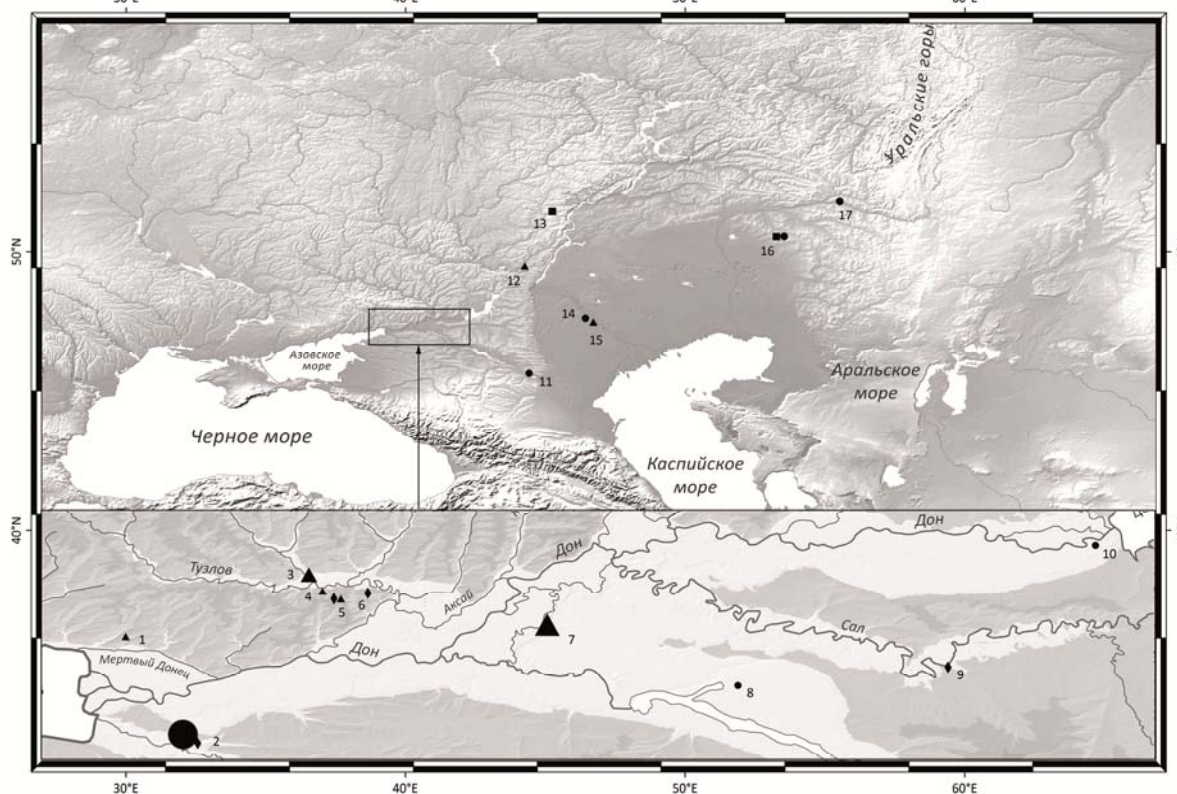

Рис. 13. Магнитный. Курган № 21/2010. Погребение № 1. 1 — ситечко бронзовое, инв. № НТУ-ГИК 95; 2 — кувшин бронзовый, инв. № НТУ-ГИК 96; 3 — стакан стеклянный, инв. № НТУ-ГИК 87; 4 — ковш бронзовый, инв. № НТУ-ГИК 93; 5 — фибула бронзовая с эмалью, инв. № НТУ-ГИК 91. Челябинск, МНТУ ЮрГУ, Фото М.Ю. Трейстера, 2015.

Fig. 13. Magnitnyy. Burial mound no. 21/2010. Burial no. 1. 1 — bronze strainer, inv.-no. НТУ-ГИК 95; 2 — bronze jug, inv.-no. НТУ-ГИК 96; 3 — glass beaker, inv.-no. НТУ-ГИК 87; 4 — bronze casserole, inv.-no. НТУ-ГИК 93; 5 — bronze enameled brooch, inv.-no. НТУ-ГИК 91. Chelyabinsk, Museum “Peoples and technologies of the Urals”, South Urals State University, Photographs by M. Treister, 2015.

1

2

Рис. 14. 1. Находки китайских предметов в комплексах второй половины II в. н.э. — III в. н.э. в Сарматии. 1 — Городской; 2 — Клинь-Яр-III; 3 — оз. Батыр; 4 — Лебедевка; 5 — Покровка 10; 6 — Черный Яр; 7 — Целинный-I; 8 — Комсомольский-IV; 9 — Темясово; 10 — Малковский. Квадрат — лаковое изделие, ромб — шелк, круг — зеркало (М.Ю. Трейстер, 2018); **2. Находки позднегераклейских амфор в Сарматии.** 1 — «Царский»; 2 — Высочино-IV и V; 3 — Соколовский; 4 — Каршинский; 5 — Чеботарев-VII; 6 — Садовый курган; 7 — Кудинов; 8 — Новосадковский; 9 — Новый; 10 — Романовский II; 11 — Восточный Маныч I; 12 — Бердия; 13 — Горелый; 14 — Кривая Лука XVI; 15 — Никольское; 16 — Лебедевка; 17 — Бердянка-V. Треугольник — типы Шелов А/В, квадрат — тип Шелов С, ромб — Псевдокос, Псевдокос, Эгеида (М.Ю. Трейстер, 2018 по атрибуциям С.А. Науменко).

Fig. 14. 1. Finds of the objects of Chinese origin in burial complexes of the second half of the 2nd — 3rd century CE in Sarmatia. 1 — Gorodskoi; 2 — Klin-Yar-III; 3 — Batyr lake; 4 — Lebedevka; 5 — Pokrovka 10; 6 — Chernyi Yar; 7 — Tselinnyi-I; 8 — Komsomol'skii-IV; 9 — Temyasovo; 10 — Malkovskii. Quadrate — lacquerware, rhombus — silk, circle — mirror (M. Treister, 2018); **2. Finds of Late Herakleian amphorae in Sarmatia.** 1 — “Tsarskii”; 2 — Vysochino-IV and V; 3 — Sokolovskii; 4 — Karshinskii; 5 — Chebotarev-VII; 6 — Sadovyi Burial-mound; 7 — Kudinov; 8 — Novosadkovskii; 9 — Novyi; 10 — Romanovskii II; 11 — Vostochnyi Manych I; 12 — Berdiya; 13 — Gorelyi; 14 — Krivaya Luka XVI; 15 — Nikol'skoe; 16 — Lebedevka; 17 — Berdyanka-V. Triangular — types Shelov A/B, quadrate — type Shelov C, rhombus — Pseudo-Kos, Pseudo-Kos, Aegaeon (M. Treister, 2018 basing on the attributions by S.A. Naumenko).

Рис. 15. Ноин-Ула. Курган № 20. Серебряный декоративный медальон фалара. Лицевая сторона. Уланбаатар, Институт археологии Академии наук Монголии (по Полосьмак и др. 2011: 111, рис. 4.40б).

Fig. 15. Noin-Ula. Burial mound no. 20. Silver decorative medallion of the phalera. Front side. Ulaanbaatar, Institute of Archaeology, Mongolian Academy of Sciences (after Polos'mak et al. 2011: 111, fig. 4.40b).

Рис. 16. Украшения из металла, стекла, фаянса и коралла. 1 — Ала Тей-І. Украшения из погребений АТІ/112 и АТІ/86 (по Килуновская, Леус 2022: 117, рис. 7); 2 — Бага Газрун Чулуу, Алаг Толгой (по Lankton et al. 2012: 688, fig. 1); 3 — Хотан (Ния) (по Lin Yixian 2010: 204, fig. 2); 4 — Хотан (Ния) — слева и Шансунья, Цинхай — справа (по Lin Yixian 2010: 204, fig. 2); 5 — Курайка. Погребение № 39/2005 (по Богданов, Слюсаренко 2007: 79, рис. 5).

Fig. 16. Ornaments made of metal, glass, faience and coral. 1 — Ala Tey-I. Ornaments from the burials ATI/112 and ATI/86 (after Kilunovskaya, Leus 2022: 117, fig. 7); 2 — Baga Gazryn Chuluu, Alag Tolgoi (after Lankton et al. 2012: 688, fig. 1); 3 — Khotan (Niya) (after Lin Yixian 2010: 204, fig. 2); 4 — Khotan (Niya) — left and Shangsuhjia, Qinghai — right (after Lin Yixian 2010: 204, fig. 2); 5 — Kurayka. Burial no. 39/2005 (after Bogdanov, Slyusarenko 2007: 79, fig. 5).

Рис. 17. Ожерелья с фаянсовыми и стеклянными подвесками. 1—2 — Кардаилово-I. Курган № 12/1978. Погребение № 1. Оренбург, Губернаторский историко-краеведческий музей, инв. № Ором 17342/33; 3 — Племхоз. Курган № 8/2003. Погребение № 1. Волгоград, Волгоградский областной музей краеведения, инв. № 32315/8; 4 — Торгунский-I. Курган № 1/2009. Погребение № 1. Волгоград, Волгоградский областной музей краеведения, инв. № 33373/17. Фото М.Ю. Трейстера, 2015.

Fig. 17. Necklaces with faience and glass pendants. 1—2 — Kardailovo-I. Burial mound no. 12/1978. Burial no. 1. Orenburg, Governor's Historical Local Lore Museum, inv. no. Ором 17342/33; 3 — Plemkhoz. Burial mound no. 8/2003. Burial no. 1. Volgograd, Regional Local Lore Museum, inv.-no. 32315/8; 4 — Торгунский-I. Burial mound no. 1/2009. Burial no. 1. Volgograd, Regional Local Lore Museum, inv.-no. 33373/17. Photographs by M. Treister, 2015.

Рис. 18. Гол Мод-2. 1—3 — Погребение № 30. 1 — стеклянная чаша; 2 — янтарные и стеклянные бусы; 3 — фрагмент бронзового зеркала. Погребение № 1; 4—5 — фрагменты стеклянных сосудов. Улан-Батор, Университет, отделение археологии. 1—3 — по Erdenebaatar et al. 2011: 312, fig. 11; 4—5 — по Otani 2017: 67, fig. 2: 23: 1—2.

Fig. 18. Gol Mod-2. 1— 3 — Burial no. 30. 1 — glass bowl; 2 — amber and glass beads; 3 — fragment of a bronze mirror. Burial no. 1. 4—5 — fragments of glass vessels. Ulaanbaatar, University, Department of Archaeology. 1—3 — after Erdenebaatar et al. 2011: 312, fig. 11; 4—5 — after Otani 2017: 67, fig. 2: 23: 1—2.

Рис. 19. Горелый-I. Кургan № 1/2003. Погребение № 1. Светлоглиняная узкогорлая амфора. Энгельс, Энгельский краеведческий музей, без инв. №. Фото М.Ю. Трейстера, 2015.

Fig. 19. Gorelyy-I. Burial mound no. 1/2003. Burial no. 1. Light-clay narrow neck amphora. Engels, Engels Local Lore Museum, without inv.-no. Photos by M. Treister, 2015.

Рис. 20. Горельй-I. Курган № 1/2003. Погребение № 1. Бронзовый кувшин. Саратов, Областной музей краеведения, без инв. №. Фото М.Ю. Трейстера, 2015.

Fig. 20. Gorelyy-I. Burial mound no. 1/2003. Burial no. 1. Bronze jug. Saratov, Regional Local Lore Museum, without inv.-no. Photos by M. Treister, 2015.

УДК 552

DOI: 10.53737/2713-2021.2022.36.62.004

М.Н. Растегаева

**КЕРАМИЧЕСКАЯ ПЕТРОГРАФИЯ:
ИСТОРИЯ МЕТОДА И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ***

Методы петрографии давно и успешно применяются в геологии для описания и классификации горных пород. Во второй половине XIX в. они были заимствованы исследователями для изучения глиняных изделий, с целью определения компонентного состава сырья и минералов, использованных в качестве отощителя, а также для установления степени их изменений в процессе декарбонизации. Кроме того, петрография позволяет изучать органические остатки в составе формовочной массы с целью определения температуры обжига изделия. Со временем данное направление переросло в отдельную дисциплину, получившую название керамической петрографии и ставшей, по сути, археологическим методом изучения артефактов из глины, сочетающим традиционные археологические (визуальный, морфологический, типологический и т.д.) и естественнонаучные приемы характеристики керамики. В статье рассматривается отечественная и зарубежная историография, посвященная петрографическому анализу, преимущественно, обожженных сосудов. Главный акцент делается на исследованиях, затрагивающих основные вехи развития самого метода, а также характеризующих опыт его применения при изучении керамики античной эпохи. В статье также затрагиваются проблемы современного состояния керамической петрографии в отечественной науке.

Ключевые слова: керамическая петрография, историография, геология, естественнонаучные методы, керамика, античность.

Сведения об авторе: Растегаева Мария Николаевна, Институт истории и международных отношений, Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского.

Контактная информация: 410012, Россия, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского; e-mail: marija.rastegaeva1698@gmail.com.

M.N. Rastegaeva

**CERAMIC PETROGRAPHY:
THE HISTORY OF THE METHOD AND THE CURRENT STATE**

Petrography methods have long been successfully used in geology to describe and classify rocks. In the late half of the 19th century, they were borrowed by researchers to study clay products in order to establish the component composition of raw materials and minerals used as a non-plastic additives, as well as to determine the degree of their changes in the process of decarbonization. In addition, petrography makes it possible to study organic residues in the composition of the molding mass in order to determine the firing temperature of the product. Over time, the approach has grown into a separate discipline called ceramic petrography and has become, in fact, an archaeological method of studying clay artifacts, combining traditional archaeological procedures (visual, morphological, typological analyses, etc.) and scientific methods. The article deals with Russian and foreign historiography devoted to the petrographic analysis, mainly of fired vessels. The main emphasis is placed on research that touches on the main milestones of the development of the method itself, as well as characterizing

* Исследование выполнено за счет проекта РНФ 22-28-00375 «Минералого-петрографические исследования античной тарной керамики эпохи классики и эллинизма».

the experience of its application in the study of pottery making in classical antiquity. The article also touches upon the problems of the current state of ceramic petrography in Russian science.

Key words: ceramic petrography, historiography, geology, scientific methods, pottery, antiquity.

About the author: Rastegaeva Mariya Nikolayevna, Institute of History and International Relations, Saratov State University.

Contact information: 410012, Russia, Saratov, 83 Astrakhanskaya Street, Saratov State University; e-mail: marija.rastegaeva1698@gmail.com.

Основные возможности метода

В последние десятилетия методы естественно-научных дисциплин приобрели значительную популярность среди отечественных и зарубежных археологов. Не является исключением и источниковедческое направление археологического знания, особое место в котором занимают керамические изделия. Керамическая тара является наиболее массовым материалом, встречающимся практически на любом археологическом памятнике античной эпохи. Традиционные методы исследования керамики позволяют рассматривать и классифицировать ее по морфологическим признакам — форма и орнаментация, а также исходя из визуальных характеристик глин — цвет, плотность, пористость, наличие либо отсутствие минеральных включений. Однако во многих случаях определение центра производства и хронологии, базирующееся только на внешних признаках, может носить лишь предположительный характер или даже не всегда возможно, поскольку и до сегодняшнего дня значительная часть керамического импорта не может быть уверенно локализована и датирована, особенно в случаях, когда сосуды имеют очень близкие или даже тождественные формы, а различия в формовочной массе не могут быть различимы визуально (Кулькова и др. 2018: 298).

Одним из возможных способов решения этой проблемы сегодня считается керамическая петрография, которая является весьма популярным методом изучения минералов в глиняных изделиях разных эпох. Метод был заимствован из геологии, где используется для описания и классификации горных пород. С помощью него исследователи определяют структуру глинистых материалов, которую анализируют в тонких петрографических срезах (шлифах), используя специальный или поляризационный микроскоп (Кулькова и др. 2018: 298—299).

Именно современные аналитические методы дают возможность установить минеральный и химический составы формовочной массы, выявить технологические приемы изготовления, идентифицировать источники сырья. Эти данные представляются чрезвычайно важными для изучения керамических традиций разных производственных центров, определения сходств и различий между ними. Петрографическое исследование позволяет определить структурные детали глины, которые при применении обычного микроскопа или при простом визуальном анализе могли быть упущены из виду или неправильно интерпретированы. Данный метод, базирующийся на определении морфологических свойств и оптических констант минералов, позволяет определить основные компоненты (минеральный состав) керамики, а так же проследить изменение вещества в процессе обжига. По словам П. Квинна, главная идея таких композиционных исследований керамического материала основана на том, что древние гончары не преодолевали значительных расстояний для того, чтобы получить сырье для производства, а потому изготовление керамики происходило вблизи используемых природных месторождений (Quinn 2013: 119). В перспективе изучение петрографических шлифов

керамических изделий, по словам Дж. Ридерера, может дать три типа информации о формовочной массе и о технологии изготовления керамики (Riederer 2004: 143—158). Во-первых, это данные о минералогическом составе крупнозернистого материала, который значительно отличается в разных производственных центрах. Следовательно, на основании анализов петрографических шлифов можно получить сведения о степени однородности минералогического состава керамической массы, что в дальнейшем должно позволить говорить о происхождении того или иного сырья из одного или разных условных «районов» и «мест добычи». Во-вторых, определение структуры глиняного теста (размерность и количественное соотношение встречающихся в образце минеральных фракций) и его текстуры (размер и форма пор) может дать информацию о технологии приготовления и формовки глины гончарами. В-третьих, с помощью анализа температурного воздействия на минералы можно получить информацию о температуре и продолжительности обжига, что также помогает реконструировать процесс производства древней керамики.

Кроме того, керамическая петрография позволяет определить минералы, которые использовались древними гончарами для приготовления отощителя¹. Вопрос, который требует ответа, состоит в следующем: гончары для изготовления отощителя использовали строго определенные и различные породы камня или в дело шел любой кристаллический материал? Ответ на этот вопрос позволит установить, можно ли выделить различные традиции в рамках процесса использования отощителя как искусственной примеси. Это возможно определить только при исследовании целой серии образцов сосудов одного производственного центра. Изучение минералогического состава керамических изделий, имеющих разную датировку, даст возможность выяснить, изменялась ли технология подготовки глины на протяжении определенного хронологического промежутка. Указанные преимущества метода и обуславливают его популярность в археологической науке.

Следует отметить, что применение керамической петрографии как способа изучения древней керамики имеет достаточно длительную историю, хотя по сравнению с традиционными типохронологическими исследованиями естественно-научные методы сравнительно недавно стали привлекаться к характеристике керамики. Использование петрографических шлифов в археологических исследованиях было впервые апробировано в конце XIX в. Первые полноценные опыты относятся к 1930—1950-м гг. (Августиник 1956; Кульская 1940; Felis 1942; Shepard 1942), однако началом систематических петрографических исследований древней керамики стоит считать 1960-е гг., когда и в зарубежной, и в отечественной науке были предприняты первые серьезные попытки анализа керамического материала методами геологии (Гражданкина 1965; Круг, Четвериков 1961; Сайко 1965; Peacock 1967; Shepard 1965).

На рубеже 1970—1980-х гг. керамическая петрография из вспомогательного и иллюстрирующего дополнения к археологическим публикациям постепенно превращается в самостоятельный раздел археометрии (Круг 1965; Сайко, Кузнецова 1977; Сайко 1979; Betancourt 1987; Fulford, Peacock 1984). Параллельно с совершенствованием приемов исследовательской процедуры пристальное внимание уделяется фундаментальным аспектам методологии петрографического анализа в археологии (Сайко, Жущиховская 1990; Matson 1965; Nordstrom 1972). В начале XXI в. керамическая петрография, основываясь на достижениях предыдущих лет, ищет все новые способы для обработки и систематизации

¹ При использовании высокопластичных глин, для уменьшения усадки в процессе сушки вводят отощающие материалы — отощители. Они уменьшают пластичность, облегчают сушку и повышают прочность. В качестве отощителей применяют как естественные — кварц, кварцевый песок, кремнь, так и искусственные, такие как шамот, бой, брак керамических изделий и шлаки.

полученных данных. При этом существенным в вопросе развития керамической петрографии как метода является разделение исследований на зарубежные и отечественные, потому что, как будет показано далее, отличия здесь весьма значительны.

Зарубежная наука

О возникновении керамической петрографии как метода применительно к зарубежной науке можно говорить, начиная с 1880-х гг. Первые исследования с использованием керамической петрографии появились в 1879 г. в книге Фердинанда Фуке, где автор рассмотрел элементы вулканических пород в керамике с острова Фера (Fouque 1879), однако тогда эпизодически примененный метод не обрел популярность.

Развитие керамической петрографии значительно ускорилось благодаря работам Анны Шепард и Уэйна Фелтса в середине XX в. В первую очередь, этот метод привлек внимание мирового научного сообщества благодаря новаторской работе А. Шепард (Shepard 1936: 389—587). Будучи геологом по специальности, она сделала упор на петрографии как основном методе исследования керамической технологии. Она провела специальное исследование древней керамики из бассейна р. Пекос, притока р. Рио-Гранде (Нью Мехико) (Shepard 1936: 389—587). На основании технологических особенностей изготовления керамики, а именно различий в типах отощителя, которые были определены при петрографическом исследовании, А. Шепард выделила несколько различных типов керамики, а также определила географическое местоположение источников сырья, которое было использовано для ее изготовления. Исследования А. Шепард показали, что большая часть местной керамики содержала нелокальные вулканические породы, что позволило ей сделать вывод о том, что керамика производилась в специализированных мастерских в других местах и импортировалась. Такая точка зрения противоречила общепризнанной тогда научной концепции, согласно которой народы пуэбло считались экономически замкнутыми: несмотря на некоторое типологическое сходство между керамикой из разных районов, исследователи полагали, что сосуды представляли собой исключительно результат местного производства. Предположения А. Шепард долгое время не воспринимались научным сообществом. В частности, в одном из контраргументов утверждалось, что импортировалось сырье для изготовления керамики, а не сами сосуды (Judd 1954). Признанию выводов А. Шепард способствовала разнообразная геология региона — было доказано, что минералогический состав глиняного теста варьировался от места к месту. А. Шепард изложила методику анализа, ввела некоторые критерии технологической классификации и интерпретации данных естественных наук, коснулась вопросов физического моделирования гончарных процессов. Основные методологические замечания нашли отражение в ее монографии «Керамика для археологов» (Shepard 1965), которая уже позже стала своеобразной археологической энциклопедией по технологии изготовления древней керамики.

Вторым крупнейшим исследователем, стоявшим у истоков применения петрографического и иных естественных методов изучения глиняных изделий, был У. Фелтс, который провел петрографический анализ керамики, найденной в Трое (Felts 1942: 237—244). В ходе раскопок сотрудниками университета Цинциннати были отобраны образцы почв и керамики, найденной в исследованных слоях, для проведения петрографического анализа. У. Фелтс, основываясь на особенностях геологии изучаемого региона, предпринял попытку выявить специфику керамического производства в Трое, обозначить отличия минералогического состава местной керамики от импортной, а также попытаться проследить хронологические изменения в составе глиняного теста (Felts 1942: 237). Отметив непреходящую ценность подобных исследований,

У. Фелтс заметил, что для более конструктивных выводов необходим статистический анализ данных, собранных в результате изучения как можно большего числа образцов. Кроме того, автор выразил надежду на то, что аналогичная работа будет проделана в других районах Эгейского моря, после чего можно будет попытаться провести некоторую корреляцию с использованием полученных данных (Felts 1942: 243).

Значительный вклад в развитие керамической петрографии внес Ф.Р. Мэтсон (Matson 1937: 99—124). Он пришел к выводу, что анализ глиняных сосудов с помощью морфологического и стилистического подходов не является достаточным, а потому исследователям необходимо рассматривать не только технологические процессы, но и источники минерального сырья, которые использовались при их производстве. При этом большую роль в изучении источников сырья, из которых были изготовлены изделия, сыграли минеральные включения, применявшиеся в качестве глинистого сырья и отощителя. Теоретические положения работ Ф.Р. Мэтсона легли в основу керамической экологии — научного направления, представляющего собой междисциплинарный подход к изучению древних керамических технологий и рассматривающего влияние окружения на создание керамических материалов — природные, культурные и социальные условия существования гончарных обществ, системы производства, распределения и утилизации посуды.

Керамическая петрография приобретает популярность в Европе в 1960-х гг. в связи с работами Д. Пиккока (Peacock 1968: 414—427; 1969: 375—389), который предпринял попытку изучения керамики из Херефордшир-Котсуолдс в западной Англии. Как и А. Шепард, Д. Пикок смог показать преимущества использования керамической петрографии для изучения древней керамики на основе исследований глиняного теста. Рассмотрев минеральный состав отобранных образцов, Д. Пикок выделил две группы, которые были изготовлены из местного материала. Различия же в орнаментации он объяснил тем, что они были изготовлены в разных ремесленных центрах. Кроме того, при изучении римской керамики исследователь обратился к текстурному анализу. В качестве отощителя для ее изготовления был использован песок, что позволило изучить сферичность, окатанность, процентное содержание и размер отдельных кварцевых песчаных зерен. Именно морфологические особенности отдельных кварцевых зерен позволили определить локальные и импортные отощители. И хотя Д. Пикок был не первым исследователем, кто применил текстурный анализ в петрографии, он смог продемонстрировать его ценность для изучения древней керамики.

Дальнейшее применение спектра естественно-научных методов в середине и второй половине XX в. в зарубежной науке связано с именами М.Дж. Эйткина (Эйткин 1963), М.С. Тайта (Tite 1972) и ряда других исследователей (Цетлин 1997: 83—92). Обзор современных естественно-научных методов изучения древней керамики был относительно недавно опубликован М.С. Тайтом (Tite 1999: 181—233). Из обобщающих работ на эту тему следует также отметить монографию П. Райса, которая фактически является энциклопедией сведений о керамике и методах ее изучения (Rice 1987).

С 1970—1980-х гг. анализ петрографических шлифов стал использоваться все чаще, особенно в сочетании с целым рядом химических методов. На рубеже XX—XXI вв. керамическая петрография активно применялась в работах по археологии Британии (Morris, Woodward 2003: 279—303; Vince 2001: 106—118; Vince 2005: 219—245) и античной Греции (Whitbread 1995; Day, Wilson 1998: 350—358; Vaughan 1995: 115—117). Исследования же причерноморского материала в зарубежной науке предпринимались лишь эпизодически².

² Синопские амфоры: Jones 1986: 313, 904; Whitbread 1995: 234—244. Причерноморская тара эллинистического и римского времени (в т.ч. гераклеяская): Dyczek 1999: 176, 177, 179, 180, 182, 189.

В этой связи особую значимость имеет работа И.К. Уайтбреда (Whitbread 1995), чьи наблюдения, ориентированные на изучение греческой амфорной тары, представляют собой весьма ценные замечания по методологии керамической петрографии. О петрографическом изучении греческих амфор было написано достаточно много статей, но ранее не было опубликовано ни одной обобщающей книги, отражающей современное состояние знаний по этому вопросу. Потому «Greek Transport Amphorae» этого автора представляет ценность не только для специалистов по классической археологии, но и для любого археолога или геоархеолога, использующего или планирующего использовать методы петрографического анализа. Хронологические рамки его исследования охватывают период с VIII по II вв. до н.э., а географические — греческий мир от Эгейского моря до колоний Северного Причерноморья.

Поскольку остродонные амфоры служили тарой для торговли, в первую очередь, вином и маслом, более глубокое изучение технологии их производства и последующего распространения расширяет археологическое и историческое понимание античной торговли в целом. Как показывает И.К. Уайтбред, некоторые уточнения в вопросе греческого импорта действительно могут быть сделаны на основе петрографического анализа глин из разных центров амфорного производства. Во введении (Whitbread 1995: 1—8) автор формулирует цели своего исследования — продемонстрировать эффективность керамической петрографии как средства для описания и уточнения хронологии и локализации греческих амфор, а также показать ограниченные возможности классификации амфор по морфологии и клеймам. Совокупное изучение археологических и петрографических данных и является одним из самых интересных аспектов книги И.К. Уайтбреда.

В Главе 6 (Whitbread 1995: 347—354) автор кратко излагает результаты своего исследования, выделяя, в частности, те случаи, когда имеющиеся наблюдения будут требовать уточнения в дальнейшем. Одной из возможных проблем, связанных с греческими транспортными амфорами, является небольшое количество образцов глин, использованных для анализа разных типов сосудов. В некоторых случаях выводы основываются на исследовании лишь одного образца. Кроме того, И.К. Уайтбред подчеркивает, что любая попытка петрографического исследования не должна претендовать на абсолютное знание, ведь по мере анализа большего количества образцов становятся доступными новые данные, которые могут внести существенные изменения в первоначальные выводы. Автор также отмечает важность создания стандартизированной методики для петрографического изучения греческой керамики — единого образца для характеристики петрографических шлифов, как указано в Приложении 3 («The collection, processing and interpretation of petrographic data») (Whitbread 1995: 365—396). По мере увеличения базы петрографических сведений археологические и исторические наблюдения относительно античной торговли будут одновременно и подтверждаться, и опровергаться.

Методологические разработки, представленные И.К. Уайтбредом, послужили основой для дальнейших петрографических исследований не только греческой, но и античной керамики в целом. Так, уже в первых десятилетиях XXI в. методы керамической петрографии применяются в работах как археологов (Reedy 2008), так и специалистов в областях естественных наук (Belfiore et al. 2003: 419—436; 2007: 1—33; Vacci et al. 2006: 11—19). Эти исследования, как правило, опираются на работу И.К. Уайтбреда, хотя очевидно, что технологическое развитие метода является процессом неизбежным. Так, в последние годы в зарубежной науке появляется множество работ, основанных на применении сразу нескольких методов изучения керамики. Как правило, речь идет о совместных петрографических и химических исследованиях, что позволяет точнее и подробнее охарактеризовать рассматриваемые образцы. Показательным в этом отношении является проект по анализу

керамики Южной Италии, в частности Сицилии, предпринятый группой итальянских исследователей (sites.google.com: 1). Такой синтез методов предоставляет все больше и больше информации о происхождении глиняного сырья, как в случае с минеральным составом вулканических пород, способных отделять керамику, изготовленную с использованием материалов из разных провинций Италии (Barone et al. 2010: 713—726).

Немаловажным этапом в развитии метода являются все чаще предпринимаемые в последние годы попытки создать некоторые учебные и справочные пособия по основам минералогии и керамической петрографии (Folk 1974; MacKenzie, Guilford 1981; MacKenzie, Adams 1994; Adams et al. 1997; Reedy 2008; Quinn 2013; 2022). Кроме того, в зарубежных университетах проводятся специальные учебные курсы, ориентированные на изучение керамической петрографии и геохимии применительно к археологическому материалу (например, Intensive Course on Ceramic Petrography & Geochemistry, ucl.ac.uk: 1), а также создаются исследовательские группы и школы (например, Archaeomaterials Research Network, Ceramic Petrology Group) что также говорит о поступательном развитии метода.

С появлением информационных технологий и, следовательно, возможности получения цифровых изображений как поляризационной микроскопией проходящего света, так и сканирующей электронной микроскопией, количественное описание текстурных особенностей (включений и пустот) формовочных масс может быть выполнено с помощью цифрового анализа изображений (Reedy 2006: 127—146; Grifa et al. 2013: 810—826; Aprile et al. 2019: 2557—2567). Так, был предпринят ряд попыток использовать программное обеспечение для обработки изображений полученных образцов. Для этого разработаны алгоритмы решения ряда задач, связанных с петрографией, таких как анализ структуры и текстуры минеральных включений (Caro, Giulio 2004: 243—257; Higgins: 2006). Несколько позже был предложен новый подход к обработке фотографий, способный автоматически идентифицировать структурные компоненты керамики с помощью оптической микроскопии. В частности подход, основанный на изображениях под микроскопом, способен автоматически идентифицировать минеральные включения, пустоты и основную массу (Puglisi et al. 2013: 548—551). При этом важно отметить, что полученные результаты сопоставимы с результатами, вычисленными с помощью классических методов анализа шлифов. Кроме того, применение автоматических процедур обработки данных значительно уменьшает время анализа. Однако, обращаясь к подобным приемам обработки петрографических шлифов, важно учитывать, что каждый метод получения изображений может быть подвержен физическим искажениям (Aprile et al. 2019: 2557—2567). Например, на количественное определение включений с помощью микрофотографий со скрещенными поляризациями света будет влиять проблема изменчивости интерференционных цветов минералов, которые зависят от сечения каждого зерна и ориентации оптической индикатрисы относительно поляриностей (Maritan 2019: 5087). В таком случае абсолютное количество будет занижено по сравнению с данными, полученными в результате количественной оценки изображений с обратным рассеянием электронов, на которых включения будут иметь специфический серый оттенок (из-за среднего атомного номера) и будут гораздо легче сегментироваться. Эта проблема менее важна, когда определяется распределение включений по размерам зерен, поскольку статистически частица, не обнаруженная на изображениях оптической микроскопии, будет иметь одинаковую вероятность быть маленькой или большой (Maritan 2019: 5087).

Одним из значимых направлений развития керамической петрографии как метода является создание баз данных с возможностью открытого доступа. С помощью различных методов и устройств на протяжении многих лет было создано и обработано огромное

количество археологической информации по керамике. Базы данных содержат большие массивы сведений, которые надо систематизировать для обеспечения возможности полноценного изучения и обмена между исследователями из разных регионов и стран (Öztürk et al. 2015: 227). Наличие ресурса для обмена петрографическими описаниями и микрофотографиями на основе баз данных открытого доступа (например, opencontext.org: 1) является еще одним важным достижением для керамической петрографии, поскольку ученые теперь могут получить доступ к петрографической информации о керамических материалах из различных мест производства, а также относящихся к разным эпохам (Quinn et al. 2011: 2491—2496). Таким образом, прогресс в области компьютерных и информационных технологий способствовал обмену и распространению данных. Однако такие базы данных зачастую фокусируются лишь на одной из характеристик керамики, например, на подробном описании морфологии, результатах петрографического или химического анализа. Не существует какого-либо единого или хотя бы единообразного порядка оформления подобных информационных сегментов, они продолжают оставаться лишь дополнением к публикуемым результатам исследований, а потому возможная работа с ними затруднена. Кроме того, имеющиеся базы данных практически не взаимодействуют друг с другом, большинство из них существуют в автономном режиме, а другие предоставляют только веб-интерфейс, но не API (Application Programming Interface) (Öztürk et al. 2015: 227).

Отечественная наука

В отечественной археологии применение петрографического анализа началось именно с изучения античной керамики — материалов из Ольвии (Кульская 1940; Богданова-Березовская, Наумов, Ковнурко 1964), Боспора (Круг 1960; Круг, Четвериков 1961), Херсонеса (Кадеев, Шуменко 1967). Пионером в этой новой для археологической науки области стала статья О.А. Кульской «Химико-технологическое исследование ольвийских керамических изделий» (Кульская 1940). Был проведен химический анализ, а также краткое оптическое исследование фрагментов ольвийской керамики и образцов глин, взятых в Ольвии в геологическом разрезе. Кроме того, из отобранных глин были приготовлены и обожжены керамические массы для установления температуры обжига и восстановления технологического процесса производства в античное время. На основании исследования автором сделаны выводы о том, что изучаемые изделия были изготовлены из местного сырья. Также была произведена классификация керамики по внешнему виду и технологическим свойствам.

Дальнейшие исследования, продолженные уже в 1960-х, связаны с античными сосудами Боспора. О.Ю. Круг в первых работах по изучению античной керамики Причерноморья с применением петрографических анализов выявила три крупных центра производства изделий Боспора — в Пантикапее, Гермонассе и Фанагории, которые пользовались разным сырьем и приемами приготовления глиняной массы. Впервые в отечественной археологии было предпринято столь разностороннее изучение античной керамики и глин — оптическое исследование фрагментов керамики, исследование глин путем термического, гранулометрического, минералогического анализов и анализа методом окрашивания органическими красителями (Круг, Четвериков 1961). Был также рассмотрен ряд методологических вопросов применения оптико-петрографического анализа в изучении древней керамики (Круг 1965). Следует заметить, что часто, особенно в ранних работах, петрографический анализ применялся лишь «для общей характеристики керамики и получения данных», иллюстрирующих те или иные позиции исследователя (Сайко,

Жучиховская 1990: 27). Петрографические методы в то время еще не стали самостоятельным инструментом исследования глиняных изделий. Правда, постепенно О.Ю. Круг отходит от такого подхода. В ее последних работах при обработке данных анализов минерального состава появляются элементы формализации (Круг, Бажанов 1967; Деопик, Круг 1972; Каменецкий, Круг 1993).

Среди немногочисленных работ других авторов наиболее важные результаты содержат исследования В.Н. Корпусовой с соавторами (Корпусова и др. 1982) по определению центров производства керамики на Боспоре, а также А.Н. Щеглова и Н.Б. Селивановой (Щеглов, Селиванова 1992). Последние провели сравнительный анализ 40 образцов от клейменных амфор пяти твердо локализованных центров Причерноморья (Гераклеи Понтийской, Синопы, Амастрии, Херсонеса Таврического и Диоскуриады), имеющих узкие хронологические рамки. В ходе этой работы были выявлены аналогии между петрографически выделенными группами керамики разных производственных центров. При этом минеральный состав включений был принят в качестве основного критерия, поскольку именно эта особенность, по мнению авторов, отражает технологическую сторону производства. Размер минеральных включений считался второстепенным показателем и имел значение только тогда, когда он значительно отличался от нормы. В работе получены интересные результаты, однако небольшой объем проанализированной выборки образцов делает выводы недостаточно надежными, что замечают и сами авторы (Щеглов, Селиванова 1992: 49).

В методическом плане следует отметить также работы Э.В. Сайко (Сайко 1966; 1982; Сайко, Жучиховская 1990; Сайко, Кузнецова 1977), С.И. Жучиховской и И.Г. Глушкова (Жучиховская 1982; Глушков 1996; Глушков и др. 1999: 150—166), содержащие ценные замечания по применению естественнонаучных методов исследования керамики и некоторые практические наблюдения. Из чисто иллюстративных естественнонаучных исследований можно упомянуть работы В.И. Кадеева и С.И. Шуменко (Кадеев, Шуменко 1967), а также результаты анализов, опубликованных О.Д. Лордкипанидзе (Лордкипанидзе 1966: 138—139).

На сегодняшний день в отечественной археологии наиболее подробные разработки по керамической петрографии античной керамики представлены в работах С.Ю. Внукова (Внуков 1999: 141—155; 2006). Он провел петрографический анализ большого массива черноморской керамики по единой методике, основанной на работах П. Райса, Э.В. Сайко, Л.В. Кузнецовой и С.И. Жучиховской (Rice 1987; Сайко, Жучиховская 1990; Сайко, Кузнецова 1977). При этом в исследовании, помимо кристаллооптического, применялись и некоторые другие методы естественных наук (элементный анализ, электронная микроскопия, микропробоанализ и др.). Всего С.Ю. Внуковым было изучено 272 образца, отобранных с причерноморских амфор римского времени (I в. до н.э. — II в. н.э., светлоглиняных, синопских и коричневоглиняных); кроме того, для сравнительного анализа в выборку были включены образцы керамики двух других важнейших центров — Херсонеса (IV в. до н.э. — I в. н.э.) и Боспора (IV в. до н.э. — III н.э.) (Внуков 2006). Анализ позволил выделить три петрографических категории и семь достаточно представительных петрографических групп, которые соответствуют пяти черноморским центрам производства керамики: Гераклее, Херсонесу (по две группы), Синопе, Колхиде и Боспору (Внуков 2006: 47). К сожалению, после выхода монографии С.Ю. Внуков к вопросам петрографии больше не возвращался.

Последняя из вышедших на эту тему работ посвящена попытке анализа керамики из Нимфея (Кулькова и др. 2018: 297—304). Для этого, как следует из текста статьи, были рассмотрены два крупных фрагмента одного кувшина. Однако приведенные сведения о минеральном составе глины, использовавшейся для изготовления кувшинов из Нимфея, лишены всякой аналитики и используются лишь для иллюстрации метода.

Из вышесказанного следует, что спорадическое использование керамической петрографии как метода изучения античной керамики в отечественных исследованиях фактически остановилось в 2000-х гг. И сегодня метод по существу продолжает привлекаться лишь в качестве иллюстрации и дополнения к традиционным способам рассмотрения керамического материала.

Зачастую в работах, где делается попытка использовать петрографический метод, авторы ограничиваются лишь описанием даже при определении породы в шлифах профессиональными петрографами. Не указываются возможные источники сырья, а геологическая обстановка в предполагаемых регионах производства зачастую понимается лишь в хронологических границах. Кроме того, многие имеющиеся исследования по античным керамическим изделиям содержат фотографии петрографических срезов и шлифов, где большая их часть относится к сильно фрагментированным сосудам, что затрудняет восстановление их полной формы, а соответственно и определение хронологического периода и центра производства. Порой авторы ограничиваются лишь фотографией фрагмента, не приводя его чертеж. В некоторых случаях изображение и вовсе отсутствует, что делает невозможным его идентификацию (или проверку предлагаемой автором идентификации) и, по сути, сводит результаты проведенных исследований к нулю. Несмотря на относительную простоту и доступность метода, керамическая петрография в современной отечественной археологии не пользуется особой популярностью, соответственно единый подход к проведению подобных исследований просто отсутствует. Потому в большинстве случаев проводимые сегодня петрографические анализы античной керамики носят бессистемный или даже случайный характер, а о возможной систематизации результатов говорить не приходится. Отсутствие специалистов среди археологов и слабая заинтересованность «естественников» привели к тому, что до сих пор не обобщены методические приемы проведения отдельных анализов (Молодин, Мыльникова 2015: 123).

Заключение

Таковы в общих чертах тенденции развития керамической петрографии как метода в России и за рубежом. С момента проведения первых петрографических исследований, археологами отмечалось, что для более конструктивных и обстоятельных выводов необходима большая выборка образцов для каждого исследуемого региона. При этом, как заметил И.К. Уайтбред, любая попытка петрографического исследования не может претендовать на абсолютное знание, ведь по мере анализа большего количества образцов становятся доступными новые данные, которые могут внести существенные изменения в первоначальные выводы (Whitbread 1995: 365—396). Кроме того, не раз указывалось, что реконструкция реалий античной торговли может быть возможна только при совокупном изучении регионов ее распространения, после чего можно будет пытаться провести некоторую корреляцию с использованием полученных данных (Felts 1942: 243). Еще одна сложность заключается в отсутствии какой бы то ни было устоявшейся методики петрографического исследования керамики, будь то изготовление самих шлифов, порядок их описания или публикации полученных результатов.

Керамическая петрография является самым старым методом естественных наук, используемым для анализа археологической керамики. И, хотя метод может быть применен сам по себе в качестве способа изучения минерального состава и технологии изготовления керамики, в последние годы наблюдается тенденция к проведению комплексных исследований, когда петрографические анализы проводятся в сочетании с традиционным макроскопическим

исследованием керамики и другими аналитическими методами, такими как геохимия, SEM и XRD, в рамках так называемого «интегрированного» подхода (Quinn 2022: 16).

Технологическое развитие метода и очевидное увеличение объемов получаемой информации привело к тому, что был предпринят ряд попыток исследования петрографических шлифов с помощью автоматических методов анализа структуры и текстуры минеральных включений (Caro, Giulio 2004: 243—257; Higgins 2006). Однако использование программного обеспечения для обработки изображений образцов все еще остается на этапе эксперимента, т.к. не показало безоговорочную точность получаемых данных.

Еще одной особенностью развития керамической петрографии на сегодняшний день является наметившееся стремление к взаимодействию исследователей из разных регионов. Это проявляется и в попытках создания баз данных с возможностью открытого доступа, которые могли бы предоставить возможность для полноценного изучения и обмена данными, и в появлении первых справочных материалов и учебных курсов по основам минералогии и керамической петрографии. Все перечисленное, однако, действительно для зарубежной науки. В отечественной археологии петрографические исследования продолжают, по большому счету, оставаться лишь иллюстративной частью и не приводят к каким бы то ни было самостоятельным и значительным выводам. Но, вероятно, дальнейшие исследования смогут изменить текущее состояние керамической петрографии.

Литература

- Августиник А.И. 1956. К вопросу о методике исследования древней керамики. *КСИИМК* 64, 149—156.
- Богданова-Березовская И.В., Наумов Д.В., Ковнурко Г.М. 1964. Химико-петрографическое исследование черепиц из Ольвии. В: Гайдукевич В.Ф. (ред.). *Ольвия. Теменос и агора*. Москва; Ленинград: Наука, 314—320.
- Внуков С.Ю. 1999. Задачи и проблемы петрографического изучения древней керамики. В: Бобринский А.А. (ред.). *Актуальные проблемы изучения древнего гончарства*. Самара: СамГПУ, 141—155.
- Внуков С.Ю. 2006. *Причерноморские амфоры I в. до н.э. — II в. н.э. Ч. II. Петрография, хронология, проблемы торговли*. Санкт-Петербург: Алетейя.
- Глушков И.Г. 1996. *Керамика как исторический источник*. Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН.
- Глушков и др. 1999: Глушков И.Г., Гребенщиков А.В., Жущиховская И.С. 1999. Петрография археологической керамики: проблемы возможности перспективы. В: Бобринский А.А. (ред.). *Актуальные проблемы изучения древнего гончарства*. Самара: СамГПУ, 150—166.
- Гражданкина Н.С. 1965. Методика химико-технологического исследования древней керамики. В: Колчин Б.А. (ред.). *Археология и естественные науки*. Москва: Наука, 152—160.
- Деолик Д.В., Круг О.Ю. 1972. Эволюция узкогорлых светлоглиняных амфор с профилированными ручками. *СА* 3, 100—115.
- Жутиховская И.С. 1982. Петрографические и спектрохимические исследования древней керамики Приморья. В: Станюкович А.К. (отв. ред.). *Естественные науки и археология в изучении древних производств*. Москва: Наука, 99—106.
- Кадеев В.И., Шуменко С.И. 1967. Некоторые результаты петрографических исследований античной керамики из Херсонеса. *ЗАО* 2 (35), 271—276.
- Каменецкий И.С., Круг О.Ю. 1993. Глина краснолаковых сосудов. В: Каменецкий И.С. (ред.). *Городища донских меотов. Вопросы датировки*. Москва: Авто, 27—38.
- Корпусова и др. 1982: Корпусова В.Н., Горлацкий В.Н., Орлова Л.А., Литовченко Е.И. 1982. Опыт выявления центров производства керамики по литолого-геохимическим характеристикам гончарной массы. В: Генинг В.Ф. (отв. ред.). *Методологические и методические вопросы археологии*. Киев: Наукова думка, 187—213.
- Круг О.Ю. 1960. Оптическое исследование боспорской керамики. В: Зеест И.Б. *Керамическая тара Боспора*. Москва: АН СССР, 128—132.

- Круг О.Ю. 1965. Применение петрографии в археологии. В: Колчин Б.А. (ред.). *Археология и естественные науки*. Москва: Наука, 146—151.
- Круг О.Ю., Бажанов Э. 1967. Классификация и хронология светлоглиняных амфор II—IV вв. *СА* 1, 52—59.
- Круг О.Ю., Четвериков С.Д. 1961. Опыт применения петрографических методов к изучению керамики Боспорского царства. *СА* 3, 34—44.
- Кулькова и др. 2018: Кулькова М.А., Смекалова Т.Н., Федосеев Н.Ф. 2018. Петрографические методы исследования античной керамики. Обзор исследований и некоторые результаты. В: Зуев В.Ю., Хршановский В.А. (ред.). *Боспорский феномен. Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. Материалы международной конференции*. Ч. 2. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 297—304.
- Кульская О.А. 1940. Химико-технологические исследования ольвийских керамических изделий. *Ольвия* 1, 171—185.
- Лордкипанидзе О.Д. 1966. *Античный мир и древняя Колхида (к истории торгово-экономических и культурных взаимоотношений VI—II вв. до н.э.)*. Тбилиси: Тбилисский университет, 138—139 (на грузинском).
- Молодин В.И., Мыльникова Л.Н. 2015. Теория и практика исследования древнейшей керамики: традиционные и новейшие методы. *Самарский научный вестник* 3 (12), 122—127.
- Сайко Э.В. 1965. Технология керамики средневековых мастеров. В: Колчин Б.А. (ред.). *Археология и естественные науки*. Москва: Наука, 161—166.
- Сайко Э.В. 1966. *История технологии керамического ремесла Средней Азии VIII—XII вв.* Душанбе: Академия наук Таджикской ССР.
- Сайко Э.В. 1982. *Техника и технология керамического производства Средней Азии в историческом развитии*. Москва: Наука.
- Сайко Э.В., Жущиховская И.С. 1990. *Методы микроскопии в исследовании древней керамики*. Владивосток: ДВО АН СССР.
- Сайко Э.В., Кузнецова Л.В. 1977. *Методологические основы исследования древней керамики*. Москва: Информационный центр по проблемам культуры и искусства.
- Цетлин Ю.Б. 1997. Основные направления изучения технологии древней керамики за рубежом. *РА* 3, 83—92.
- Щеглов А.Н., Селиванова Н.Б. 1992. Оптико-петрографическое исследование причерноморских клейменных амфор IV—III вв. до н.э. В: Кац В.И., Монахов С.Ю. (ред.). *Греческие амфоры*. Саратов: Саратовский университет, 32—67.
- Эйткин М.Дж. 1963. *Физика и археология*. Москва: Иностранная литература.
- Adams et al. 1997: Adams A.E., MacKenzie W.S., Guilford C. 1997. *Atlas of Sedimentary Rocks under the Microscope*. New York: Wiley.
- Aprile et al. 2019: Aprile A., Castellano G., Eramo G. 2019. Classification of mineral inclusions in ancient ceramics: comparing different modal analysis strategies. *Archaeol Anthropol Sci* 11, 2557—2567.
- Bacci et al. 2006: Bacci G.M., Barone G., Mastelloni M.A., Mazzoleni P., Mondio G., Pezzino A., Serafino T., Triscari M. 2006. Mineralogical, Petrographic, and Chemical analyses on small perfume vases found in Messina and dated to VII century B.C. *Mediterranean archaeology & archaeometry* 6, 11—19.
- Barone et al. 2010: Barone G., Belfiore C.M., Mazzoleni P., Pezzino A., Viccaro M. 2010. A volcanic inclusions based approach for provenance studies of archaeological ceramics: application to pottery from southern Italy. *Journal of Archaeological Science* 37, 713—726.
- Belfiore et al. 2003: Belfiore C., Day P.M., Kilikoglou V., La Rosa V., Mazzoleni P., Pezzino A. 2003. Mineralogical, petrographical and geochemical characterization of pottery production of the late minoan i kiln at Hagia Triada (Crete): preliminary data. *Crete antica* 4, 419—436.
- Betancourt Ph.P. 1987. *East Cretan white-on-dark ware*. Philadelphia: University of Pennsylvania.
- Caro F., Giulio A.D. 2004. Reliability of textural analysis of ancient plasters and mortars through automated image analysis. *Materials Characterization* 53, 243—257.
- Carozzi A.V. 1993. *Sedimentary Petrography*. New York: Prentice Hall.
- Day P.M., Wilson D.E. 1998. Consuming power: Kamares Ware in Protopalatial Knossos. *Antiquity* 72, 350—358.
- Dyczek P. 1999. *Amfory rzymskie z obszaru dolnego Dunaju*. Warszawa: Instytut Archeologii Uniwersytetu Warszawskiego.
- Felts W.M. 1942. A petrographic examination of potsherds from Ancient Troy. *AJA* 46 (2), 237—244.
- Folk R.L. 1974. *Petrology of Sedimentary Rocks*. Austin: Hemphill Publishing.
- Fouque F. 1998. *Santorini and its eruptions*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.

- Fulford H.G., Peacock D.P.S. 1984. The Avenue Pusident Habib Bourguiba, Salambo. The Pottery and Other Ceramic Objects from the Site. *Excavations of Carthago* 1.2.
- Grifa et al. 2013: Grifa C., De Bonis A., Langella A., Mercurio M., Soricelli G., Morra V. 2013. A late Roman ceramic production from Pompeii. *Archaeol Anthropol Sci* 40, 810—826.
- Higgins M.D. 2006. *Quantitative Textural Measurements in Igneous and Metamorphic Petrology*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Jones R.E. 1986. Greek and Cypriot pottery. A review of scientiic studies. *Fitch Laboratory occasional paper* 1, 313.
- Judd N.M. 1954. The Material Culture of Pueblo Bonito. *Smithsonian Miscellaneous Collections* 124, Washington: Smithsonian Institution.
- MacKenzie W.S., Adams A.E. 1994. *A Colour Atlas of Rocks and Minerals in Thin Section*. London: Manson Publishing.
- MacKenzie W.S., Guilford C. 1981. *Atlas of Rock-Forming Minerals in Thin Section*. Essex: Longman.
- Maritan L. 2019. Archaeo-ceramic 2.0: investigating ancient ceramics using modern technological approaches. *Archaeol Anthropol Sci* 11, 5087—5089.
- Matson F.R. 1937. Pottery. In: Greenman E.F. (ed.). *The Young site: An Archaeological record from Michigan*. Ann Arbor: University of Michigan Museum of Anthropology, 99—124.
- Matson F.R. 1965. Ceramic ecology: an approach to the study of the early cultures of the Near East. In: Matson F.R. (ed.). *Ceramic and man*. Chicago: Aldine, 202—217.
- Morris E., Woodward A. 2003. Ceramic petrology and prehistoric pottery in the UK. *Proceedings of the prehistoric society* 69, 279—303.
- opencontext.org: 1: ProjectChina Ceramic Petrography Database. URL: <http://opencontext.org/projects/2c5addea-41d5-4941-b2bd-672bc1e60448> (дата обращения 01.11.2022).
- Öztürk et al. 2015: Öztürk A., Eyango L., Waksman S., Lallich S., Darmont J. 2015. Warehousing Complex Archaeological Objects. In: Christiansen H., Stojanovic I., Papadopoulos G. (eds.). *Modeling and Using Context. CONTEXT 2015. Lecture Notes in Computer Science* 9405, 226—239.
- Peacock D.P.S. 1967. The heavy mineral analysis of pottery: a preliminary report. *Archaeometry* 10.
- Peacock D.P.S. 1968. A Petrological Study of Certain Iron Age Pottery from Western England. *Proceedings of the Prehistoric Society* 34, 414—427.
- Peacock D.P.S. 1969. The scientific analysis of ancient ceramics: a review. *World Archaeology* 1, 375—389.
- Peacock D.P.S. 1982. *Pottery of the Roman world: an ethnoarchaeological approach*. London: Longman.
- Puglisi et al. 2013: Puglisi G., Stanco F., Barone G., Mazzoleni P. 2013. Automatic petrographic feature extraction from pottery of archaeological interest. *8th International Symposium on Image and Signal Processing and Analysis*, 548—551.
- Quinn et al. 2011: Quinn P.S., Rout D., Stringer L., Alexander T., Armstrong A., Olmstead S. 2011. Petrodatabase: an on-line database for thin section ceramic petrography. *Archaeol Anthropol Sci* 38, 2491—2496.
- Quinn P.S. 2013. *Ceramic Petrography: The Interpretation of Archaeological Pottery and Related Artefacts in Thin Section*. Oxford: Archaeopress.
- Quinn P.S. 2022. *Thin section petrography geochemistry and scanning electron microscopy of archaeological ceramics*. Oxford: Archaeopress.
- Reedy C.L. 2006. Review of digital image analysis of petrographic thin sections in conservation research. *Journal of the American Institute for Conservation* 45, 127—146.
- Reedy C.L. 2008. *Thin-Section Petrography of Stone and Ceramic Cultural Material*. London: Archetype Publication.
- Rice P. 1987. *Pottery analysis. A sourcebook*. Chicago: University of Chicago Press.
- Riederer J. 2004. Thin Section Microscopy Applied to the Study of Archaeological Ceramics. *Hyperfine Interactions* 154, 143—158.
- Shepard A.O. 1936. Technology of Pecos Pottery. *The Pottery of Pecos: Papers of the Phillips Academy Southwestern Expedition* 2, 389—587.
- Shepard A.O. 1942. *Rio Grande glaze paint ware, a study illustrating the place of ceramic technological analysis in archaeological research*. Washington: Carnegie Institution of Washington.
- Shepard A.O. 1965. *Ceramics for the archaeologist*. Washington: Carnegie Institution of Washington.
- sites.google.com: 1: Archaeometry of Sicilian Pottery. URL: <https://sites.google.com/site/archaeometrypottery/> (дата обращения 01.11.2022).
- Tite M.S. 1972. *Methods of physical examination in archaeology*. London: Seminar Press.

- Tite M.S. 1999. Pottery Production, Distribution, and Consumption — The Contribution of the Physical Science. *Journal of Archaeological Method and Theory* 6 (3), 181—233.
- ucl.ac.uk: 1: Intensive Course on Ceramic Petrography & Geochemistry. URL: <https://www.ucl.ac.uk/archaeology/study/intensive-short-courses/intensive-course-ceramic-petrography-geochemistry> (дата обращения 01.11.2022).
- Vaughan S.J. 1995. Ceramic petrology and Petrology in the Aegean. *AJA* 99, 115—117.
- Vince A. 2001. Ceramic petrology and post-medieval pottery. *Post-Medieval Archaeology* 35, 106—118.
- Vince A. 2005. Ceramic petrology and the study of Anglo-Saxon and Later Medieval ceramics. *Medieval archaeology* 49, 219—245.
- Whitbread I.K. 1995. Greek Transport Amphorae. A Petrological and Archaeological Study. *Fitch Laboratory Occasional Papers* 4.

References

- Avgustinik, A.I. 1956. In *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noy kul'tury* (Brief reports of the Institute of the History of Material Culture) 64, 149—156 (in Russian).
- Bogdanova-Berezovskaya, I.V., Naumov, D.V., Kovnurko, G.M. 1964. In: Gaydukevich, V.F. (ed.). *Ol'viya. Temenos i agora* (Olbia. Temenos and Agora), 314—320 (in Russian).
- Vnukov, S.Yu. 1999. In: Bobrinskiy, A.A. (ed.). *Aktual'nye problemy izucheniya drevnego goncharstva* (Actual problems of studying ancient pottery). Samara: SamGPU, 141—155 (in Russian).
- Vnukov, S.Yu. 2006. *Prichernomorskie amfory I v. do n.e. — II v. n.e. (Black Sea amphorae of the 1st century BCE — 2nd century CE)*. Pt. II. *Petrografiya, khronologiya, problemy trgovli* (Petrography, chronology, problems of trade). Saint Petersburg: Aleteyya (in Russian).
- Glushkov, I.G. 1996. *Keramika kak istoricheskiy istochnik* (Ceramics as a historical source). Novosibirsk: Institut arkheologii i etnografii SO RAN (in Russian).
- Glushkov et al. 1999: Glushkov, I.G., Grebenshchikov, A.V., Zhushchikhovskaya, I.S. 1999. In: Bobrinskiy, A.A. (ed.). *Aktual'nye problemy izucheniya drevnego goncharstva* (Actual problems of studying ancient pottery). Samara: SamGPU, 150—166.
- Grazhdankina, N.S. 1965. In: Kolchin, B.A. (ed.). *Arkheologiya i estestvennye nauki* (Archaeology and natural sciences). Moscow: Nauka, 152—160 (in Russian).
- Deopik, D.V., Krug, O.Yu. 1972. In *Sovetskaya arkheologiya* (Soviet Archaeology) 3, 100—115 (in Russian).
- Zhuchikhovskaya, I.S. 1982. In Stanyukovich, A.K. (ed.). *Estestvennyye nauki i arkheologiya v izuchenii drevnikh proizvodstv* (Natural sciences and archeology in the study of ancient industries). Moscow: Nauka, 99—106 (in Russian).
- Kadeev, V.I., Shumenko, S.I. 1967. In *Zapiski Odesskogo arkheologicheskogo obshchestva* (Notes of the Odessa Archaeological Society) 2 (35), 271—276 (in Russian).
- Kamenetskiy, I.S., Krug, O.Yu. 1993. In: Kamenetskiy, I.S. (ed.). *Gorodishcha donskikh meotov. Voprosy datirovki* (Settlements of the Don Meotians. Dating issues). Moscow: Avto, 27—38 (in Russian).
- Korpusova et al. 1982: Korpusova, V.N., Gorlatskiy, V.N., Orlova, L.A., Litovchenko, E.I. 1982. In: Gening, V.F. (ed.). *Metodologicheskie i metodicheskie voprosy arkheologii* (Methodological and methodological issues of archaeology). Kyiv: Naukova dumka, 187—213 (in Russian).
- Krug, O.Yu. 1960. In: Zeest, I.B. *Keramicheskaya tara Bospora* (Ceramic containers of Bosporus). Moscow: AN SSSR, 128—132 (in Russian).
- Krug, O.Yu. 1965. In: Kolchin, B.A. (ed.). *Arkheologiya i estestvennye nauki* (Archaeology and natural sciences). Moscow: Nauka, 146—151 (in Russian).
- Krug, O.Yu., Bazhanov, E. 1967. In *Sovetskaya arkheologiya* (Soviet Archaeology) 1, 52—59 (in Russian).
- Krug, O.Yu., Chetverikov, S.D. 1961. In *Sovetskaya arkheologiya* (Soviet Archaeology) 3, 34—44 (in Russian).
- Kul'kova et al. 2018: Kul'kova, M.A., Smekalova, T.N., Fedoseev, N.F. 2018. In: Zuev, V.Yu., Khrshanovskiy, V.A. (eds.). *Bosporskiy fenomen. Obshcheye i osobennoye v istoriko-kul'turnom prostranstve antichnogo mira. Materialy mezhdunarodnoy konferentsii* (Bosporan phenomenon. General and special in the historical and cultural space of the ancient world. Materials of the international conference). Pt. 2. Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyy universitet promyshlennykh tekhnologiy i dizayna, 297—304 (in Russian).
- Kul'skaya, O.A. 1940. In *Ol'viya* (Olbia) 1, 171—185 (in Russian).

- Lordkipanidze, O.D. 1966. *Antichnyy mir i drevnyaya Kolkhida (k istorii torgovo-ekonomicheskikh i kul'turnykh vzaimootnosheniy VI—II vv. do n.e.)* (*The Ancient world and ancient Colchis (on the history of trade, economic and cultural relations of the 6th — 2nd centuries BCE)*). Tbilisi: Tbilisskiy universitet, 138—139 (in Georgian).
- Molodin, V.I., Myl'nikova, L.N. 2015. In *Samarskiy nauchnyy vestnik (Samara Scientific Bulletin)* 3 (12), 122—127 (in Russian).
- Sayko, E.V. 1965. In: Kolchin, B.A. (ed.). *Arkheologiya i estestvennye nauki (Archaeology and natural sciences)*. Moscow: Nauka, 161—166 (in Russian).
- Sayko, E.V. 1966. *Istoriya tekhnologii keramicheskogo remesla Sredney Azii VIII—XII vv. (History of technology of ceramic craft of Central Asia 8th — 12th centuries)*. Dushanbe: Akademiya nauk Tadzhikskoy SSR (in Russian).
- Sayko, E.V. 1982. *Tekhnika i tekhnologiya keramicheskogo proizvodstva Sredney Azii v istoricheskom razvitii (Technique and technology of ceramic production in Central Asia in historical development)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Sayko, E.V., Zhushchikhovskaya, I.S. 1990. *Metody mikroskopii v issledovanii drevney keramiki (Microscopy methods in the study of ancient ceramics)*. Vladivostok: DVO AN SSSR (in Russian).
- Sayko, E.V., Kuznetsova, L.V. 1977. *Metodologicheskie osnovy issledovaniya drevney keramiki (Methodological basics of the study of ancient ceramics)*. Moscow: Informatsionnyy tsentr po problemam kul'tury i iskusstva (in Russian).
- Tsetlin, Yu.B. 1997. In *Rossiyskaya arkheologiya (Russian archaeology)* 3, 83—92 (in Russian).
- Shcheglov, A.N., Selivanova, N.B. 1992. In: Kats, V.I., Monakhov, S.Yu. (eds.). *Grecheskie amfory (Greek amphorae)*. Saratov: Saratovskiy universitet, 32—67 (in Russian).
- Etkin, M.Dzh. 1963. *Fizika i arkheologiya (Physics and archaeology)*. Moscow: Inostrannaya literatura (in Russian).
- Adams et al. 1997: Adams, A.E., MacKenzie, W.S., Guilford, C. 1997. *Atlas of Sedimentary Rocks under the Microscope*. New York: Wiley.
- Aprile et al. 2019: Aprile, A., Castellano, G., Eramo, G. 2019. Classification of mineral inclusions in ancient ceramics: comparing different modal analysis strategies. *Archaeol Anthropol Sci* 11, 2557—2567.
- Bacci et al. 2006: Bacci, G.M., Barone, G., Mastelloni, M.A., Mazzoleni, P., Mondio, G., Pezzino, A., Serafino, T., Triscari, M. 2006. Mineralogical, Petrographic, and Chemical analyses on small perfume vases found in Messina and dated to VII century B.C. *Mediterranean archaeology & archaeometry* 6, 11—19.
- Barone et al. 2010: Barone, G., Belfiore, C.M., Mazzoleni, P., Pezzino, A., Viccaro, M. 2010. A volcanic inclusions based approach for provenance studies of archaeological ceramics: application to pottery from southern Italy. *Journal of Archaeological Science* 37, 713—726.
- Belfiore et al. 2003: Belfiore, C., Day, P.M., Kilikoglou, V., La Rosa, V., Mazzoleni, P., Pezzino, A. 2003. Mineralogical, petrographical and geochemical characterization of pottery production of the late minoan i kiln at Haghia Triada (Creta): preliminary data. *Creta antica* 4, 419—436.
- Betancourt, Ph.P. 1987. *East Cretan white-on-dark ware*. Philadelphia: University of Pennsylvania.
- Caro, F., Giulio, A.D. 2004. Reliability of textural analysis of ancient plasters and mortars through automated image analysis. *Materials Characterization* 53, 243—257.
- Carozzi, A.V. 1993. *Sedimentary Petrography*. New York: Prentice Hall.
- Day, P.M., Wilson, D.E. 1998. Consuming power: Kamares Ware in Protopalatial Knossos. *Antiquity* 72, 350—358.
- Dyczek, P. 1999. *Amfory rzymskie z obszaru dolnego Dunaju*. Warszawa: Instytut Archeologii Uniwersytetu Warszawskiego.
- Felts, W.M. 1942. A petrographic examination of potsherds from Ancient Troy. *AJA* 46 (2), 237—244.
- Folk, R.L. 1974. *Petrology of Sedimentary Rocks*. Austin: Hemphill Publishing.
- Fouque, F. 1998. *Santorini and its eruptions*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- Fulford, H.G., Peacock, D.P.S. 1984. The Avenue Pusident Habib Bourguiba, Salambo. The Pottery and Other Ceramic Objects from the Site. *Excavations of Carthago* 1.2.
- Grifa et al. 2013: Grifa, C., De Bonis, A., Langella, A., Mercurio, M., Soricelli, G., Morra, V. 2013. A late Roman ceramic production from Pompeii. *Archaeol Anthropol Sci* 40, 810—826.
- Higgins, M.D. 2006. *Quantitative Textural Measurements in Igneous and Metamorphic Petrology*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Jones, R.E. 1986. Greek and Cypriot pottery. A review of scientiic studies. *Fitch Laboratory occasional paper* 1, 313.
- Judd, N.M. 1954. The Material Culture of Pueblo Bonito. *Smithsonian Miscellaneous Collections* 124, Washington: Smithsonian Institution.

- MacKenzie, W.S., Adams, A.E. 1994. *A Colour Atlas of Rocks and Minerals in Thin Section*. London: Manson Publishing.
- MacKenzie, W.S., Guilford, C. 1981. *Atlas of Rock-Forming Minerals in Thin Section*. Essex: Longman.
- Maritan, L. 2019. Archaeo-ceramic 2.0: investigating ancient ceramics using modern technological approaches. *Archaeol Anthropol Sci* 11, 5087—5089.
- Matson, F.R. 1937. Pottery. In: Greenman, E.F. (ed.). *The Young site: An Archaeological record from Michigan*. Ann Arbor: University of Michigan Museum of Anthropology, 99—124.
- Matson, F.R. 1965. Ceramic ecology: an approach to the study of the early cultures of the Near East. In: Matson, F.R. (ed.). *Ceramic and man*. Chicago: Aldine, 202—217.
- Morris, E., Woodward, A. 2003. Ceramic petrology and prehistoric pottery in the UK. *Proceedings of the prehistoric society* 69, 279—303.
- opencontext.org: 1: ProjectChina Ceramic Petrography Database. Available at: <http://opencontext.org/projects/2c5addea-41d5-4941-b2bd-672bc1e60448> (accessed 01.11.2022).
- Öztürk et al. 2015: Öztürk, A., Eyango, L., Waksman, S., Lallich, S., Darmont, J. 2015. Warehousing Complex Archaeological Objects. In: Christiansen, H., Stojanovic, I., Papadopoulos, G. (eds.). *Modeling and Using Context. CONTEXT 2015. Lecture Notes in Computer Science* 9405, 226—239.
- Peacock, D.P.S. 1967. The heavy mineral analysis of pottery: a preliminary report. *Archaeometry* 10.
- Peacock, D.P.S. 1968. A Petrological Study of Certain Iron Age Pottery from Western England. *Proceedings of the Prehistoric Society* 34, 414—427.
- Peacock, D.P.S. 1969. The scientific analysis of ancient ceramics: a review. *World Archaeology* 1, 375—389.
- Peacock, D.P.S. 1982. *Pottery of the Roman world: an ethnoarchaeological approach*. London: Longman.
- Puglisi et al. 2013: Puglisi, G., Stanco, F., Barone, G., Mazzoleni, P. 2013. Automatic petrographic feature extraction from pottery of archaeological interest. *8th International Symposium on Image and Signal Processing and Analysis*, 548—551.
- Quinn et al. 2011: Quinn, P.S., Rout, D., Stringer, L., Alexander, T., Armstrong, A., Olmstead, S. 2011. Petrodatabase: an on-line database for thin section ceramic petrography. *Archaeol Anthropol Sci* 38, 2491—2496.
- Quinn, P.S. 2013. *Ceramic Petrography: The Interpretation of Archaeological Pottery and Related Artefacts in Thin Section*. Oxford: Archaeopress.
- Quinn, P.S. 2022. *Thin section petrography geochemistry and scanning electron microscopy of archaeological ceramics*. Oxford: Archaeopress.
- Reedy, C.L. 2006. Review of digital image analysis of petrographic thin sections in conservation research. *Journal of the American Institute for Conservation* 45, 127—146.
- Reedy, C.L. 2008. *Thin-Section Petrography of Stone and Ceramic Cultural Material*. London: Archetype Publication.
- Rice, P. 1987. *Pottery analysis. A sourcebook*. Chicago: University of Chicago Press.
- Riederer, J. 2004. Thin Section Microscopy Applied to the Study of Archaeological Ceramics. *Hyperfine Interactions* 154, 143—158.
- Shepard, A.O. 1936. Technology of Pecos Pottery. *The Pottery of Pecos: Papers of the Phillips Academy Southwestern Expedition* 2, 389—587.
- Shepard, A.O. 1942. *Rio Grande glaze paint ware, a study illustrating the place of ceramic technological analysis in archaeological research*. Washington: Carnegie Institution of Washington.
- Shepard, A.O. 1965. *Ceramics for the archaeologist*. Washington: Carnegie Institution of Washington.
- sites.google.com: 1: Archaeometry of Sicilian Pottery. Available at: <https://sites.google.com/site/archaeometrypottery/> (accessed 01.11.2022).
- Tite, M.S. 1972. *Methods of physical examination in archaeology*. London: Seminar Press.
- Tite, M.S. 1999. Pottery Production, Distribution, and Consumption — The Contribution of the Physical Science. *Journal of Archaeological Method and Theory* 6 (3), 181—233.
- ucl.ac.uk: 1: Intensive Course on Ceramic Petrography & Geochemistry. Available at: <https://www.ucl.ac.uk/archaeology/study/intensive-short-courses/intensive-course-ceramic-petrography-geochemistry> (accessed 01.11.2022).
- Vaughan, S.J. 1995. Ceramic petrology and Petrology in the Aegean. *AJA* 99, 115—117.
- Vince, A. 2001. Ceramic petrology and post-medieval pottery. *Post-Medieval Archaeology* 35, 106—118.
- Vince, A. 2005. Ceramic petrology and the study of Anglo-Saxon and Later Medieval ceramics. *Medieval archaeology* 49, 219—245.
- Whitbread, I.K. 1995. Greek Transport Amphorae. A Petrological and Archaeological Study. *Fitch Laboratory Occasional Papers* 4.

*Военная история
и археология*

*Military History
and Archaeology*

УДК 904

DOI: 10.53737/2713-2021.2022.58.93.005

А.Е. Негин

НАХОДКИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ БУЛАВ В НИЖЕГОРОДСКОМ ПОВОЛЖЬЕ*

В статье впервые вводятся в научный оборот несколько намерших средневековых булав, найденных в ходе археологических раскопок на территории Нижегородской области. Почти все они относятся к XIII—XIV вв., и только намершие из раскопок в Балахне относятся к более позднему времени. Широкое применение булав и, в особенности, шестопёров характерно для территорий, где воины снаряжались качественным и эффективным защитным вооружением, которое и следовало пробивать булавами – ударным оружием ближнего боя. Нижегородское Поволжье было территорией соприкосновения двух оружейных традиций — русской и золотоордынской, — в которых тяжелооружённые воины играли немаловажную роль, поэтому и находки намерших булав и шестопёров здесь не редкость.

Ключевые слова: булава, оружие ближнего боя, средневековое вооружение, Нижегородское Поволжье.

Сведения об авторе: Негин Андрей Евгеньевич, доктор исторических наук, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского.

Контактная информация: 603950, Россия, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского; e-mail: aenegin@mail.ru.

А.Е. Negin

NEW FINDS OF MEDIEVAL MACE HEADS IN THE NIZHNY NOVGOROD VOLGA REGION

The paper introduces into scientific circulation several previously unpublished medieval mace heads found during archaeological excavations on the territory of the Nizhny Novgorod Volga Region. Almost all mace heads date back to the 13th and 14th centuries except the flanged mace head found in Balakhna which dates back to a later time. The widespread use of maces and flanged maces is typical for the territories where well-equipped warriors fought protected with high-quality and effective defensive armament which had to be pierced with such a weapon. The area under study was a territory of contacts between Russian and Golden Horde armament traditions, with heavily armored warriors playing an important role, so that the mace heads and flanged mace heads finds in the area are not uncommon.

Key words: mace, melee weapon, medieval arms, Nizhny Novgorod Volga region.

About the author: Negin Andrey Evgenovich, Doctor of Historical Sciences, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod.

Contact information: 603950, Russia, Nizhny Novgorod, Gagarin Avenue 23, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod; e-mail: aenegin@mail.ru.

Нижегородское Поволжье несколько веков являлось восточным пограничьем русских земель с Волжской Булгарией, Золотой Ордой, мордовскими и марийскими землями. В силу этого факта это были довольно беспокойные земли, подвергавшиеся набегам со стороны

* Статья поступила в номер 25 октября 2022 г.
Принята к печати 10 ноября 2022 г.

соседей. Тут же разворачивались события длительных феодальных войн 20—40 гг. XV в., когда Нижний Новгород неоднократно захватывал то один, то другой претендент на московский великокняжеский стол. Вплоть до Казанских походов Ивана Грозного на нижегородцев наводили ужас казанские татары, неоднократно вторгавшиеся в нижегородские пределы. Не обошли стороной Нижегородское Поволжье и события Смутного времени. Поэтому находки предметов вооружения на этой территории не являются редкостью. В нижегородских музеях хранятся предметы как наступательного, так и защитного вооружения, обнаруженные в разные годы.

В данной публикации в научный оборот вводится серия средневековых булав, которые по большей части ещё не становились объектом публикационного интереса исследователей¹. Булава относится к ударному оружию ближнего боя, предназначенному для нанесения ударов раздробляющего действия. В ряде случаев богато орнаментированные булавы являлись символами власти, статусными предметами вооружения определённой прослойки воинов, занимавших командные должности. Но в целом, этим оружием пользовались и пешие и конные воины, вследствие чего оно нередко встречается среди археологического материала.

В ходе археологических раскопок на территории Нижегородской области было найдено несколько наверший булав². Две из них происходят непосредственно с территории средневекового Нижнего Новгорода. В 2007 г. при охранным обследовании на строительной площадке на ул. Минина, 1 (раскопки Е.Э. Лебедевой) в близости от стен Нижегородского кремля было обнаружено бронзовое навершие булавы (рис. 1) (Гусева 2008), снабжённое 12 пирамидальными шипами (4 больших и 8 маленьких) (тип IV по классификации А.Н. Кирпичникова) (Кирпичников 1966: 52, рис. 10). Высота — 42 мм, ширина — 36 мм. Вес — 250 г. В настоящее время предмет экспонируется в музее Никольской башни Нижегородского кремля.

Сильно фрагментированное навершие медной булавы (рис. 2) было обнаружено и в ходе охранным археологического исследования Театральной площади на месте бывшей гостиницы «Москва» в 1997 г. (раскопки И.О. Ерёмкина). В культурных слоях XIV—XVII вв. было обнаружено около 1 000 предметов, и среди них небольшой обломок булавы размером 30 × 40 мм. Сохранились два пирамидальных выступа, обрамленные каймой из маленьких шишечек, а также часть рельефно оформленной втулки. По расположению сохранившихся шипов можно предположить, что фрагмент относится к навершию с 12 шипами (4 больших и 8 маленьких) (тип IV по классификации А.Н. Кирпичникова). В числе остальных находок с Театральной площади навершие булавы было передано в музей Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, где и хранится в настоящее время.

В 2006 г. в ходе охранных раскопок на селище Копнино-1 в Богородском районе был найден довольно редкий экземпляр ударного оружия, который сочетает в себе булаву и

¹ Выражаю мою искреннюю благодарность коллегам, которые оказали помощь в изучении подобного рода артефактов из Нижегородского Поволжья. Моя благодарность Дмитрию Александровичу Антонову за разрешение опубликовать навершие булавы из его раскопок в Балахне, работникам музея ННГУ и Нижегородского государственного историко-архитектурного музея-заповедника (НГИАМЗ) за содействие в изучении и фотографировании артефактов для данной публикации, в первую очередь, Ольге Сергеевне Мурашевой, Дмитрию Станиславовичу Таловину, Елене Евгеньевне Бажиной, Людмиле Дмитриевне Шакуловой, Анастасии Александровне Швецово и Евгении Юрьевне Фёдоровой.

² В данной публикации не учтены случайные находки, а также те экземпляры, которые были добыты в ходе несанкционированных раскопок. В разные годы автор был ознакомлен с фотографическими изображениями навершия булавы, найденной во время строительства метрополитана в Нижнем Новгороде (в районе городища «Городок»), а также навершия шестопёра с границы Чувашии и Нижегородской области, однако в данный момент невозможно установить местонахождение этих находок, в связи с чем автор не счёл необходимым рассматривать их в данной публикации.

боевой молот-клевец (сейчас в НГИАМЗ, Инв. № ВСП 5691/27) (рис. 3). Сохранилось лишь полое бронзовое навершие (размеры $35 \times 35 \times 30$ мм). Оно имеет четыре выступа, три из которых имеют вид четырехгранных пирамид (высотой по 10 мм), а четвертый — клювовидный граненый (его длина 27 мм), на верхней грани которого едва заметны следы зубчатой насечки. Основание каждого выступа оформлено в виде ромбовидного рельефного постамента. На верхней, частично утраченной, поверхности изделия просматриваются остатки сквозного отверстия диаметром 15 мм. Основание навершия почти полностью утрачено, из-за чего невозможно определить имелся ли вытянутый вниз втульчатый насад. Вес изделия 120 г. Оно изготовлено в двухсторонней литейной форме, о чём свидетельствует хорошо просматриваемый на внутренней поверхности продольный шов.

Известно несколько подобных изделий (рис. 4). Наиболее близким аналогом, судя по публикации Г.В. Баранова, является экземпляр из Винницкой области в Украине (Баранов 2018). Совпадение по размерам и декору с экземпляром из Копнино-1 практически полное. Этот факт позволил Г.В. Баранову предположить, что оба этих экземпляра происходят из одной и той же мастерской в Византии. Попадание из Византии на территорию Украины и в Поволжье автор связывает с поставками византийского вооружения в Золотую Орду (Баранов 2018: 262).

А.Н. Кирпичников в своей классификации выделил подобные навершия в отдельный подтип Па, датировав их домонгольским временем (Кирпичников 1966: 48). Отличительной особенностью экземпляров из Изяславля (Кирпичников 1966: 48, табл. XXV: 4) и Великого Новгорода (Кирпичников, Гайдуков 1997) является их довольно грубый внешний вид; они изготовлены в виде обыкновенного ничем не украшенного металлического бруса с загибающимся книзу «отростком» на одной из сторон. Находка же на селище Копнино-1 и её аналог из Винницкой области демонстрируют совершенно иной уровень мастерства оружейника, изготовившего эстетически привлекательный образец. Невзрачный «отросток» изделий, найденных на территории древнерусских городов, на этих экземплярах эволюционировал в изящный и грозный «клюв», а брус навершия оформлен рельефно декорированным пирамидальным декором. Да и датировка «домонгольских» булав и экземпляров из Копнино-1 и Винницкой области разная. По вскрытым слоям и найденным предметам селище Копнино-1 может быть датировано, как и большинство средневековых селищ в округе Нижнего Новгорода XIV в., т.е. относится к золотоордынскому периоду.

Клювовидный отросток может свидетельствовать о локальной направленности травмирующего удара, чем достигалась его целевая заданность, с расчетом на наибольший эффект при относительно небольшом весе оружия. Поражающего воздействия, при наличии этой детали, хватало не только на то, чтобы оглушить противника, нанеся удар в область головы, но и для нанесения более серьезного проникающего ранения, поскольку остроконечный выступ отчасти компенсировал малый вес изделия (которое, к тому же, могло заливаться свинцом). Благодаря этой своей функции булавы-клевцы напоминают «молоты с клювом сокола» XV в., применявшиеся для дробления тяжелого защитного доспеха (Бехайм 1995: 262—264).

Как я уже отмечал в публикации булавы-клевца из Копнино-1 (Негин 2008), клювовидный выступ мог служить для подвешивания булавы или удобного ношения её в руке. В этом случае такой выступ мог быть особенно полезен при ношении булавы за поясом. Также можно предположить ношение булав в специальных кожаных футлярах при подвешивании к седлу, при этом клювовидный отросток также мог служить своеобразным крючком, который дополнительно удерживал булаву в футляре. Также и рукояти конских плёток того же периода иногда были оформлены подобным клювовидным отростком, что

также позволяет оправдывать его наличие сугубо функциональной задачей для большего удобства их подвешивания к чему либо (Фёдоров-Давыдов 1966: 22, рис. 3; Плетнева 1973: табл. 18: 12; Кызласов 1983: табл. XXXV: 9). При этом довольно маленькие размеры и вес навершия из погребения в поселении Вишневое (Дрёмов 1985) могут свидетельствовать в пользу того, что данное изделие являлось как раз деталью рукояти плетки, а не навершием булавы (Негин 2008: 64—66, рис. 2: 5).

Следующую разновидность булав, найденных на территории Нижегородской области, представляют находки шестопёров — булав к навершиям которых приварено несколько вертикально расположенных пластин—лопастей, направленных в разные стороны³. Помимо термина «шестопёр» в русской традиции такую булаву называют также «перначом» (Даль 1955: 631; Словарь 1988: 308). При этом, название «пернач» употребляется к булаве, к головке которой прилито несколько (до двух десятков) металлических пластин (перьев), а «шестопёр», как следует из самого слова, должен был иметь всего шесть «перьев». Временем распространения этой разновидности булавы можно считать XIII—XIV вв., хотя, по мнению некоторых исследователей, ранние образцы бронзовых перначей появляются на территории Волжской Булгарии уже в домонгольский период, т.е. на рубеже XII—XIII вв. Эти перначи, также известные в литературе как восьмиперые булавы, имели полую цилиндрическую втульчатую часть, которая закреплялась на рукояти при помощи шипа. Но распространение перначей в восточно-европейских районах, по-видимому, все же было связано с появлением там монголов, хотя единодушного мнения по этому вопросу нет (Горелик 2002; 2008: 168; Нарожный, Чахкиев 2003; Галкин 2007; Воронцов 2011: 61—62; Кушкумбаев 2012).

К настоящему времени известно 18 перначей (шестопёров) золотоордынской эпохи, обнаруженных на Северном Кавказе (Дружинина 2017). Большинство образцов происходят из случайных сборов и не привязаны к конкретным археологическим комплексам. На остальной территории Золотой Орды найдено ещё 11 экз. Известно, что перначами были вооружены *кэшигтен* — ханские гвардейцы (Дружинина, Чхаидзе 2020: 220.). Наиболее вероятным представляется поступление шестопёров к монголам из Хулагуидского Ирана, где традиция изготовления данного вида булав подтверждается и археологическими находками, и изобразительными источниками (Нарожный, Чахкиев 2003: 137).

При исследовании погребений Сарлейского могильника было обнаружено железное фрагментированное навершие шестопёра (рис. 5). Оно было найдено в фондах Нижегородского государственного историко-архитектурного музея-заповедника (Инв. № ГОМ 4047/64) при разборе мешков с материалами раскопок, переданных в музей С.М. Парийским и Е. И. Горюновой. По-видимому, материалы относятся к раскопкам 1925—1926 гг., но более точно установить это не представляется возможным из-за отсутствия сдаточной документации. Навершие шестопёра изготовлено из железа, высота 95 мм, ширина в самой широкой части — 55 мм. Сохранилась лишь половина навершия с четырьмя перьями, внутри остатки древесины от деревянного насада.

Сарлейский могильник находится у с. Сарлей Дальнеконстантиновского района Нижегородской области. Погребения терюшевской мордвы в этом месте совершались довольно длительное время, и датируются XIII—XVIII вв. Однако некоторые погребения Сарлейского могильника являются подкурганными погребениями, которые по совокупности признаков можно отнести к захоронениям отюреченного населения донецких степей, что, по-

³ В ряде источников также используется термин «буздыган» (от тюркского бузды — «разрушить», также боздыхан, буздыхан, буздуган, буздурхан), иногда описываемый как булава или палица с шипами, а иногда как пернач с большим числом перьев. В настоящее время в отечественном оружьеведении данный термин практически не используется.

видимому, является свидетельством инкорпорации отдельных половецких переселенцев в местную мордовскую среду (Алихова 1959: 34; Аникин, 2000: 67—70; Грибов 2020: 26). Учитывая то, что в целом булавы и шестопёры нехарактерны для вооружения мордвы (Святкин 2001: 89)⁴, шестопёр из Сарлейского могильника может являться подтверждением этому предположению.

В ходе археологических исследований в г. Балахна было найдено навершие ещё одной булавы, а точнее пернача, представляющее собой отлитое бронзовое изделие с 16 «перьями» (рис. 6). Размеры: высота — 75 мм, ширина в широкой части — 65, а ширина втулки — 33 мм. Среди археологического материала удалось обнаружить сходные по оформлению фигурные перья, снабжённые насечками в верхней, центральной и нижней части. Это два экземпляра золотоордынского времени (которые датируются XIII—XIV вв.) с территории Украины (с. Хмельная) (Кирпичников 2000: 232, рис. 1: 6) и Северного Кавказа (гор. Маджары) (Нарожный, Чаккиев 2003: 127). Однако в отличие от пернача из Балахны у всех золотоордынских булав гораздо меньшее количество перьев — обычно 6, 7 или 8. Булавы же с большим количеством перьев (от 12 до 20) относятся к более позднему времени и датируются концом XV—XVII вв. Таким образом, вряд ли можно датировать находку из Балахны XIII—XIV вв. По мнению оружейников, широкое распространение на территории Руси и на степных просторах Восточной Европы пернач получил в XVI в. Примерно тогда же пернач получает развитие на территории Центральной и Западной Европы (Grancsay 1938; Кирпичников 1966, 54—55; Kalmár 1971: 21, 24, kép. 16).

К сожалению, среди археологического материала, привязанного к конкретным археологическим комплексам, не удалось обнаружить точной аналогии балахнинской находки, которая бы соответствовала и по количеству перьев, и по их форме. Вследствие этого уточнение датировки данного экземпляра невозможно. Можно лишь утверждать, что экземпляр принадлежит к разновидности перначей XV—XVII вв., широко распространившихся на больших территориях от Османской империи и до Западной Европы (Рябовянов 2010: 190—191, 194, обр. 7—10). Вместе с тем следует отметить, что в отличие от железных экземпляров этого времени, данная находка изготовлена из бронзы, что может свидетельствовать о том, что она принадлежит к наиболее ранним образцам этого типа, появившимся на рубеже XV—XVI вв. Можно с осторожностью предположить, что утеря навершия пернача могла быть связана с набегом казанских татар на Балахну в 1536 г. (что как нельзя лучше соотносится с ранней датировкой появления перначей), хотя нельзя исключать и события Смутного времени.

Подводя итог можно сказать, что большинство из публикуемых булав относятся к XIII—XIV вв. Именно в слоях этого времени и были обнаружены экземпляры из Нижнего Новгорода. Этим же временем можно датировать и селище Копнино-1. Основная часть материалов из Сарлейского могильника также укладывается во временные рамки XIII—XIV вв., поэтому и навершие шестопёра из раскопок этого могильника также можно отнести к XIV в.

По замечанию А.Н. Кирпичникова, использование булав-шестопёров является показателем массового применения защитного вооружения (Кирпичников 2000: 232). Следовательно, широкое применение булав и, в особенности, шестопёров должно свидетельствовать о качественном и эффективном защитном вооружении, которое использовалось воинами, поэтому такие находки и характерны для территорий, на которых воевали хорошо экипированные воины.

⁴ Булава практически не встречается среди археологического материала связанного с финно-угорскими народами Волго-Уральского региона (Измайлов 1997: 102; 2008: 60). Известно всего две находки булав с территории Мордовии, происходящие из грабительских раскопок мордовских могильников на территории Атяшевского и Ичалковского районов республики (Беговаткин 2011).

Если среди мордовского (и финно-угорского) вооружения встречается немного доспехов, значит, вполне закономерны будут и более редкие находки булавы и шестопёров. В противоположность этому на территориях, где прослеживается массовое применение доспеха, будь то русские княжества или золотоордынские земли, широко применялось и ударное оружие раздробляющего действия, снабжённое специальными шипами или пластинами-лопастями, способными эффективно пробивать защитный доспех. Нижегородское Поволжье являлось как раз таким регионом, где встречались и взаимодействовали друг с другом две ружейные традиции — русская и золотоордынская.

Литература

- Алихова А.Е. 1959. К истории мордвы конца 1-го – начала 2-го тысячелетия н.э. В: Алихова А.Е., Жиганов М.Ф., Степанов П.Д. (ред.). *Из древней и средневековой истории мордовского народа: Археологический сборник*. Т. 2. Саранск: Мордовское книжное издательство, 13—54.
- Аникин И.С. 2000. Об этнической принадлежности курганных погребений средневековой мордвы (по материалам Сарлейского могильника). В: Гришаков В.В. (отв. ред.). *Поволжские финны и их соседи в эпоху средневековья (проблемы хронологии и этнической истории): Тезисы докладов Всероссийской научной конференции 2—3 февраля 2000 г.* Саранск: Мордовский государственный педагогический институт, 67—70.
- Баранов Г.В. 2018. Навершие булавы с клювовидным выступом с территории Винницкой области. *МАИАСП* 10, 259—265.
- Беговаткин А.А. 2011. Две уникальные булавы XII—XIV вв. из Мордовии. *РА* 2, 156—162.
- Бекаим В. 1995. *Энциклопедия оружия*. Санкт Петербург: Оркестр.
- Воронцов И.А. 2011. Предметы ударного вооружения золотоордынского времени с территории Нижнего Поволжья. В: Миргалеев И.М. (отв. ред.). *Военное дело Золотой Орды: проблемы и перспективы изучения. Материалы круглого стола, проведённого в рамках Международного Золотоордынского Форума, (Казань, 29—30 марта 2011 г.)*. Казань: ИИ АН РТ, 59—62.
- Галкин Л.Л. 2007. Две булавы из городов Улуса Джучи (XIV) в. В: Гилязов И.А., Измайлов И.Л. (ред.). *История и культура Улуса Джучи: Бертольд Шпулер. «Золотая Орда»: традиции изучения и современность*. Казань: Фэн, 288—292.
- Горелик М.В. 2002. *Армии монголо-татар X—XIV вв.* Москва: ООО «Восточный горизонт».
- Горелик М.В. 2008. Черкесские воины Золотой Орды (по археологическим данным). *Вестник Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН*. Вып. 15, 158—189.
- Грибов Н.Н. 2020. Русские и мордва в XIII—XV вв.: расселенческий аспект взаимодействия (по археологическим данным). *Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского* 4, 23—34.
- Гусева Т.В. 2008. Мужская «забава». Дамская «штучка». *Открытый текст (Нижегородское отделение Российского общества историков — архивистов)*. URL: <http://opentextnn.ru/history/archaeology/museum/?id=2456> (дата обращения 17.09.2021).
- Даль В.В. 1955. *Толковый словарь живого великорусского языка*. Т. IV. Москва: Государственное издательство иностранных и национальных словарей.
- Дрёмов И.И. 1985. Раскопки поселения Вишнево в г. Саратов. *АО 1983 года*, 145.
- Дружинина И.А. 2017. Шестопёр из кургана у станицы Абинская (по материалам раскопок В.Г. Тизенгаузена в Кубанской области, 1879 г.). *Археология евразийских степей* 5. *Военная археология: древнее и средневековое вооружение Евразии*, 99—107.
- Дружинина И.А., Чхаидзе В.Н. 2020. Шестопёр из аланского святилища Реком. В: Рукавишникова И.В., Радюш О.А. (отв. ред.). *Древние памятники, культуры и прогресс. A caelo usque ad centrum. A potentia ad actum. Ad honores*. Москва: ИА РАН, 212—225.
- Измайлов И.Л. 1997. *Вооружение и военное дело населения Волжской Булгарии X — начала XIII в.* Казань; Магадан: СВНЦ ДВО РАН.
- Измайлов И.Л. 2008. *Защитники «Стены Искандера»*. Казань: Татарское книжное издательство.
- Кирпичников А.Н. 1966. *Древнерусское оружие*. Вып. 2. *Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX—XIII вв.* Москва: Наука (САИ Е1-36).

- Кирпичников А.Н., Гайдуков П.Г. 1997. Булава-«клевец» из раскопок в Новгороде. *Новгород и Новгородская земля. История и археология* 11, 186—187.
- Кирпичников А.Н. 2000. Булавы и кистени из коллекции И. Хойновского в собрании музея Войска Польского. *АВ* 7, 229—235.
- Кушкумбаев А.К. 2012. Комплекс ударного оружия (палицы, булавы, кистени) воинов Улуса Джучи. В: Кушкумбаев А.К. (отв. ред.). *Военное дело Улуса Джучи и его наследников*. Астана: Фолиант, 199—219.
- Кызласов И.Л. 1983. *Аскизская культура Южной Сибири X—XIV вв.* Москва: Наука.
- Нарожный Е.И., Чакхчиев Д.Ю. 2003. О находках некоторых образцов ударного и защитного вооружения на Северном Кавказе (XIII—XV вв.). *Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа* 2, 126—153.
- Негин А.Е. 2008. Навершие булавы-клевец с селища Копнино-1. В: Молев Е.А. (отв. ред.). *Нижегородские исследования по краеведению и археологии: сборник научных и методических статей*. Вып. 11. Нижний Новгород: Нижегородский университет, 64—68.
- Плетнева С.А. 1973. *Древности Черных Клобуков*. Москва: Наука (САИ Е1-19).
- Рабовянов Д. 2010. Средневековни боздугани от фонда на Регионален исторически музей — Велико Търново. *Известия на Регионален исторически музей Велико Търново XX—XXV*, 187—199.
- Святкин С.В. 2001. *Вооружение и военное дело мордовских племен в первой половине II тыс. н.э.* Саранск: Мордовский государственный педагогический институт.
- Словарь 1988: Шмелев Д.Н. (ред.). *Словарь русского языка XI—XVII вв.* Вып. 14. *Отрава—Персона*. Москва: Наука.
- Фёдоров-Давыдов Г.А. 1966. *Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов*. Москва: Московский университет.
- Grancsay St. 1938. A gift of enriched military maces. *Bulletin of the Metropolitan Museum of Art* XXXIII, 37—39.
- Kalmár J. 1971. *Régi magyar fegyverek*. Budapest: Natura.

References

- Alikhova, A.E. 1959. In: Alikhova, A.E., Zhiganov, M.F., Stepanov, P.D. (eds.). *Iz drevney i srednevekovoy istorii mordovskogo naroda: Arkheologicheskiy sbornik (From the ancient and medieval history of the Mordovian people: Archaeological collection)*. Vol. 2. Saransk: Mordovskoye knizhnoye izdatel'stvo, 13—54 (in Russian).
- Anikin, I.S. 2000. In: Grishakov, V.V. (ed.). *Povolzhskiy finny i ikh sosedi v epokhu srednevekov'ya (problemy khronologii i etnicheskoy istorii): Tezisy dokladov Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii 2—3 fevralya 2000 g. (Volga Finns and Their Neighbors in the Middle Ages (Problems of Chronology and Ethnic History): Abstracts of the All-Russian Scientific Conference February 2—3, 2000)*. Saransk: Mordovskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy institut, 67—70 (in Russian).
- Baranov, G.V. 2018. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 10, 259—265 (in Russian).
- Begovatkin, A.A. 2011. In *Rossiyskaya arkheologiya (Russian Archaeology)* 2, 156—162 (in Russian).
- Bekhaym, V. 1995. *Entsiklopediya oruzhiya (Encyclopedia of Weapons)*. Saint Petersburg: Orkestr (in Russian).
- Vorontsov, I.A. 2011. In: Mirgaleev, I.M. (ed.). *Voyennoye delo Zolotoy Ordy: problemy i perspektivy izucheniya. Materialy kruglogo stola, provedonnogo v ramkakh Mezhdunarodnogo Zolotoordynskogo Forum, (Kazan', 29—30 marta 2011 g.) (Military affairs of the Golden Horde: problems and prospects of study. Materials of the round table held within the framework of the International Golden Horde Forum (Kazan, March 29—30, 2011))*. Kazan: II AN RT, 59—62 (in Russian).
- Galkin, L.L. 2007. In: Gilyazov, I.A., Izmaylov, I.L. (eds.). *Istoriya i kul'tura Ulusa Dzhuchi: Bertol'd Shpuler. "Zolotaya Orda": traditsii izucheniya i sovremennost' (History and culture of Ulus Jochi: Bertold Spuler. "Golden Horde": traditions of study and modernity)*. Kazan: Fen, 288—292 (in Russian).
- Gorelik, M.V. 2002. *Armii mongolo-tatar X—XIV vv. (The armies of the Mongol-Tatars of the 10th — 14th centuries)*. Moscow: ООО "Vostochnyy gorizont" (in Russian).

- Gorelik, M.V. 2008. In *Vestnik Instituta gumanitarnykh issledovaniy Pravitel'stva Kabardino-Balkarskoy Respubliki i Kabardino-Balkarskogo Nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk (Bulletin of the Institute for Humanitarian Research of the Government of the Kabardino-Balkarian Republic and the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences)* 15, 158—189 (in Russian).
- Gribov, N.N. 2020. In *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo (Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod)* 4, 23—34 (in Russian).
- Guseva, T.V. 2008. In *Otkrytyy tekst (Nizhegorodskoye otdeleniye Rossiyskogo obshchestva istorikov — arkhivistov) (Plain text (Nizhny Novgorod branch of the Russian Society of Historians-Archivists))*. Available at: <http://opentextnn.ru/history/archaeology/museum/?id=2456> (accessed 17.09.2021).
- Dal', V.V. 1955. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka (Explanatory dictionary of the living Great Russian language)*. Vol. IV. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarey (in Russian).
- Dryemov, I.I. 1985. In *Arkheologicheskiye otkrytiya 1983 goda (Archaeological Discoveries 1983)*, 145 (in Russian).
- Druzhinina, I.A. 2017. In *Arkheologiya yevraziyskikh stepey (Archeology of the Eurasian steppes)* 5. *Voennaya arkheologiya: drevnee i srednevekovoe vooruzhenie Evrazii (Military archeology: ancient and medieval weapons of Eurasia)*, 99—107 (in Russian).
- Druzhinina, I.A., Chkhaidze, V.N. 2020. In: Rukavishnikova, I.V., Radyush, O.A. (eds.). *Drevniye pamyatniki, kul'tury i progress. A caelo usque ad centrum. A potentia ad actum. Ad honores (Ancient monuments, cultures and progress. A caelo usque ad centrum. A potentia ad actum. Ad honores)*. Moscow: IA RAN, 212—225 (in Russian).
- Izmaylov, I.L. 1997. *Vooruzheniye i voyennoye delo naseleniya Volzhskoy Bulgarii X — nachala XIII v. (Armament and military affairs of the population of the Volga Bulgaria in the 10th — early 13th centuries)*. Kazan; Magadan: SVNTS DVO RAN (in Russian).
- Izmaylov, I.L. 2008. *Zashchitniki "Steny Iskandera" (Defenders of the Iskander Wall)*. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo (in Russian).
- Kirpichnikov, A.N. 1966. *Drevnerusskoye oruzhiye (Old Russian weapons)*. Iss. 2. *Kop'ya, sulitsy, boyevye topory, bulavy, kisten i IX—XIII vv. (Spears, sulits, battle axes, maces, flails of the 9th — 13th centuries)*. Moscow: Nauka (Corpus of Archaeological Sources E1-36) (in Russian).
- Kirpichnikov, A.N., Gaydukov, P.G. 1997. In *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya (Novgorod and Novgorod land. History and Archaeology)* 11, 186—187 (in Russian).
- Kirpichnikov, A.N. 2000. In *Arkheologicheskie vesti (Archaeological News)* 7, 229—235 (in Russian).
- Kushkumbaev, A.K. 2012. In: Kushkumbaev, A.K. (ed.). *Voyennoye delo Ulusa Dzhuchi i yego naslednikov (Military history of Ulus Jochi and his heirs)*. Astana: Foliant, 199—219 (in Russian).
- Kyzlasov, I.L. 1983. *Askizskaya kul'tura Yuzhnoy Sibiri X—XIV vv. (Askizskaya culture of Southern Siberia 10th — 14th centuries)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Narozhnyy, E.I., Chakhkiev, D.Yu. 2003. In *Materialy i issledovaniya po arkheologii Severnogo Kavkaza (Materials and research on the archaeology of the North Caucasus)* 2, 126—153 (in Russian).
- Negin, A.E. 2008. In: Molev, E.A. *Nizhegorodskiy issledovaniya po krayevedeniyu i arkheologii: sbornik nauchnykh i metodicheskikh statey (Nizhny Novgorod research on local history and archeology: a collection of scientific and methodological articles)*. Iss. 11. Nizhny Novgorod: Nizhegorodskiy universitet, 64—68 (in Russian).
- Pletneva, S.A. 1973. *Drevnosti Chernykh Klobukov (Antiquities of the Chorni Klobuky)*. Moscow: Nauka (Corpus of Archaeological Sources E1-19).
- Rabovyanov, D. 2010. In *Izvestiya na Regionalen istoricheski muzey Veliko T"rnovo (Izvestia at the Regional Historical Museum of Veliko Tarnovo)* XX—XXV, 187—199 (in Bulgarian).
- Svyatkin, S.V. 2001. *Vooruzheniye i voyennoye delo mordovskikh plemen v pervoy polovine II tys. n.e. (Armament and military affairs of the Mordovian tribes in the first half of the 2nd millennium CE)*. Saransk: Mordovskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy institut (in Russian).
- Slovar' 1988: Shmelev, D.N. (ed.). *Slovar' russkogo yazyka XI—XVII vv. (Dictionary of the Russian language of the 11th — 17th centuries)*. Iss. 14. *Otrava—Personya (Poison—Person)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Fyedorov-Davydov, G.A. 1966. *Kochevniki Vostochnoy Evropy pod vlast'yu zolotoordynskikh khanov (Nomads of Eastern Europe under the rule of the Golden Horde khans)*. Moscow: Moskovskiy universitet (in Russian).
- Grancsay, St. 1938. A gift of enriched military maces. *Bulletin of the Metropolitan Museum of Art* XXXIII, 37—39.
- Kalmár, J. 1971. *Régi magyar fegyverek*. Budapest: Natura.

Рис. 1. Навершие булавы из раскопок на ул. Минина 1 (фото автора).

Fig. 1. Mace head from the excavations on the 1 Minina St. (author's photo).

Рис. 2. Навершие булавы из раскопок на Театральной площади (фото автора).

Fig. 2. Mace head from the excavations on Theater Square (author's photo).

Рис. 3. Навершие булавы-клевца с селища Копнино-1 (фото автора).

Fig. 3. Mace-klevets (mace with military pick) from Kopnino-1 (author's photo).

Рис. 4. Булавы-клевцы XIII—XIV вв.: 1 — с территории Украины; 2 — Волжская Булгария, Национальный музей республики Татарстан; 3 — Изяславль; 4 — Великий Новгород; 5 — музей «Куликово поле»; 6 — Волжская Булгария, Национальный музей республики Татарстан; 7 — Чернышковский казачий музей; 8 — с территории Украины; 9 — музей «Город» в Барнауле; 10 — Винницкая обл., Украина (рисунки автора).

Fig. 4. Mace-klevets of the 13th — 14th centuries: 1 — from the territory of Ukraine; 2 — Volga Bulgaria, National Museum of the Republic of Tatarstan; 3 — Izyaslavl; 4 — Veliky Novgorod; 5 — “Kulikovo pole” museum; 6 — Volga Bulgaria, National Museum of the Republic of Tatarstan; 7 — Chernyshkovsky Cossack Museum; 8 — from the territory of Ukraine; 9 — “Gorod” museum in Barnaul; 10 — Vinnitsa region, Ukraine (author’s drawings).

Рис. 5. Навершие шестопёра из Сарлейского могильника (фото автора).

Fig. 5. Flanged mace head from Sarleyskij burial ground (author's photo).

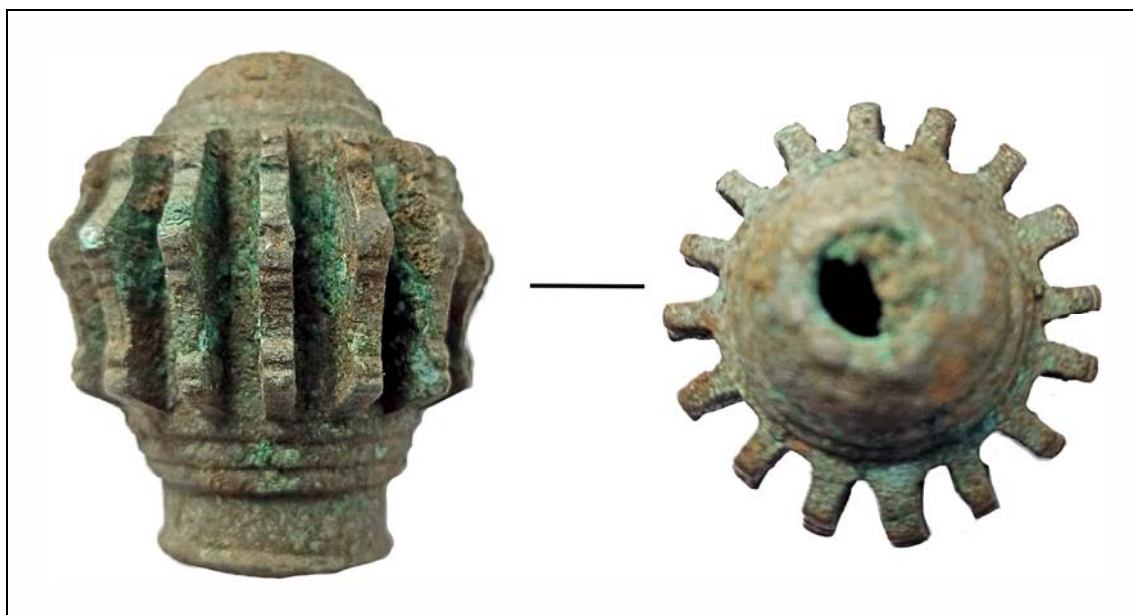

Рис. 6. Навершие пернача из Балахны (фото Д.А. Антонова).

Fig. 6. Flanged mace head (pernat) from Balakhna (photo by D.A. Antonov).

Религиоведение

Religious studies

УДК 7.046

DOI: 10.53737/2713-2021.2022.89.30.006

С.А. Яценко

БОГИ САРМАТОВ*

Памяти друга, Мошинского Александра Пинкусовича

Рассмотрен характер антропоморфизации и вероятная идентификация девяти сарматских богов и богинь. При этом визуализированных женских божеств в два раза меньше, чем мужских. Одни из персонажей были визуализированы лишь в единичном случае, другие имели два или даже три варианта иконографии. Немногие из них визуализированы без явного влияния других культур (№№ 1, 9), в большинстве случаев использовалась греко-римская иконография. Для четырех персонажей прослежен вклад Центральной Азии. Большое значение имеет предположительная идентификация персонажей с конкретными божествами, известными в алано-осетинской традиции или у других иранских народов. Ее удалось сделать во всех случаях. Идентификации мешает краткое время существования сарматских группировок, когда традиция быстро прерывалась. Анализ устных описаний в фольклорных текстах оказался достаточно результативным. Три божества у сарматов (№№ 10—12) не визуализировались в искусстве, но их облик в это время можно представить по другим источникам.

Ключевые слова: боги сарматов, идентификация с алано-осетинскими персонажами, варианты и этапы антропоморфизации образов, использование образов иноземных божеств, II в. до н.э. — IV в. н.э.

Сведения об авторе: Яценко Сергей Александрович, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет.

Контактная информация: 125993, Россия, г. Москва, Миусская пл., д. 6, Российский государственный гуманитарный университет; e-mail: sergey_yatsenko@mail.ru.

S.A. Yatsenko

THE GODS OF SARMATIANS

The anthropomorphization process and the probable identification of nine Sarmatian gods and goddesses are considered. There are two times fewer visualized female deities than male ones. Some of the characters were visualized only in a single case, others had two or even three versions of the iconography. Few of them are visualized without the obvious influence of other cultures (Nos. 1, 9), in most cases Greek-Roman iconography was used. For four characters the contribution of Central Asia is traced. Of great importance is the presumed identification of the characters with specific deities known in the Alano-Ossetian tradition or among other Iranian peoples. It was possible to do it in all cases. Identification is hindered by the short existence of Sarmatian groups, when the tradition was quickly interrupted. The analysis of oral descriptions in the folklore texts turned out to be quite effective. Three deities the Sarmatians (Nos. 10—12) were not visualized in art but their appearance at this time can be imagined from other sources.

Key words: gods of Sarmatians, identification with Alano-Ossetian personages, variants and stages of anthropomorphization of images, the use of images of foreign deities, 2nd c. BCE — 4th c. CE.

* Работа выполнена в рамках проекта РГГУ «Эстетика памяти в культуре» (конкурс «Проектные научные коллективы РГГУ»).

About the author: Yatsenko Sergey Aleksandrovich, Dr. habil., Professor, Russian State University for the Humanities.

Contact information: 125993, Russia, Moscow, 6 Miusskaya sq., Russian State University for the Humanities; e-mail: sergey_yatsenko@mail.ru.

Введение

Речь в статье пойдет о визуальной репрезентации божеств сарматов как в их собственном искусстве, так и в изделиях греческих, меотских и позднескифских мастеров, связанных с сарматским миром. Немаловажно и то, как сарматы подбирали конкретные сюжеты на иноземных изделиях (римских, парфянских, юэчжийско-бактрийских и т.п.) для визуализации собственных устных, фольклорных описаний своих божеств. В предполагаемых эпических сценах мы коснемся лишь вероятных изображений богов. Разумеется, позиция автора этих строк в отношении трактовки ряда изображений со временем иногда менялась¹. Получилось так, что именно я более других занимался этой проблематикой, поэтому нередко приходится критиковать свои собственные прежние построения 1991—1996 гг.

На пути системного описания образов сарматских божеств имеется немало трудностей. *Во-первых, это материал для сравнения.* Ранние тексты, сообщающие о некоторых чертах религии иранских народов (как оседлых, так и кочевых), весьма редки, фрагментарны и нередко созданы людьми другой культурной традиции. Поздние фольклорные тексты осетин, таджиков, кафиров, памирцев, курдов и других иранских и индоиранских этносов отражают влияние и (или) давление мировых религий, когда представления об основных богах оказались деформированы в первую очередь. Учтем также, что многие такие этносы утратили кочевой образ жизни своих предков, и это сказалось на их представлениях о роли древних богов, степени их значимости и на их атрибутике.

Во-вторых, это проблемы самой визуализации и ее представительности в известных ныне археологических материалах. Визуализация в искусстве представленных в устном творчестве образов богов происходила у разных групп сарматов трех их основных археологических культур весьма неравномерно. У некоторых периферийных группировок (вроде сарматов верховьев Дона или Венгрии) мы вообще не знаем антропоморфных или полуантропоморфных персонажей. У тех сарматских объединений, которые проживали недалеко от античных городов и поселений иных оседлых соседей с развитым ремеслом, визуализация была облегчена. Однако она, видимо, шла двумя разными путями: это либо оформление иконографии богов на основе использования имевших инокультурных иконографических схем, реже — создание собственных композиций, либо использование для религиозных целей готовых изделий с чужими, но весьма тщательно отобранными божествами, ассоциировавшимися с собственными (иногда они встречаются комплектами). Думаю, что наличие тех или иных сюжетов необходимо учитывать в числе факторов попадания той или иной посуды или аксессуаров костюма в сарматские курганы. Действительно, список греческих и римских божеств, неоднократно встреченных в сарматских могилах, до смешного мал. Для «ранних сарматов» (II—I вв. до н.э.): из богинь это Афродита, много реже — Тихе и Ника, из мужских — Гелиос и Аполлон, реже —

¹ Благодарю за различную помощь в работе с этим материалом (предоставление неопубликованных фото памятников) А.Е. Рогожинского и А.А. Горячева (Алматы), а также Б.А. Раева (Краснодар).

Дионис (Яценко 2000: 257—262), а у племен средне- и позднесарматской культур (до середины III в. н.э.) встречены совсем иные божества — Силен, Минерва и Амур (Яценко 1996)². При такой картине ни о какой «случайности» попадания изделий с их изображений к сарматам в результате наличного «товара» у торговцев, «наобум» выбранных сюжетов римских или боспорских даров, «в спешке» взятой военной добычи и т.п. не может быть и речи. В могилах сарматской знати встречаются целые комплекты различных голов божеств, выломанных из античных изделий (рис. 2: 1) или наборы посуды с несколькими названными греко-римскими божествами, которые производят впечатление специально подобранных. Учтем также, что сарматское время в Степи не давало этнополитической устойчивости, было богато вынужденными миграциями, и даже такие «долгоживущие» кочевые группировки, как сираки, аорсы и роксоланы, оказывались вскоре (хотя бы частично) на немалом расстоянии от прежних пастбищ — к западу от Днепра. В таких условиях разработка собственных иконографических схем для кочевников была затруднена.

В-третьих, сарматские группировки, в отличие от скифов-сколотов, сохранили более явные черты своего центральноазиатского происхождения, и в меньшей степени ориентировались на тесное культурное взаимодействие с греко-римским миром, сохраняя определенные связи с центральноазиатскими «кочевыми империями» Кангюй и Кушанией, испытывая некоторое влияние парфянского Ирана. Такое взаимодействие не создало художественных шедевров, подобных греко-скифской торевтике IV в. до н.э., и для современного ценителя оно обладает куда меньшей эстетической привлекательностью (а, следовательно, вызывает и намного меньший исследовательский интерес и, думается, напрасно). Мир визуальных образов божеств названных держав нам все еще известен недостаточно, и атрибуция многих изделий, попавших к сарматам (бактрийские юэчжи? Парфия? Кангюй? Боспор? переработка этих сюжетов для сарматов оседлыми «варварами» Северного Кавказа и Крыма?), хотя она часто дается коллегами очень уверенным тоном, пока вызывает серьезные вопросы. Но независимо от этого для меня важно, что изделия с этими сюжетами тоже, видимо, обычно попадали к сарматам не случайно.

Мы, увы, пока мало знаем о собственно сарматских мастерах кочевого происхождения, хотя могилы литейщиков с набором инструментов известны (вроде позднесарматского комплекса III—IV вв. в кургане 2 Московского I в Сальских степях: Власкин, Илюков 1999)³, а серии сарматских имен-прозвищ у лиц, недавно обосновавшихся в Танаисе на рубеже II—III вв., включают такие, как Кожевник и Строитель (Яценко 1998: 55). Не забудем и про весьма важного и общепринято древнего, еще раннеаланского бога Курдалаѣгона (в более редкой и архаичной форме Курд-Алаѣ-Ваѣргон — «Аланского Кузнеца Варгона»: Абаев 1990а: 106) — божественного кузнеца и ювелира; иногда в его роли у осетин выступал Сафа.

В-четвертых, разместить сарматские божества ретроспективно и условно по степени их значимости в древних иранских пантеонах сегодня еще слишком сложная задача. Например, в двоеверии их наследников — алано-осетин — сведения информаторов о составе 7 важных богов и святых в разных святилищах Осетии весьма разнятся, поэтому лучше обратиться к

² У скифов, как известно, из великого множества сюжетов с Гераклом тщательно отбирались лишь два. Популярны у них и малозначимые для греков эпизоды из биографии Ахилла. В целом здесь неоднократно отбирались лишь изображения Геракла, Афины, Медузы и Силена (голова), менад (танцующих), а как раз главные греческие божества, отождествляемые Геродотом со скифскими, здесь реально не выявлены (Раевский 2006: 453—467).

³ Речь идет о женщине около 25 лет, похороненной затем, видимо, со своими старыми и любимыми атрибутами литейщицы. Замечу, что, согласно осетинской традиции, оружие, изготовленное девушкой, защищает от любой нечистой силы и колдовства (Чибиров 2008: 115). Женщины—литейщицы известны, например, и у древних племен Поволжья (азелинская культура).

более архаичным текстам нарттовского эпоса. Но и здесь возникают серьезные проблемы. В известном сюжете «Дары небожителей Сослану» есть несколько вариантов этого списка, но во всех случаях фигурируют христианизированные древние боги мужского пола: Уастырджи (св. Георгий, выводимый в литературе из бога то солнца, то войны), Уацилла (св. Илья-Пророк, имеющий облик прежнего громовержца), Курдалагон (древний бог-кузнец) и Донбеттыр (водяной св. Петр, плохо замаскированный бог воды); реже встречены Афсати (бог диких животных), Фалвара (двойные св. Фрол и Лавр, покровитель домашних животных) и Галагон (бог ветра). В список богов эпического «нарттовского пантеона» входят, по Ю.А. Дзицойты, в порядке важности Уастырджи — Уацилла — Курдалагон — Фалвара — Афсати — Галагон — Донбеттыр (ср.: Дзицойты 2005: 71—72). Но этот список явно весьма поздний, т.к. в нем нет ни одно женского божества. Поэтому важны сведения об известном знаменитом святилище Семи Богов (Авд-дзуаре) в Галиате, где почиталась и Мады Майрам (св. Мария), связываемая с богиней домашнего очага. В этом списке, если его опрокинуть в древность, многое смущает: так, изначально главным божеством у индоевропейцев был обычно громовержец, и вряд ли религия ранних сармат-аланов очень далеко ушла куда-то от этой схемы.

В.И. Абаев, рассматривая вероятных важнейших богов ранних кавказских аланов, предложил довольно длинный их список (Абаев 1990а: 108—109, 112). В него вошли «Солнце золотое» (Хурзѣрин), «Огонь Солнцевич» (Ѓерт-хурон), по аналогии со скифами — «Гестия» возможно — Ѓѣсин (Хозяйка), божественный кузнец и даже великаны Вѣюг, св. Георгий (Уастырджи), по его позднему мнению, происходящий от бога-меча (до этого В.И. Абаев, как его предшественники, долго считал его богом Солнца, подобным Митре: см., например: Абаев 1982: 24), громовержец, покровитель волков Тутыр (св. Федор Тирский), покровитель домашнего скота Фѣлвѣра — Флор и Лавр, а также «водяной» апостол Петр — Донбеттыр. Богу диких животных Афсати в этом было отказано: он трактован как «кавказский субстрат» и связывается с «кавказским культом охотничьего божества».

«Почти полное отсутствие» женских божеств в осетинских текстах отражает, возможно, более оседлый и жестко патриархальный быт; разделение бога — покровителя животных на патронов диких зверей и домашнего скота тоже явно позднее. На деле же, отказывая бывшим богиням в полноценном божественном статусе или в обитании на вершинах священных гор (как у ряда мужских божеств), осетины XIX—XX вв., вполне ясно характеризуют *трех женских персонажей* фактически как божества с соответствующим могуществом и подчас — атрибутами. Один из трех этих женских персонажей связан исходно с небом, другой — с водоемами, третий — с домом и очагом (см. ниже). Мимолетное внимание в нарттовском эпосе к женским персонажам (кроме Сатаны, чей образ нередко — бытовой и «приземленный») объясняется, прежде всего, спецификой его жанра: ведь это героический эпос, посвященный именно подвигам мужчин-воинов божественных происхождения и силы.

Весьма полезным в некоторых аспектах может оказаться сравнение с индоиранскими *северными кафирами* (ныне нуристанцами) Гиндукуша, сохранившими древнюю религию до 1896 г. и не подвергшихся прямому влиянию персидского зороастризма, буддизма и ислама. У них список важнейших богов по их значению был иным (Йеттмар 1986: 65—115, 141, 361—362). Это, прежде всего, (1) творец мира, богов и людей *Имра*, живущий среди туч и окруженный сиянием; он наказывает людей наводнениями и утраивает человеческие свадьбы. Его атрибутом был железный посох. Он отвечал за продуктивность пастбищ, и его статуи в храмах держали маслбойку; ему приписывали сексуальные «подвиги». Жертвовали ему лошадей и быков. Его своеобразным вариантом был бог *Мон* (в основном — у прасунцев) — тоже громовержец и творец мира, борец с демонами. Он был то антропоморфным, с золотыми

колчаном и луком (на статуях он восседал на дикой козе), то в виде быка; подчас был крылат. Он также в ряде случаев выступает как воитель, в железном доспехе и т.п. В числе его подвигов — взятие прямоугольной металлической крепости великанов, прячущих Солнце; он также может в качестве всадника нести похищенные злыми силами солнце и луну на плечах (в нарттовском эпосе подобные сюжеты связаны с Сосланом). Он также — первый кузнец. Вторым значимым богом (2) — *Гии*, бог войны, с вполне героической биографией, отвечавший за успешность военных походов и т.п. Его разрешалось почитать и женщинам. Вначале он был человеком и умер смертью героя. Его поясом была радуга, а супругой считалась Дизани. Сама *Дизани* (3) — главная из богинь. Она живет в золотом стволе Мирового дерева с 7 ветвями, растущего у молочного озера. Иногда богиня принимала вид козы (главного животного высокогорья). Он также иногда прячется в золотой крепости с четырьмя углами или в волшебной башне. Она выступает как божественная жрица и богиня любви. В Новый Год в ее храме молились о рождении детей (у южных кафиров она изображалась с длинными волосами и крупной грудью). Вместе с тем, умершие возвращаются в ее владения и живут там счастливо. Ее свиту составляют 7 крылатых стрелков из лука — братьев *Панеу*. Кроме того, она — могучая воительница, вооружена луком и кинжалом. Еще один бог (сын Дисни) — покрытый волосами бог текущих рек (4) *Багшит*, во многом близкий алано-осетинскому Гатагу; движется он, танцуя, как вода в горных реках. Он также покровитель скота (осетины тоже молились божествам рек о приплоде скота). Его святилища были часто в устьях рек, а жертвы кидали в воду. Во время его праздников стреляли из лука. Богиня *Санджу* (5) отвечает за устройство домашнего быта, управляет отношениями в семье, она советчица в делах людей. На статуях у нее обнаженная грудь; она может превращаться в птицу. Бог *Вушум* (6), в отличие от других, обитает под водой. От него так же, как и от Имры, зависит продуктивность скота на пастбищах и подчас — рождение детей. Статуи представляли его обнаженным. Он безгрешен и творит суд. Особую роль играют также *семь братьев Панеу* (7) с золотыми телами, с золотыми луками в колчанах. Своими стрелами они несут смерть. От кафиров пришел к соседям — калашам культ бога войны (8), почитаемого в виде древнего кинжала (как и у скифов и ранних аланов), так же, как и у скифов — на большом прямоугольном алтаре.

Обратимся теперь к образам предполагаемых сарматских божеств и их отождествлению. К сожалению, наши сведения о подобных персонажах в древних текстах и в этнографическом материале очень скудны, а художественный уровень их визуального воплощения и их детализация весьма различны. При попытках определения функций изображенных божеств сарматов мы будем опираться, прежде всего, на сведения по их прямым потомкам — алано-осетинам (и частично — воспринявшим их верования и кровь, занявших их бывшие территории карачаевцев и балкарцев). Под покровом христианских святых, среди описаний неясных женских персонажей, сохранилось много древних представлений о старых богах. Однако ряд их функций слился, дублируется и т.п. При этом и в древних пантеонах некоторые функции и атрибуты могут совпадать у двух разных божеств.

1. Бог-громовержец

Предполагаемое изображение его, в соответствии с алано-осетинскими аналогиями, мне известно всего одно на всю огромную Сарматия за весь период с середины II в. до н.э. до середины IV в. н.э. Естественно, возникает предположение, что этот важнейший персонаж пантеона долгое время не антропоморфизировался (скорее — из-за неких запретов). Единственное исключение (см. ниже) мы имеем в предкавказской ранней Алании II—IV вв.,

где кочевники понемногу оседали на землю, возникли протогорода и, вероятно, ранняя государственность. После христианизации Алании около 920 г. единый образ громовержца со временем распался на два «святых Ильи» — Уациллу и Элиа. В его облике особую роль играла его волшебная плеть, вызывающая гром (см., например: Нарты 1989: 380). Это был пожилой, бородатый мужчина—всадник. Молниями-стрелами он убивает нечистую силу. Свои волшебные стрелы он может изредка дарить. Его культ тесно связан с козлом как жертвой или даже его ездовым животным (как у кафирского аналога Имры). Согласно Г.Ф. Чурсину, имя этого бога ранее звучало как Цоппай. Резиденцией его считалась гора Тбау-хох у с. Даргавс. Уцелевшие от его молнии люди становились знахарями или гадателями (Чибиров 2008: 78—79). У осетин-земледельцев с громовержцем были позже связаны важные аграрные весенние и летние праздники: Хоры-бон (праздник первой запашки), Атынæг перед началом сенокоса и др. (Уариати 1995: 55, 79—81, 88).

В данном случае меня интересует довольно важный для осетинской старой картины мира эпизод деятельности громовержца. Фактически, это работа, которую он выполняет регулярно. Периодически от некой волшебной оленухи родится будущий гигантский дракон Руймон (вначале он имеет вид оленя), который пытается проглотить весь мир. Когда он начинает подрастать, «белый Элиа» хватает его цепью и тащит на небо; там духи режут его на куски и раздают как пищу мертвым, а ограда царства мертвых обновляется из его костей (Миллер 1992: 480). На торце средневекового изваяния Дука-бек с р. Этока громовержец с саблей, видимо, тянет цепью Руймона вверх, в верхний мир мертвых, на Небесную равнину (Миллер 1893: 125, табл. LXIIIa, LXVI). По менее популярной версии, съедают труп дракона не умершие, а помощник громовержца Гудырты-ком (Рот замка) (Гатиев 1876: 51).

Думается, именно такой сюжет в сжатом виде содержится на золоченой бляхе конской упряжи из элитного кургана 186 позднесарматского времени в Беслане (Дзуцев, Малашев 2015: рис. 9: 1) (рис. 1: 1). В центре круглого фалара мы видим голову бородатого мужчины анфас. Его окружает кольцом дракон со змеиным хвостом, мордой волка и с ногами копытного (вспомним, что вначале Руймон имеет вид оленя). При этом монстр на четырех участках уже обглодан, так что там торчит его скелет⁴.

2. Богиня с Мировым деревом и животными или с листом Древа

В кургане рубежа I—II вв. н.э. Хохлач найдена массивная золотая диадема со сложной единой композицией, которая сохранилась лишь частично. Сделана была и ее реконструкция (рис. 2: 1—2). Ясно, что по верхнему краю располагались 5 Мировых деревьев (соответствующих сторонам света и мировой оси зенит-надир). Центальному из них предстоит несколько видов животных (оленей, горных козлов и уток), ближе всего к нему — пара оленей. На этом фризе крепилась и одна (а скорее — две, т.к. композиция симметрична) фигурки Эрота (Засецкая 2011: 46) (рис. 2: 2). В нижнем ярусе, точно под центральным Древом, закреплена античная фигурка богини; по сторонам ее размещены два орла. Перед нами, несомненно, очень важное божество — единственное женское, изображенное на массивном, с полихромными вставками, золотом артефакте царского ранга. Остается понять, что это за персонаж и как он может быть связан с алано-осетинской традицией. Подобные по набору элементов диадемы встречены у разных категорий знатных

⁴ Замечу, что и у скифов, при всем разнообразии их визуализированных сюжетов, мы видим только одну (предположительную) сцену с единичным изображением громовержца: на особых бронзовых «штандартах», втыкавшихся, видимо, по краям могилы знатного лица, известных на Лысой Горе и фрагментарно — в еще двух пунктах. Получается, у них громовержец тоже изображался только в связи с представлениями о загробном мире.

женщин между низовьями Дона и Средней Кубанью. Композиции с нарушенным порядком размещения или частично уцелевшие от грабителей найдены в кургане 10 Кобяково (декор образуют золотые полосы, наклеенные на кожу) (рис. 2: 3) и в кургане 26 у Усть-Лабинской (пластинки бронзовые и покрыты золотой фольгой). По материалу эти три композиции с Мировым деревом и предстоящими животными представляют, видимо, три ранга знатных женщин одной из политических группировок среднесарматской культуры (Яценко 2015: 88). У этих, менее знатных дам фигура богини в композиции уже отсутствует, ее замещает комплект ее спутников.

Наше внимание привлекает также серия из трех любопытных и уникальных медальонов, найденных в меотских и позднескифских некрополях с включением сарматского компонента — в могилах 81 и 101 в Бельбеке IV (рис. 2: 5—7) и в могиле 19 в Елизаветинской I (рис. 2: 8). На них изображена одна и та же богиня с девичьими косами, свисающими по сторонам или, видимо, убранными в узел за головой. В правой руке она держит огромный лист какого-то дерева. На бельбекских медальонах мы видим по краю композиции расположенные симметрично 4 короткие веточки с листьями же на концах, как бы по 4 углам.

С каким персонажем алано-осетинской мифологии связано это божество? Долго размышлять не придется: речь идет о дочери Солнца, красавице и волшебнице Ацирухс / Агунде. Она живет в заколдованной башне или в квадратном металлическом замке, охраняемом великанами и заполняемом оленями и горными козлами (Нарты 1989: 151, 177), превращается в золотого оленя или белого оленя (Нарты 1989: 150, 162, 174), ездит на колеснице, запряженной оленями, ей посвящен знаменитый коллективный сакральный танец симд (Нарты 1989: 267) и т.п. Ей принадлежат волшебные зеркало (Нарты 1989: 261) и плетень; она бывает крылата (Нарты 1989: 174). Очень важен в биографии этого персонажа и лист Дерева Аза, которое растет в нижнем мире: волшебный замок Ацирухс / Агунды Сослан должен украсить по углам листьями этого дерева, или только одним листом в одном из углов (Нарты 1989: 161, 177); одиночный крупный лист в сарматском искусстве, кроме Бельбека и Елизаветинской, не встречается. Названные элементы (богиня, Мировое дерево и его лист, олени и козлы) как раз и представлены в рассмотренных нами сценах. Интересно, что на диадеме их Хохлача богиню также окружают два орла. На листе Дерева Аза и листьях деревьев в Хохлаче детализированы их форма и прожилки.

Дело, однако, в том, что образ капризной красавицы Ацирухс / Агунды — явно лишь жалкая тень ее бывшего могущества. Об этом красноречиво свидетельствует ее кафирский аналог (см. выше) — богиня Дизани, не деформированный господством мировых религий. Как уже говорилось, у северных кафиров Дизани — главная богиня. Она живет в золотом стволе Мирового дерева с 7 ветвями, растущего у молочного озера. Иногда богиня принимала вид горного козла (олени на Гиндукуше не водятся). Он также иногда прячется в металлической крепости с четырьмя углами или в волшебной башне. Ее функции многообразны: она — богиня любви и деторождения, воительница, жрица богов, повелительница умерших. Ее образ позволяет нам выяснить и одну важную деталь оформления сарматских диадем. Как уже отмечалось, к диадеме из Хохлача крепились несколько фигурок Эротов; несколько их было и на исчезнувшей золотой диадеме из Мигулинской (Яценко 1986: 16) (в целом же богатейшие диадемы I—II вв. на соседних Дону и Кубани воспроизводят, видимо, символику богини и ее спутников). Вообще Эрот — популярное божество на вещах из сарматских могил (рис. 11: 4, 6) — на чаше из Садового, медальоне из Валового I, перстне из Соколовой Могилы и др.⁵. Эту популярность надо попробовать объяснить.

⁵ Еще один «варварский» регион, где со II—I вв. до н.э. образ Эрота становится популярным — юэчжийская Бактрия. В Тилля-тепе наш персонаж, подобно греческому Эроту и индийскому Каме, восседает на морском

Между тем, в свите Дизани имеются персонажи, во всех деталях похожие на Эротов (которых в античном искусстве нередко изображали группами) — 7 крылатых юных стрелков из лука — братьев Панеу с золотыми телами, (несущие, однако, не любовь, а смерть). Вполне возможно, что и сарматы имели представление о подобных божествах из свиты богини. Что касается кафирских Панеу как подателей смерти, то в осетинском эпосе сохранились глухие сведения о неких могущественных «детях» в свите богини в царстве мертвых (на Небесной равнине), от которых во многом зависит судьба попавшего туда (Нарты 1989: 159). Ср. представление о группе неких «детей», которых встречает умерший при попадании в иной мир (Гатиев 1876: 6). Имела ли богиня, бывшая прототипом эпической Ацирухс / Агунды изначально какие-либо военные функции, как ее кафирский аналог Дизани? Возможно. Нужно как-то объяснить популярность изделий с изображениями Афины на разных этапах сарматской истории (см., например: рис. 11: 3, 5). Наличие подобной скифской богини, скрывающейся под обликом греческой Афины, предполагала С.С. Бессонова (Бессонова 1975).

2а. Сидящая богиня, подъезжающий справа всадник на лошади + конский череп / жертвенный конь + Мировое дерево

Этот вариант иконографии данного божества (прорабатываемый в Северном Причерноморье при понятном влиянии элементов греческой иконографии) старше (с рубежа II—I вв. до н.э.); он более детализирован и нередко подан в реалистической манере. На них рядом с богиней в кресле — всадник, конский череп на колу (Мерджаны)⁶, или посвящаемая ей лошадь (для кочевников — весьма обычная жертва), которая без упряжи сама идет к ней («склеп Анфестерия»). Учитывая признанное сегодня центральноазиатское происхождение основных сарматских группировок, следует обратиться к материалам этого региона. Самый ранний образец такой сцены действительно видим около рубежа IV—III вв. до н.э. в горах российского Алтая: это местный войлочный ковер из кургана 5 в Пазырыке (рис. 3: 1). В отличие от более поздней греко-сарматских композиций, здесь у персонажей нет в руках сосудов, а богиня непосредственно держится за ствол Мирового дерева. Видимо, раннепарфянской была печать, случайно найденная в Туркмении, с единой сценой на обеих сторонах (Ремпель 1987: рис. 39: 2). На одной из них — богиня, сидящая вправо на табурете и опирающаяся на длинный жезл: слева — сухое Дерево с 7 ветвями (как в Мерджанах); на другой стороне видим всадника в позе приостановки, с расставленными руками.

В контактной зоне с культурой эллинов богиня с рубежа II—I вв. до н.э. представлена в полуварварских комплексах (только на территории Боспорского царства) в греческом духе — в драпированном покрывале замужней дамы, сидящей на троне особой формы анфас;

животном. Иногда у него нет крыльев; нередко он изображен парами (Sarianidi 1985: figs. 36, 85, 87). Для обширного «пантеона» Тилля-тепе «Эрот» — практически единственный проработанный персонаж, у которого все тело — чисто золотое, без полихромных вставок. Действительно, у однотипных божеств — юных крылатых лучников либо полностью золотое тело (кафирские Панеу), либо золотые крылья и волосы (греческий Эрот). Первоначально у ряда индоевропейских групп подобные божества играли более важную роль. Кама одним из первых вышел из сердца Брахмана, а некоторых греческих текстах Эрот держит ключи от мироздания или сам Зевс в его облике творил мир.

⁶ В алаано-осетинской традиции конский череп, насаженный на кол (как на ритоне из Мерджан: рис. 4: 2—3) считался очень могущественным оберегом для разных ситуаций (Магомедов 1974: 302) и может быть прямо не связан с этой богиней. В эпосе в подобном волшебном предмете, насаженном на палку, как в целой Вселенной, обитали целые группы людей; такой череп на палке помогает волшебным событиям в могиле и т.п. (Нарты 1989: 96, 442).

справа к ней подъезжает всадник, показанный в профиль⁷. На ранних изображениях (до начала I в. н.э.) у богини в руках обычно сосуд, а всадника он обязателен (это всегда ритон). При этом у кубанских сираков сцена с нею изображалась на парадной посуде.

На ритоне в кургане у с. Мержаны (Яценко 2000: 355—256; рис. 1, 2) (рис. 3: 2—3) богиня сидит перед Мировым деревом, между ней и приближающимся всадником вбит в землю кол с черепом коня. При этом живой конь почти упирается лбом в коня мертвого. В руках богиня держит т.н. круглотелый «кубок». Тем же временем датируется погрудное изображение богини с подлетающими к ее плечам птицами на парных фрако-сарматских фаларах из клада 1918 г. из Галиче (Яценко 2000: 255) (рис. 3: 5). В руках у всадника, как обычно, ритон, а на плече коня выделена каплевидная вставка (имитирующая вставки бирюзы в сарматском зверином силе); точно такую же видим на коне в «склепе Анфестерия»). Изображение двух хищных птиц по сторонам богини аналогично композиции на диадеме из Хохлача. На серебряном греко-сиракском канфаре рубежа н.э., найденном около 1872 г. у Екатеринодара (Краснодара) и хранящемся в Государственном музее Грузии (Яценко 1999: рис. 1) (рис. 3: 6—7) композиция сохранилась, увы, фрагментарно. Здесь ритоны держат оба персонажа.

В более позднем (начала I в. н.э.) погребальном «склепе Анфестерия» в Пантикапее / Керчи представлена сложная многофигурная сцена (рис. 3: 8), но ее ядром является все та же богиня на троне, а всадник ведет за собой двух коней (запасных для себя и «напарника», обычных в дальней дороге). Здесь богиня уже не держит круглотелый кубок, его вручает всаднику стоящий между персонажами мальчик; всадник держит не ритон, а небольшой *жезл*. На рис. 4: 8 эта длинная композиция вынужденно показана не полностью: она продолжается правее, за нишей: (Яценко 1995: 189—190). На другом, отдельном участке стены склепа два не оседланных коня стоят у Мирового древа; возможно, они прямо не связаны с основной сценой. В текстах алано-осетинского нарттовского эпоса есть упоминания о богине в золотом кресле, которая встречает героя (Сослана), попавшего в мир мертвых, также – о присутствующих при ней юных «спутниках» (Яценко 1995: 189—191).

3. Бог солнца

Солнце как важное божество неоднократно упоминается в алано-осетинском нарттовском эпосе, несмотря на давление христианства. Средневековым армянским поэтом Фриком упоминается «алан, что Солнце чтит». В ранних «Гатах» Авесты Солнцу посвящены гимны отдельно от Митры. В алано-осетинской традиции Солнце (культовый термин Хурзәрин —

⁷ Забавно выглядит злобная по тону или жестко-ироничная, на грани приличий, недавняя критика В.П. Яйленко предполагаемых варварских черт в греко-скифских и греко-сарматских композициях (Винокуров, Яйленко 2022: 117—127). Досталось (в нескольких словах) основным авторитетам — и «античникам» вроде С.Ю. Сапрыкина, и скифологам и сарматологам. Вмешательство критика в малознакомую сферу выглядит так же, как если бы я вдруг решил «всерьез покопаться» в любимой В.П. Яйленко античной эпиграфике. Соответственно, в характеристике фактов здесь сплошные «ляпы». Так, путаются два ковра из кургана 5 Пазырыка совершенно разного происхождения — ворсовый и войлочный (Яйленко 2022: 120); «ко II в. до н.э. и даже к сарматскому времени» (!); при этом ритон из Мерджан называется «диадемой» (Яйленко 2022: 121); «диадемой» же называются скифские бляшки с сидящей богиней и юношей (Яйленко 2022: 122); я, якобы (Яценко 1995), пишу о том, что Сослан отравляется в мир мертвых для женитьбы, тогда как я писал о помощи покойной жены (Яйленко 2022: 122); критик доказывает, что аналогии сцене из «склепа Анфестерия» не могут быть древними индоиранскими (Яйленко 2022: 123), тогда как я указываю на одну параллель у *современных* индоиранских кафиров и т.п. Особенно трогательно выглядит характеристика культовой греко-скифской сцены на рельефе из Трех Братьев (Яйленко 2022: 127): «на деле Трехбратний рельеф — проще и человечнее: покойная скифянка... прощается со своим конем, касаясь его морды». Рекомендовать продолжать это чтение коллегам я не стану.

Солнце золотое) тоже почитается отдельно от мужского персонажа, которого ряд исследователей считали воплощением Митры (см. ниже). У массагетов (*Saka Tighrauda*) Южного Казахстана Солнце было главным из богов (Her., II, 216).

Однако у сарматов это божество визуализировались только в период раннесарматской культуры (II—I вв. до н.э.) и обычно — путем получения иноземных изображений (рис. 4: 3—4). Очень показателен архаичный образ бога солнца (возможно — греко-сарматского производства) на фаларе из Балаклеи под Харьковом (рис. 4: 2). Здесь Солнце имеет на щеках татуировку в виде трех параллельных линий. Точно такая же татуировка представлена на щеках солнечного божества на золотом перстне из сакского кургана Иссык под Алматы IV—III вв. до н.э. (рис. 4: 1). См. подробнее аналогии в иранском мире (Yatsenko 2013: 100, fig. 5). Трудно сказать, где именно (скорее на Боспоре, чем в юэжйской Бактрии, т.к. речь идет о весьма редком в античном искусстве варианте сюжета) была изготовлена для фалара из Янчокрака (Запорожская обл.) варварская версия иконографии крылатого Аполлона в венке, с фиалой в руке и с подлетающей птицей (ряд археологов, не зная вариантов иконографии этого бога, объявляли этот персонаж женским и т.п.) (Яценко 2000: 261) (рис. 4: 3). Здесь фиала превратилась в солярную розетку, а в левой руке появился некий плод. В алано-осетинской мифологии крылатыми выступают «св. Георгий» / Уастырджи, иногда Ацирухс / Агунда (см. выше) и другие персонажи (у сарматов крылата и т.н. Змееногая богиня в Комарово: рис. 1: 3).

4. Бог войны (?)

Читателям хорошо известен бог войны у скифов и ранних аланов в виде древнего меча (кинжала) у скифов и у аланов середины III — середины IV вв. (Her., IV, 62; *Amm. Marc. Res gestae*, XXXII, 2, 23). Его современным аналогом у индоарийских по языку калашей Гиндукуша является бог Саджигор (Йеттмар 1986: 361—362). Предполагается, что антропоморфизация такого бога в религии скифов отсутствовала (Шауб 2007: 135). А как обстояло дело у разных объединений сарматов до середины III в. н.э.?

Мне кажется перспективным обращение к небольшой группе позднеантичных и раннесредневековых изображений, связанных с «поздними сарматами» рубежа II—III вв. н.э., а затем — с раннесредневековыми кавказскими аланами, на которых представлена на удивление устойчивая (в течение не менее семи веков) иконография некоего вооруженного всадника (рис. 5). С трактовкой этих изображений вышло немало интересных казусов. Первое такое изображение — известный рельеф из Танаиса в Государственном Эрмитаже, который во второй половине II в. предполагаемый царский наместник Танаиса Трифон посвятил некому неназванному божеству (рис. 5: 1). Само изображение исследователи без раздумий объявляют реалистическим портретом самого наместника, зачем-то надевшим тяжелый сарматский доспех и вооружившийся длинным копьем кочевого катафрактария. Другое близкое по времени изображение начала III в. сделано уже на Европейском Боспоре (в городке Илурат) и представляет собой граффити на штукатурке одного из зданий в центре (Шургая 1983: 98—99, рис. 4) (рис. 5: 2). Оно представлено публикатором как чистая импровизация, якобы сделанная «под влиянием минуты» военным местного гарнизона. Между тем, простое сравнение этих образов в двух сильно сарматизованных тогда городках Боспора свидетельствует о наличии весьма жесткого канона подобных изображений. В самом деле: несмотря на фрагментарность краев илуратского граффити, ясно, что лошадь скачет вправо с соединенными парами ног и в тот же момент бега, что мужчина одет в доспех, что он сходным образом держит обеими руками длинное копье катафрактария. Однако бытование нашей «реалистической зарисовки боспорского воина» в сармато-

аланском мире на этом отнюдь не кончается. Спустя более чем полтысячелетия, в VIII—X вв., такой же персонаж, но более схематично, с характерным изгибом левого локтя и т.п., изображен на скале у входа в аланский фамильный склеп у р. Гиляч, при том, что катафрактарии у аланов тогда не документированы (Минаева 1971: рис. 2: 3) (рис. 5, 3). Объявить эту сцену «импровизацией с натуры» уже никак не получится. Важно и то, что наш герой всегда изображен в одиночестве, без намека на какие-то окружающие объекты. Нетрудно убедиться, что описанный персонаж не связан с т.н. «культом всадника на Боспоре», в частности — со скачущим охотником с коротким копьем (в ряде случаях определенно показано, что он охотится на зайца).

Х. фон Галль (фон Галль 1997) верит в то, что перед нами — иконографическая схема, зародившаяся в древнем Иране. Но вот беда: в самом Иране похожие изображения (добавлю — не какого-нибудь наместника городка или офицера провинциального гарнизона, а только богоподобного «царя царей Ирана и не-Ирана») известны лишь после прихода к власти в 224 г. н.э. Сасанидской династии (более ранние изображения он предполагает, но ни одного подобного примера привести не может). На деле же в варваризованных городах Боспора такой «катафрактарий» появился раньше, во второй половине II в., а к моменту воцарения Сасанидов в далекой южной стране имел уже вполне сложившуюся иконографическую схему (см. Илурат).

5. Богиня с лошадьми

Эта богиня визуализирована в разные периоды истории сарматов, что само по себе показательно. За одним исключением, ее изображения найдены в контактных зонах с оседлым населением поздних скифов и меотов, и, видимо, сделаны на заказ их мастерами. Все такие образы трактованы весьма примитивно, «в варварском духе» (рис. 3). Лошади при этом показаны парой и (за одним исключением) без упряжи. Большинство сарматских образов богинь с лошадьми — ранние и связаны с I в. до н.э. — началом I в. н.э.

Пожалуй, самым интересным из них является ее изображение на зеркале из Майеровского III (курган 4, принадлежавший знатной даме: Скрипкин 2013: 103) в Заволжье (Николаевский район Волгоградской обл.), то есть максимально далеко от оседлых ремесленных центров (Железный век 2020: 547, кат. 185.6; Яценко 2022) (рис. 6: 1). Основа зеркала — античной работы, но оно имеет сарматскую деревянную ручку, плакированную золотой фольгой (кое-где — в два слоя). Эта «туземная» рукоять имеет по верхним углам небольшие накладки, сделанные, похоже, более реалистически другим мастером. На ней видим головки лошадей, закрывающие собой первоначальный декор краев. Фигура богини передана неумело. Голова круглая, на ней кружками и горизонтальной линией переданы глаза и рот (нос и уши изображать мастер не стал). Прическа короткая, плотная и, возможно, удлинялась сзади. Туловище и нижняя часть одежды обозначены двумя большими треугольниками. Руки, похоже, согнуты в локтях и подняты в молитвенной позе (они превратились в закругленные крючки, а локти оказались ниже таза). Тело дано анфас, а ступни ног показаны в профиль, демонстрируя туфли, заправленные в неширокие штаны). В костюме, помимо двухвитковой гривны, мастер выделил сложно завязанный пояс (?), глубокий вырез одежды на груди, отрезной подол платья с сетчатым узором ткани и нечто вроде оплечья-пелерины. Первая и последняя детали для изображений сарматского костюма уникальны. Рукава, вероятно, распущены для молитвы и много длиннее руки: это ложные рукава, т.к. они сильно сужаются к краям. Вообще детали костюма здесь подчеркнуты, т.к. они были значимы для заказчика. Длина подола до щиколоток, вертикальный разрез ворота и

рукава длиннее руки известны у сарматов именно у женщин (ср. Яценко 2006: 142—144), так что перед нами богиня. В ее облике нет фантастических черт. Но при этом ее фигура заключена в сплошную прямоугольную рамку, которая напоминает специальный домик или шатер для ее статуи (похожее видим в языческой вышивке древних соседей сарматов — финских и славянских народов (ср.: Фалеева 1973: 123; рис. 1; Сурво 2014: фото 113). Подобный «киот» в I н.э. мы наблюдаем у сидящего бога сосудом в руках на гривне из Кобяково (рис. 8: 3).

Богиню сопровождают две пары животных. Прежде всего, это две протомы неоседланных и без упряжи лошадей по бокам, которые напоминают своеобразный зооморфный трон, как у более ранней скифской богини — Хозяйки зверей (нередко — с поднятыми вверх в молитве руками, иногда - крылатой) в поздней греко-скифской торевтике (Бессонова 1983: рис. 12, 16). Верхние части тела лошадей двухсоставные. Вначале мастер наметил лишь орнаментированные, очень длинные шеи и, видимо, примитивные головы (они затем были закрыты от зрителя). На поздних накладных головах акцентированы три детали: длинное ухо, крупные глаз и ноздря, а рот и грива не обозначены. Логично предполагать, что с богиней изображены необычные кони (см. ниже). Собственно она представлена именно с лошадьми; драконы вынесены в отдельный, нижний ярус, и имеют к ней косвенное отношение. Геральдические драконы снабжены двумя рогами и маленькими заостренными ушами; их пасти широко открыты навстречу, туловище сужается в центре; у них нет ни хвоста, ни крыльев. Нижние лапы их трактованы в манере, характерной для синхронных серебряных блях упряжи из юэчжийской Бактрии со свернувшимся в кольцо грифоном. Фигуры вписаны в соляный крест. Такая пара геральдических драконов связана с восточной частью Центральной Азии и, вероятно, была модификацией подобных драконов, разделенных Мировым деревом (или его схематичной версией — трилистным побегом) на золотых изделиях из Сибирской Коллекции (Руденко 1962: табл. II: 2, 8, IX: 6—8). Учитывая проникновение в европейскую Степь к концу II в. до н.э. групп восточных мигрантов, принесших инновации, связанные с Китаем, монгольскими сюнну, пост-тагарцами Хакассии и др., вспомним о том, что в китайской мифологии, начиная с эпохи Хань, лошадь образует прочную связку с образом «дракона» — лун (龍).

На рубеже н.э. золотая брошь в этой богиней и протомами двух лошадей известна в Закубанье, во впускном погребении Курджипса (рис. 6: 3). Богиня здесь имеет две коротких косы, а на «постаменте» изображен ряд стилизованных растительных побегов. Кони здесь уже с уздечками. Оба описанных выше артефакта связаны с женской субкультурой.

В сарматских общинах Крыма, начиная со II—I вв. до н.э., мы встречаем другой иконографический вариант богини на атрибутах, обнаруженный также и в мужских комплексах. Особенность этих изображений — богиню окружают именно *крылатые* кони (Яценко 2014: 44, 46; рис. 5: 1—2, 8) (рис. 6: 2, 4—5)⁸. Ранний пример этой сцены видим на железной мужской пряжке из кургана у с. Чистенькое (рис. 3: 2). Ранее я был склонен считать это божество мужским из-за довольно короткой одежды (довольно обычной и у женщин—кочевниц). Стоящая богиня имеет стилизованные крылья (как у скифской Хозяйки зверей), поднятые в молитве вверх руки (как у тех же скифов и на зеркале из Майеровского);

⁸ Позже, в алано-осетинской мифологии крылатые кони «авсург» из небесного табуна «св. Георгия» (Уастырджи) используются божествами, а иногда их ловит умерший на небесном лугу Курыс. Речь идет о «крылатых конях, которые летают между небом и землей», «крылатых жеребцах» (Дзицойты 2017: 141, 159). Уже в 126 г. до н.э. первый китайский посланец на запад Чжан Цянь познакомился в Ферганской долине с самой дорогой в Центральной Азии породой лошадей — «небесными конями, потеющими кровью»; они, якобы, могли поднимать хозяина на небо и помогали ему достичь бессмертия. По более поздним местным легендам, у таких лошадей крылья отрастают по ночам, и они могут облететь с хозяином весь мир.

его окружают два крылатых коня (как на гораздо более поздних изображениях Крыма). Однако у крылатых коней есть две специфических детали: спирально закрученный хвост (как у собак), и то, что они преклоняют перед богиней правое колено. Для мужских «Хозяев зверей» в иранском и иранизованном мире такая иконография неизвестна⁹.

В росписи позднесарматского (середина II — середина III вв.) скального склепа 1 в позднейшем Неаполе Скифском (уже переставшим быть городом и превратившимся в неукрепленное поселение, населенное аланами, связанными с Боспором: Зайцев 2003: 39) у богини подчеркнуто длинное и довольно широкое платье, голову окружает сияние, а руки широко расставлены в сторону поднявшихся на дыбы «пегасов» (рис. 6: 4). Симметричная фигура правого коня, увы, почти не сохранилась и реконструирована мною. На синхронном штемпеле для ритуальных лепешек из сарматизованного боспорского Илурата (Шауб 2007: 116—117; рис. 25) (рис. 6: 5) видим те же сияние вокруг головы богини¹⁰, длинное платье и простертые горизонтально в стороны руки. Однако здесь кони много ниже ее ростом и спокойно стоят, а в руках она держит прорастающие побеги (или ее кисти становятся таковыми; ср. растительные побеги в Курджипсе). Эта разница в иконографии объясняется, вероятно, разными по характеру ритуалами, которые отражают данные сцены. В первом случае это погребальный склеп с плохо сохранившимися росписями, а во втором — это явная символика земного плодородия.

В юэчжийском княжеском могильнике Тилля-тепе середины I в. н.э. в южной Бактрии у главной по статусу жены из могилы 3¹¹ на головном уборе мы видим спереди взаимодополняющие золотые подвески (рис. 7: 4). На верхнему краю убора, видимо, нашиты 4 медальона с погрудным изображением уже знакомой нам простоволосой богини анфас с шейной гривной и подчеркнутым вертикальным разрезом платья; ниже крепились височные подвески с парой геральдических лошадиных протом и стилизованная коновязь (?) между ними (Sarianidi 1986: 91, Cat. 3.15, 93, Cat. 3.50; Яценко 2006: 175; рис. 118). Подобно сарматской богине в Илурате и Курджипсе, этот персонаж ассоциировался и с растительностью (к ее изображению подвешены стилизованные листья винограда).

Итак, изображения богини, связанной с лошадьми, на зеркале из Майеровского и пряжке из Чистенького являются самыми ранними «варварскими» образцами иконографии нашего персонажа (рис. 6: 1—2). На обоих этих изделиях мы видим ее стоящей анфас и молящейся неким другим божествам с воздетыми вверх руками (это могло соответствовать устным, фольклорным ее описаниям). Интересно также, что самое детализованное изображение ее на представлено зеркале (волшебное зеркало в осетинском нартовском эпосе — один из главных атрибутов таких женских персонажей божественного происхождения, как Сатана и Ацирухс / Агунда). В целом эти ранние варианты иконографии богини заметно отличаются. Если изделие из Чистенького еще в какой-то мере связано с позднескифскими соседями (крылья у Хозяйки зверей и ее воздетые вверх руки) и является одной из отправных точек более позднего тиражирования в Крыму изображений этого персонажа с крылатыми конями, то мастер, создававший ручку зеркала из Майеровского, шел иным путем. Здесь облик богини максимально детализирован (в первом случае внимание уделено, прежде всего, фигурам стоящих по сторонам крылатых коней). Этот предмет, найденный к востоку от

⁹ Мужской персонаж, держащий за повод двух стоящих по бокам его коней (Хозяин коней), известен в петроглифах Оглахты скифского времени на среднем Енисее (Шер 1993, рис. 120). В его облике подчеркнут лишь островерхий головной убор.

¹⁰ Это сияние — частный случай сияния всего тела многих женских персонажей божественного происхождения в алано-осетинском эпосе, которое имеет общеиранские корни (ср. Дзицойты 2017: 7—72).

¹¹ Здесь 6 погребений молодых женщин кольцом окружали могилу их умершего мужа, одно из них (№ 7) затем разграблено афганскими солдатами.

Волги, демонстрирует влияние центральноазиатских образцов (пара геральдических драконов в «свите» богини и юэчжийско-бактрийское оформление нижних лап последних).

Как же обстоит дело у алано-осетин? Еще у средневековых аланов похожая богиня, держащая в руках сосудик и связанная с конем, т.к. изображена на парадном конском налобнике) представлена в некрополе у ст. Змейская (рис. 7: 5). Еще недавно типологически сходная богиня изображалась иногда с двумя конями на осетинской традиционной вышивке (Андиев, Андиева 1960: 102, рис. 3). В нарттовском осетинском эпосе обратим внимание на образ водной богини *Дзерассы*, прародительницы народа нарттов (аланов), тесно связанной также с загробным миром. Напомню, что именно она рождает в погребальном склепе первого на земле коня Чесана (Уаддыма / Арфана / Дур-Дура) (см., например: Нарты 1989: 11, 19, 24). Она имеет некоторое отношение к волшебному золотому Древу нарттов (правда, она лишь в виде птицы (как и две ее сестры) похищает его плоды: Нарты 1989: 7—8). «Биография» Дзерассы по основным ее «деяниям» очень сходна со *скифской Змееногой богиней* (Нер., IV, 5—7) (см. ниже, 5а): обе — водные божества, частично обитают под землей (в пещере, склепе), являются прародительницами могущественного народа, их основное упоминание связано с лошадьми. Добавлю, что сюжет с Дзерассой под конец связан с богом-всадником — (св. Георгий / Уастырджи).

Любопытной аналогией могущественной богине с лошадьми является богиня плодородия Джестак у индо-арийских (дардских) калашей, подчас выступающая как прародительница богов. Ее основным воплощением и символом была лошадь; подчас она представлялась и в образе Мирового древа (Йеттмар 1986: 369—370). Имена Дзерассы и калашской Джестак не случайно созвучны, имея, видимо, общий древний прототип. Замечу, что в поздних алано-осетинских представлениях с лошадьми тесно связаны, как минимум, и три иных божества — «св. Георгий» / Уастырджи, Фалвара (покровитель домашних животных) и отчасти — Ацирухс.

Интересен в нашем контексте и ряд изображений *геральдической пары лошадей*, которые, вероятно, также связаны с поклонением этой богине (Яценко 2015: прим. 104). О паре неоседланных лошадей у Мирового древа в стороне от основной композиции в «склепе Анфестерия» уже говорилось. Изоморфом Мирового древа в подобных случаях, как принято считать, служит коновязь, как осевая точка отсчета. Пара лошадей, привязанных к коновязи, неоднократно изображены в петроглифах еще поздней бронзы на горе Тепсей на среднем Енисее (Шер 1980, рис. 72, 124). У осетин подобная композиция недавно воспроизводилась в вышивке (Андиев, Андиева 1960: 102). У сарматов эта схема в раннее время, похоже, усеченно представлена на некоторых женских костяных гребнях в виде протом лошадей (Мошкова 1963, табл. 26, 14—17) (рис. 7: 1). В позднесарматское время она воплощена в бывшем Неаполе Скифском на восточной стене скального склепа 9 (Яценко 2022: 213—214; рис. 3) (рис. 7: 3). Ниши в этой стене, видимо, схематично воспроизводят облик неких культовых построек. Коньки их крыш венчаются парой голов лошадей, обращенных то друг к другу, то в противоположные стороны. Вспомним, что у калашей Гиндукуша еще недавно все культовые постройки-dur, размещенные под открытым небом, венчались доской с двумя головами лошадей (Йеттмар 1986: 381), в отличие от бытовых. В осетинском искусстве тоже сохранилось вполне наглядное воспоминание о таких постройках (Калоев 1973: табл. 98: 1, 99: 1). Показательна также композиция в виде пары симметрично размещенных лошадей в составе почитаемого объекта с серией клановых сарматских тамг II—III вв. н.э. на каменной плите бывшего греческого надгробия из Керчи (Соломоник 1959: 99, № 44). Интересны и неоднократные находки сарматских гривен и браслетов на широкой территории от Кубани

до Днестра с геральдическими протомами лошадей (Пороги; Запорожской курган; Петрики; Армавир, курган 1; Ладожская, курган 26) (Засецкая 2011: 108—111) (рис. 7: 2).

5а. Змееногая богиня

Функционально это, видимо, то же божество, связанное с Нижним миром (ср. выше: драконы; изображение в погребальных склепах и т.п.) и с лошадьми. Однако речь идет о другом варианте ее визуализации, более раннем. Впервые мы видим изображения Змееногой богини у скифов после середины IV в. до н.э.; их основа заимствована, по И.Ю. Шаубу, из образа Медузы в позднеархаической Ионии (Yatsenko 2012: 67—68). При этом в античных памятниках Северного Причерноморья мы почти всегда встречаем не собственно Змееногую богиню, а т.н. «прорастающую деву»¹². Она у скифов связана именно с лошадьми (конские налобники из Цымбалки и Толстой Могилы), а ее версию с отрубленной головой в руках видим на нашивных бляшках «княжеской» одежды (Куль-Оба).

В сарматском мире, в отличие от скифского, мы встречаем Змееногую богиню *только в погребальном контексте*. Вероятно, эта традиция наметилась ранее в греческих Боспоре и Херсонесе, где ее стали помещать на саркофагах (Бессонова 1983: рис. 22: 1, 3). Самая древняя подобная находка I в. н.э. сделана в могиле богатой сарматки в Комарово (Осетия) (рис. 1: 3). Скорее всего, к сарматам Предкавказья этот образ проник от западных соседей-меотов, у которых он еще в IV в. до н.э. встречался именно и только на золотых бляшках (аппликациях деревянных сосудов и одежды) в Елизаветинской Ивановской, Усть-Лабинской) (Яценко 2000: 255). В Комарово образ богини схематичен, а греко-скифский прототип заметно переосмыслен: руки стали крыльями, в скифский / греческий головной убор — калаф превратился в небольшой сосудик, который она держит над головой. Такие бляшки, как считают археологи, украшали погребальный покров женщины; в комплекте с ними есть серия разных голов, что вызывает ассоциацию с головой, которую она держит в руках на скифских бляшках же (ср. Гиджарти, Наглер 1985: 173). Другая находка относится уже к позднесарматскому времени. Богиня многократно представлена в крупном размере в росписи одного и того же сармато-аланского погребального склепа I рубежа II—III вв. н.э. в Восточном некрополе бывшей столицы крымских скифов Неаполя, после вторжения середины II в. н.э. переставшего быть городом. К сожалению, крупные фигуры нескольких змееногих богинь сохранились на стенах склепа фрагментарно (рис. 4: 5—6), так что мы можем их воссоздать лишь по совокупности таких фрагментов (рис. 1: 4). Увы, качественные прорисовки изображений этого склепа были сделаны в 1946 г. чертежником П.Н. Шульца детально лишь для отдельных, лучше сохранившихся, участков (Попова 1987: рис. 2—4): все остальное было передано весьма схематично. На длинной западной стене (6,2 м) и короткой южной были нарисованы по четыре таких богини (маркируя, видимо, разные стороны света), на короткой северной — одна (Попова 1987: рис. 1). Для нас важно, что фигуры богини — самые крупные в общей композиции, и практически во всех ясных случаях рядом с нею изображен некий мужской персонаж с сиянием вокруг головы. На западной стене его фигура касается живота богини или же он изображен перед ее правой рукой. На южной стене этот персонаж держит в

¹² Меня не убеждает цепочка рассуждений по поводу Змееногой богини у Е.А. Савостиной (Савостина 1996: 77): (1) происхождение скифов от нее упомянуто именно в той версии скифской генеалогии, которую Д.С. Раевский условно назвал «греческой». (2) Так передают легенду о происхождении скифов причерноморские греки, а не скифы. (3) Следовательно, это не настоящая скифская версия и т.п. Нетрудно догадаться, что при этом игнорируются алаано-осетинские параллели «греческой версии», связанные с Дзерассой.

руках некий довольно длинный и тонкий предмет, напоминающий жезл или плеть. К этому мужскому персонажу мы еще вернемся.

Показательно, что оба варианта сарматской иконографии «богини с лошадьми» (рис. 1: 4, 6: 4) встречены синхронно в росписи одного и того же упомянутого сарматского погребального склепа 1 в бывшем Неаполе Скифском. Как уже отмечалось, в одном из соседних синхронных склепов № 9 встречены и сопровождающие нашего персонажа парные головки лошадей как основная деталь неких небольших построек (см, например: рис. 7: 3).

После официальной христианизации Алании около 920 г. этот образ не исчез из алано-осетинского искусства, дожив почти до наших дней (Яценко 2000: 255). Он сохранялся на отдельных осетинских поминальных каменных стелах — цыртах, наиболее реалистично — в сел. Даргавс, Брут и Ольгинское (Андиев, Андиева 1960: 225—226, 232). Руки у богини расставлены или молитвенно сложены на груди, выделены косы; в одном случае она предстает как роженица. В руках ее могут быть также два каких-то небольших предмета.

6. Мужской персонаж с сосудом в руках, сидящий, скрестив ноги

Этот персонаж — очень древний и явно связан уже с ранними иранцами. Древнейшей его иконографией в Центральной Азии и в Иране является сидящий «по-турецки» или в позе «полулотоса» мужчина без оружия, держащий перед собой в вытянутой правой руке чашу (иконографическая схема 1) (рис. 8: 10, 12). В одном случае из его плеч прорастают побеги, но эта находка сделана не в иранской области, а в тохароязычном тогда Турфане (рис. 8: 11) (Яценко 2011: 55—56; рис. 3: 4). Самое раннее такое изображение датируется IX в. до н.э. и представлено на золотой чаше из Хасанлу, где, наряду с древними хурритскими божествами, похоже, представлены и единичные иранские (рис. 8: 12). Здесь персонаж сидит под столиком для жертвоприношений. Более поздний персонаж представлен на сакской бронзовой «курильнице» из Исыкского клада «ритуальных бронз», найденном в Семиречье, под Алма-Атой, в 1953 г. Ему была посвящена моя специальная статья (Яценко 2011: 48—50; идентификация — 62—64; рис. 1: 3). В стороне от него стоит конь, в уздечке, но не оседланный.

Сегодня мое первоначальное сопоставление этого персонажа с иранским Митрой не кажется мне убедительным. Оно основывалось на перечне антропоморфных мужских персонажей саков Семиречья и скудных сведениях античных авторов о сакских божествах, а также на том, что иранский Митра — бог всадник, хозяин волшебных коней и т.п. (реально же с конем ассоциировалось, как мы уже видели, несколько разных божеств древних иранцев и, в частности — сарматов). Однако такая трактовка не объясняет главное, тщательно акцентируемое в иконографии данного персонажа — чашу в руках (или одной руке) и саму сидящую позу бога¹³. В образе Митры обе эти детали никоим образом не подчеркивались. В случае с «Митрой» крайне смущает и то, что во всех случаях, когда этот образ найден в погребениях (только у сарматов среднесарматской культуры I — начала II вв., у которых найдено и подавляющее большинство его изображений), он связан только с явно женскими могилами и представлен на женских аксессуарах костюма (Кобяково, Алитуб), косметических атрибутах (навершие для «бактрийского» зеркала в Соколовой Могиле) или на таком женском атрибуте, как миниатюрный котелок с фигурной композицией с р. Кальмиус (по вполне убедительному мнению М.А. Очир-Горяевой, бывшем деталью сарматского самогонного аппарата, судя по эпической традиции — для медового самогона

¹³ Собственно поза сидения при этом на деле весьма разная. В сакском Исыке бог еще сидит строго в сложном «полулотосе»; в сарматских Кобяково и Соколовой Могиле он уже лишь немного скрестил ноги; в Алитубе он сидит, поджав ноги назад, а в Фанагории сидит, соединив вместе ступни ног.

типа *gong*; ср. Очир-Горяева 2004). В единичном случае (на сарматской золотой гривне в Кобяково) этот персонаж имеет меч, но не касается его, и он не является здесь определяющей деталью (рис. 8: 2).

Все сказанное заставляет меня искать «хозяина» данного образа среди других важнейших мужских божеств степных иранцев. Есть много оснований полагать, что пантеон кочевых сарматов заметно отличался от древнеперсидского (так, в нем нет места Ахура-Мазде; персидская богиня воды Анахита была заимствована с соответствующей иконографией на Ближнем Востоке лишь под конец ахеменидского правления; божество, аналогичное по причудливым инкарнациям Веретрагне, не упоминает для кочевников ни один древний автор и т.п.; нет в нем места и хозяйке домашнего очага, очень значимой для скифов и алано-осетин и т.п.). Несмотря на древность этого образа в северном, прикаспийском Иране и у саков Семиречья, он везде, кроме сарматов, единичен, и мы ни разу не встречаем ни в древних, ни в поздних фольклорных текстах описания подобного бога. Как разрешить эту загадку?

Прежде всего, я хотел бы обратить внимание на такого важнейшего в алано-осетинском (но не в скифском) язычестве бога, как хозяин морей, после христианизации известный как «водный св. Петр» — Донбеттыр. Однако для рек продолжал существовать особый бог *Гѣтѣг*, и этот образ, вероятно, более архаичен (см., например: Чибиров 2008: 89—90). Это подтверждается и ситуацией для скифов: у Геродота мы находим упоминание лишь о боге главной скифской реки (Днепра) и его дочери (ставшей прародительницей скифов). В осетинских верованиях Гатаг волосат и подчас предстает в облике рыбы. Подобно тому, как, как греческие авторы упоминают для скифов только бога р. Днепр, у сарматов Дона (центра сарматского мира и территории с наиболее плодородными пастбищами в европейской Степи), как и у боспорцев, живших в наиболее далеком и варваризованном г. Танаис, можно обоснованно предполагать особый праздник в честь божества этой реки. Сегодня эта версия получила разностороннее подтверждение (см., например: Диатроптов 1993: 48). Этот праздник справлялся еще в эллинистическое время и связан происхождением с кочевым миром; он не был праздником в честь эпонима города, т.к. официально последний, видимо, назывался Эмпорий (Иванчик 2008: 63—67). Действительно, хотя алано-осетины сохраняли представления о морях даже спустя века после того, как они были отрезаны от них, реально во время праздника в его честь (Доныскъѣфэн) вскоре после Нового года они поклонялись его дочерям — богиням отдельных рек (доны чызджитѣ). Образ водного бога (как и его дочерей) связан с важнейшими этногенетическими легендами о происхождении нарттов. Ряд сказителей считали, что нартты появились из глубин вод (Нарты 1989: 11).

Нетрудно заметить, что форма сосуда в руках у нашего бога буквально каждый раз (начиная с ранних образцов вне Европы) разная: это высокий узкий кубок (Хасанлу), низенькая цилиндрическая чашка (Иссык), пиала (Алитуб), цилиндрическая чаша, сужающаяся кверху (Кобяково), ритон (Соколова Могила)¹⁴. В целом *сосуд с некой жидкостью* — важнейший атрибут этого бога. Рассмотрим наиболее многофигурные композиции, богатые деталями: быть может, они помогут нам идентифицировать данного персонажа. На гривне из Кобяково (рис. 8: 2—3) бог сидит внутри своеобразного киота (ср.

¹⁴ Единственный случай, когда этот варварский персонаж представлен на боспорском надгробии (при этом — в необычной позиции, миниатюрной фигуркой, сидящей на небольшом отдельном постаменте сбоку и в особой, далеко от античных традиций позе (аналогичную видим у т.н. «братающихся» скифов на бляшках из Бердянска: Yatsenko 2012: fig. 2: 2) — одно из надгробий курганного некрополя Фанагории первой половины I в. н.э. Публикатор считала этого персонажа, вопреки всем названным деталям, классическим «изображением греческого Пана» (Кобылина 1973: 176; рис 6; ср. Яценко 2011: 60—61).

выше богиню на зеркале из Майеровского: рис. 6: 1) и на небольшом прямоугольном коврике на одно лицо. Это явно *пожилой мужчина с окладистой бородой и приметными усами* (то же относится и к синхронной Соколовой Могили и к самому раннему изображению нашей серии в Хасанлу). Далее, это явно властительный персонаж, сопровождающийся подчиненными / поклоняющимися ему существами. Сбоку в Кобяково видим однотипную сцену усмирения тремя барано-людьми с помощью дубинок «дракона», совершенно, однако, не совпадающего по облику с китайским «лун». Еще сложнее композиция на котелке высотой 26 см с р. Кальмиус, из разграбленной в 1896 г. могилы (фон Штерн 1911) (рис. 8: 6—7). Ее центром является крышка (диаметр 3,2 см). Здесь главному сидящему персонажу подносит чашу другой (преклонивший правое колено). Первый сидит, немного скрестив ноги и слегка опираясь на опущенные вниз руки. Ниже, в устье котелка — голова быка, на ручке — фигурка оленя; на тулове видим симметрично двух орлов, клюющих крупных рыб. В целом указаний на функции божества пока маловато. И все же я склоняюсь к выводу, что речь идет о таком очень значимом в алано-осетинской традиции персонаже, как водный бог. Его визуализация в контексте сармато-аланской мифологии оказалась весьма важной и отражена в сравнительно большой серии изображений. На котелке с Кальмиуса, например, ничто из изображенного не препятствует, кажется, такой трактовке: мы знаем в алано-осетинском эпосе быков, выходящих из моря (Нарты 1989: 222); дочерей Донбеттыра, принимающих на суше подчас облик оленя (Нарты 1989: 27); понятны и фигурки крупных рыб.

7. Бог — Хозяин животных со звериными ушами

Самые ранние подобные изображения в кочевом мире связаны с Центральной Азией. Речь идет о петроглифах саков Семиречья (Марьяшев 1979: 225, рис. 14) и ранних номадов Внутренней Монголии (Gai Shanlin 1986: fig. 117). Здесь он выступает как всадник верхом на олене, подобно алано-осетинскому богу диких животных Афсати, и такая иконография, видимо, была древнейшей. Таким же он много позже представлен на пряслице I—II вв. из скифо-сарматского некрополя Заветное в Юго-Западном Крыму (рис. 9: 10)¹⁵. Другой вариант изображен в пост-пазырыкском комплексе II—I вв. до н.э. в кургане Уландрыка III в Горном Алтае, где личину такого божества (не только с ушами животного, но и со стилизованными рогами) видим у ног оленя (рис. 9: 6). На одном из ранних в Сарматии изображений — на миниатюрной сережке из Калмыкии рубежа н.э. у бога выделены, прежде всего, огромные звериные уши (рис. 9: 8). У «поздних сарматов» рубежа II—III вв. в кургане 1983 г. в Ростове-на-Дону личину божества, видимо, окружали два крылатых фантастических копытных (рис. 9: 5). На другом позднесарматском изделии рубежа II—III вв. (навершие парадного меча из Лебедевки) (рис. 9: 7) видим только саму личину с богатой растительностью: сложной прической, с окладистой бородой, витыми усами, нахмуренными бровями и оскаленным ртом. Наконец, личина этого божества стала основой сложной композиции с 50 тамгами от рубежа н.э. до начала III в. н.э. на своеобразной стеле-святилище, найденной на Западной Украине, у г. Кривой Рог (рис. 9: 3). Во II в. н.э. в довольно тесно связанном с сарматами Хорезме, в культовом Высоком дворце Топрак-калы встречаем очень интересную рельефную раскрашенную композицию на стене т.н. «Зала танцующих масок»: там многократно повторяется нишах сходная сцена: мужской персонаж с длинной окладистой черной бородой и с ушами животного кружится в весьма зажигательном

¹⁵ Замечу, что исследовательница некрополя Н.А. Богданова в последние годы жизни склонялась к трактовке этого памятника в целом как преимущественно сарматского.

танце с богато одетой дамой (рис. 9: 10). Как видим, у сарматов изображения данного персонажа представлено и на атрибутах из женских могил — сережках, пряслице веретена. Сложные композиции с ним (включающие несколько животных) известны только на границе с греческими государствами (Ростов-на-Дону, Заветное). У персонажей из Ростова-на-Дону и соседней Калмыкии видим выделенный шаровидный верх головного убора (?).

Идентификация данного персонажа не вызывает особых сомнений. Речь идет о знаменитом алаано-осетинском боге диких животных (а вначале, вероятно и домашних) Афсати (Яценко 1992: 65, рис. 1: 1—3), тесно связанном, прежде всего, с оленями. У осетин изредка встречались на праздниках (видимо — под влиянием кавказских соседей: см. ниже) маски старика с рогами оленя (Уарзиати 1987: вкладка). Одни ученые считают осетинский образ Афсати индоевропейским, связанным с иранским миром (Гуриев 1991: 15—17); другие относили его к кавказскому субстрату в алаано-осетинской культуре (Абаев 1990а: 112). Кто из них прав? Прежде всего, заметим, что древнейшее собственно кавказское изображение Хозяина животных обнаружено в 2007 г. на меотском псалии с Тамани (Шауб, Яценко 2022: рис. 1—3) (рис. 9: 1). Здесь персонаж не только имеет уши копытного, но и ноги—змеи, рога оленя с 6 отростками и крылья¹⁶. Позднейшим осетинам, как и ряду их кавказских соседей, свойственны представления об одноглазости Афсати, о наличии у него могучих оленьих рогов (вроде представленных на таманском псалии), о том, что сам он нередко имел вид оленя (Плаева 2017: 189—190, 198). Однако в более древнем сарматском иконографическом материале мы не найдем ничего подобного; напротив, наш персонаж лишен рогов, он обладает нормальной парой глаз (как и скифов) и имеет антропоморфный облик. Поэтому многие его черты у осетин стоит объяснить сравнительно поздним влиянием кавказских соседей. Связан ли древнейший образ сармато-аланского Хозяина животных с ушами копытного с иранским и иранизированным миром ранних кочевников? Безусловно, т.к. его ранние изображения датируются скифо-сакским временем (петроглифы Семиречья и Внутренней Монголии). Ко II—I вв. до н.э. относится и единственное изображение его рогатым в постпазырыкском Уландрыке. Итак, самые ранние образы прото-Афсати, соответствующие многим алаано-осетинским представлениям (и без неизвестных на «этнографическом» Кавказе греко-скифских змеиных хвостов, крыльев и т.п.) до рубежа н.э. представлены именно в мире кочевников Центральной Азии. Можно вполне обоснованно полагать, что с образом прото-Афсати в его сарматской версии ассоциировался греческий лесной демон со звериными ушами Силен, который довольно часто представлен на импортных римских изделиях из сарматских могил (таз из 3-го Соколовского кургана, чаша из Садового, ойнохойя из Соколовой Могилы и др.). То же самое с оговорками можно предполагать и для популярных греко-римских амулетов с изображением египетского Бэса (рис. 11: 2).

7а. Бог — хозяин животных с барсом

Особый вариант иконографии Хозяина животных известен только в среднесарматской культуре (I — середина II вв.). Более того, он связан только с мужской воинской субкультурой и представлен лишь на массивных золотых полихромных (в сарматском зверином стиле) пряжках поясов (рис. 9: 2, 9). Он либо восседает на барсе (Пороги), либо только седлает его (Кочковатка). Восседая, он при этом держит за заднюю ногу двух грифонов, терзающих

¹⁶ Собственно скифский Хозяин зверей представлен на горите из Соболевой Могилы. Его облик очень экзотичен (крылатый получеловек — полупетух, опирающийся на двух драконов). Образ человека—петуха попал к скифам из Центральной Азии, видимо — из древней Маргианы (Яценко 2020: 377).

лошадь. Для этого персонажа характерен тщательно подчеркнутый декор одежды, особая прическа с узлом на макушке и горизонтальные усы. В его лице есть монголоидные черты. Однако бесполезно искать его прототип в культурах Центральной Азии. Перед нами, несомненно, сарматское переосмысление известных в античном мире композиций, прежде всего, образа Диониса верхом на барсе (пантере), которые бытовали в сарматской культуре уже к началу I в. до н.э. (фалары упряжи из Северского кургана и Таганрогского клада; в последнем случае мы видим на упряжи и протому лошади) (рис. 11: 5). Добавим сюда вполне «греческий» по своим элементам образ грифона. Дальнейшего развития у сарматов и кавказских аланов эта причудливая иконография не получила.

8. Бог, сопровождающий Змееногую богиню в склепе

Такого персонажа мне уже доводилось упоминать в «компании» Змееногой богини в знаменитом склепе 1 заселенного сарматами бывшего «Неаполя Скифского» (см. сюжет 5а) (рис. 4: 5—6). Как уже отмечалось, мужской персонаж с сиянием вокруг головы представлен рядом со Змееногой богиней в этом в склепе во всех случаях, когда изображение сохранилось четко. Иногда это «сопровождение» выглядит весьма интимно. Так, на основной западной стене его фигура касается живота богини; он изображен там и перед ее правой рукой. Важен атрибут в его руках: на южной стене такой персонаж держит в руках довольно длинный и тонкий предмет, напоминающий жезл или плеть.

Возникает вопрос: известен ли нам в алано-осетинской традиции божественный персонаж, который оказывается в погребальном склепе рядом с богиней (напомню, о скифском аналоге Земеной богини мы точно знаем, что она водная богиня, прародительница героического народа, связана с образом лошади и т.п.), а также при этом имеет в руках предмет вроде плети или жезла? Да, такой персонаж известен любому, кто хотя бы начинал читать тексты осетинского эпоса, т.к. сказание, с ним связанное, начинается эпические рассказы и в глазах фольклористов справедливо открывает весь цикл о нартах. Речь идет о персонаже, который даже после официального принятия христианства занимал у алано-осетин второе место после христианского Бога и был ассоциирован духовенством со св. Георгием / Уастырджи. В каждом осетинском селении когда-то имелось его святилище.

Как известно, В.И. Абаев колебался, видя в нем то древнего бога солнца (Абаев 1982: 24), то бога войны (Абаев 1990а: 108—109) и склонен был при этом ассоциировать с иранским Митрой. Однако такая альтернатива (бог солнца — бог войны) кажется мне ложной. Во-первых, еще в ранних гимнах Авесты Митра и Веретрагна существуют отдельно от собственно Солнца. И в алано-осетинской традиции Уарстырджи и Солнце — это отдельные персонажи (замечу, что в обеих традициях собственно Солнцу уделено сравнительно мало внимания). Что касается отождествления Устырджи с древним богом войны, то, как мы хорошо уже знаем, у древних скифов, предгуннских аланов и современных «языческих» калашей бог войны, по имеющимся сообщениям, не антропоморфизован: он воплощен в древнем мече (кинжале). Фактически, «военная» версия построена на очень шатких основаниях: на том, что один почтенный дигорский старец предположил, что «теперь Батрадза зовут Уаскиргием» (Уастырджи), и на одном из многих эпитетов Уастрджи — «отважный» (см., например: Кочиев 1998: 119).

Куда более перспективным кажется сопоставление Уастырджи с *ранним* иранским Митрой. Мы быстро обнаруживаем, что солярная ипостась Митры оформилась даже в Иране только в парфянское время; что его собственно воинские функции, хотя и значимы, но тоже вторичны. Митра — *это, прежде всего, бог договора и порядка, охранитель порядка* (для

чего он использует и воинскую силу) и податель связанных с порядком благ (плодородие пастбищ, женщин и др.). Соответственно, он охраняет людей во время перемещений (на пастбищах, в походе и др.). Отсюда и ряд его более поздних функций (так, только в III в. н.э. он в Иране изредка изображается вручающим правителю атрибуты власти). Однако именно функция покровителя порядка, договоров (клятв) остается, фактически, главной и у осетин. В римском имперском митраизме на мраморных рельефах Митра уже иногда крылат (как Уастырджи в осетинских представлениях), а также часто показан молодым. В парфянское время Митра подчас ассоциировался и с нахождением в пещере / склепе. Важным и ранним атрибутом бога были волшебные кони, которые не имели теней и т.п. (Михр-Яшт, XI, 47, XVII, 68, XXXI, 125). Волшебными конями «авсург» знаменит и алано-осетинский Уастырджи, он имеет их целый табун.

Итак, вернемся к тому, как Уастырджи оказался в могильном склепе и что его связывает со Змееной богиней (точнее — с ее осетинским аналогом — водной богиней Дзерассой). Богиня умирает (!), и вскоре после похорон Уастырджи тайно проникает в ее склеп. Он оживляет умершую волшебной войлочной плетью¹⁷ и насилует ее, а затем также незаметно уходит¹⁸. В положенное время мертвая Дзерасса рождает в склепе великую и бессмертную Сатану, а также первого коня. Уастырджи подчас называли создателем нартов (Нарты 1989: 357). В случае с «неапольским» склепом мы видим явное совпадение многих деталей; интересно, однако, что здесь, видимо, были показаны разные моменты того же эпизода.

Волшебная плеть фигурирует, кроме Уастырджи, еще у бога—громовика (но его плеть — не бутафорская из войлока, а особая, извлекающая гром; аналогичная есть у Балумаина дардоязычных калашей: Йеттмар 1986: 375, прим. 134); войлочная упоминается также у одной из «забытых» богинь (речь о ней впереди). Но я не исключаю, что плеть (прежде всего — войлочная) — поздний атрибут в эпосе. Зато различные *жезлы* в них встречаются неоднократно.

8а. Встреча двух всадников, один из которых держит жезл, а другой делает жест поклонения

Этот сюжет известен только в греко-варварском исполнении, только в бассейне Кубани и только на серебряных сосудах. На известном изображении на ритоне из скифо-меотского Карагодеуашха бог слева стоит и держит в руке сравнительно *короткий жезл* (попытке «продлить» длину этого изделия и объявить его копьем противится хорошая сохранность этого участка изображения). Справа подъезжает второй всадник и поднимает руку в жесте приветствия. Фоном для встречи служит поле недавнего сражения с обезглавленными трупами (см, например, Блаватский 1974). За фигурой бога — зеленое Древо (рис. 4: 8). Итак, как и у богини № 2, для этого персонажа характерны Древо и кони. Похоже, ту же сцену примерно три века спустя (но гораздо худшей сохранности, буквально состоящую из ряда обломков) видим на греко-сиракском канфаре из станицы Воздвиженской (рис. 4: 7). Здесь оба всадника не стоят спокойно, а находятся в позе приостановки. Конного бога с таких сосудов еще М.И. Ростовцев справедливо, думается, связал с божеством, подобным Митре. В Пантикапее в это время в единичных случаях мы видим упрощенную схему данной композиции; при этом у всадника имеется жезл, он стоит на постаменте (Kiezeritzky,

¹⁷ Кнут (разумеется, не войлочный) — важнейшее орудие уже у раннего Митры, в том числе — против врагов (см. в Михр-Яште: IX, 35, XXVIII, 113).

¹⁸ Для божества — хранителя порядка и договора это понятно, т.к. по сюжету ранее Дзерасса согласилась за услугу совокупиться с ним, но затем обманула.

Watzinger 1909: No 683). В I в. н.э. эта кубанская иконографическая традиция прервалась. Нет реальных оснований думать, что здесь представлена инвеститура кочевого правителя; скорее, это адорация богу после победы над «неправым» врагом.

В связи с этим обратимся к другому мужскому персонажу в греко-сарматском искусстве, у которого в руках мы видим жезл. Это молодой мужчина, подъезжающий на коне в росписи погребального «склепа Анфестерия» 30-х годов I в. н.э. (рис. 3: 8, 4: 9). Моя версия, предложенная около 20 лет назад, основана на трактовке этого персонажа как главного героя Нартовского эпоса Сослана, приезжающего на Небесную равнину (в царство мертвых) в поисках волшебного «листа Аза», необходимого для следующей женитьбы, который встречает там богиню в золотом кресле — подательницу изобилия и неких сопровождающих ее могущественных «детей» (Нарты 1989: 156—158; Яценко 1995: 191). При этом необъясненной остается такая деталь, как короткий жезл в руках мужчины. Из текстов Сосланова цикла мы знаем, что герой часто пользовался разными волшебными предметами (получаемыми от небесных сил или захваченными у демонов). У одного из скифо-сарматских персонажей на территории Малой Скифии I в. н.э., вероятно, представлен очень длинный жезл (если это не копьё)¹⁹.

9. «Тихе Хрисалиска»

На рубеже н.э. в резиденции знатного боспорца Хрисалиска, погибшей от смут (она находилась у ст. Ахтанизовская на северо-востоке Таманского полуострова) на закладном камне видим вполне удивительную сцену: изображение стоящего у края крепостной стены (?) божества в явно варварской манере, сопровождаемое одной из древнейших на Боспоре сарматских тамг и комментируемое греческой надписью «Тихе Хрисалиска» (рис. 1: 2). В правой руке — длинный жезл с разветвленным навершием и заостренным нижним концом (чрезвычайно похожие железные ритуальные жезлы использовали в это время знатные дамы из соседствовавшего с Азиатским Боспором влиятельного сарматского племени сираков: Яценко 2006: рис. 97), в левой — небольшой сияющий скипетр. Сама голова богини испускает лучи (вспомним, что в осетинском нарттовском эпосе тело и особенно лицо многих женщин божественного происхождения светится). Это первое изображение сарматского божества на Боспоре. Но почему богиня отождествляется с греческой Тихе? У греков это было божество случая (отсюда и ее имя), удачи и судьбы. В алано-осетинской традиции эти функции наиболее полно воплощались в понятии «фарн». Многие думают, что фарн не имел в иранском мире антропоморфных воплощений. Однако это не так: достаточно вспомнить сравнительно редкие кушанские монеты Хувишки с богом Фарро. Последний также стоит и опирается на длинный жезл, как и «Тихе Хрисалиска». Тихе исходно связана с водной стихией (она дочь таких водных божеств как Океан и Тефида); ср. в ранних частях Авесты (Яшт XIX, 51 сл.) о фарне, скрытом в глубине вод.

¹⁹ В склепе-катакомбе 595 (1996 г.) в Усть-Альминском, в женском погребении 2 найден фрагментированный недавними грабителями деревянный сосуд длиной до 50 см со сливом. Он украшен по краю скульптурками: головой лошади, амфорой на подставке и 4 фигурками лошадей (?) (их после совершения обряда аккуратно срезали). Верх и скульптурки окрашены красным. Амфорка, была, видимо, сменной: рядом с нею была подставка (с идентичным пазом) с сидящим в кресле (?) мужчиной с длинным жезлом (?) в руке (Зайцев 2000: 298, 302—304; рис. 5: 1, 6: 1).

10. Бог — хозяин волков (?)

Мы знаем, что в алано-осетинской традиции и волки и их небесный хозяин (позже ассоциированный со св. Федором Тирским — осет. Тутыр) занимали совершенно особое место. Само происхождение героев-нартов (как и римлян) связано с волком (Абаев 1990б); древнее сармато-аланское название волка, по В.И. Абаеву, было *varka*. Волков называли «псами Тутыра». В образе волков (но состоящих из огня) были и космические чудовища хурхортæ, постоянно угрожавшие солнцу (Чибиров 2008: 68—69). Душу умершего извлекает также существо в облике волка, дигор. йоджесæг (Миллер 1992: 479). Заворачивание в волчью шкуру гарантировало улучшение даже самой тяжелой болезни (Чибиров 2008: 136). В августе осетины устраивали праздник в честь повелителя волков, а в начале Великого поста два дня посвящали ему (Уарзиати 1995: 51—54, 70—71, 95—96). Вообще в честь Тутыра держали самый строгий пост. Волки Тутыра часто выглядят не вполне обычными животными. Так, только они понимают секреты волшебства богини (Нарты 1989: 441), а величайший герой Сослан обязан закалиться в их молоке; их боятся демоны (Нарты 2019: 82—83, 159). Колдуны в осетинских сказках, как и знахари, летавшие во сне под Новый Год на волшебный небесный луг Курыс, часто принимали облик волков (Чибиров 1984: 25—36; 2008: 136).

При этом изображений собственно волков в сарматском искусстве разных периодов на удивление немного. А их хозяин, видимо, вообще не изображался. Обратим внимание на особую группу образов: это *крылатые волки*. В достоверных случаях они происходят из могил знатных как женщин (Кобяково, курган 10), так и мужчин (Беслан, курган 150). Все такие образы видим только в золоте, или вещи плакированы золотом и, за одним исключением, связаны со среднесарматской культурой I — начала II вв. (рис. 10: 5—8): это изображения в полихромном сарматском зверином стиле. На пластине, найденной в конце XIX в. на Кубани, такой одиночный волк сидит (рис. 10: 5), на флаконе из Кобяково сидят в ряд трое таких персонажей (рис. 10: 6). Фалар из Гонию (Treister, Yatsenko 1998: 69—71; fig. 4) (рис. 10: 7) найден в составеклада первой половины II в. у стен римской крепости Апсар, подвергшейся, видимо, нападению аланов в 135 г. Здесь крылатый волк вцепился в бок козлу с фантастическими чертами (язык оформлен как трилистник). Самыми поздними являются золоченные бляхи-накладки из Беслана (рис. 10: 8): здесь такой монстр представлен с оскаленной пастью и «скребущими» передними лапами. Образ крылатого волка у сарматов явно генетически связан с аналогичными и синхронными изображениями могущественной «кочевой империи» Кангюй (многие сарматские группировки еще в начале III в. н.э., по данным китайских хроник, «сильно зависели» от нее). Основная группа таких кангюйских изображений сегодня выявлена вдоль реки Талас на восточной окраине державы (у нынешней горной границы Южного Казахстана и Северного Кыргызстана). Они представлены, главным образом, на петроглифах знаменитого Жалтыракташа, но в одном случае — и на штемпеле для мечения скота в крепости Бака-тобе. Недавно они системно описывались нами (Рогожинский, и др. 2022: 311—312; рис. 2) (рис. 10: 3—4).

Однако наиболее интересное для нас сейчас изображение того же круга пока осталось не опубликованным. Оно найдено восточнее Таласа, у края Чу-Илийских гор, в одном из логов ущелья Алматы в 2018 г. моим давним соавтором А.Е. Рогожинским на одной из небольших отдельных вертикальных плоскостей и любезно предоставлено для предварительной, частичной публикации (рис. 10: 1—2). Перед нами редчайший случай: все основные элементы гравированной композиции, видимо, сразу после совершения с нею некоего обряда, были тщательно заштрихованы сериями частых круговых движений. Особенно это касалось персонажа, сидящего перед крылатым волком. Однако, благодаря серии

качественных фото в разном освещении, можно получить, на мой взгляд, достоверную прорисовку первоначальной композиции. Слева лежит волк с обычными для кангюйцев миниатюрными Г-образными крыльями; задняя часть фигуры не окончена; под брюхом изображена тамга; в пасти видим небольшой круглый предмет. Перед волком сидит человек в островерхом колпаке и длинном кафтане (?). В руках он держит перед волком нечто вроде лука на прямоугольной «подставке». В последнюю воткнуты три стрелы. Замечу, что три волшебных стрелы, принадлежащие тому или иному богу, неоднократно упоминаются в осетинском нартовском эпосе (Нарты 1989: 255, 406, 426). Думаю, особенно тщательно заштрихованный антропоморфный образ («уничтоженный» после обряда) являет нам именно образ кангюйско-сарматского бога — Хозяина волков. Изображать его, видимо, было нельзя (кроме временного изображения для краткой церемонии в безлюдной местности, как это мы видим в Алмалы).

11. Богиня домашнего очага

Я согласен с мнением С.С. Бессоновой и И.Ю. Шауба о том, что важнейшая скифская богиня домашнего очага, «царица скифов» Табити не имела антропоморфного воплощения, и что различные изображения на греко-скифских бляшках с сидящей богиней и предстоящим юношей или с сидящей богиней перед алтарем и т.п. отношения к этому божеству не имеют (см., например: Шауб 2007: 84). Не имели антропоморфного воплощения и древнегреческая Гестия, и раннетюркское аналогичное женское божество («сорокоязыкая Мать-Огонь») и т.п. Однако это не значит, что, например, в осетинском нартовском эпосе мы не встретим устных, фольклорных описаний этого древнего божества, пусть и сильно искаженных кавказской историей осетин и христианизацией, что мы не обнаружим его следов. На первый взгляд, у осетин функции бывшей богини уже поделены между тремя *мужскими* божествами (Хуратхурон — огонь, Бындур — домашний очаг, Сафа — очажная цепь: см., например: Гатиев 1876). С другой стороны, полагают, что женский облик этой богини частично дошел до нас в виде местного варианта культа Богоматери (Мады Майрам) (Абаев 1990а: 109). Как считает Т.А. Гуриев, первоначальное имя сармато-аланской богини было сходно с индийской Типати (ср. скифская Табити), которое позже закономерно перешло в «Сафа» (отжествлен со св. Саввой) (Гуриев 1991: 151—155). Какие-то функции этой богини, думается, могли перейти и к эпической Сатане. Это бессмертная, дочь двух божеств, могущественная волшебница (среди прочего, она, как и дочь Солнца, имеет волшебное Небесное зеркало: Нарты 1989: 411, 417), находятся в тесных отношениях с мужскими божествами и т.п. В эпосе она превращена в заботливую и гостеприимную хозяйку, заботящуюся о благополучии нартовских семей. Однако в ряде текстов эпоса она выступает в роли Сафы, подчас имеет эпитет «излучающая тепло», «греющая светом» и т.п.

Весьма примечательным кажется мне редкий сюжет из цикла «Нарты и черная лисица», связанный с подвигами Урызмага. В нем много внимания уделено встрече Урызмага с некой очень могущественной женщиной, с которой он оказывает в конфликте. Однако она встречает его *в доме, у очага, и прежде всего, дает ему огонь*; *во сне у нее из рта выпадают горящие угольки*; ее важный атрибут — волшебная войлочная плетъ (которую мы знаем еще только у мужского божества Уастырджи). Она читает мысли посетителя, и перед ним, например, неожиданно появляется столик, полный еды (Нарты 1989: 40—441). Вероятно, похожее божество (его облик уже путается с другим женским персонажем) Сослан встречает на Небесной равнине, но в куда более благоприятных обстоятельствах. Это богиня-матрона на знакомом нам золотом троне, но владеющая уже упомянутым столиком с

неубывающей едой и т.п. (Нарты 1989: 158—159). Возможно, имя богини было запретным (в последнем сюжете ее не именуют «Одна женщина» и т.п.).

12. Бог Уатафарн

На Кубани была найдена золотая бусина II—I вв. до н.э. с греческой надписью—посвящением: «богу Уатафарну», то есть, если исходить из норм осетинского языка — «фарну спальни», Домовому (Миллер 1891). В позднесарматской культуре, на рубеже II—III вв. н.э. в районе устья Дона у нескольких взрослых знатных женщин (на Левобережье: Высочино VII, курган 17; Новоалександровка I, курган 20) или мужчин (на противоположном берегу: Валовый I, курган 25) обнаружены деревянные культовые пеналы, аналогичные раннесредневековым аланским из Мощевой Балки и этнографическим осетинским, которые так и назывались «Бинатыхицау», то есть «Домовой». Предполагается, что они могли вначале временно содержать т.н. «бусину счастья» (цикурайты фардыг), но в могилу они, в силу особенностей этого редкого и могущественного амулета, были положены пустыми или в них найдены другие предметы (см. подробнее: Яценко 2016: 40—41). По данным В.Ф. Миллера, бусина была одним из даров домовому. Замечу, что предмет с надписью в честь Домового тоже представляет собой бусину. Самого осетинского домового, по осетинским представлениям, увидеть в его «истинном» виде было невозможно (кроме как некоторым знахарям под Новый Год), обычно же он принимал различный облик (мужчины, женщины с клыками), в том числе животных (баран, лягушка и др.) (см., например: Миллер 1992: 437).

Заключение

Итак, мы рассмотрели, прежде всего, характер антропоморфизации и вероятную идентификацию девяти сарматских богов и богинь. Одни из них получили лишь мимолетное воплощение, другие имели два или даже три варианта иконографии (часть из которых была более ранней или упрощенной). Говорилось и о трех божествах (№№ 10—12), которые у сарматов не визуализировались в искусстве, но их облик в это время можно предполагать по другим источникам. При этом из 9 богов и богинь 4 (№№ 1, 4, 6, 9) получили свою иконографию без античного или персидского влияния (в двух случаях — и без центральноазиатского опыта: №№ 1, 9); у еще трех персонажей античный вклад отражает один из вариантов иконографии (№№ 5а, 7а, 8а). Центральноазиатское воздействие явственно в изображениях персонажей №№ 2а, 3, 6, 7. При этом визуализированных образов богинь в два раза меньше, чем богов (3 против 6). Большинство разработанных иконографических схем в раннесредневековом аланском (в первую очередь — кавказском) и в осетинском обществе продолжения не имело (кроме №№ 1, 4, 5—5а; последние, за исключением № 4, стали воплощаться на Северном Кавказе еще в поздней античности). Именно это последнее (прерывистость традиций изобразительного искусства) долго мешало идентификации этих образов. Действительно, период существования сарматских группировок (за исключением, пожалуй, сираков и ранних аланов в Предкавказье) был весьма кратким. Однако анализ устных описаний в алано-осетинской фольклорной традиции оказался достаточно результативным в этом плане. Во все периоды сарматской истории существовали две тенденции визуализации облика своих божеств: воплощение по собственному заказу сарматскими и оседлыми соседними греческими и варварскими

мастерами (преобладающий вариант) и сознательный подбор изображений с инокультурными божествами, отчасти соответствующими собственным.

Литература

- Абаев В.И. 1982. *Нартовский эпос осетин*. Цхинвали: Ирыстон.
- Абаев В.И. 1990а. Дохристианская религия алан. В: Абаев В.И. *Избранные труды. Религия, фольклор, литература*. Т. 1. Владикавказ: Ир, 102—114.
- Абаев В.И. 1990б. Опыт сравнительного анализа легенд о происхождении нартвов и римлян. В: Абаев В.И. *Избранные труды. Религия, фольклор, литература*. Т. 1. Владикавказ: Ир, 302—325.
- Акишев К.А. 1983. *Древнее золото Казахстана*. Алматы: Онер.
- Андиев Б.Ф., Андиева Р.Ф. 1960. Осетинский орнамент. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство.
- Анфимов Н.В. 1987. *Древнее золото Кубани*. Краснодар: Краснодарское книжное издательство.
- Бессонова С.С. 1975. Зображення Афіни за матеріалами Північного Причорномор'я. *Археологія* 17, 23—38.
- Бессонова С.С. 1983. *Религиозные представления скифов*. Киев: Наукова думка.
- Блаватский В.Д. 1974. Сцена инвеституры на карагодеуашском ритоне. *СА* 1, 38—44.
- Винокуров Н.И., Яйленко В.П. 2022. Третья эпитафия с городища Артезиан в Крымском Приазовье. *ПНФК* 3 (77), 95—134.
- Власкин М.В., Ильюков Л.С. 1999. Погребение литейщика позднесарматской культуры. *Донская археология* 1, 50—56.
- Габуев Т.А. 2005. *Аланский всадник. Сокровища князей I—XII веков. Каталог выставки*. Москва: ГМИИВ.
- фон Галль Х. 1997. Сцена поединка всадников на серебряной чаше из Косики. *ВДИ* 2, 174—198.
- Гатиев Б. 1876. Суеверия и предрассудки у осетин. *ССКГ* IX/3, 1—83.
- Гущина И.И., Журавлев Д.В. 2016. *Некрополь римского времени Бельбек IV в Юго-Западном Крыму*. Ч. 2. Москва: Государственный исторический музей.
- Гущина И.И., Засецкая И.П. 1989. Погребения зубовско-воздвиженского типа из раскопок Н.И. Веселовского в Прикубанье. В: Абрамова М.П. (ред.) *Археологические исследования на юге Восточной Европы*. Москва: ГИМ, 71—141 (Труды ГИМ 70).
- Гиджрати Н.И., Наглер А.О. 1985. Сарматское погребение у сел. Комарово Моздокского района СО АССР (предварительная публикация). В: Кузнецов В.А. (ред.) *Античность и варварский мир*. Орджоникидзе: Северо-Осетинское издательство, 130—137.
- Дзицойты Ю.А., 2005. Семь богов и семь миров в осетинской мифологии. *Известия Юго-Осетинского НИИ XXXVII*, 66—88.
- Дзицойты Ю.А. 2017. *Вопросы осетинской филологии*. Т. 1. Цхинвал: Республика.
- Дзугев Ф.С., Малашев М.Ю. 2015. *Бесланский археологический комплекс раннеаланской эпохи (некоторые итоги исследования 1988—2014 гг.)*. Владикавказ: Проект-Пресс.
- Диатроптов П.Д. 1993. О мнимом изображении Бога Высочайшего из Танаиса. В: *Политика и идеология в древнем мире*. Москва: Альфа; МГОПИ, 40—55.
- Железный век 2020: Алексеев А.Ю., Наврот М., А. Гасс А. и Пиотровский Ю.Ю. (ред.). 2020. *Железный век. Европа без границ. Первое тысячелетие до н.э.* Санкт-Петербург: Чистый лист.
- Зайцев Ю.П. 2000. «Склеп жриц» Усть-Альминского позднескифского некрополя. В: Акимов Л.И., Кафишин А.Г. (ред.): *Жертвоприношение. Ритуал в искусстве и культуре от древности до наших дней*. Москва: Языки русской культуры, 294—319.
- Зайцев Ю.П. 2003. *Неаполь Скифский (II в. до н.э. — III в. н.э.)*. Симферополь: Универсум.
- Засецкая И.П. 2011. *Сокровища кургана Хохлач. Новочеркасский клад*. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж.
- Иванчик А.И. 2008. Две надписи фиасов эллинистического времени из Танаиса. *ВДИ* 2, 57—72.
- Йеттмар К. 1986. *Религии Гиндукуша*. Москва: Наука.
- Калоев Б.А. 1973. *Материальная культура и прикладное искусство осетин. Альбом*. Москва: Наука.
- Кобылина М.М. 1973. Пан на надгробной плите из Фанагории. *СА* 3, 174—182.
- Кочиев К.К. 1998. Реликт дохристианской религии алан в Пшав-Хевсуретии (Иасхар / Асхар). *Известия Юго-Осетинского НИИ XXXV*, 113—124.
- Кубарев В.Д. 1987. *Курганы Уландрыка*. Новосибирск: Наука.
- Магомедов А.Х. 1974. *Общественный строй и быт осетин (XVII—XIX вв.)*. Орджоникидзе: Ир.

- Марьяшев А.Н. 1979. Петроглифы Семиречья. В: Васильевский Р.С. (ред.). *Звери в камне*. Новосибирск: Наука, 211—229.
- Миллер В.Ф. 1891. О сарматском боге Уатафарне. *Древности восточные* I/II (отдельный оттиск).
- Миллер В.Ф. 1893. Отголоски кавказских верований на могильных памятниках. *Материалы по археологии Кавказа* 3, 120—133.
- Миллер В.Ф., 1992. *Осетинские этюды*. Владикавказ: Северо-Осетинский институт гуманитарных исследований.
- Минаева Т.М., 1971. *К истории алан Верхнего Прикубанья*. Ставрополь: Ставропольское книжное издательство.
- Мошкова М.Г. 1963. *Памятники прохоровской культуры*. Москва: АН СССР (САИ Д1-10).
- Нарты 1989: Далгат У.Б. (ред.). 1989. *Нарты. Осетинский героический эпос*. Кн. 2. Москва: Наука.
- Нарты 2019: Козырева Ж.Г. (ред.). 2019. *Нарты: Осетинский героический эпос*. Владикавказ: Проект-Пресс.
- Очир-Горяева М.А. 2004. О возможном назначении парных бронзовых котлов у кочевников раннего железного века Евразии. В: Яблонский Л.Т. (ред.). *Археологические памятники раннего железного века Юга России*. Москва: ИА РАН, 166—178.
- Плаева З.К. 2017. Охотничьи божества и обычаи Кавказа: параллели с осетинами. *NARTAMONGÆ* XII/1—2, 189—204.
- Попова Е.А. 1987. Роспись склепа № 1 некрополя позднескифской столицы. *ВДИ* 2, 139—151.
- Раевский Д.С. 2006. *Мир скифской культуры*. Москва: Языки славянских культур.
- Ремпель Л.И. 1987. *Цепь времен*. Ташкент: Издательство им. Гафура Гуляма.
- Рогожинский и др. 2022: Рогожинский А.Е., Сулайманова А.Т., Яценко С.А. 2022. О некоторых мифо-эпических сюжетах на позднеантичных петроглифах Тянь-Шаня. В: Молодин В.И. (ред.) *Изучение древней истории Северной и Центральной Азии: от истоков до современности*. Тезисы международной научной конференции, посвященной 300-летию экспедиции Д.Г. Мессершмидта. Абакан: Правительство Республики Хакасия, 309—313.
- Руденко С.И. 1962. *Сибирская коллекция Петра I*. Москва; Ленинград: АН СССР.
- Савостина Е.А. 1996. «Змееногая богиня» — «прорастающая дева» (двусторонний антропоморфный акротерий из Пантикапея). *Историко-археологический альманах* 2, 72—83.
- Симоненко А.В., Лобай Б.И. 1991. *Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н.э. (погребения знати у с. Пороги)*. Киев: Наукова думка.
- Скрипкин А.С. 2013. *Археологическое наследие Волгоградской области*. Волгоград: Издатель.
- Сокольский Н.И. 1975. Крепость аспургин на Боспоре. *КСИА* 143, 21—30.
- Сокровища 2004: Максименко В.Е., Коневская Т.И. (ред.). 2004. *Сокровища донских степей из собрания Ростовского областного музея краеведения*. Ростов-на-Дону: Центр-инфест.
- Соломоник Э.И. 1959. *Сарматские знаки Северного Причерноморья*. Киев: АН УССР.
- Сурво В. 2014. *Образцы вышивки и обрядовая семантика текстиля в традициях Карелии*. Хельсинки: Unigrafia.
- Топрак-кала 1984: Рапопорт Ю.А., Неразик Е.Е. (ред.). 1984. *Топрак-кала. Дворец*. Москва: Наука.
- Тракийски съкровища в България 1978: *Тракийски съкровища в България* [комплект открыток]. 1978. София: Фотоиздат.
- Уарзиаты В.С. 1987. *Народные игры и развлечения у осетин*. Орджоникидзе: Ир.
- Уарзиаты В.С. 1995. *Праздничный мир осетин*. Владикавказ: Северо-Осетинский институт гуманитарных исследований.
- Фалеева В.А. 1973. Женский персонаж в русской народной вышивке. В: Путилов Б.Н., Чистов К.В. (ред.). *Фольклор и этнография Русского Севера*. Ленинград: Наука, 119—132.
- Чибиров Л.А. 1984. *Древнейшие пласты духовной культуры осетин*. Цхинвали: Ирыстон.
- Чибиров Л.А. 2008. *Традиционная духовная культура осетин*. Владикавказ: Ир.
- Шауб И.Ю. 2007. *Миф, культ и ритуал в Северном Причерноморье VII—IV вв. до н.э.* Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ.
- Шауб И.Ю., Яценко С.А. 2022. Меотский псалий с уникальным изображением. *Новый Гермес* XIV/1, 4—19.
- Шер Я.А. 1980. *Петроглифы Средней и Центральной Азии*. Москва: Наука.
- Шер Я.А. 1993. «Господин коней» на берегах Енисея. *ПАВ* 6, 17—22.
- фон Штерн Э.Р., 1911. Несколько античных бронз из коллекции Одесского музея. *Записки Одесского общества истории и древностей* XXIX, 21—44.
- Шургая И.Г. 1983. Изображения всадника и коня из Илурата. *КСИА* 174, 96—100.
- Яценко С.А. 1986. Диадемы степных кочевников Восточной Европы в сарматскую эпоху. *КСИА* 186, 14—20.

- Яценко С.А. 1992. О преемственности мифологических образов ранних и средневековых аланов. *Проблемы этнографии осетин* 2, 64—80.
- Яценко С.А. 1995. О сармато-аланском сюжете росписи в пантикапейском «склепе Анфестерия». *ВДИ* 3, 188—194.
- Яценко С.А. 1996. О переосмыслении некоторых образов античного искусства сармато-аланами (сер. I - сер. III вв. н.э.). В: Раев Б.А. (ред.). *Античная цивилизация и варварский мир (Тезисы докладов V археологического семинара)*. Новочеркасск: Музей истории донского казачества, 19—20.
- Яценко С.А. 1999. О некоторых антропоморфных сюжетах номадов Европы V—IV вв. до н.э. В: Толочко П.П. (ред.). *Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (к 100-летию Б.Н. Гракова)*. Запорожье: Запорожский национальный университет, 282—285.
- Яценко С.А. 2000. Антропоморфные образы в искусстве ираноязычных народов Сарматии II—I вв. до н.э. *Stratum plus* 4, 251—272.
- Яценко С.А. 2006. *Костюм древней Евразии (ираноязычные народы)*. Москва: Восточная литература.
- Яценко С.А. 2011. Сидящий мужской персонаж с сосудом в руке на сакской бронзовой «курильнице» из Семиречья. *История и археология Семиречья* 4, 48—66.
- Яценко С.А. 2014. Региональные особенности сюжетов и бытовых реалий в монументальных поминально-погребальных памятниках Малой Скифии I—III вв. н.э. *МАИАСП* 6, 40—63.
- Яценко С.А. 2015. Группы элиты у сарматов. В: Дашковский П.К. (ред.). *Элита в истории древних и средневековых народов Евразии*. Барнаул: Алтайский государственный университет, 86—98.
- Яценко С.А. 2016. Некоторые проблемы археологического изучения погребальной обрядности. *Новое прошлое* 4, 31—48.
- Яценко С.А. 2020. Несколько композиций со скифскими персонажами в греко-скифской и скифской торовитке IV — начала III вв. до н.э. *МАИАСП* 12, 369—402.
- Яценко С.А. 2022. Сарматская богиня с двумя лошадьми. *Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология»* 7/2 (в печати).
- Яценко и др. 2022: Яценко С.А., Шевченко Е.Б., Усенко В.П. 2022. О серии каменных плит с сарматскими тамгами из Одесского археологического музея. *Stratum plus* 6 (в печати).
- Gai Shanling. 1986. *Yinshan yanhua* (蓋山林。陰山岩画). *Petroglyphs in the Yinshan Mountains*. Beijing: Wenwu publishers.
- georgia.europa-index.com: 1: Музеи Грузии. Батуми. URL: <https://georgia.europa-index.com/muzei-batumi-gruziya/> (дата обращения 25.11.2022).
- Kieseritzky G., Watzinger C. 1909. *Griechische Grabreliefs in Südrussland*. Berlin: G. Reimer.
- museum-tanais.ru: 1: Археологический музей-заповедник «Танаис». URL: <https://www.museum-tanais.ru/news/detskiy-i-semeynyy-prazdnik-den-bosporskogo-konya> (дата обращения 25.11.2022).
- Simonenko A.V., Marčenko I.I., Limberis N.Yu. 2008. *Römische importe in Sarmatischen und Maiotischen grabern zwishhen untere Donau und Kuban*. Mainz: Philipp von Zabern.
- Treister M., Yatsenko S. 1998. About the Centers of Manufacture of Certain Series of Horse-Harness Roundles in «Gold-Turquoise Animal Style» of the 1st — 2nd Centuries AD. *Silk Road Art and Archaeology* 5, 51—106.
- Yatsenko S.A. 2012. Essays on Anthropomorphic Images of Scythians. In: Рабаджиев К., Шалганова Т., Ганева-Маразова В., Стойчев Р. (eds.). *Изкуство & Идеология*. София: Университетско издателство «Св. Климент Орхидски», 63—79.
- Yatsenko S.A. 2013. Tattoo System in the Ancient Iranian World. In: Della Casa P. (ed.). *Tattoos and Body Modifications in Antiquity. Proceedings of the sessions at the EAA annual meetings in The Hague and Oslo, 2010/11*. Zurich: Chronos Verl., 97—101.

References

- Abaev, V.I. 1982. *Nartovskii epos osetin (Nart Epic of Ossetians)*. Tskhinvali: Iryston (in Russian)
- Abaev, V.I. 1990a. In: Abaev, V.I. *Iz barnnye trudy (The Selected Works)*. Vol. 1. Vladikavkaz: Ir, 102—114 (in Russian).
- Abaev, V.I. 1990b. In: Abaev, V.I. *Iz barnnye trudy (The Selected Works)*. Vol. 1. Vladikavkaz: Ir, 302—325 (in Russian).
- Akishev, K.A. 1983. *Drevnee zoloto Kazakhstana (The Acneint Gold of Kazakhstan)*. Almaty: Oner (in Russian).

- Andiev, B.F., Andieva, R.F. 1960. *Osetinskii ornament (The Ossetian Ornaments)*. Ordzhonikidze: Severo-Osetinskoe knizhnoe izdatel'stvo (in Russian).
- Anfimov, N.V. 1987. *Drevnee zoloto Kubani (The Ancient Gold of Kuban)*. Krasnodar: Krasnodarskoe knizhnoe izdatel'stvo (in Russian).
- Bessonova, S.S. 1975. In *Arkheologiya (Archaeology)* 17, 23—38 (in Ukrainian).
- Bessonova, S.S. 1983. *Religioznye predstavleniia skifov (The Religious Beliefs of Scythians)*. Kiev: Naukova dumka (in Russian).
- Blavatskiy, V.D. 1974. In *Sovetskaya arkheologiya (Soviet Archaeology)*, 1, 38—44 (in Russian).
- Vinokurov, N.I., Yailenko, V.P. 2022. In *Problemy istorii, folologii, kul'tury (Problems of History, Philology and Culture)*, 3 (77), 95—134 (in Russian).
- Vlaskin, M.V., Iliukov, L.S. 1999. In *Donskaya arkheologiya (Don Archaeology)* 1, 50—56 (in Russian).
- Gabuev, T.A. 2005. *Alanskii vsadnik. Sokrovishcha kniazei I—XII vekov. Katalog vystavki (The Alanian Horseman. The Princes' Treasures of the 1st — 12th centuries. The Exhibition Catalogue)*. Moscow: Gosudarstvennyi muzei iskusstva narodov Vostoka (in Russian).
- von Gall, H. 1997. In *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)* 2, 174—198 (in Russian).
- Gatiev, B. 1876. In *Sbornik svedenii o kavkazskikh gortsakh (Collection of information about the Caucasian highlanders)* IX/3, 1—83 (in Russian).
- Gushchina, I.I., Zhulavlev, D.V., 2016. *Nekropol' rimskogo vremeni Bel'bek IV v yugo-zapadnom Krymu (The Roman Time Necropolis Balbek IV in the South-Western Crimea)*. Pt. 2. Moscow: Gosudarstvennyi istoricheskii muzei. (in Russian)
- Gushchina, I.I., Zasedskaya, I.P. 1989. In: Abramova, M.P. (ed.). *Arkheologicheskie issledovaniia na iuge Vostochnoi Evropy (The Archaeological Studies in the South of Eastern Europe)*. Moscow: GIM, 71—141 (Proceedings of the State Historical Museum 70) (in Russian).
- Gidjrati, N.I., Nagler, A.O. 1985. In: Kuznetsov, V.A. (ed.). *Antichnost' i varvarskii mir (Antiquity and the Barbarian World)*. Ordzhonikidze: Severo-Osetinskoe izdatel'stvo, 130—137 (in Russian).
- Dzitsoity, Yu.A. 2005. In *Izvestiya Iugo-Osetinskogo Nauchno-issledovatel'skogo instituta (Proceedings of the South Ossetian Scientific Research Institute)* XXXVII, 66—88 (in Russian).
- Dzitsoity, Yu.A. 2017. *Voprosy osetinskoi filologii (Problems of the Ossetian Philology)*. Vol. 1. Tskhinval: Respublika (in Russian).
- Dzutsev, F.S., Malashev, M.Yu. 2015. *Beslanskii archeologicheskii kompleks rannealanskoi epokhi (nekotorye itogi issledovaniia 1988—2014 gg.) (Beslan Archaeological Complex of the Early Alanian Epoch (Some Results of the Excavations of 1988—2014 yy.))*. Vladikavkaz: Proekt-Press (in Russian).
- Diatroptov, P.D. 1993. In: *Politika i ideologiya v drevnem mire (The Policy and Ideology in the Ancient World)*. Moscow: Alfa; MGOPi, 40—55 (in Russian).
- Zheleznyi vek 2020: Alexeev, A.Iu., Navrot, M., Hass, A. (eds.). 2020. *Zheleznyi vek. Evropa bez granits. Pervoe tysyacheletie do n.e. (The Iron Age. Europe without Borders. The First Millennium BCE)*. Saint Petersburg: Chisty list (in Russian).
- Zaitsev, Yu.P. 2000. In: Akimova, L.I., Kafishin, A.G. (eds.). *Zhertvoprinoshenie. Ritual v iskusstve I kul'ture ot drevnosti do nashikh dney (Sacrifice. The Ritual in Art and Culture from the Antiquity up till Nowadays)*. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 294—319 (in Russian).
- Zaitsev, Yu.P. 2003. *Neapol' Skifskii (II v. do n.e. — III v. n.e.) (Neapolis Scythion (the 2nd c. BCE — the 3rd c. CE))*. Simferopol: Universum (in Russian).
- Zasedskaia, I.P. 2011. *Sokrovishcha kurgana Khokhlach. Novocherkasskii klad (Treasures of Khokhlach Barrow. The Novocherkassk Treasure)*. Saint Petersburg: Gosudarstvennyi Ermitazh (in Russian).
- Ivantchik, A.I., 2008. In *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)* 2, 57—72 (in Russian).
- Jettmar, K. 1986. *Religii Gindukusha (Religions of Hindukush)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Kaloev, B.A. 1973. *Material'naiia kul'tura i prikladnoe iskusstvo osetin. Al'bom (The Material Culture and the Applied Arts of Ossetians. Album)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Kobyliina, M.M. 1973. In *Sovetskaya arkheologiya (Soviet Archaeology)* 3, 174—182 (in Russian).
- Kochiev, K.K. 1998. In *Izvestiya Iugo-Osetinskogo Nauchno-issledovatel'skogo instituta (Proceedings of the South Ossetian Scientific Research Institute)* XXXV, 113—124 (in Russian).
- Kubarev, V.D. 1987. *Kurgany Ulandryka (The Barrows of Ulandryk)*. Novosibirsk: Nauka (in Russian).
- Magomedov, A.Kh. 1974. *Obshchestvennyi stroi i byt osetin (XVII—XIX vv.) (The Social Order and the Everyday Life of Ossetians (the 17th — 19th cc.))*. Ordzhonikidze: Ir (in Russian).
- Mariashev, A.N. 1979. In: Vasilievskiy, R.S. (ed.). *Zveri v kamne (Animals of the Rocks)*. Novosibirsk: Nauka, 211—229 (in Russian).

- Miller, V.F. 1891. In *Drevnosti vostochnye (Oriental Antiquities)* I/II (article print) (in Russian).
- Miller, V.F. 1893. In *Materialy po arkheologii Kavkaza (Materials on the archaeology of the Caucasus)* 3, 120—133 (in Russian).
- Miller, V.F. 1992. *Osetinskie etudy (The Osseitan Etudes)*. Vladikavkaz: Severo-Osetinskii Institut gumanitarnykh issledovaniy (in Russian).
- Minaeva, T.M. 1971. *K istorii alan Verkhnego Prikubania (On the History of Alans in the Upper Kuban)*. Stavropol: Stavropol'skoe knizhnoe izdatel'stvo (in Russian).
- Moshkova, M.G. 1963. *Pamiatniki prokhorovskoi kul'tury (The Monuments of Prokhrovka Culture)*. Moscow: AN SSSR (in Russian).
- Narty 1989: Dalgat, U.B. (ed.). 1989. *Narty. Osetinskii geroicheskii epos (Narts. The Osetian Heroic Epic)*. Bk. 2. Moscow: Nauka (in Russian).
- Narty 2019: Kozyreva, Xh.G. (ed.). 2019. *Narty. Osetinskii geroicheskii epos (Narts. The Osetian Heroic Epic)*. Vladikavkaz: Proekt-Press (in Russian).
- Ochir-Goiaeva, M.A. 2004. In: Yablonskiy, L.T. (ed.). *Arkeologicheskie pamiatniki rannego zheleznogo veka Yuga Rossii (The Archaeological Monuments of the Early Iron Age in the South of Russia)*. Moscow: Institut arkheologii RAN, 166—178 (in Russian).
- Plaeva, Z.K. 2017. In *NARTAMONGÆ XII/1—2*, 189—204 (in Russian).
- Popova, E.A., 1987. In *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)* 2, 139—151 (in Russian).
- Raevskiy, D.S. 2006. *Mir skifskoi kul'tury (World of the Scythian Culture)*. Moscow: Iazyki slavianskikh kul'tur (in Russian).
- Rempel, L.I. 1987. *Tsep' vremen (Tge Chain of Times)*. Tashkent: Izdatel'stvo Gafura Guliyama (in Russian).
- Rogozhinskii et al. 2022: Rogozhinskii, A.E., Sulaimanova, A.T., Yatsenko, S.A., 2022. In: Molodin, V.I. (ed.). *Izucheniye drevney istorii Severnoy i Tsentral'noy Azii: ot istokov do sovremennosti. Tezisy dokladov mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Study of the Ancient History of the Northern and Central Asia: from the Origin till the Nowadays. Abstracts of the International Conference)*. Abakan: Khakassia Republic Government, 309—313 (in Russian).
- Rudenko, S.I. 1962. *Sibirskaya kolleksiya Petra I (Siberian Collection of Peter I)*. Moscow; Leningrad: AN SSSR (in Russian).
- Savostina, E.A. 1996. In *Istoriko-arkheologicheskii al'manakh (Historical and archaeological al'manac)* 2, 72—83 (in Russian).
- Simonenko, A.V., Lobay, B.I. 1991. *Sarmaty Severo-Zapadnogo Prichernomoria v I v. n.e. (pogrebeniya znati u s. Porogi) (Sarmatians of the Norht-Western Black Sea Region (the Nobles Graves near Porogi Village))*. Kiev: Naukova dumka (in Russian).
- Skripkin, A.S. 2013. *Arkheologicheskoe nasledie Volgogradskoy oblasti (The Archaeological Heritage of Volgograd Region)*. Volgograd: Izdatel' (in Russian).
- Sokolskiy, N.I. 1975. In *Kratkie soobshcheniya Instituta Arkheologii Akademii nauk SSSR (Brief reports of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of the USSR)* 143, 21—30 (in Russian).
- Sokrovishcha 2004: Maksimenko, V.E., Konevskaya, T.I. (eds.). 2004. *Sokrovishcha donskikh stepei in sobraniya Rostovskogo oblastnogo muzeia kraevedeniya (The Treasures of Don Steppes in the Collections of Rostov-on-Don Regional Museum)*. Rostov-on-Don: Tsentr-infest (in Russian).
- Solomonik, E.I. 1959. *Sarmatskie znaki Severnogo Prichernomoria (The Sarmatian Signs of the Northern Black Sea Region)*. Kiev: AN USSR (in Russian).
- Survo, V. 2014. *Obraztsy vyshivki i obryadovaya semantika tekstilia v traditsiyakh Karelii (The Samples of Embroidery and the Ritual Semantics of Textiles in the Artifacts from Karelia)*. Helsinki: Unigrafia (in Russian).
- Toprak-kala 1984: Rapoport, Yu.A., Nerazik, E.E. (eds.). 1984. *Toprak-kala. Dvorets (Toprak-kala. Palace)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Trakiiski skrovishcha v B'lgaria 1978: *Trakiiski skrovishcha v B'lgaria (Tracian Treasures in Bulgaria)* (postcards). Sofia: Photoizdat (in Bulgarian).
- Uarziaty, V.S. 1987. *Narodnye igry i razvlecheniya u osetin (The Folk Games and Recreation of Ossetians)*. Ordzhonikidze: Ir (in Russian).
- Faleeva, V.A. 1973. In: Putilov, B.N., Chistov, K.V. (eds.). *Fol'klor i etnografiya Russkogo Severa (Folklor and Ethnology of the Russian North)*. Leningrad: Nauka, 119—132 (in Russian).
- Chibirov, L.A. 1984. *Drevneishie plasty dukhovnoy kul'tury osetin (The Earliest Layers in the Spiritual Culture of Ossetians)*. Tskhinvali: Iryston (in Russian).
- Chibirov, L.A. 2008. *Traditsionnaya dukhovnaya kul'tura osetin (The Traditioanal Spritual Culture of Ossetians)*. Vladikavkaz: Ir (in Russian).

- Schaub, I.Yu. 2007. *Mif, kul't i ritual v Severnom Prichernomorie VII—IV. do n.e. (Myth, Cult and Ritual in the North Pontic Area (7th — 4th centuries BCE))*. Saint Petersburg: Filologicheskii fakul'tet SPbGU (in Russian).
- Schaub, I.Yu., Yatsenko, S.A. 2022. In *Novyy Germes (New Hermes)* XIV/1, 4—19 (in Russian).
- Sher, Ya.A. 1980. *Petroglify Srednei i Tsentral'noi Azii (Petroglyphs of Transoxiana and the Central Asia)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Sher, Ya.A. 1993. In *Peterburgskiy arkheologicheskii vestnik (Petersburg Archaeological Bulletin)* 6, 17—22 (in Russian).
- von Stren, E.R. 1911. In *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostey (Notes of the Odessa Society of History and Antiquities)* XXIX, 21—44 (in Russian).
- Shurgaya, I.G. 1983. In *Kratkie soobshcheniia Instituta Arkheologii Akademii nauk SSSR (Brief reports of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of the USSR)* 174, 96—100 (in Russian).
- Yatsenko, S.A. 1986. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii Akademii nauk SSSR (Brief reports of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of the USSR)* 186, 14—20 (in Russian).
- Yatsenko, S.A. 1992. In *Problemy etnografii osetin (Problems of ethnography of Ossetians)* 2, 64—80 (in Russian).
- Yatsenko, S.A. 1995. In *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)* 3, 188—194 (in Russian).
- Yatsenko, S.A. 1996. In: Raev, B.A. (ed.). *Antichnaia tsivilizatsiia i varvarkii mir (Tezisy dokladov V arkheologicheskogo seminara) (The Civilization of Antiquity and the Barbarian World (Abstracts of the 5th Archaeological Seminar))*. Novocherkassk: Muzei istorii donsogo kazachestva, 19—20 (in Russian).
- Yatsenko, S.A. 1999. In: Tolochko, P.P. (ed.). *Problemy skifo-sarmatskoi archeologii Severnogo Prichernomoria (Problems of the Scythian and Sarmatian Archaeology of the North Black Sea Region)*. Zaporozhie: Zaporozhskiy natsional'nyi universitet, 282—285 (in Russian).
- Yatsenko, S.A. 2000. In *Stratum plus* 4, 251—272 (in Russian).
- Yatsenko, S.A. 2006. *Kostium drevney Evrazii (iranoiazychnye narody) (Costume of the Ancient Eurasia (the Iranian-Speaking Peoples))*. Moscow: Vostochnaia literatura. (in Russian).
- Yatsenko, S.A. 2011. In *Istoriya i arkheologiya Semirechya (History and archeology of Semirechye)*, 4, 48—66 (in Russian).
- Yatsenko, S.A. 2014. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 6, 40—63 (in Russian).
- Yatsenko, S.A. 2015. In: Dashkovskiy, P.K. (ed.). *Elita v istorii drevnikh i srednevekovykh narodov Evrazii (Elite in the History of the Ancient and Medieval Peoples of Eurasia)*. Barnaul: Altaiskiy gosudarstvennyi universitet, 86—98 (in Russian).
- Yatsenko, S.A. 2016. In *Novoe proshloe (The New Past)* 4, 31—48 (in Russian).
- Yatsenko, S.A. 2020. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 12, 369—402 (in Russian).
- Yatsenko, S.A. 2022. In *Vestnik RGGU. Seriya "Literaturovedenie. Iazykoznanie. Kul'turologiya" (Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series "Literary Studies. Linguistics. Culturology")* 7/2 (in print) (in Russian).
- Yatsenko i dr. 2022: Yatsenko, S.A., Shevchenko, E.B., Usenko, V.P. 2022. In *Stratum plus* 6 (in print) (in Russian).
- Gai Shanling. 1986. *Yinshan yanhua (蓋山林。陰山岩画). Petroglyphs in the Yinshan Mountains*. Beijing: Wenwu publishers.
- georgia.europa-index.com: 1: Museums of Georgia. Batumi. Available at: <https://georgia.europa-index.com/muzei-batumi-gruziya/> (accessed 25.11.2022).
- Kieseritzky, G., Watzinger C. 1909. *Griechische Grabreliefs in Südrussland*. Berlin: G. Reimer.
- museum-tanais.ru: 1: Archaeological Museum-Reserve "Tanaïs". Available at: <https://www.museum-tanais.ru/news/detskiy-i-semeynyy-prazdnik-den-bosporskogo-konya> (accessed 25.11.2022).
- Simonenko et al. 2008: Simonenko, A.V., Marčenko, I.I., Limberis, N.Yu. 2008. *Römische importe in Sarmatischen und Maiotischen grabern zwischhen untere Donau und Kuban*. Mainz: Philipp von Zabern.
- Treister, M., Yatsenko, S. 1998. About the Centers of Manufacture of Certain Series of Horse-Harness Roundles in "Gold-Turquoise Animal Style" of the 1st — 2nd Centuries AD. *Silk Road Art and Archaeology* 5, 51—106.
- Yatsenko, S.A. 2012. Essays on Anthropomorphic Images of Scythians. In: Rabadzhiev, K., Shalganova, T., Ganeva-Marazova, V., Stoichev, R. (eds.). *Izkustvo & Ideologiya*. Sofiya: Universitet'sko izdatelstvo "Sv. Kliment Orkhidski", 63—79.
- Yatsenko, S.A. 2013. Tattoo System in the Ancient Iranian World. In: Della Casa, P. (ed.). *Tattoos and Body Modifications in Antiquity. Proceedings of the sessions at the EAA annual meetings in The Hague and Oslo, 2010/11*. Zurich: Chronos Verl., 97—101.

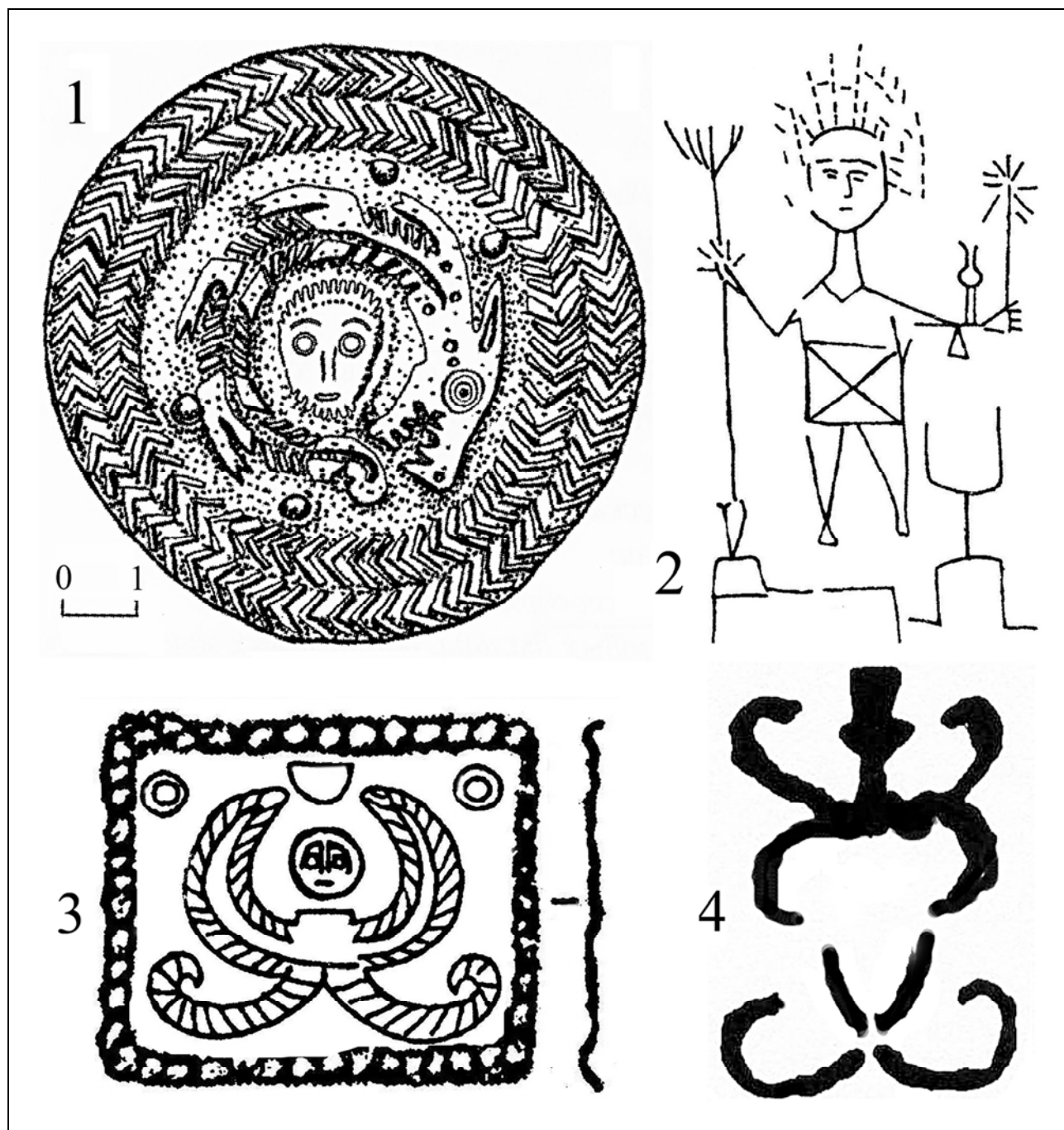

Рис. 1. Сцены с сарматскими божествами: 1 — Беслан, курган 186 (по Дзуцев, Малашев 2015: рис. 9: 1); 2 — «Тихе Хрисалиска» (по Сокольский 1975: рис. 4); 3 — Комарово, бляшка (по Гиджрати, Наглер 1985: 137, рис., 17); 4 — Неаполь Скифский, росписи склепа 1 (совокупная реконструкция по Попова 1987).

Fig. 1. Scenes with Sarmatian deities: 1 — Beslan, barrow 186 (after Dzutsev, Malashev 2015: fig. 9: 1); 2 — “Tyche of Chrysaliscos” (after Sokolskiy 1975: fig. 4); 3 — Komarovo, application (after Gidzhрати, Nagler 1985: 137); 4 — Neapolis Scythion, crypt 1 paintings (cumulative reconstruction after Popova 1987).

Рис. 2. Богиня с Мировым деревом и животными или с листом Древа: 1—2 — Хохлач (2 — реконструкция) (по Засецкая 2011: илл. 2, 5, 18); 3 — Кобяково, курган 10; 4 — Усть-Лабинская, курган 46 (основа: Засецкая 2011: илл. 34, 36, реконструкция автора); 5 — Бельбек IV, могила 81 (по Яценко 1992: рис. 2: 6); 6—7 — Бельбек IV, могилы 81 и 101 (по Гущина, Журавлев 2016: табл. 49: 7, 58: 3); 8 — Елизаветинская 1, могила 19 (по Simonenko et al. 2008: taf. 193: 7).

Fig. 2. The goddess with the World Tree and animals or with a Leaf of the Tree: 1—2 — Khokhlach (2 — reconstruction) (after Zasetskaya 2011: figs. 2, 5, 18); 3 — Kobyakovo, barrow 10; 4 — Ust-Labinskaya, barrow 46 (based on: Zasetskaya 2011: fig. 34, 36, author' reconstruction); 5 — Belbek IV, grave 81 (after Yatsenko 1992: fig. 2: 6); 6—7 — Belbek IV, graves 81 and 101 (after Gushchina, Zhuravlev 2016: pls. 49, 7; 58, 3); 8 — Elizavethinskaja 1, grave 19 (after Simonenko et al. 2008: taf. 193: 7).

Рис. 3. Богиня в кресле с подъезжающим всадником и Мировым деревом: 1 — Пазырык, курган 5 (по Засецкая 2011: илл. 133); 2 — Мерджаны (по Засецкая 2011: илл. 130); 3 — Мерджаны (по Яценко 2000: рис. 1: 2); 4 — Галиче (по Тракийски съкровища в България 1978: № 19); 5 — Галиче (по Яценко 2000: рис. 1: 1); 6 — Екатеринбург, около 1872 г. (фото Ю.А. Раева); 7 — Екатеринбург, около 1872 г. (по Яценко 1999: 283); 8 — «склеп Анфестерия» (по Засецкая 2011: илл. 131).

Fig. 3. Goddess in a chair with a horseman and a World Tree: 1 — Pazyryk, barrow 5 (after Zasetskaya 2011: fig. 133); 2 — Merdzhany (after Zasetskaya 2011: fig. 130); 3 — Merdzhany (after Yatsenko 2000: fig. 1: 2); 4 — Galiche (after Trakiiski sokrovishcha v Bulgaria 1978 No. 19); 5 — Galiche (after Yatsenko 2000: fig. 1: 1); 6 — Ekaterinodar, ca. 1872 (photo by B.A. Raev); 7 — Ekaterinodar, ca. 1872 (after Yatsenko 1999: 283); 8 — “Anthesterios Crypt” (after Zasetskaya 2011: fig. 131).

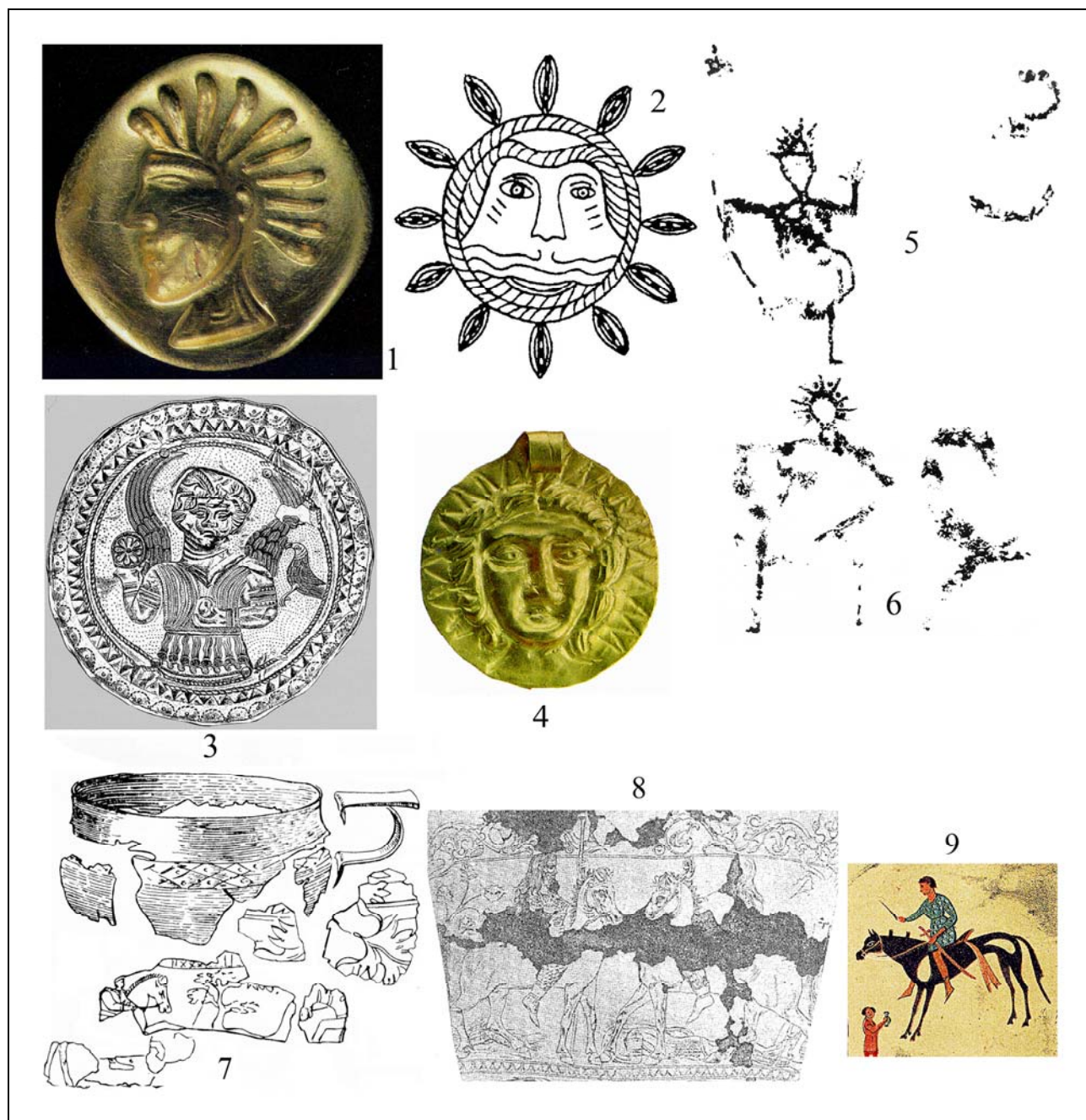

Рис. 4. Бог солнца (1—4), адорация конного бога (7—8) и всадник с жезлом (8—9): 1 — курган Иссык (по Акишев 1983: 103); 2 — Балаклея (по Яценко 2000: рис. 1: 5); 3 — Янчокрак (по Засецкая 2011: рис. 43); 4 — хут. Элитный (Анфимов 1987: 200); 5—6 — Неаполь Скифский, склеп 1 (по Попова 1987: рис. 3—4); 7 — канфар из ст. Воздвиженской (по Гущина, Засецкая 1989: табл. IV: 50); 8 — Карагодеуашх (по Шауб 2007: рис. 21); 9 — «склеп Анфестерия» (по Засецкая 2011: илл. 131).

Fig. 4. The Sun god (1—4), the adoration of the god-horseman (7—8) and the horseman with a rod (8—9): 1 — Issyk barrow (after Akishev 1983: 103); 2 — Balakleia (after Yatsenko 2000: fig. 1: 5); 3 — Ianchokrak (after Zasetskaya 2011: fig. 43); 4 — Elitnyi (after Anfimov 1987: 200); 5—6 — Neapolis Scythion, crypt 1 (after Popova 1987: figs. 3—4); 7 — cantharos from Vozdvizhenskaia (after Gushchina, Zasetskaya, 1989: pl. IV: 50); 8 — Karagodeuashkh (after Schaub 2007: fig. 21); 9 — “Anthesterios Crypt” (after Zasetskaya 2011: fig. 131).

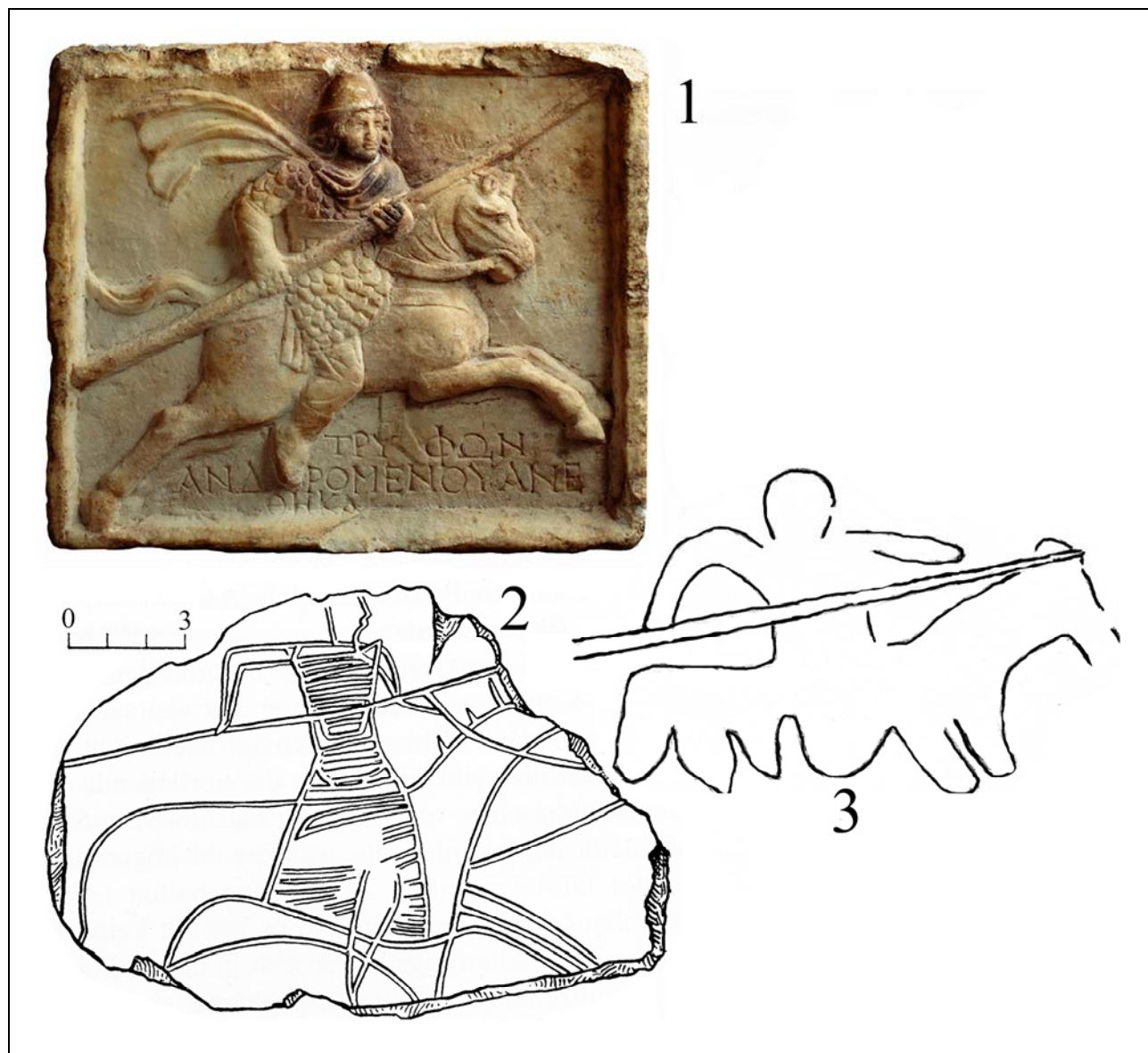

Рис. 5. Бог войны (?): 1 — рельеф Трифона, Танаис (по museum-tanais.ru: 1); 2 — Илурат (по Шургая1983: рис. 4); 3 — склеп у р. Гиляч (по Минаева 1971: рис. 2: 3).

Fig. 5. The god of war (?): 1 — relief of Tryphon, Tanais (after museum-tanais.ru: 1); 2 — Ilurat (Shurgaya1983: fig. 4); 3 — the crypt at the Gilyach River (after Minaeva 1971: fig. 2: 3).

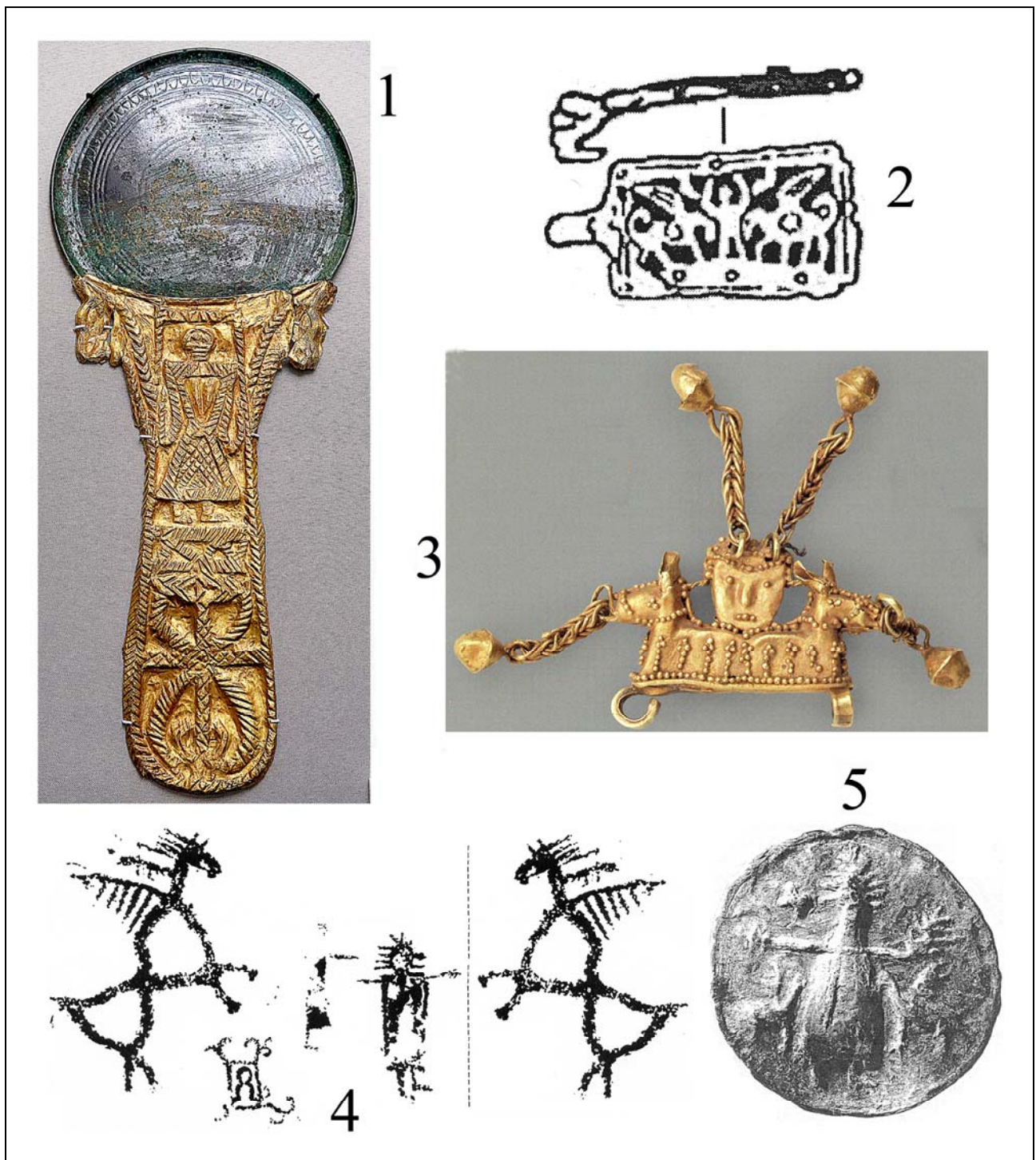

Рис. 6. Богиня с двумя лошадьми: 1 — Майеровский III, курган 4 (фото автора); 2 — Чистенькое (по Яценко 2015: рис. 5: 2); 3 — Курджипс, впускное погребение (по Засецкая 2011: илл. 30); 4 — Неаполь Скифский, склеп 1 (реконструкция на основе: Попова 1987); 5 — Илурат (по Шауб 2007: рис. 25).

Fig. 6. Goddess with two horses: 1 — Mayerovskii III, barrow 4 (photo by the author); 2 — Chistenkoe (after Yatsenko 2015: fig. 5: 2); 3 — Kurdzhips, second burial (after Zasetskaya 2011: fig. 30); 4 — Neapolis Scythion, crypt 1 (reconstruction based on: Popova 1987); 5 — Ilurat (Schaub 2007: fig. 25).

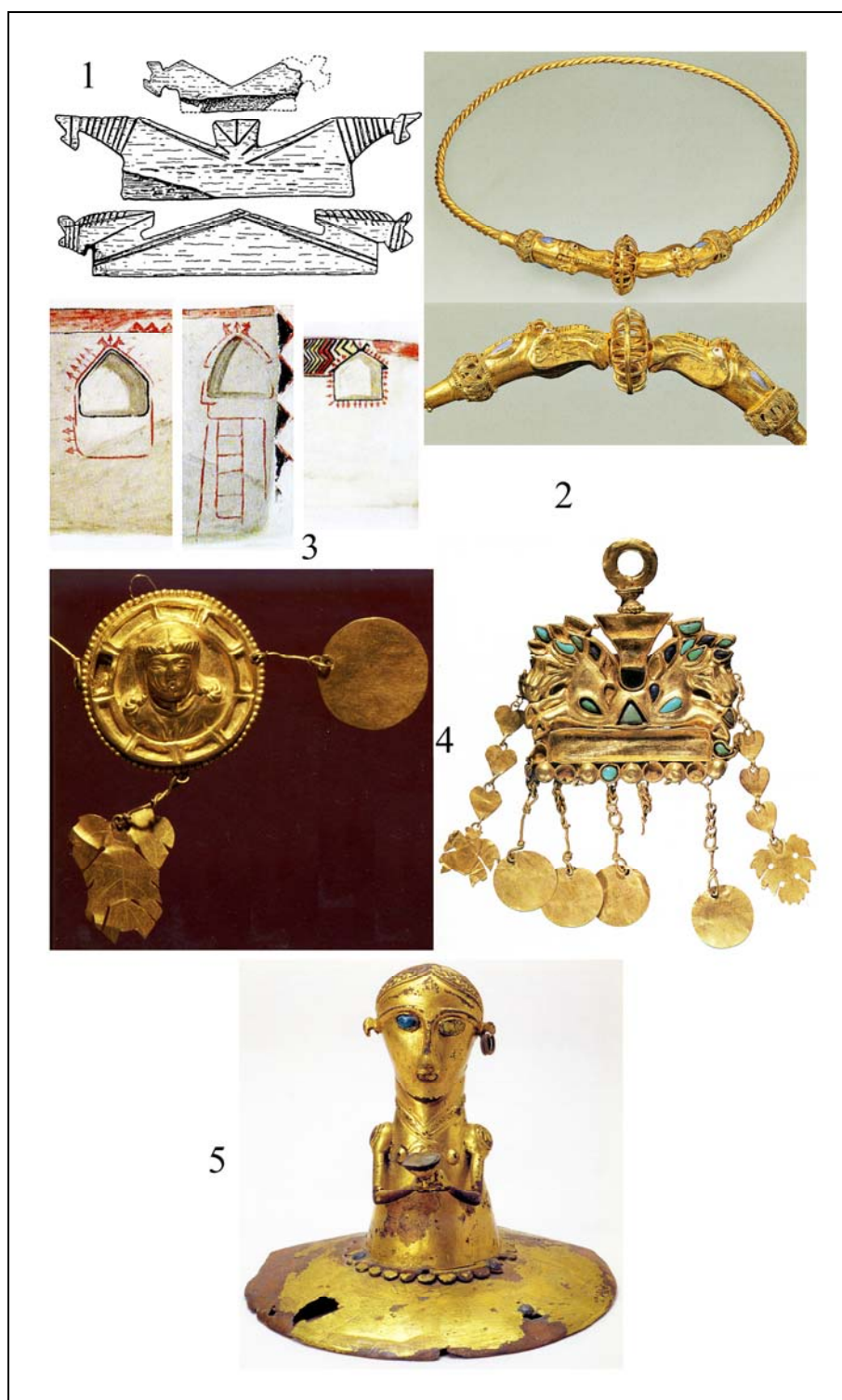

Рис. 7. Богиня с двумя лошадьми: геральдические пары лошадей и композиция из двух элементов: 1 — раннесарматские гребни (по Мошкова 1963: табл. 26); 2 — Пороги (по Засецкая 2011: илл. 51); 3 — Неполь Скифский, склеп 9 (по Яценко 2022: рис. 3); 4 — Тилля-тепе, могила 3 (по Sarianidi 1985: Cat. 3, Nos. 15: 50); 5 — богиня на конском начельнике (по Габуев 2005, № 138).

Fig. 7. A goddess with two horses: heraldic pairs of horses and a composition with two elements: 1 — Early Sarmatian crests (after Moshkova 1963: pl. 26); 2 — Porogi (after Zasetskaya 2011: fig. 51); 3 — Neapolis Scythion, crypt 9 (after Yatsenko 2022: fig. 3); 4 — Tillya-tepe, grave 3 (after Sarianidi 1985: Cat. 3, Nos. 15: 50); 5 — the goddess on a horse eve (after Gabuyev 2005, No. 138).

Рис. 8. Сидящий бог с сосудом в руках (1—3, 5—6, 9, 11—12: по Яценко 2011: рис. 1: 3—4, 7—9): 1 — Соколова Могила; 2—3 — Кобяково, курган 10; 4 — Алытуб (по Сокровища 2004: 93); 5 — некрополь Фанагории; 6 — р. Кальмиус, 1986 г.; 7 — р. Кальмиус, 1896 г. (фото: Одесский археологический музей, 1970-е гг.); 8, 10 — Исыкский клад (фото О. Белялова); 9 — Исыкский клад; 11 — Турфанский оазис; 12 — Хасанлу.

Fig. 8. A sitting god with a vessel in his hands (1—3, 5—6, 9, 11—12: after Yatsenko 2011: fig. 1: 3—4, 7—9): 1 — Sokolova Mogila; 2—3 — Kobyakovo, barrow 10; 4 — Alytub (Treasures 2004: 93); 5 — necropolis of Phanagoria; 6 — Kalmius River, 1986 y; 7 — Kalmius River (photo: Odessa Archaeological Museum, 1970s); 8, 10 — Issyk Treasure (photo by O. Belialov); 9 — Issyk Treasure; 11 — Turfan Oasis; 12 — Hasanlu.

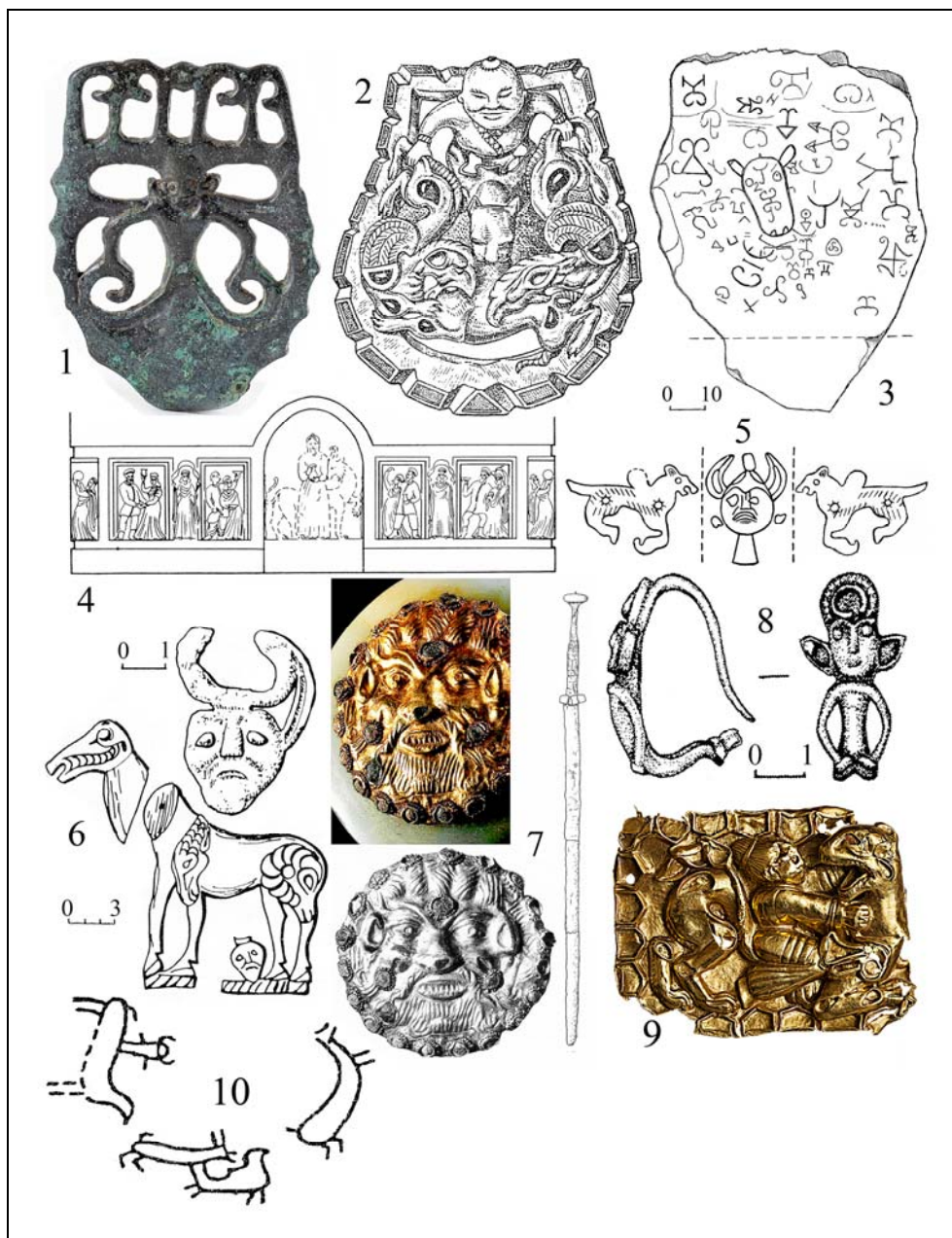

Рис. 9. Бог — хозяин животных с ушами копытного (1, 3—8, 10) и с барсом (2, 9): 1 — Тамань, 2007 г. (по Шауб, Яценко 2022: рис. 1); 2 — Пороги (по Симоненко, Лобай 1991: рис. 12: 1); 3 — Кривой Рог (по Яценко и др. 2022: рис. 4); 4 — Топрак-кала, Зал танцующих масок (по Топрак-кала 1984: рис. 34); 5 — Ростов-на-Дону, курган 1983 г. (по Яценко 2015: рис. 5: 3); 6 — Уландрык III, курган 4 (по Кубарев 1987: табл. LXII: 12—13); 7 — Лебедевка (фото М.Г. Мошковой); 8 — канал Волга — Чограй, группа 37, курган 8 (рис. М.А. Очир-Горяевой); 9 — Кочковатка (фото автора); 10 — Заветное, могила 14 (по Яценко 1992 рис. 1: 3).

Fig. 9. The Master of Animals with the ears of a hoof (1, 3—8, 10) and with leopard (2, 9): 1 — Taman, 2007 y. (after Schaub, Yatsenko 2022: fig. 1); 2 — Porogi (after Simonenko, Lobai 1991: fig. 12: 1); 3 — Krivoi Rog (Yatsenko et al. 2022: fig. 4); 4 — Toprak-kala, Hall of Dancing Masks (after Toprak-kala 1984: fig. 34); 5 — Rostov-on-Don, barrow of 1983 y. (after Yatsenko 2015: fig. 5: 3); 6 — Ulandryk III, barrow 4 (Kubarev 1987: pl. LXII: 12—13); 7 — Lebedevka (photo by M.G. Moshkova); 8 — Volga—Chograi Canal, group 37, barrow 8 (drawing by M.A. Ochir-Goryaeva); 9 — Kochkovatka (photo by the author); 10 — Zavetnoe, grave 14 (after Yatsenko 1992: fig. 1: 3).

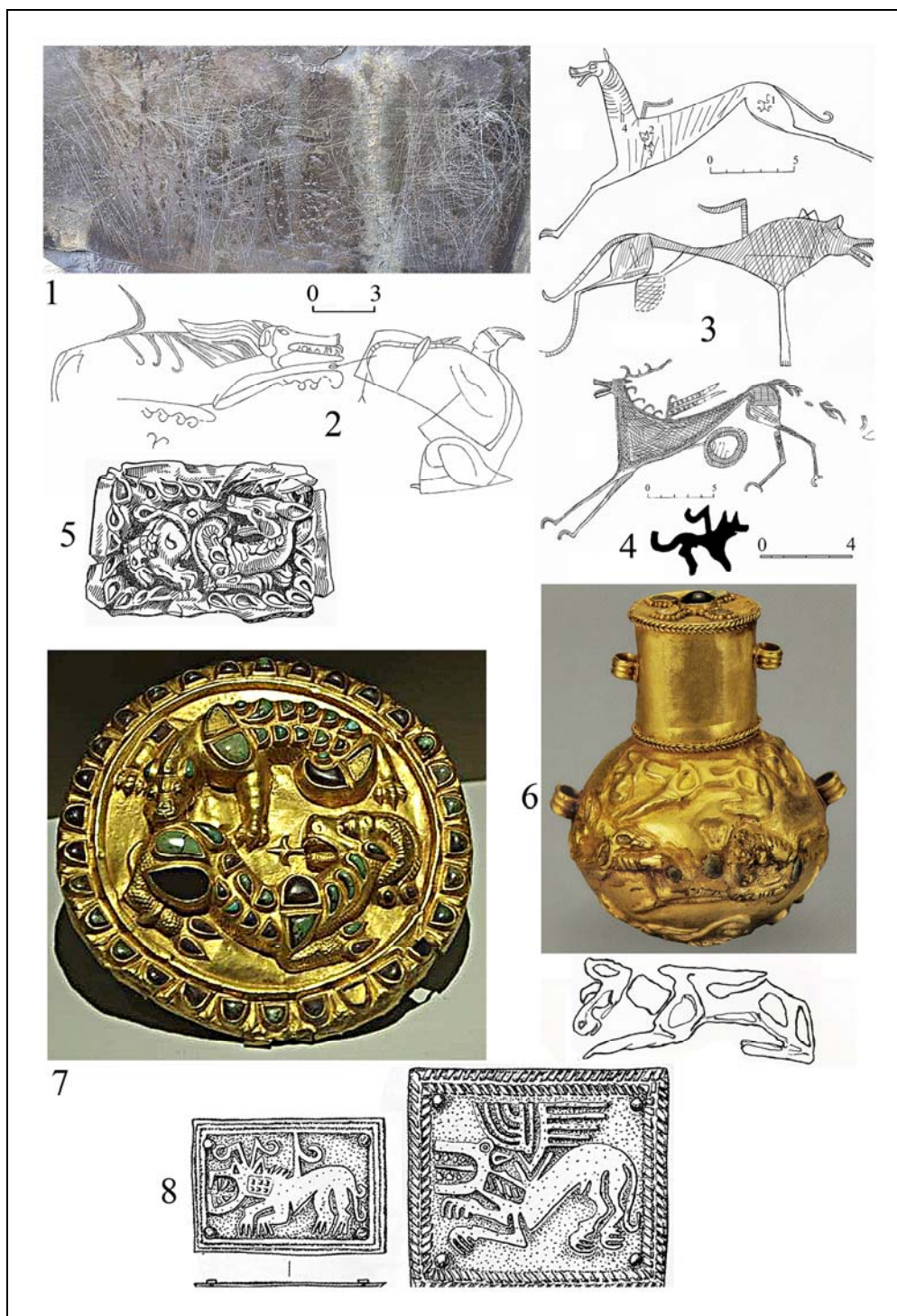

Рис. 10. Крылатые волки и их хозяин (?): 1 — Алмалы (фото А.Е. Рогожинского); 2 — Алмалы (рис. автора); 3 — Жалтыракташ; 4 — Бака-тобе (по Рогожинский и др. 2022: рис. 2); 5 — Кубань (по Руденко 1962: рис. 38); 6 — Кобяково, курган 10 (Засецкая 2011: илл. 61); 7 — клад из Гонио (georgia.europa-index.com: 1); 8 — Беслан, курган 150 (по Дзуцев, Малашев 2015: рис. 5: 2—3).

Fig. 10. Winged wolves and their Master (?): 1 — Almaly (photo by A.E. Rogozhinskii); 2 — Almaly (drawing by the author); 3 — Zhaltyraktash; 4 — Baka-tobe (after Rogozhinskii et al. 2022: fig. 2); 5 — Kuban (after Rudenko 1962: fig. 38); 6 — Kobyakovo, barrow 10 (after Zasetskaya 2011: fig. 61); 7 — Gonio Treasure (georgia.europa-index.com: 1); 8 — Beslan, barrow 150 (after Dzutsev, Malashev 2015: fig. 5: 2—3).

Рис.11. Некоторые греко-римские божества в культуре сарматов: 1 — комплект личин, Чугуно-Крепинка (по Simonenko et al. 2008: taf. 57: 1—3); 2—3 — Бэс и Афина, Усть-Лабинская, курган 32 (по Simonenko et al. 2008: taf. 83: 2, 8); 4 — Цемдолина, могила 9 (по Simonenko et al. 2008: taf. 62: 1); 5 — Дионис и Афина, Северский курган (по Анфимов 1987: 176); 6 — Афродита и Эроты, Курджипс, впускное погребение (по Анфимов 1987: 212).

Fig. 11. Some Greek-Roman deities in the Sarmatian culture: 1 — set of disguises, Chuguno-Krepinka (after Simonenko et al. 2008: taf. 57: 1—3); 2—3 — Bes and Athena, Ust-Labinskaya, barrow 32 (after Simonenko et al. 2008: taf. 83: 2, 8); 4 — Tsemdolina, grave 9 (after Simonenko et al. 2008: taf. 62: 1); 5 — Dionysus and Athena, Severskaya barrow (after Anfimov 1987: 176); 6 — Aphrodite and Erotes, Kurdzhips, second burial (after Anfimov 1987: 212).

История

History

УДК 94(363.1)

DOI: 10.53737/2713-2021.2022.36.69.007

С.В. Ярцев

**К ВОПРОСУ О ВЫДЕЛЕНИИ
ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОЙ ДИНАСТИЧЕСКОЙ ЛИНИИ
БОСПОРСКОЙ АРИСТОКРАТИИ***

В центре внимания — династическая история Боспорского царства на рубеже эр. Принимая во внимание мнение о царе Асандре как родоначальнике новой сармато-иранской династии, следует полагать, что члены этого клана опирались на родственные им сарматские племена, выходцы из которых служили боспорским царям — потомкам Великого Ахемена. Но после женитьбы Аспурга на фракийской принцессе Гипеирии и появления в среде сармато-иранской аристократии Боспора фракийской династической линии один из её представителей — Митридат VIII (III) — начал открытую борьбу за независимость от Римской империи. Полагая, что в числе кочевников, пришедших тогда из глубин Азии во главе с Фарзоем и Инисмеем, были родственники мятежного царя, следует выделить этих деятелей (вместе с частью родственной сармато-иранской знати Боспора) в центральноазиатскую династическую линию, лидеры которой затем неоднократно претендовали на трон в борьбе с представителями фракийской линии и сармато-иранскими аристократами.

Ключевые слова: Боспорское царство, Ольвия, Асандр, Аспург, Митридат VIII (III), Фарзой, Инисмей, Гипеирия, аспургиане.

Сведения об авторе: Ярцев Сергей Владимирович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории и археологии Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого.

Контактная информация: 300026, Россия, г. Тула, Проспект Ленина 125; Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого; e-mail: s-yartsev@yandex.ru.

S.V. Yartsev

**ON THE DESIGNATION
OF THE CENTRAL ASIAN DYNASTIC LINE
OF THE BOSPORAN ARISTOCRACY**

The paper focuses on the dynastic history of the Bosporan Kingdom at the brink of the eras. It is accepted here that King Asander should be considered the founder of the new Sarmatian-Iranian dynasty. The members of this clan relied on the related Sarmatians, who have been serving to the Bosporan kings, the descendants of Achaemenes the Great. However, after Aspurgus and Thracian princess Gepaepyris were married, and when the Thracian line arose side by side with the Sarmatian-Iranian aristocracy, one of them, Mithridates VIII (III), had started an open struggle for independence against the Roman Empire. It is assumed that the barbarians led by Pharzoius and Inismeus, who came at that time to the Northern Black Sea region from the depths of Asia, were relatives to the rebellious ruler. This is the reason why the noble nomadic comers together with some related Sarmatian-Iranian Bosporan aristocrats are classified here as the Central Asian dynastic line. Later, its leaders have repeatedly been making claims to the throne, when defending their rights and fighting against representatives of the Thracian line, as well as against those from the milieu of the Sarmatian-Iranian aristocracy.

* Статья поступила в номер 30 ноября 2022 г.
Принята к печати 12 декабря 2022 г.

Key words: Bosporan Kingdom, Olbia, Asander, Aspurgus, Mithridates VIII (III), Pharzoius, Inismeus, Γεραεργίς, the Aspurgiani.

About the author: Yartsev Sergey Vladimirovich, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Chair of History and Archeology, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University.

Contact information: 300026, Russia, Tula, 125 Lenin Avenue, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University; e-mail: s-yartsev@yandex.ru.

Нельзя сказать, что тема внутривосточной борьбы среди правящей элиты в Боспорском царстве в римское время совсем не вызывает интерес среди ученых. В той или иной степени ее затрагивают многие исследователи (Сапрыкин 1996; Зубарь 1998; Горончаровский 2003: 161—170; 2005: 337—358; Шаров 2009). Тем не менее, отдельных работ, посвященных боспорским династиям римского времени, практически нет. Наше же исследование, посвященное сармато-иранской аристократии, сейчас представляется устаревшим, так как в нем две различные династические линии были объединены в рамках единой династии (Ярцев 2016).

Очевидно, что обе династические линии происходят от Митридата VI Евпатора, активно проводившего антиримскую политику. Присоединив Боспор к своим владениям, этот могущественный царь стремился противопоставить греческим полисам царскую хору, в которой была создана сеть военно-хозяйственных поселений в основном с варварским населением. Такие поселенцы не просто жили на царской земле и выплачивали за нее определенную ренту (Сапрыкин 2006: 79—98; Зубарь, Зинько 2006: 137—139). Важной особенностью новой политики Митридата VI Евпатора по укреплению союзов с варварами было заключение династических браков с их лидерами (App. Mithr., 117; Plut. Pomp., XLII). Как известно, этот могущественный царь посылал им не только дары, но и своих дочерей в жены (App. Mithr., 78, 108).

Скорее всего, именно эти события скрывают тайну происхождения будущего боспорского царя Асандра. Являясь выходцем из какого-то варварского племени¹, ему удалось утвердиться на троне и даже жениться на Динамии — внучке Митридата VI Евпатора. Что позволило ему легализовать свою власть (Сапрыкин 1996: 297—301, 311—315). На бронзовых монетах их сына Аспурга известны тамги и (Блаватский 1976: 58; Цветаева 1979: 15; Масленников 1990: 162—163; Сапрыкин 1985а: 66; Чореф 2013: рис. 9: 4, 5; 2019: рис. 1: 10, 11; Яценко 2019: рис. 1: 1а). В них следует видеть дифференты (Чореф 2019: 103).

Не менее интересно и следующее обстоятельство. Верхняя часть обозначений и представляет собой достаточно редкий для иранского мира рисунок двузубца, отростки которого специально «изломаны» под прямым углом. При этом аналог данной тамги уводит нас не в Иран, а в Южную Монголию, к петроглифам горы «Дающая» (Драчук 1975: 61; Яценко 2001: 47—48). Вполне возможно, что схожая тамга была у отца Аспурга. Ранее мы уже предполагали, что тамгой Асандра вполне может являться один из родственных Аспургу символов² (Ярцев 2016: 28, прим. 4), например, достаточно похожий на него знак с «изломом» отростков в противоположную сторону под острым углом (Яценко 2001: 48, 154, рис. 4/19). В этой связи, мы согласны с мнением Ю.М. Десятчикова, что именно Асандра необходимо считать родоначальником новой сармато-иранской династии (Десятчиков 1974: 18). По-видимому, этот царь являлся вождем аспургин (Ptolem., V, 8, 17—25; Herod. Techn., VII,

¹ По этой причине на его бронзовых монетах, выпущенных в период архонтата, могли появиться тамги варварских кланов (Чореф 2016).

² Вполне возможно, что по этой причине подобного рода элементы входят в состав знаков царей Боспора (Яценко 2001; Чореф 2021).

180, 2; Tab. Peut., Col. 620; Steph. Byz. s.v. aspourgianoī), часть которых возможно действительно базировалась где-то на землях между Фанагорией и Горгиппией (Strabo, XI, 2,11), например, в районе так называемой резиденции Хрисалиска (Сокольский 1976: 89). По-видимому, здесь указанные поселенцы³, находясь на военной службе царя, охраняли границу, одновременно занимаясь земледелием и ремеслом (Ростовцев 1914: 16; Сапрыкин 1985а: 65—78). Учитывая, что античные авторы настойчиво называют данных варваров племенем, вероятнее всего основная масса аспургиан располагалась за пределами границ Боспора. В этой связи вполне допустимо отождествить последних с зубовско-воздвиженской группой памятников в районе среднего течения р. Кубань, где были отмечены яркие восточные элементы азиатских культурных традиций (Туаллагов 2008: 109). Учитывая, что похороненные здесь воины — катафрактары были представители аристократии, пришедшей в Северное Причерноморье в середине I в. до н.э. откуда-то с востока (Лысенко 2007: 36; Щукин 2006: 173), их не просто отождествить с теми или иными группами варваров. Утверждения, что аспургиане это сираки (Смирнов 1952: 14—15; Пуздровский 2001: 104), меоты (Абрамова 2000: 123—128) или даже аланы (Раев, Яценко 1993: 111—125), продолжают оставаться в достаточной степени гипотетичными. Во многом причиной этого является то обстоятельство, что, наименование «аспургиане» за длительный период использования, по-видимому, превратилось в нарицательное (КБН 1965: № 36, 1246, 1248). Во всяком случае, после событий Боспоро-римской войны 45—49 гг. н.э., когда в Северном Причерноморье произошли серьезные этнические передвижения огромных масс племен (Виноградов 1994: 164—165; Зубарь 1998: 32—33; Пуздровский 2001: 104; Šćukin, Kazanski, Sharov 2006: 4; Виноградов 2009: 82), какая-то часть аспургиан явно отошла в долину р. Цемес, в район современного города Новороссийска. В этом районе исследователями Цемдолинского некрополя отдельно выделяется II хронологическая группа данного памятника (вторая половина I — начало II в.) основу которой, как раз и составляют мужские захоронения воинов—всадников с мощным защитным и наступательным вооружением, безусловно, аспургиан (Довгалюк и др. 2008: 279—280). При этом некоторые особенности погребального обряда ожидаемо имеют параллели с погребениями сарматской знати зубовско-воздвиженского круга (Довгалюк и др. 2008: 133, 150, 164, 167), которые в указанное время начинают постепенно исчезать (Пуздровский 2001: 104; Šćukin, Kazanski, Sharov 2006: 3).

Надо сказать, что в это время произошли важнейшие события, оказавшие влияние на всю последующую политическую историю Боспорского царства. По-видимому, по инициативе Тиберия, преследовавшего идею династической связи двух зависимых царств, Аспург женится на Гипеппии — представительнице фракийского правящего дома Сапеев (Сапрыкин 1984: 141—152; 2002b: 163—165). Считается, что два сына Аспурга от этого брака: Митридат VIII (III) и Котис I, фактически стали продолжателями боспорской сармато-иранской династии (Фролова 1997: 74—80; Зубарь 1998: 30—31; Сапрыкин 2002b: 235; Чореф 2020b: 94—95). Но если Котис I вместе с матерью выступил на стороне Рима, то Митридат VIII (III), полностью оправдывая свое имя, попытался освободиться, хотя бы частично, от римской зависимости. Даже если вначале, через свою мать, он и демонстрировал принадлежность к правящей римской династии Юлиев—Клавдиев (Чореф 2020b: 97—98), то впоследствии этот боспорский царь принципиально отказался от такой проримской политики и развернул свою внешнеполитическую линию на прямо противоположный курс.

При этом если в начавшемся противостоянии на стороне римлян и Котиса выступили аорсы, то Митридата VIII (III) поддержали сираки (Тас. Ann., XII, 15—21) и, по-видимому,

³ Арёалы расселения и миграции варваров прослеживаются по их знакам (Винокуров, Чореф 2021; Чореф 2020а; Яценко 2009; 2017; 2019; 2020; Яценко и др. 2019; Яценко и др. 2020; Яценко, Рогожинский 2021).

ольвиополиты. К сожалению, интерпретацию надписи из Ольвии (IOSPE I²: No. 38), которая судя по всему, все же является декретом в честь боспорского царя Митридата VIII (III), осложняет ее вторичное использование в качестве посвятельной надписи. Однако остатки уникальной титулатуры царя Митридата VIII (III) («друг отечества и друг союзников») известной по другой надписи (КБН 1965: № 1123) и другие особенности текста позволяют в научной дискуссии склониться к мнению, что Ольвия, в какой-то степени все же имела отношение к антиримской деятельности боспорского царя (Зубарь 1998: 35; Сапрыкин 1985b: 72—73; Яйленко 2017: 586—587). Тем не менее, Котису I и аорсам удалось победить Митридата VIII (III) и его союзников сираков (Абрамзон, Винокуров 2016: 714—718). Правда, не совсем ясной представляется картина добровольной сдачи Митридата VIII (III) в плен царю аорсов Эвну (Тас. Апп., XII, 17—21), так как он совсем не походил на человека, который смирился со своим поражением: «Пред тобою добровольно явившийся Митридат, которого на протяжении стольких лет на суше и на море преследуют римляне; поступи по своему усмотрению с потомком великого Ахемена — лишь одного этого враги не отняли у меня» (Тас. Апп., XII, 18). С одной стороны, Митридат VIII (III) не мог не понимать наличие угрозы выдачи его римлянам, после такого своего шага, что в принципе и произошло. Однако с другой стороны, не исключено, что боспорский царь на что-то надеялся и сдача его в плен, возможно, являлась лишь хитрым ходом в сложной игре, который позволял вскоре продолжить борьбу. Если непосредственно исходить из текста Тацита, выходит, что Митридат VIII (III) рассчитывал на долгое препирательство Эвны с Клавдием по поводу его дальнейшей судьбы, и, следовательно, хотел выиграть время. Кроме того, заметим, что своей добровольной сдачей в плен царю аорсов Эвну мятежный боспорский царь прекращал военные действия не только против себя, но и против своих людей, у которых, таким образом, появлялся шанс спастись. К сожалению, нам неизвестно, был ли Митридат VIII (III) женат и были ли у него дети. В противном случае, это многое объяснило бы в поведении царя, особенно его дерзость Клавдию в Риме: «Меня не привели к тебе, я прибыл по собственной воле. Если ты сомневаешься в этом, отпусти меня и попробуй потом найти» (Dio. Cass. Hist. Rom., LXI, 32, 4). По-видимому, Митридат VIII (III) «ведущий свой род от знаменитого царя того же имени» (Dio. Cass. Hist. Rom., LX, 8, 2), хорошо знал, что не является последним представителем гордой сармато-иранской династии, а те, кому в свое время угрожала опасность, уже спаслись и находятся в безопасном месте. Вот почему, добровольную сдачу царя в плен аорсам, при фрагментарности дошедших до нас сведений, сейчас сложно оценивать однозначно. Все могло быть совсем не так, как изображают нам римские авторы.

В связи со всем вышесказанным, необходимо обратить внимание на ряд обстоятельств, которые хотя и косвенно, но все же свидетельствуют в пользу того, что разбитый аорсами боспорский царь не собирался окончательно сдаваться и отказываться от борьбы. Не для того он демонстративно размещал на своих монетах атрибуты божественных предков боспорских царей (лук в колчане, львиная шкура, палица Геракла и трезубец Посейдона), эффектно подчеркивая связь со своими божественными предками, и, в первую очередь, с Митридатом VI Евпатором (Фролова 1997: 82; Горончаровский 2003: 165). При этом, идеологическая установка царя вряд ли подразумевала концентрацию внимания на фракийском правящем доме (сын Посейдона — Евмолп, считался родоначальником фракийцев (Алексеева 2016: 47). Последнее было маловероятно по причине конфликта Митридата VIII (III) со своей матерью — представительницей фракийского правящего дома, не поддержавшей сына почти в самом начале его самостоятельного правления (Cass. Dio. Hist. Rom., LX, 28, 7; Petr. Patr. Hist., A.C. 47. Claud. 8) (Чореф 2020b: 99). Однако помимо хорошо продуманной идеологической составляющей антиримской политики мятежный царь

своими целенаправленными и продуманными действиями добился успеха и в деле возмущения племен (Тас. Апп., XII, 15). В этой связи, учитывая безусловное наличие родственных центральноазиатских связей у аспургиан, будет считаться невероятным игнорирование Митридатом VIII (III) данного ключевого фактора в развернувшейся борьбе со своими врагами. Вряд ли такое могло быть в той реальной сложившейся ситуации. Ранее мы уже осторожно предполагали, что относительная хронологическая близость разгрома боспорского царя Митридата VIII (III) с появлением сначала в Северо-Восточном Причерноморье, а потом и на всем пространстве северопричерноморских степей нового грозного воинства Фарзоя, возможно, совершенно не случайна. Грозных кочевников могли специально пригласить на помощь потерпевшему поражение боспорскому царю (возможно, своему дальнему родственнику?), а также своим сородичам, насильственно сгоняемых со своей земли победителями (Ярцев 2014: 124). В этой связи может быть добровольной сдачей в плен Митридат VIII (III) пытался не только спасти близких ему людей, но и оттянуть время до подхода помощи с востока. Однако когда подошла данная помощь, боспорский царь был уже передан римлянам. Поэтому, в новой изменившейся ситуации Фарзой и Инисмеей, скорее всего, стали действовать исходя из собственных интересов, решив подчинить своей власти местные племена и установив особые отношения с Ольвией (Ярцев 2014: 124—125). Сложные условия, в которые местные варвары поставили Херсонес и другие античные города Северного Причерноморья в ходе общей дестабилизации обстановки, вынудили римлян отправить сюда наместника Мёзии Тиб. Плавтия Сильвана Элиана с крупным воинским контингентом. Вероятно, именно этот государственный деятель и заключил с Фарзоем союзный договор, подразумевающий, помимо прочего, чекан монет с именами варварских царей, в том числе и золотых с титулом «базилевс» (Ярцев 2014: 105—136). Монеты, как известно, выходили в Ольвии в начале до 64 г. по старому аттическому стандарту, затем еще лет 10—12 по римской весовой системе⁴ (Карышковский 1982: 66—82).

Археологическим отражением появления в Северном Причерноморье новых выходцев с востока и установлением здесь гегемонии варваров Фарзоя и Инисмея являются погребальные памятники от Нижнего Дона до Приднестровья (курганы Садовый, Хохлач, Дачи, Кирсановский, Пороги, Рошава Драгана в Болгарии т.д.) с вещами т.н. бирюзово-золотого стиля (Щукин 2005: 63—65). Где-то этих вещей больше, где-то меньше, но однозначно все они являются своеобразным маркером новой аристократии, пришедшей в Северное Причерноморье откуда-то из глубин Азии. И.П. Засецкая называет стиль, в котором сделаны эти вещи, полихромным звериным стилем, отмечая при этом, что он характерен не для всех сарматских «княжеских» захоронений этого времени. Например, для определенной части населения того же Нижнего Дона этот вид искусства оказался полностью чужд. При этом отсутствие корней в сарматском искусстве более ранней эпохи и наличие аналогов на востоке однозначно указывают на мир ираноязычных племен — саков Сибири и массагетов Средней Азии, откуда, по-видимому, и появились эти пришельцы (Засецкая 2011: 256—257). Тем не менее, целый ряд предметов, таких как луки гуннского типа (они были обнаружены в погребениях Порогов, Усть-Лабинской и Суловского могильника, и являются единственными находками такого оружия за пределами хуннской территории в это время), ярусные наконечники стрел (которые могли попасть в Северное Причерноморье из Монголии только с их хозяевами), мечи китайского происхождения и другие вещи, определенно указывают на то, что продолжатели зооморфного искусства Евразии древних скифских племен проникли в Северное Причерноморье из центральноазиатских районов (Симоненко 2010: 135, 2012а: 392—402). Не исключено, что они, каким-то образом были связаны

⁴ Так что не случайно на статыры Фарзоя были наложены надчеканки с монограммами имен римских императоров (Чореф 2018).

с некоторыми группами хунну, которые вместе с сарматами появились в северопричерноморском регионе, как считал еще М.Б. Щукин (Щукин 2005: 223—224).

В этой связи крайне примечательно то, что самые ранние проявления в Северном Причерноморье, еще задолго до римско-боспорской войны 45—49 гг., данного звериного бирюзово-золотого стиля зафиксированы именно в погребении около Зубовского хутора в Прикубанье (Гущина, Засецкая 1989: 119, табл. XI; Щукин 2005: 65), то есть в среде аспургин, как известно тесно связанных с Асандром, Аспургом и соответственно Митридатом VIII (III). Любопытно, но тамги Фарзоя и Инисмея, которые известны нам по монетам с именами этих царей, а также по целому ряду вещей из некоторых указанных богатых погребений Северного Причерноморья, также имеют отношение к зубовско-воздвиженской группе памятников. Именно здесь еще задолго до указанных событий начинают появляться знаки, не имеющие параллелей на этой территории в более раннее время, иногда напоминающие тамги Фарзоя и Инисмея (Раев, Яценко 1993: 113, 121; Яценко 2001: 48—49, 154, рис. 4; Савельев 2005: 57). Не случайно, по-видимому, даже в самой столице в Пантикапее присутствует тамга Фарзоя, обнаруженная на зеркальце-подвеске (Яценко 2001: 49). Считается, что тамга этого царя попала сюда из восточносакского культурного мира, возможно через территорию Хакасии, Хорезма (Яценко 2001: 49). Однако заметим, что знаки как Фарзоя, так и Инисмея (та же самая тамга, но с добавленным кружком в центре (Яценко 2001: 50), в принципе того же самого типа, что и тамга Аспурга — это размещенный вверх и вниз обычный двузубец. Только теперь отростки его не «изломаны» под прямым углом, а плавно закручены дугой вовнутрь. Конечно, такая условная схожесть родовых знаков не может являться доказательством родства появившихся в Северном Причерноморье Фарзоя и Инисмея с правящей боспорской сармато-иранской династией Асандра—Аспурга—Митридата VIII (III). Тем не менее, обращает на себя внимание, что точные аналоги тамг Фарзоя и Инисмея, помимо Хакасии (тамга Фарзоя) и Юго-Западной Монголии (тамга Инисмея) малоизвестны в Азии и более всего связаны с Боспором, Ольвией и с прилегающими к античным государствам территориями (Яценко 2001: 48—50). Кроме того, невозможно пройти мимо факта схожести отдельных изображений царя Фарзоя на ольвийских монетах с некоторыми портретами Митридата VIII (III) на боспорских статерах. Перед нами явное желание продемонстрировать окружающим близкую связь между этими людьми (как будто сын пытался подчеркнуть родство со своим мужественным, выступившим против Рима, отцом). Тем более что речь идет, безусловно, о портретах, которые реально передают индивидуальные черты конкретных людей. Обычно указанная схожесть в легком наклоне шеи вперед, слегка приподнятой голове, волосах, окаймляющих лоб в виде валика, концентрации внимания на крупном носе и т.д., интерпретируется в качестве примера использования одних и тех же художественных приемов выдающегося боспорского резчика, якобы приглашенного властями Ольвии для подготовки штемпелей монет Фарзоя. Однако сам же С.А. Коваленко, который исследовал этот вопрос, обратил внимание на нелогичность такой версии, в случае, если бы Ольвия участвовала в Боспоро-римской войне 45—49 гг. на стороне Митридата VIII (III) (Коваленко 2017: 249—255). Однако мы знаем, что Ольвия все же участвовала в этих событиях. Поэтому Фарзой совершенно не случайно сделал центром своего владычества именно Ольвию, где и производил чекан своей монеты. Это действительно был город, поддерживавший Митридата VIII (III), и, видимо, только здесь, после завершения событий, можно было найти прибежище сторонникам низложенного боспорского царя. Вот почему, нас не должны удивлять появившиеся здесь в I — начале II в. н.э. некие боспорские беженцы, которых вполне устраивала жизнь вдали от своей родины

под контролем и властью варварских царей. При этом после смерти надгробия им официально ставились должностными лицами Ольвийского государства (IOSPE I²: No. 202, 203, 204, 205, 229). Это свидетельствует в пользу принадлежности данных боспорян к высшей социальной группе античного населения. При этом, судя по изображению одного из таких героизированных умерших в виде всадника, лишенного всякого вооружения, представить его в виде представителя боспорского воинского гарнизона, якобы посланного римлянами в Ольвию для защиты города, не представляется возможным (Зубарь 1998: 70—72; Ярцев 2016: 32). По мнению А.С. Русяевой, в Ольвии в данное время, осела какая-то часть сарматов вместе с боспорскими сторонниками плененного Митридата VIII (III) (Русяева 1989: 192—193). Это согласуется с тем, что именно здесь и в ближайшей округе, на территории, подконтрольной царям Фарзою и Инисмее, появляются тамги родственных им кланов. Например, в одном из захоронений вблизи Ольвии вместе с тамгой Фарзоя была размещена и тамга 𐀓. Как справедливо считает С.В. Воронятов, экспансию в Северо-Западное Причерноморье совершили сарматы, которые воспринимали указанных боспорских царей своими покровителями (Воронятов 2008: 351).

По нашему мнению, появившиеся в Северном Причерноморье новые выходцы с востока являлись такими же родственниками боспорской сармато-иранской династии, как до этого и аспургiane, которых, например тот же Аспург, по данной причине, даже не включил в список подвластных племен (Сапрыкин 2002a: 212, 219). В противном случае, тогда будет невозможно объяснить попытку Ининфимея и Фарсанза захватить власть на Боспоре в III в. н.э. Судя по именам и тамгам, они действительно относились к представителям сармато-иранской аристократии центральноазиатской династической линии — потомкам царей Фарзоя, Инисмея и возможно Митридата VIII (III) (Ярцев и др. 2015: 61—74; Ярцев 2016: 34—35). С одной стороны, мы видим, что уже ко II в. н.э. варвары Фарзоя и Инисмея в полностью растворились среди коренного населения Северного Причерноморья, что следует из полного исчезновения изделий полихромного звериного стиля, неизвестных уже носителям позднесарматской культуры (Засецкая 2011: 256—257). Однако, с другой стороны, сам факт борьбы за власть на Боспоре указанными людьми в более позднее время, свидетельствует о том, что собственно династия продолжила существование, представители которой прекрасно осознавали свои особые права и поэтому смело предъявляли претензии на боспорский трон. При этом главными врагами для них являлись люди, также принадлежащие к сармато-иранской аристократии, но только фракийской династической линии — потомки Котиса I и Рескупорида I. Напомним, что для последних были характерны тесные связи с поздними сарматами, нашедшие отражение в сложносоставных тамгах, так называемых «триденсах», которые разумеется, полностью отсутствовали на территории Ольвийского полиса (Яценко 2001: 50—51; Ярцев 2016: 32—34). Подобная борьба за боспорский трон между людьми, относящимися к этим двум линиям сармато-иранской аристократии, характерная, в том числе, и для боспорской истории IV в. (Ярцев 2016: 35—38; 2022: 23—33), безусловно, подразумевает наличие законного родства между варварами, представляющими, в первую очередь, центральные районы Азии (аспургiane, цари Фарзой, Инисмеей) и представителями сармато-иранской аристократии Асандром, Аспургом, Митридатом VIII (III). В этой связи, мы считаем, что выделение из данной сармато-иранской аристократии особой центральноазиатской династической линии оправдано, в противном случае разобраться со всеми хитросплетениями внутренней борьбы за власть в Боспорском государстве будет совершенно невозможно.

Литература

- Абрамзон М.Г., Винокуров Н.И. 2016. Золотые статеры Аспурга и Митридата III и новые комплексы с монетами и ювелирными изделиями с городища Артезиан. *ВДИ* 3, 712—743.
- Абрамова М.П. 2000. О погребениях зубовско-воздвиженской группы: историографический обзор. *НАВ* 3, 123—128.
- Алексеева Е.М. 2016. Интерпретация комплекса анапских склепов 1975 г. *ДБ* 20, 34—67.
- Блаватский В.Д. 1976. О Рескупориде Первом. *СА* 4, 56—62.
- Виноградов Ю.А. 2009. Миграции кочевников Евразии и некоторые особенности исторического развития Боспора Киммерийского. *БИ* XXII, 5—90.
- Виноградов Ю.Г. 1994. Очерк военно-политической истории сарматов в I в. н.э. *ВДИ* 2, 151—170.
- Винокуров Н.И., Чореф М.М. 2021. К атрибуции символов на плите, найденной при раскопках Цитадели городища Артезиан в 2000 г. *Stratum plus* 6, 207—217.
- Воронятов С.В. 2008. Ромб с крючками — сарматский след. В: Наумов А.Н. (ред.). *Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов*. Вып. 1. Тула: Государственный Музей-заповедник «Куликово поле», 341—366.
- Горончаровский В.А. 2003. Римско-боспорский конфликт 40-х годов I в. н.э. *ВДИ* 3, 161—170.
- Горончаровский В.А. 2005. Военно-политическая история Боспорского царства во второй половине I — середине III в. н.э.: от прочного союза с Римом до Готских войн. *Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира* 4, 337—358.
- Гущина И.И., Засецкая И.П. 1989. Погребения зубовско-воздвиженского типа из раскопок Н.И.Веселовского в Прикубанье (I в. до н.э. — начало II в. н.э.). *Труды ГИМ* 70, 71—141.
- Десятчиков Ю.М. 1974. Процесс сарматизации Боспора. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Москва: Институт археологии АН СССР.
- Довгалюк и др. 2008: Довгалюк Н.П., Малышев А.А., Трейстер М.Ю., Медникова М.Б., Антипина Е.Е., Розанова Л.С., Терехова Н.Н., Равич И.Г. 2008. *Аспургиане на юго-востоке Азиатского Боспора: по материалам Цемдолинского некрополя*. Москва; Тула: Гриф и К.
- Драчук В.С. 1975. *Системы знаков Северного Причерноморья. Тамгообразные знаки северопонтийской периферии античного мира первых веков нашей эры*. Киев: Наукова думка.
- Засецкая И.П. 2011. *Сокровища кургана Хохлач. Новочеркасский клад*. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж.
- Зубарь В.М. 1998. *Северный Понт и Римская империя (середина I в. до н.э. — первая половина VI в. н.э.)*. Киев: Институт археологии НАН Украины.
- Зубарь В.М., Зинько В.Н. 2006. Боспор Киммерийский в античную эпоху: очерки социально-экономической истории. *БИ* XII, 137—139.
- Карышковский П.О. 1982. О монетах царя Фарзоя. В: Дзис-Райко Г.А. (ред.). *Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья*. Киев: Наукова думка, 66—82.
- Коваленко С.А. 2017. Нумизматический портрет в Северном Причерноморье. *Исторические исследования. Журнал исторического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова* 3 (8), 249—260.
- Лысенко Н.Н. 2007. Этногенез и военная история иранских кочевников Евразии в период II в. до н.э. — II в. н.э. Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. Владикавказ: Северо-Осетинский государственный университет.
- Масленников А.А. 1990. *Население Боспорского государства в первых веках н.э.* Москва: Наука.
- Пуздровский А.Е. 2001. *Политическая история Крымской Скифии (II в. до н.э. — III в. н.э.)*. *ВДИ* 3, 86—118.
- Раев Б.А., Яценко С.А. 1993. О времени первого появления аланов в Юго-Восточной Европе. В: Раев Б.А. (ред.). *Скифия и Боспор*. Новочеркасск: Музей истории Донского казачества, 111—125.
- Ростовцев М.И. 1914. Бронзовый бюст боспорской царицы и история Боспора в эпоху Августа. *Древности: Труды Императорского Московского археологического общества* 25.
- Русяева А.С. 1989. До історії взаємовідносин Ольвії з сарматами. В: Толочко П.П. (відп. ред.). *Проблеми історії та археології давнього населення Української РСР: Тезиси докладів XX Республіканської конференції, Одеса, 1989*. Київ: Наукова думка, 192—193.
- Савельев О.К. 2005. О возможных причинах появления аланов в Северо-Западном Причерноморье в середине I в. н.э. В: Болгов Н.Н. (ред.). *Кондаковские чтения — I. Проблемы культурной преемственности*. Белгород: БелГУ, 54—60.
- Сапрыкин С.Ю. 1984. Пифодорида — царица Фракии. *ВДИ* 2, 141—153.
- Сапрыкин С.Ю. 1985а. Аспургиане. *СА* 2, 65—78.

- Сапрыкин С.Ю. 1985b. Ольвия и Боспор в I в. н.э. В: Крыжицкий С.Д. (ред.). *Проблемы исследования Ольвии*. Парутино: ИА АН УССР, 72—73.
- Сапрыкин С.Ю. 1993. Из истории Понтийского царства Полемонидов (по данным эпиграфики). *ВДИ* 2, 25—49.
- Сапрыкин С.Ю. 1996. *Понтийское царство: Государство греков и варваров в Причерноморье*. Москва: Наука.
- Сапрыкин С.Ю. 2002a. Аспург, царь Боспора. *ДБ* 5, 207—223.
- Сапрыкин С.Ю. 2002b. *Боспорское царство на рубеже двух эпох*. Москва: Наука.
- Сапрыкин С.Ю. 2006. Новая митридатовская катойкия на Боспоре. *ВДИ* 2, 79—98.
- Симоненко А.В. 2010. «Гунно-сарматы» (к постановке проблемы). *НАВ* 11, 392—402.
- Симоненко А.В. 2012a. Об этнической принадлежности Фарзоя и Инисмея. В: Кривенко О.А. (ред.). *Золото, конь и человек: Сборник статей к 60-летию Александра Владимировича Симоненко*. Киев: КНТ, 129—138.
- Симоненко А.В. 2012b. Сарматское погребение с тамгами на территории Ольвийского. В: Кривенко О.А. (ред.). *Золото, конь и человек: Сборник статей к 60-летию Александра Владимировича Симоненко*. Киев: КНТ, 248—262.
- Смирнов К.Ф. 1952. Основные пути развития меото-сарматской культуры Среднего Прикубанья. *КСИИМК* 46, 3—18.
- Сокольский Н.И. 1976. *Таманский толос и резиденция Хрисалиска*. Москва: Наука.
- Туаллагов А.А. 2008. Закавказский поход алан 35 г. н.э. *Вестник СОГУ* 4, 105—110.
- Фролова Н.А. 1997. *Монетное дело Боспора (середина I в. до н.э. — середина IV в. н.э.)*. Ч. I. *Монетное дело Боспора 49/48 гг. до н.э. — 210/211 гг. н.э.* Москва: Эдиториал УРСС.
- Цветаева Г.А. 1979. *Боспор и Рим*. Москва: Наука.
- Чореф М.М. 2013. Династическая история Боспора рубежа новой эры по данным нумизматики. *Stratum plus* 6, 125—176.
- Чореф М.М. 2016. К вопросу об организации эмиссии медных и бронзовых монет архонта Асандра. *Stratum plus* 4, 119—124.
- Чореф М.М. 2018. Надчеканки на статерах царя Фарзоя как источники исторической информации. В: Синика В.С., Рабинович Р.А. (ред.). *Древности. Исследования. Проблемы. Сборник статей в честь 70-летия Н.П. Тельнова*. Кишинев; Тирасполь: Stratum plus.
- Чореф М.М. 2019. К вопросу о статусе Аспурга как монарха Боспорского царства. *Stratum plus* 6, 97—116.
- Чореф М.М. 2020a. Миграционные процессы на Боспоре при Фофоре: по данным нумизматики. *Stratum plus* 4, 261—268.
- Чореф М.М. 2020b. «Vox audita later, littera scripta manet», или к биографии боспорской царицы Гепепирии. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского* 1, 94—103.
- Чореф М.М. 2021. Недостающие звенья, или к истории Боспорского царства II в. н.э. при Евпаторе: по данным нумизматики. *Stratum plus* 6, 93—106.
- Шаров О.В. 2009. Боспор и варварский мир Центральной и Восточной Европы в позднеримскую эпоху (середина II — середина IV в. н.э.). Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. Санкт-Петербург: ИИМК РАН.
- Щукин М.Б. 2005. *Готский путь (готы, Рим и черняховская культура)*. Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ.
- Щукин М.Б. 2006. Зубовско-Воздвиженская группа, царь Фарзой и Тур Хейердал. В: Симоненко А.В. (ред.). *Liber archaeologicae: Сборник статей, посвященный 60-летию Б.А. Раева*. Краснодар; Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 173—181.
- Яйленко В.П. 2017. *История и эпиграфика Ольвии, Херсонеса и Боспора VII в. до н.э. — VII в. н.э.* Санкт-Петербург: Нестор-История.
- Ярцев С.В. 2014. *Северное Причерноморье в римский период и проблема готской экспансии*. Тула: ТГПУ им. Л.Н. Толстого.
- Ярцев С.В. 2016. Сармато-иранская династия на Боспоре. В: Болгов Н.Н. (ред.). *Кондаковские чтения V. Античность — Византия — Древняя Русь: Материалы Международной научной конференции*. Белгород: БелГУ, 25—38.
- Ярцев С.В. 2022. Последние годы правления боспорского царя Фофорса в контексте внутривосточной борьбы в Римской империи периода тетрархии. *Genesis: исторические исследования* 10, 23—33.
- Ярцев и др. 2015: Ярцев С.В., Зубарев В.Г., Бутовский А.Ю. 2015. *Греко-варварский Крым в период поздней античности (III—IV вв. н.э.: от морских походов до битвы при Адрианополе)*. Тула: ТГПУ им. Л.Н. Толстого.

- Яценко С.А. 2001. *Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья*. Москва: Восточная литература.
- Яценко С.А. 2009. Знаки собственности сарматского облика (gakk/nishan) в сельских районах Боспорского царства I—III вв. н.э. *ДБ* 13, 539—552.
- Яценко С.А. 2017. Тамги на объектах храма Байте III на Устюрте: о датировке и этнокультурной атрибуции. В: Савинов В.Г. (отв. ред.). *Ранний железный век Евразии от рубежа эр до середины I тыс.н.э. Динамика освоения культурного пространства*. Санкт-Петербург: Скифия-принт, 192—195.
- Яценко С.А. 2019. Мужчины сарматского происхождения в некрополях боспорской элиты I—IV вв. н.э. *Stratum plus* 4, 235—256.
- Яценко С.А. 2020. Использование сарматских тамг западными и северными соседями сарматов в I—IV вв. н.э. В: Голотвин А.Н. (отв. ред.). *Античность, скифы, сарматы*. Воронеж: ИПЦ «Научная книга», 409—420.
- Яценко и др. 2019: Яценко С.А., Рогожинский А.Е., Смагулов Е.А., Табалдыев К.Ш, Баратов С.Р., Ильясов Дж.Я., Бабаяров Г.Б. 2019. *Тамги доисламской Центральной Азии*. Самарканд: МИЦАИ.
- Яценко и др. 2020: Яценко С.А., Авизова А.К., Торгоев А.И., Саипов А., Кулиш А.В., Китов Е.П., Рогожинский А.Е., Смагулов Е.А., Ержигитова А.А., Торежанова Н.Ж., Тур С.С., Иванов С.С. 2020. *Археология и история Кангюйского государства*. Шымкент: Элэм.
- Яценко С.А., Рогожинский А.Е. 2021. Несколько заметок о знаках-тамгах сарматов и их соседей. *МАИАСП* 13, 733—767.
- Šćukin M., Kazanski M, Sharov O. 2006. *Des les Goths aux hunns: Le nord de la mer noire au Bas-Empire et a l'epoque des grandes migrations*. Oxford: John and Erica Hedges Ltd.

References

- Abramzon, M.G., Vinokurov, N.I. 2016. In *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)* 3, 712—743 (in Russian).
- Abramova, M.P. 2000. In *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 3, 123—128 (in Russian).
- Alekseeva, E.M. 2016. In *Drevnosti Bospora (Antiquities of the Bosporus)* 20, 34—67 (in Russian).
- Blavatskiy, V.D. 1976. In *Sovetskaya arkheologiya (Soviet archaeology)* 4, 56—62 (in Russian).
- Vinogradov, Yu.A. 2009. In *Bosporskie issledovaniya (Bosporian Studies)* XXII, 5—90 (in Russian).
- Vinogradov, Yu.G. 1994. In *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)* 2, 151—170 (in Russian).
- Vinokurov, N.I., Choref, M.M. 2021. In *Stratum plus* 6, 207—217 (in Russian).
- Voronyatov, S.V. 2008. In: Naumov, A.N. (ed.). *Lesnaya i lesostepnaya zony Vostochnoy Evropy v epokhi rimskikh vliyaniy i Velikogo pereseleniya narodov (Forest and forest-steppe zones of Eastern Europe in the era of Roman influences and the Great Migration of Peoples)*. Iss. 1. Tula: Gosudarstvennyy Muзей-zapovednik “Kulikovo pole”, 341—366 (in Russian).
- Goroncharovskiy, V.A. 2003. In *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)* 3, 161—170 (in Russian).
- Goroncharovskiy, V.A. 2005. In *Mnemon. Issledovaniya i publikatsii po istorii antichnogo mira (Mnemon. Studies and Publications on the History of the Ancient World)* 4, 337—358 (in Russian).
- Gushchina, I.I., Zasetskaya, I.P. 1989. In *Trudy Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya (Proceedings of the State Historical Museum)* 70, 71—141 (in Russian).
- Desyatchikov, Yu.M. 1974. The process of Sarmatization of the Bosporus. PhD thesis abstracts. Moscow: Institut arkheologii AN SSSR.
- Dovgalyuk i dr. 2008: Dovgalyuk, N.P., Malyshev, A.A., Treister, M.Yu., Mednikova, M.B., Antipina, E.E., Rozanova, L.S., Terekhova, N.N., Ravich, I.G. 2008. *Aspurgiane na yugo-vostoke Aziatskogo Bospora: po materialam Tsemdolinskogo nekropolya (Aspurgians in the southeast of the Asian Bosporus: based on materials from the Tsemdolinskiy necropolis)*. Moscow; Tula: Grif i K (in Russian).
- Drachuk, V.S. 1975. *Sistemy znakov Severnogo Prichernomor'ya. Tamgoobraznyye znaki severopontiyskoy periferii antichnogo mira pervykh vekov nashey ery (Systems of signs of the Northern Black Sea region. Tamga-shaped signs of the North Pontic periphery of the ancient world in the first centuries of our era)*. Kyiv: Naukova dumka (in Russian).
- Zasetskaya, I.P. 2011. *Sokrovishcha kurgana Khokhlach. Novochoerkasskiy klad (Treasures of the Khokhlach burial mound. Novochoerkassk treasure)*. Saint Petersburg: Gosudarstvennyy Ermitazh (in Russian).

- Zubar, V.M. 1998. *Severnnyy Pont i Rimskaya imperiya (seredina I v. do n.e. — pervaya polovina VI v. n.e.) (Northern Pontus and the Roman Empire (mid-1st century BCE — first half of the 6th century AD))*. Kyiv: Institut arkhologii NAN Ukrainy (in Russian).
- Zubar, V.M., Zin'ko, V.N. 2006. In *Bosporskie issledovaniya (Bosporian Studies)* XII, 137—139 (in Russian).
- Karyshkovskiy, P.O. 1982. In: Dzis-Rayko, G.A. (ed.). *Arkheologicheskiye pamyatniki Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya (Archaeological monuments of the North-Western Black Sea region)*. Kyiv: Naukova dumka, 66—82 (in Russian).
- Kovalenko, S.A. 2017. In *Zhurnal istoricheskogo fakul'teta MGU im. M.V.Lomonosova (Historical research. Journal of the Faculty of History of Lomonosov Moscow State University)* 3 (8), 249—260 (in Russian).
- Lysenko, N.N. 2007. Ethnogenesis and military history of the Iranian nomads of Eurasia during the 2nd century BCE — 2nd century CE. Dr. habil. thesis abstract. Vladikavkaz: Severo-Osetinskiy gosudarstvennyy universitet.
- Maslennikov, A.A. 1990. *Naseleniye Bosporskogo gosudarstva v pervykh vekakh n.e. (The population of the Bosporan state in the first centuries CE)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Puzdrovskiy, A.E. 2001. In *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)* 3, 86—118 (in Russian).
- Raev, B.A., Yatsenko, S.A. 1993. In: Raev, B.A. (ed.). *Skifiya i Bospor (Scythia and the Bosporus)*. Novocherkassk: Muzei istorii Donskogo kazachestva, 111—125 (in Russian).
- Rostovtzeff, M.I. 1914. In *Drevnosti: Trudy Imperatorskogo Moskovskogo arkheologicheskogo obshchestva (Antiquities: Proceedings of the Imperial Moscow Archaeological Society)* 25 (in Russian).
- Rusyaeva, A.S. 1989. In: Tolochko, P.P. (ed.). *Problemi istorii ta arkhologii davn'ogo naseleennya Ukrains'koi RSR: Tezisi dokladiv XX Respublikanskoi konferentsii, Odesa, 1989 (Problems of the history and archeology of the ancient population of the Ukrainian RSR: Abstracts of the XX Republican Conference, Odessa, 1989)*. Kyiv: Naukova dumka, 192—193 (in Ukrainian).
- Savelyev, O.K. 2005. In: Bolgov, N.N. (ed.). *Kondakovskiy chteniye — I. Problemy kul'turnoy preymstvennosti (Kondakov's readings — I. Problems of cultural continuity)*. Belgorod: BelGU, 54—60 (in Russian).
- Saprykin, S.Yu. 1984. In *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)* 2, 141—153 (in Russian).
- Saprykin, S.Yu. 1985a. In *Sovetskaya arkhologiya (Soviet archaeology)* 2, 65—78 (in Russian).
- Saprykin, S.Yu. 1985b. In: Kryzhitskiy, S.D. (ed.). *Problemy issledovaniya Ol'vii (Problems of researching of the Olbia)*. Parutino: IA AN USSR, 72—73 (in Russian).
- Saprykin, S.Yu. 1993. In *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)* 2, 25—49 (in Russian).
- Saprykin, S.Yu. 1996. *Pontiyskoye tsarstvo: Gosudarstvo grekov i varvarov v Prichernomor'ye (Kingdom of Pontus: The State of Greeks and Barbarians in the Black Sea region)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Saprykin, S.Yu. 2002a. In *Drevnosti Bospora (Antiquities of the Bosporus)* 5, 207—223 (in Russian).
- Saprykin, S.Yu. 2002b. *Bosporskoye tsarstvo na rubezhe dvukh epoch (Bosporan kingdom at the turn of two eras)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Saprykin, S.Yu. 2006. In *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)* 2, 79—98 (in Russian).
- Simonenko, A.V. 2010. In *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskii vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 11, 392—402 (in Russian).
- Simonenko, A.V. 2012a. In: Krivenko, O.A. (ed.). *Zoloto, kon' i chelovek: Sbornik statey k 60-letiyu Aleksandra Vladimirovicha Simonenko (Gold, horse and man: Collection of articles dedicated to the 60th Anniversary of Alexander Vladimirovich Simonenko)*. Kyiv: KNT, 129—138 (in Russian).
- Simonenko, A.V. 2012b. In: Krivenko, O.A. (ed.). *Zoloto, kon' i chelovek: Sbornik statey k 60-letiyu Aleksandra Vladimirovicha Simonenko (Gold, horse and man: Collection of articles dedicated to the 60th Anniversary of Alexander Vladimirovich Simonenko)*. Kiyev: KNT, 248—262 (in Russian).
- Smirnov, K.F. 1952. In *Kratkiye soobshcheniya Instituta istorii material'noy kul'tury (Brief Communications of the Institute of the History of Material Culture)* 46, 3—18 (in Russian).
- Sokol'skiy, N.I. 1976. *Tamanskiy tolos i rezidentsiya Khrysaliska (Taman tholos and Chrysalisk residence)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Tuallagov, A.A. 2008. In *Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta (Bulletin of the North Ossetian State University)* 4, 105—110 (in Russian).
- Frolova, N.A. 1997. *Monetnoye delo Bospora (seredina I v. do n.e. — seredina IV v. n.e.) (Coinage of the Bosporus (mid-1st century BCE — mid-4th century CE))*. Pt. I. *Monetnoye delo Bospora 49/48 gg. do n. e. — 210/211 gg. n.e. (Coinage of the Bosporus 49/48 BCE — 210/211 CE)*. Moscow: Editorial URSS (in Russian).
- Tsvetayeva, G.A. 1979. *Bospor i Rim (Bosporus and Rome)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Choref, M.M. 2013. In *Stratum plus* 6, 125—176 (in Russian).
- Choref, M.M. 2016. In *Stratum plus* 4, 119—124 (in Russian).

- Choref, M.M. 2018. In: Sinika, V.S., Rabinovich, R.A. (eds.). *Drevnosti. Issledovaniya. Problemy. Sbornik statey v chest' 70-letiya N.P. Tel'nova (Antiquities. Research. Problems. Collection of Articles in Honor of the 70th Anniversary of N.P. Telnov)*. Kishinev; Tiraspol: Stratum plus (in Russian).
- Choref, M.M. 2019. In *Stratum plus* 6, 97—116 (in Russian).
- Choref, M.M. 2020a. In *Stratum plus* 4, 261—268 (in Russian).
- Choref, M.M. 2020b. In *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo (Bulletin of the N.I. Lobachevsky Nizhny Novgorod University)* 1, 94—103 (in Russian).
- Choref, M.M. 2021. In *Stratum plus* 6, 93—106 (in Russian).
- Sharov, O.V. 2009. Bosphorus and the barbarian world of Central and Eastern Europe in the late Roman era (mid 2nd — mid 4th century CE). Dr. habil. abstract. Saint Petersburg: IIMK RAN.
- Shchukin, M.B. 2005. *Gotskiy put' (goty, Rim i chernyakhovskaya kul'tura) (The Gothic Way (Goths, Rome and Chernyakhov culture))*. Saint Petersburg: Filologicheskii fakul'tet SPbGU (in Russian).
- Shchukin, M.B. 2006. In: Simonenko, A.V. (ed.). *Liber archaeologicae: Sbornik statey, posvyashchenny 60-letiyu B.A. Raeva (Liber archaeologicae: Collection of articles dedicated to the 60th Anniversary of B.A. Raev)*. Krasnodar; Rostov-na-Donu: YUNTS RAN, 173—181 (in Russian).
- Yaylenko, V.P. 2017. *Istoriya i epigrafika Ol'vii, Khersonesa i Bospora VII v. do n.e. — VII v. n.e. (History and Epigraphy of Olbia, Chersonese and Bosphorus in the 7th century BCE — 7th century CE)*. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya (in Russian).
- Yartsev, S.V. 2014. *Severnoye Prichernomor'ye v rimskiy period i problema gotskoy ekspansii (Northern Black Sea region in the Roman period and the problem of Gothic expansion)*. Tula: TGPU im. L.N. Tolstogo (in Russian).
- Yartsev, S.V. 2016. In: Bolgov, N.N. (ed.). *Kondakovskie chteniya V. Antichnost' — Vizantiya — Drevnyaya Rus': Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Kondakov's Readings V. Antiquity — Byzantium — Ancient Rus': Proceedings of the International Scientific Conference)*. Belgorod: BelGU, 25—38 (in Russian).
- Yartsev, S.V. 2022. In *Genesis: istoricheskiye issledovaniya (Genesis: Historical Studies)* 10, 23—33 (in Russian).
- Yartsev i dr. 2015: Yartsev, S.V., Zubarev, V.G., Butovskiy, A.Yu. 2015. *Greko-varvarskiy Krym v period pozdney antichnosti (III—IV vv. n.e.: ot morskikh pokhodov do bitvy pri Adrianopole) (Greco-Barbarian Crimea in Late Antiquity (3rd — 4th centuries CE: from sea campaigns to the Battle of Adrianople))*. Tula: TGPU im. L.N. Tolstogo (in Russian).
- Yatsenko, S.A. 2001. *Znaki-tamgi iranoyazychnykh narodov drevnosti i rannego srednevekov'ya (Signs-tamgas of the Iranian-speaking peoples of antiquity and the early Middle Ages)*. Moscow: Vostochnaya literatura (in Russian).
- Yatsenko, S.A. 2009. In *Drevnosti Bospora (Antiquities of the Bosphorus)* 13, 539—552 (in Russian).
- Yatsenko, S.A. 2017. In: Savinov, V.G. (ed.). *Ranniy zheleznyy vek Evrazii ot rubezha er do serediny I tys.n.e. Dinamika osvoyeniya kul'turnogo prostranstva (Early Iron Age of Eurasia from the turn of the eras to the middle of the 1st millennium CE. Dynamics of development of cultural space)*. Saint Petersburg: Skifiya-print, 192—195 (in Russian).
- Yatsenko, S.A. 2019. In *Stratum plus* 4, 235—256 (in Russian).
- Yatsenko, S.A. 2020. In: Golotvin, A.N. (ed.). *Antichnost', skify, sarmaty (Antiquity, Scythians, Sarmatians)*. Voronezh: IPTS “Nauchnaya kniga”, 409—420 (in Russian).
- Yatsenko i dr. 2019: Yatsenko, S.A., Rogozhinskii, A.E., Smagulov, E.A., Tabaldyev, K.Sh., Baratov, S.R., Ilyasov, J.Ya., Babayarov, G.B. 2019. *Tamgi doislamskoy Tsentral'noy Azii (Tamgas of Pre-Islamic Central Asia)*. Samarkand: MITSAT (in Russian).
- Yatsenko i dr. 2020: Yatsenko, S.A., Avizova, A.K., Torgoyev, A.I., Saipov, A., Kulish, A.V., Kitov, E.P., Rogozhinskii, A.Ye., Smagulov, E.A., Erzhigitova, A.A., Torezhanova, N.ZH., Tur, S.S., Ivanov, S.S. 2020. *Arkheologiya i istoriya Kangyuyskogo gosudarstva (Archeology and history of the Kangju state)*. Shymkent: Elem (in Russian).
- Yatsenko, S.A., Rogozhinskii, A.E. 2021. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 13, 733—767 (in Russian).
- Ščukin, M., Kazanski, M., Sharov, O. 2006. *Des les Goths aux huns: Le nord de la mer noire au Bas-Empire et a l'epoque des grandes migrations*. Oxford: John and Erica Hedges Ltd.

*Историческая
филология*

Historical Philology

УДК 291.16

DOI: 10.53737/2713-2021.2022.68.73.008

Abbas Panahi

THE ROLE OF HENRY MARTYN, A CHRISTIAN PRIEST, IN CONFRONTING IRANIAN SHIITE CLERICS*

Henry Martyn (1781—1812), an English priest, during his tenure in India, decided to introduce Christianity not only among the Hinduists, but also among the Arabs and Persians, so he began translating the New Testament into Arabic and Persian to this end. In 1811, being a little familiar with Persian language and literature, he came to Iran and showed his translation to Iranian scholars who found it rather childish. Martyn resumed translating and had another trip to Shiraz to improve his Persian language skills. While in Shiraz, he confronted and challenged the Shiite clerics. His intention was to propagate Christianity, and he thus aimed more to invite and challenge the youth. Meanwhile, several treatises were written in response to his questions and doubts about Islam, and he also tried to refute these treatises in due course. The research was based on the archival record, and its main goal was to reveal and interpret the content of the messages of the Shiite clerics in response to Martyn's judgments as well as the content of Martyn's own responses to them. It turns out that during these religious debates and the opinion exchange between Islamic treatises and Martyn's writings, the missionary's utterances became less and less valuable to the Iranians, and especially to those who accepted his views, but he did not give up until Mohammad Reza Ibn Mohammad Amin Hamedani wrote the treatise "Guidance of the Misguided" to dispel Martyn's doubts. This treatise was the culmination of Martyn's anti-Islamic rhetoric in Iran. Failing to fulfill his religious mission, he left Iran without achieving his main goal of meeting Fath Ali Shah and Abbas Mirza to present the Persian version of the New Testament to them with his own hands, and soon after, on his way back home, he died in Turkey.

Key words: Henry Martyn, Christianity, Shia, Iran, Missionary.

About the author: Panahi Abbas, Associate Professor, Department of History, Guilan Study Institute, University of Guilan.

Contact information: 4199613776, Iran, Rasht, Persian Gulf highway, University of Guilan; e-mail: apanahi@guilan.ac.ir.

Аббас Панахи

РОЛЬ ГЕНРИ МАРТИНА, ХРИСТИАНСКОГО СВЯЩЕННИКА, В ПРОТИВОСТОЯНИИ ИРАНСКИМ ШИИТСКИМ СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЯМ

Английский священник Генри Мартин (1781—1812), в ходе своей деятельности в Индии, решил знакомить с христианством не одних индуистов, но также арабский и персидский народы, а потому, будучи немного знакомым с персидским языком и литературой, принялся переводить Новый Завет на арабский и персидский языки. Прибыв в Иран в 1811 году, он показал текст иранским учёным, которые, однако, сочли перевод весьма примитивным. Мартин же продолжил трудиться над ним и вновь отправился в Шираз пополнять знания фарси. Там он столкнулся с шиитским духовенством и бросил ему вызов с намерением пропагандировать христианство, стремясь при этом воздействовать прежде всего на молодёжь. Находясь в Иране, он непрестанно полемизировал с авторами нескольких трактатов, написанных в ответ на его вопросы и сомнения об исламе. Цель предпринятого исследования состояла в том, чтобы на основе архивных источников установить содержание посланий шиитских священнослужителей по поводу суждений Мартина, а также ответов на них

* Статья поступила в номер 09 сентября 2022 г.
Принята к печати 28 сентября 2022 г.

самого миссионера. Установлено, что в религиозных дебатах вокруг исламских трактатов и сочинений Мартина высказывания последнего становились все менее и менее ценными для иранцев, и особенно для тех, кто принимал его слова, но он не сдавался до тех пор, пока Мохаммад Реза Ибн Мохаммад Амин Хамедани не написал трактат «Путеводитель заблудших», чтобы развеять его сомнения. Этот трактат стал кульминацией антиисламской риторики Мартина в Иране. Не выполнив свою религиозную миссию, он покинул Иран, не достигнув своей главной цели — встретиться с Фатх Али Шахом и Аббасом Мирзой и вручить им Новый Завет на фарси. Вскоре, по пути на родину, он умер в Турции.

Ключевые слова: Генри Мартин, христианство, шииты, Иран, миссионер.

Сведения об авторе: Панахи Аббас, доцент, Департамент истории, Гилянский исследовательский институт, Гилянский университет.

Контактная информация: 4199613776, Иран, г. Решт, Persian Gulf highway; Гилянский университет, e-mail: apanahi@guilan.ac.ir.

Introduction

Henry Martyn is a nineteenth-century English priests who made many efforts to spread Christianity, especially in British-influenced countries. He first began his mission in India and focused most of his work on helping the destitute as well as translating the New Testament. During Martyn's tenure in India, he thought of in addition to introducing Christianity to Hindu pagans, set out to introduce the Arab and Persian peoples to the religion of Christ. To this end, he translated the New Testament into Persian and Arabic, accompanied by an Arab named Stabat, who claimed to be fluent in Persian. Stabat was an aggressive person and caused a lot of problems for Martyn and, moreover, contrary to what he said, did not help much in the development of the Persian translation of the New Testament. This made Martyn, who was a little familiar with the Persian language, think of doing something about it. For this purpose, he decided to travel to Iran to complete his knowledge of Persian. Before traveling, he met with Sir John Malcolm, who had just returned from a trip to Iran, and consulted with him about Iran. In response to his request, Sir John Malcolm wrote a number of letters of recommendation in the name of Martyn to people in Bushehr, Shiraz and Isfahan, and also gave him a book of prayers and guidance. In response to these orders, Martyn also had to provide Malcolm with the news and information he needed, which he later referred to in some of his letters and memoirs after arriving in Iran. After meeting with Sir John Malcolm, Martyn began his voyage to Iran and arrived in Bushehr via the southern Iranian sea some time later. After arriving in Iran, he met with Arab and Iranian scholars and showed them the result of his translation into these two languages. Although the reaction of the Arab scholars to his translation was good and his translation was called Comprehensible, but as expected, his Persian translation was not accepted by the Iranian scholars and for this reason he was forced to repeat it. Lack of fluency in Persian prepared him for his next trip and this time he went to Shiraz to learn Persian. His stay in Shiraz led to his direct acquaintance with the Shiite clerics of Iran. Although Martyn's opposition to Islam had begun since his time in India, his presence in Iran and his debates with Iranian Muslim clerics took the opposition to a new level. In his memoirs, Martyn divided the people of India into four groups: 1. Idolaters, 2. Muslims, 3. Roman Catholics, 4. Infidels. And he called them all the four faces of the devil, and elsewhere he says, "I still believe that human nature is a Muslim in its lowest form".

One of Martyn's main activities against Islam and the spread of Christianity was to debate and challenge Muslim youth. In his view, the minds of young people were better prepared to accept Christianity and be persuaded than older mullahs. He always expressed hatred for Muslims, especially Iranian Muslims, and used every opportunity to challenge the religion of Islam

(Martyn 1837: 366). In his debates and propaganda, he always created doubts and suspicions about the Qur'an, the Prophet of Islam and his miracles for the youth and the people he addressed, and made their minds tremble. During his stay in Shiraz, Martyn met with many prominent Iranian scholars and mujtahids. In one of these discussions, which took place in the house of a famous cleric in Shiraz, God and the miracle of the Prophet of Islam were discussed. Many religious treatises have survived during Martyn's stay in Iran, one of which is a treatise written by Mirza Ibrahim in Arabic on the reasons and proofs of the Prophet's prophethood, and at the beginning of it, it's mentioned that a Christian priest asked him to write arguments to prove the Prophet of Islam. But this treatise could not give a complete answer to Martyn's question and prepared the space for the progress of his propaganda, and Martyn also wrote two answers in Persian in rejection of this treatise. From then on, the movement of rejecting and responding to Martyn's statements, which was more in rejecting Islam than preaching Christ, began in Iran, a movement that continued for years even after his death.

Research background

In terms of research background in Iran, several articles have been written on Henry Martyn's theories about Islam and especially the miracles of the Prophet. Some have examined his influence on Christianity as well as his life. In addition, Veru Eaudley has written a book about Martyn's life that covers various parts of his life from childhood to death. Despite research on Henry Martyn's views on Islam and the denials he has written against this religion, the present article seeks to refute his views against the Shiite treatises and analyze his comments about religion of Islam and Shiism and the principles of Islam.

Travel to Iran (1811 AD / 1226 AH)

The main reason for Martyn's visit to Iran was to improve the translation of the New Testament into Persian. During his stay in India, he met a person called "Stabat". It was the Arabic-speaking Muslim who became acquainted with and interested in Christianity through a friend. Stabat's interest in Christianity led him to meet Martyn in India. Martyn, who had always dreamed of translating the New Testament into Persian and Arabic, enlisted his help. Stabat lived in Bukhara for some time before traveling to India and was somewhat familiar with the Persian language. For this reason, he decided to help Martyn translate the Bible into Persian and Arabic. Stabat completed the Arabic translation of the New Testament well, but was not very successful in translating it into Persian. The delay in the Persian translation made Martyn think about doing this himself, and he thought of traveling to Iran to do the translation better. He packed his bags and set off for the Iranian ships. Prior to the trip, he met with Sir John Malcolm, who had just returned from a mission in Iran, and received information and guidance about Iran.

In response to Martyn receiving some of the information he needed in Iran from Sir John Malcolm, he wrote several letters of recommendation to his trustees in the cities of Bushehr, Shiraz and Isfahan, which paved the way for him after Martyn arrived in Iran and also gave him a Chaldean prayer book as a gift (Haeri 2001: 509). After a long journey, Henry entered Iran and the city of Bushehr through the waters of the Persian Gulf on May 21, and then met with some of the city's ulema and clerics and showed them his translation. The Persian version of Martyn's New Testament was widely criticized by Iranians for his help from his Arab aide Stabat, and many of its phrases were Arabic. Martyn wrote in his memoirs that the Iranians told him that even if an Arab lived in Iran for twenty years, he still could not speak Persian properly. This sent Henry to Shiraz.

He hoped to be able to leave a fluent translation of the New Testament into Persian in this city. After crossing the deserts and mountains, he reached Shiraz on June 9 and went to the house of Jafar Ali Khan, one of the famous people of Shiraz, by order of Sir Jan Malcolm. It was at his house that Martyn met Sayyid Ali, the man who was to help him translate (Eaudley 1962: 34—40).

Confrontation with Iranian Shiite clerics and scholars

During Martyn's stay in Shiraz, Seyyed Ali¹ introduced him to many of the city's ulema, clerics and celebrities. This acquaintance was the starting point of his religious debates with Iranian Muslims. In the first meetings, Martyn met two mullahs who were students of Sayyid Ali's uncle, Mirza Ibrahim. In arguing with them, Martyn realized that the greatest obstacle to Muslims' conversion to Christ was their Christian belief in his divinity. At first and before the beginning of his religious debates, he showed his interest in Islam for a while and studied in the schools of religious sciences in Shiraz and called himself Yusuf, but some time later, his meetings with the youth of Shiraz continued. In his memoirs, he states that every day a number of students and young people in the city come to see him and test him by asking religious questions. Many students in the city shunned Martyn after seeing him and reading some of his writings and translations. One of the students mocked him when he saw Martyn translating God's name to his father. Day after day passed and the conflict between Christianity and Islam became more serious every day. Seeing the debate as fruitless, Martyn translated the Bible and moved away from the city. After a while away from the city, when he returned, the great mujtahid of Shiraz invited him. In his house, the debate between Islam and Christianity resurfaced. For Martyn, the mujtahid's words were weak and baseless. In response to Martyn's request, the mujtahid began to speak about the sayings of Islam. The Mujtahid stated that "the Christian whom we call the Prophet and the servant of God foretold the advent of Muhammad, but not the Christian whom you call God". This debate also had no result and Martyn could not influence the Mujtahid and the audience.

Shortly afterwards, Ibrahim Ibn al-Hussein, Sayyid Ali's uncle, began a new quarrel with Martyn. He wrote a treatise in defense of Islam addressed to Martyn, inviting him to a face-to-face debate. Mirza Ibrahim declared that whoever could convince Martyn would convert to Christianity. He considered the main reason for the superiority of Islam as the miracle of the Qur'an and called it higher than the miracles of Jesus and Moses. At the end of his treatise, he invited thinkers to read the Qur'an and pay attention to it, which is the highest and most immortal miracle of God. After reading Mirza's treatise, Martyn wrote three treatises in response to it. He wrote in his treatises on miracles, the mission of Muhammad, and the divinity of Christ. There are two different views on this debate. The first view concerns Muslims and is derived from the writings of Mirza Ibrahim, which shows Martyn's defeat in this debate. But the second view is derived from Martyn's writings. According to Martyn, his treatises and reply to Mirza made him hesitant and close to Christ, but he still believed in Islam. According to Martyn, the first part of his answer to the miracle affected Ibrahim a little and made him curious about Christ. With a little attention to the writings left by Martyn, it can be seen that the first view is closer to reality because in another part of Martyn's memoirs and writings, he calls Mirza Ibrahim a Muslim and a staunch enemy of himself and his beliefs.

After a while, the news of Martyn's discussions with the ulema, as well as his activities to invite the youth to Christianity, reached the courtiers by the king's agents and the city rulers. But they were not as gentle as Mirza Ibrahim. The courtiers believed that the only proper answer to Martyn's divisiveness

¹ He was the son-in-law of Jafar Ali Khan, Martyn's host in Shiraz, and through this relationship he became acquainted with many Iranian scholars and celebrities, especially Shiraz.

was the sword. But Martyn went on to complete the translation of the New Testament. Anti-Martyn and Christian treatises were gradually published during this time. One of the Sufis of Shiraz asked him if you claim that the Spirit of God has dissolved in you. Henry answered this question in the affirmative. His response provoked the clergy to revolt against him again. The city's clergy and scholars believed that the teachings of Christ were no longer new and had existed in Hindu religious books before Christ. The next controversy between Islam and Christianity arose again over the issue of the divinity of Christ. In Kermanshah, in a meeting with the scholars of the city, he was asked to state explicitly whether Christ is the Creator or a creature? And he called Christ the Creator. Martyn's response to the mullahs greatly aggravated the atmosphere. Unlike Shiraz, which welcomed him well, with his departure from the city and the beginning of his trip to Tabriz, in other cities the controversy between Islam and Christianity increased and also the number of transcripts. (Martyn 1837: 50).

Treatises and Rejections

Henry Martyn made great efforts to write denials against Islam, but Muslim clerics were not mere spectators. One of these scholars was Mirza Sayyid Mohammad Ibrahim Shirazi, who in his repeated conversations with Martyn promised him to write a treatise in response to the priest's questions about Islam. In several treatises, Martyn also prepared answers in Persian for him, one of which was called "Mizan al-Haqq" in rejecting the miracle of the Qur'an and the prophethood of Muhammad. In this treatise, he tried to reject Islam and prove the legitimacy of Christianity and its superiority over Islam. After many debates and meetings with Henry Martyn, Shiite scholars, who had heard his other claims and knew his main problem with Islam, repeatedly wrote treatises and rebuttals in response to his claims. Among those who have denied the extent of Martyn's right are Mirza Qomi, Karim Khan Qajar, Mirza Issa Ghaem Magham Farahani (Mirza Naib Al-Saltanah), Agha Mohammad Reza Hamedani (Kowsar Ali Shah), Akhund Mullah Ali Nouri, Sayyid Mohammad Hussein Sultan Al-Ama Khatoon Abadi, Sheikh Zayn al-Din Isfahani (Hussein Ali Shah), Mullah Ahmad Naraqi, Mirza Mohammad Akhbari and ... mentioned (Amin 2004: 184).

One of the most important works written in response to Martyn's suspicions is the treatise "Rejection of a Father" which was written by the great scholar and jurist of Isfahan Zayn al-Din Mohammad Hossein Isfahani (Hussein Ali Shah). Nayeb al-Sadr Shirazi considers this treatise as a reference and source for two other treatises that were written after him (the treatises of Mullah Ahmad Naraqi and Kowsar Ali Shah Hamedani) against Martyn (Shirazi 1972: 227). As mentioned earlier, one of Martyn's main doubts was about the miracle of the Qur'an. Hussein Ali Shah also paid more attention to this section in his treatise. In this treatise, he did not equate miracles with magic, and he considered the place of miracles to be much higher than what Martyn referred to. In addition to the miracles of the Qur'an, Martyn also had problems with the prophethood of the Prophet and his miracles. This issue was also addressed in this dissertation. Hussein Ali Shah in defense of the prophethood of the Prophet Muhammad and also the miracle of the Qur'an in his treatise stated the following reasons:

1. The inability of mankind to make a single sentence like the verses of the Qur'an;
2. Defending the mention of the name of the Prophet in the books of the previous prophets;
3. Removing the slander of ignorance and following the Prophet of Islam;
4. The existence of abrogated and obsolete in the Qur'an.

He also denied Martyn's claims in the following cases:

1. Rejecting Henry Martyn's objections to the inadequacy of repentance in the forgiveness of sins and Martyn emphasizing the sacrifice of Christ for the forgiveness of the sins of the servants and the atonement for the murder of Jesus;
2. Rejection of the theory of the finality of Jesus;
3. The Trinity and Deity of Jesus.

Another cleric who wrote a denial of “Mizan al-Haqq” is Mullah Ahmad Naraqi. He also wrote the book “Saif al-Ummah” in response to Martyn's suspicions. To do this, he asked ten rabbis in Kashan to translate Old Testament phrases and works related to Judaism into Persian, and with their help, he wrote the book in rejection of Henry Martyn's ideas (Naraqi 2006: 40—41; Tonekaboni 2007: 129—130). Agha Mohammad Reza Hamedani was also one of the Iranian clerics during the reign of Fath Ali Shah Qajar, who wrote two treatises rejecting Martyn's statements. “Guidance of the misguided in proving the prophethood of the Last Prophet” and “the key of the prophecy” are two denials of Hamedani. In these two treatises he tried to refute Martyn's claims about the prophethood of the Prophet Muhammad and his miracle of the Qur'an. Naraghi and Hamedani used the arguments of Hussein Ali Shah in many parts of their treatise to prove their claims (Shirazi 1972: 73).

Opposition to Martyn was not only very popular among the ulema, but also spread to the court. Fath Ali Shah was one of those who encouraged scholars to write strong rebuttals to Martyn's theories and claims. Mirza Issa Ghaem Magham Farhani, was one of the politicians who, on the orders of the Shah, wrote the treatise “Proof of Prophethood” in refuting Martyn's claims and against his ideas, and in proving the prophethood of the Prophet Muhammad. He also tried to show the legitimacy of Islam and its prophet by relying on many reasons. At the beginning, he researched the Old and New Testaments with the help of Christian scholars and understood the basis of Christianity. He then declared that this religion is basically a very good religion, but Martyn's view on this religion is very wrong (Beg Donboli 2007: 146).

Mullah Ali Nouri Esfahani was another person who, with the encouragement of Fath Ali Shah and other courtiers, compiled the treatise “Hajj al-Islam fi Rad Mizan al-Haqq” entitled Burhan al-Mullah. In this treatise, he rejected the third chapter of Mizan al-Haqq, which was written in order to deny the legitimacy of Islam and the miracle of the Qur'an. Mullah Ali did not consider some of the answers given to Martyn complete and strong and was harsh on them. The lack of strong essays in response to Martyn was one of the reasons that led him to write his rejections. According to Nouri, Henry chose only weak opponents who were unable to present solid reasons, and if he had faced a wise world from the beginning, he would not have exceeded his limits to such an extent (Haeri 2001: 536).

In addition to opposing Islam, Martyn also tried to incite various groups in the country against the ulema. One of his activities in this regard was to confront the Iranian Sufis, to understand their principles and also their differences with the Shiites. During this time he had many debates with the Sufis of Iran and questioned their beliefs. He tried to use the differences between the Shiites and the Sufis to his advantage and his propaganda goals (Haeri 2001: 525), but after a while the Sufis also confronted Martyn and joined the denial movement against him. Sheikh Zayn al-Din Isfahani (Hussein Ali Shah) (Sheikh Zayn al-Din Isfahani) and Agha Mohammad Reza Hamedani (Kowsar Ali Shah), mentioned earlier, were Sufis who wrote the most important references to Martyn's artistic speeches.

In response to these scholars and Sufis, Henry Martyn wrote two denials about Islam as well as Sufism, adding to his first treatise, which rejected the Qur'an, prophecy, and miracles. Although all these denials were answered by Islamic scholars, in the end the scholars and Martyn could not

convince each other. However, suspicions about Islam and Shiism seem to have created religious doubts and protests. After failing to persuade the Shah and Crown Prince of Iran of his views, he left Iran to travel to England, but in mid-October 1812 died in Tokat, Turkey.

Conclusion

Martyn takes the front against Muslims and Shiite clerics of Iran and always made great efforts to confront them. One of his main efforts was to write three treatises rejecting Islam, the Qur'an and the Prophet, which met with a strong response from Iranian clerics. These responses were given not only during his stay in Iran, but also for a long time after Martyn left the country and even after his death. Henry Martyn can be considered one of the most influential Christian priests in Iran, especially in Fars province. In addition to the almost strong opposition of Muslim clerics, he also had a great impact on the Iranian youth, especially the youth of Shiraz, by giving speeches, and was able to invite a number of them to Christianity. He tried hard to change the religion of Iran and convert the Iranians to Christianity, but the opposition of the clergy, which was extended to the Qajar court, deprived him of the opportunity to advance and eventually his efforts failed.

References

- Amin, S.H. 2004. Propagation of Christianity in the Realm of Islam and the Patriarchs in Iran. *Journal of Developing Societies* 66, 180—192 (in Persian).
- Beg Donboli, A.R. 2007. *Mathir Soltanieh*. Tehran: Iran newspaper publications (in Persian).
- Eaudley, V. 1962. *Artistic biography of Martyn. translated by Soheil Azari*. Tehran: Noor Jahan Publications.
- Haeri, A. 2001. *The First Encounters of Iranian Thinkers with Two Procedures of Western Bourgeois Civilization*. Tehran: Amir Kabir Publications (in Persian).
- Martyn 1837: Willberforce, S. (ed.). 1837. *Journals and Letters of the Rev. Henry Martyn, B.D.* Vol. II. London: Seeley and Burnside.
- Naraqi, A. 2006. *Saif al-Ummah*. Tehran: Islamic Science and Culture Research Institute (in Persian).
- Sheikh Zayn al-Din Isfahani: Sheikh Zayn al-Din Isfahani (Hussein Ali Shah). Treatise on the rejection of a Father. Astan Qods Central Library. No. 6916.
- Shirazi, M.M. 1972. *Taraiq Al-Haqaiq. Translated by Gholam Hossein Sadri Afshari*. Tehran: University of Tehran (in Persian).
- Tonekaboni, M.M. 2007. *Stories of Scholars*. Tehran: Scientific and cultural publications (in Persian).

Нумизматика

Numismatics

УДК 94(3)

DOI: 10.53737/2713-2021.2022.47.63.009

Д.В. Андриевский, М.М. Чореф

РИМСКИЕ ДЕНАРИИ ИЗ БАЙДАРСКОЙ ДОЛИНЫ (КРЫМ) *

В 2008—2013 гг. в Байдарской долине было найдено пять римских денариев. Четыре монеты отчеканены от имени магистратов и полководцев периода Поздней Республики, а одна, позднейшая, поступила в обращение при Веспасиане. Самый ранний денарий, выпущенный Аппием Клавдием Пульхром, Т. Манлием Мациной (Манциной?) и Кв. Урбинием в 111 или 110 г. до н.э., обнаружен близ Скульской пещеры вместе с обломками позднескифской лепной миски. Неподдалёку нашли монету Марка Антония, выпущенную в честь IV Скифского легиона. Ещё один артефакт этого типа с эмблемами III Киренского легиона был найден в южной части долины вместе с денарием Г. Юлия Цезаря типа Венера — Эней с Анхисом и палладиумом, в сопровождении обломков позднескифской мисочки на невысокой ножке. Монета Веспасиана была найдена без сопутствовавшего материала. Республиканские денарии в разной степени стёрты, но не пробиты. Приходим к выводу, что местные жители ценили их за содержащийся в них драгоценный металл и использовали как вотивы. Позднейшая монета в подборке могла быть привезена на полуостров римскими legionnaires и использоваться в качестве платёжного средства.

Ключевые слова: археология, история, нумизматика, Байдарская долина, Крым, римские денарии.

Сведения об авторах: Андриевский Денис Вадимович¹, Русское географическое общество; Чореф Михаил Михайлович², кандидат исторических наук, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского.

Контактная информация: ¹190000, Россия, г. Санкт-Петербург, пер. Гривцова, д. 10 А, Русское географическое общество; e-mail: rgo@rgo.ru; ²603950, Россия, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского; e-mail: choref@yandex.ru.

D.V. Andriyevskiy, M.M. Choref

ROMAN DENarii FROM THE BAYDAR VALLEY (CRIMEA)

In 2008—2013, five Roman denarii were found in the Baydar Valley. The latest coin entered circulation under Vespasian, while the rest were minted on behalf of magistrates and generals under the Late Republic. The earliest denarius was issued in 111 or 110 BCE by Appius Claudius Pulcher, T. Manlius Macin (Mancin?) and Q. Urbinus; it was discovered near the Skele Cave together with fragments of a Scythian hand formed bowl. Nearby, they found a coin issued in honor of the Legio IV Scythica by Marcus Antonius. Another artifact of this type bearing emblems of the Legio III Cyrenaica was found in the southern part of the valley together with the denarius of G. Julius Caesar of the type known as 'Venus and Aeneas carrying Anchises and Palladium', as well as with fragments of a Late Scythian short-stem small bowl. The coin of Vespasian was found without accompanying archaeological material. All Republican denarii are worn to varying degrees, but not perforated. Our conclusion is that the locals valued these coins for the precious metal they contained, so they must have been used as votives. The latest coin in the sample could have been brought to the peninsula by Roman legionnaires and used as a real circulating medium.

Key words: archaeology, history, numismatics, Baydar Valley, Crimea, Roman denarii.

* Статья поступила в номер 22 октября 2022 г.
Принята к печати 09 ноября 2022 г.

About the authors: Andriyevskiy Denis Vadimovich¹, Russian Geographical Society; Choref Mikhail Mikhailovich², PhD (History), Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod.

Contact information: ¹190000, Russia, Saint Petersburg, 10A Grivtsova Pereulok, Russian Geographical Society; e-mail: rgo@rgo.ru; ²603950, Russia, Nizhny Novgorod, 23 Gagarin Av., Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod; e-mail: choref@yandex.ru.

Продолжаем работу над топографией находок привозных античных монет на территории Крымского полуострова (Андриевский, Чореф 2021: 875—881; 2022: 358—368; Чореф 2017: 213—221). Сравнительно недавно в поле нашего зрения оказалась небольшая подборка римских денариев (5 экз.), найденных в 2008—2013 гг. на современной земной поверхности в Байдарской долине. Большая их часть (4 экз.) была отчеканена в период Поздней Республики и только одну монету эмитировали в эпоху империи, при Веспасиане (69—79) (рис. 1).

Наш интерес к этим артефактам отнюдь не случаен. Ведь привозные монеты, находимые на территории Крымского полуострова, позволяют проследить прямые или опосредованные контакты его населения с поданными ведущими державами того времени. С учетом этого обстоятельства были опубликованы персидские сиклы из округа Неаполя Скифского (Чореф 2017: 213—221), бронзовые монеты, выпущенные в Сиракузах, в Александрии и на Кипре в III—I вв. до н.э., найденные близ с. Партизанское (Андриевский, Чореф 2021: 875—881), подборка памятников нумизматики I—III вв. н.э. из восточных провинций Империи, обнаруженных в окрестностях пос. Почтовое (Андриевский, Чореф 2022: 358—368), а также тетрадрахмы Траяна Деция (249—251) чекана римской Антиохии из Горного Крыма (Андриевский 2022: 5—8).

Подчеркнем, что нас интересуют монеты, найденные на периферии античного мира, а, точнее, на территориях, подконтрольных таврическим варварам. При этом особое внимание мы уделяем артефактам римского периода. Ведь, как верно заметил С.Ю. Сапрыкин, «обращение монет в окрестностях Херсонеса, особенно на его ближайшей периферии, представляет особый интерес и одновременно определенную трудность для периода, который мы обычно называем римским». Развивая свою мысль, исследователь справедливо подчеркнул, что «если хора этого полиса в позднеклассическую и эллинистическую эпохи изучена достаточно основательно, то для римского времени мы осведомлены о ней много хуже» (Сапрыкин 2005: 137). Принимаем точку зрения С.Ю. Сапрыкина. Попытаемся внести вклад в разрешение проблемы, обозначенной уважаемым исследователем.

Итак, в поле нашего зрения оказались следующие монеты:

1. Римская республика. Монетарии Аппий Клавдий Пульхр, Т. Маний Мацин (Манцин?) и Кв. Урбиний, чекан Рима, выпуск 111 или 110 г. до н.э.

Л.с.: Голова Ромы в шлеме вправо. В правой верхней части поля просматриваются следы линейной окружности.

О.с.: Виктория на триге, скачущей вправо. Ниже — следы нечитаемой надписи.

Денарий, чекан Рима (RRC I: No. 299/1b).

Серебро. Размеры монеты — 1,7 × 1,6 см, ее вес — 3,34 г.

Монета сильно стерта (рис. 1: 1).

2. Римская республика. Г. Юлий Цезарь, мобильный монетный двор, выпуск 47—46 гг. до н.э.

Л.с.: Голова Венеры в диадеме, с ожерельем на шее, развернута вправо. Изображение обрамлено точечной окружностью. В левой части поля просматривается надчеканка «Q» или «P». Входящий в ее состав кружок не прочеканился полностью. Полагаем, что контрамарка была наложена с целью подтверждения платежеспособности монеты. Что же касается буквенного обозначения на ней, то его убедительная атрибуция на данный момент не представляется возможной. В «Q» или «P» можно видеть сокращения от слов «quaestor» или «praetor», а также первый символ номена или преномена римского магистрата. Но обосновать любой из этих выводов в настоящее время нельзя — легенды изученных на данный момент контрамарок, как правило, были пространнее, и, следовательно, информативнее (Howgego 1985; Martini 2003; Martini, Paunov 2004).

О.с.: CAESAR. Обнаженный Эней несет в правой руке палладий. На его левом плече — Анхиз в длинной тунике и со шлемом на голове. Изображение обрамлено точечной окружностью.

Денарий, чекан мобильного монетного двора, обслуживавшего потребности войск Г. Юлия Цезаря. Эмиссионный центр работал в Северной Африке (RRC I: No. 458/1).

Серебро. Размеры монеты — $1,7 \times 1,7$ см, ее вес — 3,31 г.

Монета сильно стерта (рис. 1: 2).

3. Римская республика. Марк Антоний, мобильный монетный двор, выпуск 32 г. до н.э.

Л.с.: ANT. AVG. III. VIR. R. P. C. Галера, плывущая вправо. Изображение обрамлено точечной окружностью.

О.с.: LEG III. Орел и два штандарта легионов. Изображение обрамлено точечной окружностью.

Денарий, чекан мобильного монетного двора М. Антония (RRC I: No. 544/15).

Серебро. Размеры монеты — $1,8 \times 1,7$ см, ее вес — 2,79 г.

Монета сильно стерта (рис. 1: 3).

4. Римская республика. Марк Антоний, мобильный монетный двор, выпуск 32 г. до н.э.

Л.с.: Галера, плывущая вправо. Следы обрамления не просматриваются.

О.с.: LEG IV. Орел и два штандарта легионов. Следы обрамления не просматриваются.

Денарий, чекан мобильного монетного двора М. Антония (RRC I: No. 544/17).

Серебро. Размеры монеты — $1,8 \times 1,6$ см, ее вес — 3,04 г.

Монета сильно стерта (рис. 1: 4).

5. Римская империя. Веспасиан, чекан Рима, выпуск 77—78 гг. н.э.

Л.с.: CAESAR VESPASIANVS AVG. Бюст императора в лавровом венке вправо. Изображение обрамлено точечной окружностью.

О.с.: CERES AVGVST. Церес в рост. В ее правой руке два колоса и цветок мака. Левой рукой она опирается на скипетр. Изображение обрамлено точечной окружностью.

Денарий, чекан Рима (RIC II: No. 132).

Серебро. Размеры монеты — $1,7 \times 1,6$ см, ее вес — 2,93 г.

Монета хорошей сохранности (рис. 1: 4).

Примечательно то, что монеты республиканского чекана найдены вместе с сопутствующим материалом. Так, денарий Аппия Клавдия Пульхра, Т. Манлия Мацина

(Манцина?) и Кв. Урбиния был обнаружен близ Скельской пещеры вместе с обломками лепной миски¹ (рис. 2). Близ него в 2008 г. нашли денарий Марка Антония, отчеканенный в честь IV Скифского легиона. Вполне возможно, что мы имеем дело со следами жертвоприношения. Еще два денария полководцев: Г. Юлия Цезаря типа Венера — Эней с Анхисом и с палладием и Марка Антония с орлом и со штандартами III Киренского легиона нашли среди обломков позднескифской мисочки на невысокой ножке² (рис. 3). Полагаем, что и их можно отнести к подношениям. И только позднейшую монету, отчеканенную при Веспасиане, нашли без сопутствующего материала. Допускаем, что эта монета служила платежным средством и была утеряна в процессе обращения.

Что же касается состава изучаемой подборки, то он для Таврики отнюдь не тривиален. Дело в том, что по данным С.Ю. Сапрыкина, на хоре Херсонеса не были обнаружены римские денарии республиканского чекана (Сапрыкин 2005). Единичны они на Боспоре и на граничащих с ним территориях. Статистику таких находок привел М.Ю. Трейстер. Как справедливо заметил ученый, «на территории Северного Причерноморья находки римских республиканских монет практически неизвестны». Редчайшими исключениями являются бронзовая монета III в. до н.э. и квинарий 86 г. до н.э., найденные в Херсонесе, денарии III—II вв. до н.э., обнаруженный в Пантикапее и Г. Юлия Цезаря из Фанталовского клада 1870 г., ауреусы этого диктатора, отчеканенные в 44 и 43 гг. до н.э., выявленные при раскопках столицы Боспора в 1978 г. (ГМИИ. Инв. № 230769; ГМИИ. Инв. № 230768), а также римское республиканское серебро и кистофоры из святилища близ Гурзуфского седла (Трейстер 1993: 53—55). Добавим, что по данным В.В. Кропоткина, близ Адлера были найдены также квинарий Г. Эгнатулея (101 г. до н.э.) и денарий Л. Кассия (ок. 79 г. до н.э.) (Кропоткин 2000: 21, № 1686, 1687).

Подчеркнем, что на большей части варварских территорий Таврики римские республиканские монеты обнаружены не были. Также примечательно и то, что они отсутствуют в варварских погребениях (Труфанов 2010).

Нельзя не обойти вниманием и тот факт, что монеты республиканского чекана практически не представлены и в таврических кладах. В связи с этим можно упомянуть разве что сокровище, найденное в 1958 г. Прибрежном (Кропоткин 1961: 65, № 617). В нем был обнаружен денарий 42 г. до н.э. По мнению одного из авторов этой статьи, клад из Прибрежного — длительного накопления. Причем он не мог быть сокрыт ни приезжим торговцем, ни легионером. Действительно, ни у того, ни у другого не появилось бы и мысли схоронить свое сбережение на варварской территории, оставляемой им на неизвестное время. Зато есть все основания предполагать, что в случае эвакуации они, наоборот, сделали бы все возможное, чтобы забрать монеты с собой.

По логике вещей, в Прибрежном был найден клад, собранный местными варварами, периодически торговавшими с жителями территорий, подконтрольных Риму. Причем, судя по

¹ Диаметр миски — 10 см, его высота — 4,1 см. Она изготовлена плотной серой глины с большим количеством примесей. Просматриваются следы лощения. Сосуд весьма схож на миски Типа III по классификации Х.И. Крис. Но исследователь датировала их IX—VI вв. до н.э. (Крис 1981: 27, табл. 26: 1). Так что нахождение вместе с ней римских монет совершенно невероятно. Полагаем, что сосуд на рис. 2 следует атрибутировать как лепную скифскую миску I в. до н.э. — I в. н.э. (Дашевская 1991: 16, табл. 13: 8).

² Ее диаметр — 9,3 см, а высота — 5,7 см. Изготовлена из глины с большим количеством примесей. Поверхность со следами лощения. Весьма схожие мисочки с крупным туловом (8—12 см.) на невысокой ножке были характерны для скифских поселений Центрального Крыма. О.Д. Дашевская датировала их III—II вв. до н.э. (Дашевская 1991: 16, табл. 11: 3). Однако аналогичные по форме сосуды выявлены в ходе раскопок сторожевой башни Казан II (вторая половина I в. до н.э. — 14/13 гг. н.э.) (Клемешова 2018: 94, рис. 6: 3) и поселения Артезиан при исследовании слоя пожара времен Римско-боспорской войны 44/45—49 гг. н.э. (Гаврилюк, Винокуров 2016: рис. 14: 8, 9). Так что у нас есть основания датировать изучаемый артефакт III в. до н.э. — серединой I в. н.э.

отсутствию медной монеты, лица, схоронившие это сокровище, еще не воспринимали деньги как средство платежа. Их привлекал драгоценный металл, выполнявший исключительно функцию сокровища и хранившийся максимально долго. Вернее всего, клад принадлежал предводителю варварского клана³ (Чореф 2013: 199). Как видим, у нас есть все основания для констатации того факта, что приток республиканских монет в Предгорье и в Степной регионы Таврики был крайне незначительным⁴.

Иная ситуация наблюдалась на Южнобережье. Так, римские республиканские монеты (28 экз.) были найдены при раскопках святилища у перевала Гурзуфское седло (Сапрыкин 2005: 155; Новиченкова 2015: 50, 51, рис. 84, 85; Новиченкова, Новиченкова 2017). По мнению Н.Г. и М.В. Новиченковых, они могли поступить в святилище «в ходе различных исторических событий, связанных с политикой Рима в Причерноморье», а в дальнейшем «повторно использованы как вотивы» (Новиченкова, Новиченкова 2017: 257). Действительно, большинство римских республиканских монет были обнаружены в ритуальном комплексе с системой жертвенных ямок⁵ (Новиченкова, Новиченкова 2017: 255).

Иная ситуация сложилась в регионе после обустройства крепости Харакс. Дело в том, что при раскопках этого оборонительного комплекса было найдено всего четыре монеты республиканской эпохи: денарий 81 г. до н.э. (Кропоткин 1961: 66, № 633), а также три монеты Синопы эпохи Г. Юлия Цезаря (Сапрыкин 2005: 155). Приходим к выводу, что легионеры не могли завезти в Таврику значительное количество римских монет республиканского чекана⁶.

Учтем и тот факт, что римские власти в Херсонесе для финансирования своих расходов организовали эмиссию статеров (Чореф 2010). Так что их потребности в платежных средствах были весьма значительны. Так что у нас есть все основания полагать, что наш вывод справедлив — редкость республиканских монет говорит о том, что их завоз в Таврику не был организован римскими властями.

Как видим, у нас есть все основания полагать, что республиканские денарии из Байдарской долины поступили в регион до ввода римского гарнизона в Херсонес и до основания крепости Харакс. Принимаем точку зрения Н.Г. и М.В. Новиченковых — эти монеты могли оказаться в Таврике вследствие всплесков внешнеполитической активности Римского государства. Завезли же их не как платежные средства, а как ценные предметы, которые при случае можно было бы принести в жертву. Причем хранить их могли довольно долго. Так что не случайно республиканские денарии так сильно стерты. По-видимому, в них видели ценности, пригодные для жертвоприношения. Учтем, что Н.Г. и М.В. Новиченковы также пришли к выводу, что республиканские монеты, найденные в ходе раскопок святилища близ Гурзуфского седла, были «повторно использованы как вотивы» (Новиченкова, Новиченкова 2017: 257).

И, если в этом культовом комплексе монеты зарывали в жертвенные ямки, то объекты нашего изучения были помещены в лепные миски. Полагаем, что это близкие традиции. В ходе культовых обрядов монеты тщательно и продуманно хоронили. Заключаем, что на

³ Заметим, что варвары могли тезаврировать и бронзовые монеты (Скворцов, Чореф 2020). Вполне возможно, что их чтили за размещенные на них изображения. О длительном использовании бронзовых монет в качестве амулетов говорит факт надчеканивания боспорского обола III в. до н.э. контрамаркой * (Чореф 2019).

⁴ Так что не случайно северопричерноморские варвары чеканили подражания ходовым боспорским монетам (Чореф 2018.)

⁵ Мы находим это обстоятельство крайне важным и вернемся к его обсуждению несколько ниже.

⁶ По той же причине республиканские и ранние имперские монеты не поступали и в Херсонес. Ведь постоянный римский гарнизон появился в нем в начале II в. н.э. (Зубарь 2001—2002; Костромичев 2011).

территории Байдарской долины с III в. до н.э. до середины I в. н.э. находились локальные святилища, в которые жертвовали, кроме всего прочего, римские республиканские денарии.

Литература

- Андриевский Д.В. 2022. Тетрадрахмы Антиохии из Горного Крыма. В: Чореф М.М. (отв. ред.). *Материалы и исследования по истории России*. Вып. 19. Нижневартовск: ИП Мельник Н.В., 5—8.
- Андриевский Д.В., Чореф М.М. 2021. Привозные эллинистические монеты, найденные близ с. Партизанское (Юго-Западный Крым), как исторический источник. *МАИАСП* 13, 875—881.
- Андриевский Д.В., Чореф М.М. 2022. Античные монеты, найденные близ пос. Почтовое (Крым), как исторический источник. *МАИАСП* 14, 358—368.
- Гаврилюк Н.А., Винокуров Н.И. 2016. Лепная керамика из слоя пожара городища времени боспор-римской войны 44/45—49 гг. городища Артезиан. *ДБ* 20, 143—176.
- Дашевская О.Д. 1991. *Поздние скифы в Крыму*. Москва: Наука (САИ Д1-7).
- Зубарь В.М. 2001—2002. Римское военное присутствие в Таврике. *Stratum plus* 4, 8—179.
- Клемешова М.Е. 2018. Комплекс лепной керамики из сторожевой башни Казан II на Узунларском валу (морфология и технико-технологический анализ). *ДБ* 22, 85—103.
- Костромичёв Д.А. 2011. Римское военное присутствие в Херсонесе в начале I — первой половине V вв. (по данным археологии). *Stratum plus* 4, 15—164.
- Крис Х.И. 1981. *Кизил-кобинская культура и тавры*. Москва: Наука (САИ Д1-7).
- Кропоткин В.В. 1961. *Клады римских монет на территории СССР*. Москва: АН СССР (САИ Г4-4).
- Кропоткин В.В. 2000. Дополнение к списку находок римских монет. *Stratum plus* 6, 20—117.
- Новиченкова Н.Г. 2015. *Горный Крым: II в. до н.э. — II в. н.э. По материалам раскопок святилища у перевала Гурзуфское седло*. Симферополь: Н. Оріанда.
- Новиченкова Н.Г., Новиченкова М.В. 2017. Римские республиканские монеты из археологических раскопок святилища у перевала Гурзуфское седло в Горном Крыму. *Античный мир и археология* 18, 252—274.
- Сапрыкин С.Ю. 2005. *Денежное обращение на хоре Херсонеса Таврического. Историко-нумизматическое исследование*. Москва: Наука.
- Скворцов К.Н., Чореф М.М. 2020. Клад римских монет Мельниково-1. *МАИАСП* 12, 734—773.
- Трейстер М.Ю. 1993. Римляне в Пантикапее. *ВДИ* 2 (205), 50—74.
- Труфанов А.А. 2010. Монеты из погребений варварского населения Крыма первых веков н.э. *АА* 22, 235—250.
- Чореф М.М. 2010. Изображения императоров династии Юлиев-Клавдиев на золоте, серебре и меди херсонесского чекана. *МАИАСП* 2, 76—120.
- Чореф М.М. 2013. К вопросу о периодизации денежного обращения Таврики в эпоху римского господства. *Stratum plus* 4, 191—216.
- Чореф М.М. 2017. Сикли Ахеменидов из округа Неаполя Скифского. *Stratum plus* 3, 213—221.
- Чореф М.М. 2018. Первые серии бронз Спартокидов как источник исторической информации. *Stratum plus* 3, 387—404.
- Чореф М.М. 2019. Звездовидная надчеканка I в. до н.э. на боспорском оболе III в. до н.э. как свидетельство межэтнических контактов населения Боспора и аспургиан. *Русин* 55, 34—43. DOI: 10.17223/18572685/55/3.
- Howgego C.J. 1985. *Greek Imperial Countermarks: Studies in the Provincial Coinage of the Roman Empire*. London: Royal Numismatic Society.
- Martini R. 2003. *Collezione Pangerl Contromarche imperiali romane (Augustus-Vespasianus)*. Milan: Edizioni Ennerre (Nomismata 6).
- Martini R., Paunov E. 2004. Early Roman Countermarked coins from Moesia: First critical observations (Typology, Frequency, Chronology and Analysis of Distribution). In: Йотов В., Лазаренко И. (ред.). *Нумизматични и сфрагистични приноси към историята на Западното Черноморие Международна конференция, Варна, 12—15 септември 2001 г.* Varna: Zograf, 159—174 (Acta Musei Varnaensis II).
- Paunov E. 2013. A Roman Countermark on a Bronze Coin of Rhoemetalces I, King of Thrace. *AJN Second Series* 25, 117—123.
- RIC II: Mattingly H., Sydenham E.A. 1962. *The Roman Imperial Coinage*. Vol. II. *Vespasian to Hadrian*. London: Spink & Son Ltd.
- RRC I: Crawford M.H. 2001a. *Roman Republican Coinage*. Vol. I. London: Cambridge University Press.

References

- Andriyevskiy, D.V. 2022. In: Choref, M.M. (ed.). *Materialy i issledovaniya po istorii Rossii (Materials and research on the history of Russia)*. Iss. 19. Nizhnevartovsk: IP Mel'nik N.V., 5—8 (in Russian).
- Andriyevskiy, D.V., Choref, M.M. 2021. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 13, 875—881 (in Russian).
- Andriyevskiy, D.V., Choref, M.M. 2022. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 14, 358—368 (in Russian).
- Gavrilyuk, N.A., Vinokurov, N.I. 2016. In *Drevnosti Bospora (Antiquities of the Bosporus)* 20, 143—176 (in Russian).
- Dashevskaya, O.D. 1991. *Pozdnye skify v Krymu (Late Scythians in the Crimea)*. Moscow: Nauka (Corpus of Archaeological Sources D1-7) (in Russian).
- Zubar, V.M. 2001—2002. In *Stratum plus* 4, 8—179 (in Russian).
- Klemeshova, M.E. 2018. In *Drevnosti Bospora (Antiquities of the Bosporus)* 22, 85—103 (in Russian).
- Kostromichev, D.A. 2011. In *Stratum plus* 4, 15—164 (in Russian).
- Kris, Kh.I. 1981. *Kizil-kobinskaya kul'tura i tavyry (Kizil-Koba culture and Tauri)*. Moscow: Nauka (Corpus of Archaeological Sources D1-7) (in Russian).
- Kropotkin, V.V. 1961. *Klady rimskikh monet na territorii SSSR (Hoards of Roman coins on the territory of the USSR)*. Moscow: AN SSSR (Corpus of Archaeological Sources G4-4) (in Russian).
- Kropotkin, V.V. 2000. *Stratum plus* 6, 20—117 (in Russian).
- Novichenkova, N.G. 2015. *Gornyy Krym: II v. do n.e. — II v. n.e. Po materialam raskopok svyatilishcha u perevala Gurzufskoye sedlo (Mountain Crimea: 2nd century BCE. — 2nd century CE. According to the materials of the excavations of the sanctuary near the Gurzuf saddle pass)*. Simferopol: N. Orianda (in Russian).
- Novichenkova, N.G., Novichenkova, M.V. 2017. In *Antichnyy mir i arkheologiya (Ancient World and Archaeology)* 18, 252—274 (in Russian).
- Saprykin, S.Yu. 2005. *Denezhnoe obrashchenie na hore Chersonesa Tavricheskogo v antichnuyu epokhu (istoriko-numizmaticheskoe issledovanie) (Money circulation on the chorus of Tauric Chersonese in antiquity (historical and numismatic research))*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Skvortsov, K.N., Choref, M.M. 2020. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 12, 734—773 (in Russian).
- Treister, M.Yu. 1993. In *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)* 2 (205), 50—74 (in Russian).
- Trufanov, A.A. 2010. In *Arkheologicheskyy al'manakh (Archaeological Almanac)* 22, 235—250 (in Russian).
- Khrapunov, N.I. 2019. In *Istoriya (History)*. Vol. 10. Iss. 9 (83). Available at: <https://arxiv.gaugn.ru/s207987840007209-8-1> (accessed 25.07.2022). DOI: 10.18254/S207987840007209-8 (in Russian).
- Choref, M.M. 2010. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 2, 76—120 (in Russian).
- Choref, M.M. 2013. In *Stratum plus* 4, 191—216 (in Russian).
- Choref, M.M. 2017. In *Stratum plus* 3, 213—221 (in Russian).
- Choref, M.M. 2018. In *Stratum plus* 3, 387—404 (in Russian).
- Choref, M.M. 2019. In *Rusin* 55, 34—43. DOI: 10.17223/18572685/55/3 (in Russian).
- Howgego, C.J. 1985. *Greek Imperial Countermarks: Studies in the Provincial Coinage of the Roman Empire*. London: Royal Numismatic Society.
- Martini, R. 2003. *Collezione Pangerl Contromarche imperiali romane (Augustus-Vespasianus)*. Milan: Edizioni Ennerre (Nomismata 6).
- Martini, R., Paunov, E. 2004. Early Roman Countermarked coins from Moesia: First critical observations (Typology, Frequency, Chronology and Analysis of Distribution). In: Jotov, V., Lazarenko, I. (eds.). *Numizmatichni i sfragistichni prinosi kŭm istoriyata na Zapadnoto Chernomorie Mezhdunarodna konferentsiya, Varna, 12—15 septemvri 2001 g. (Numismatic and sphragistic contributions to history of the western Black sea coast : International conference, Varna, Septembrie 12th — 15th, 2001)*. Varna: Zograf, 159—174 (Acta Musei Varnaensis II).
- Paunov, E. 2013. A Roman Countermark on a Bronze Coin of Rhoemetalces I, King of Thrace. *AJN Second Series* 25, 117—123.
- RIC II: Mattingly, H., Sydenham, E.A. 1962. *The Roman Imperial Coinage*. Vol. II. *Vespasian to Hadrian*. London: Spink & Son Ltd.
- RRC I: Crawford, M.H. 2001a. *Roman Republican Coinage*. Vol. I. London: Cambridge University Press.

Рис. 1. Римские денарии, найденные в 2008—2013 гг. в Байдарской долине (фото Д.В. Андриевского).

Fig. 1. Roman denarii found in 2008—2013 in the Baydar Valley (photo by D.V. Andriyevskiy).

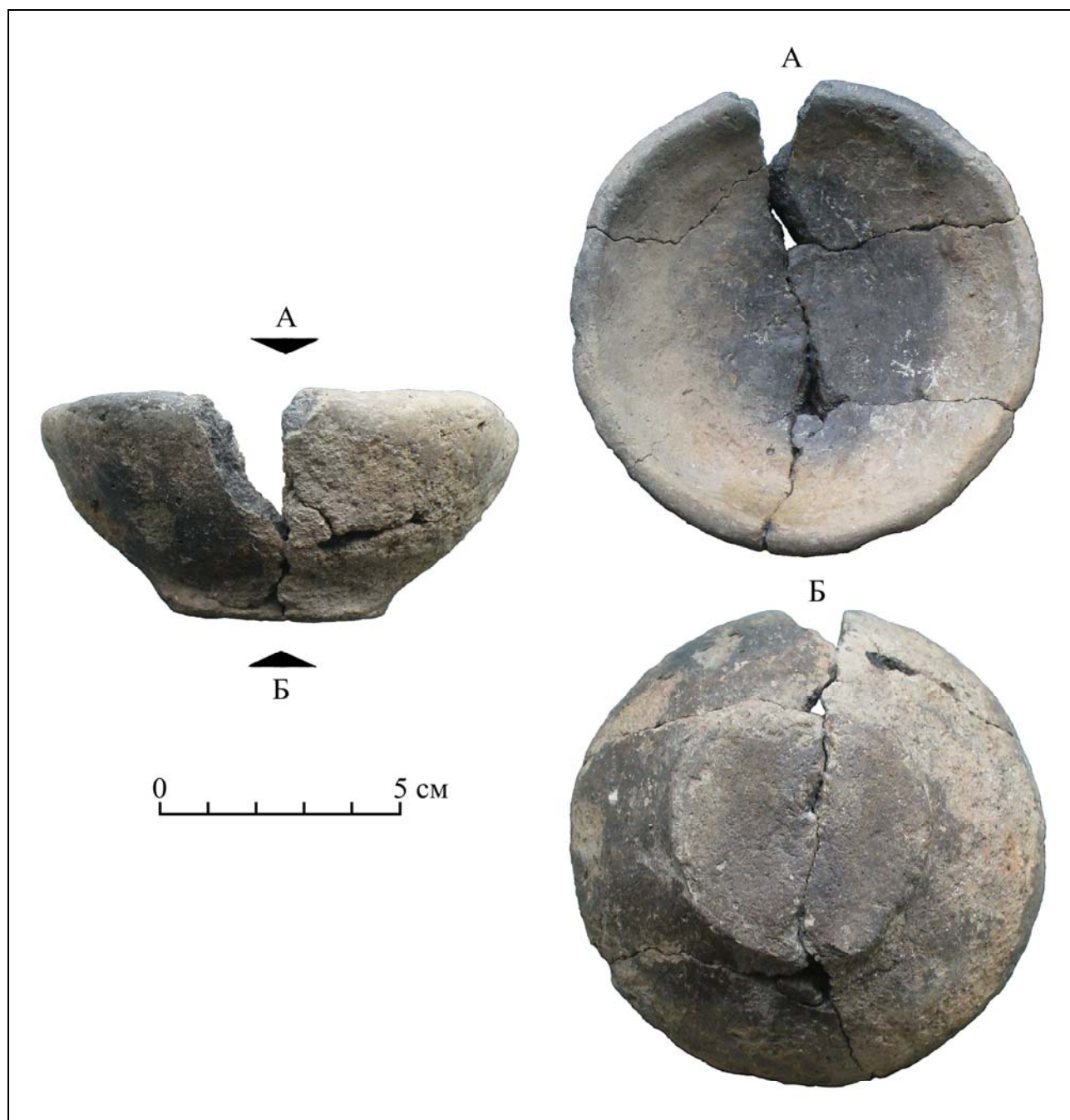

Рис. 2. Лепная позднескифская миска I в. до н.э. — I в. н.э. (по Дашевская 1991: 16, табл. 13: 8), в которой был найден денарий, выпущенный Аппием Клавдием Пульхром, Т. Манлием Мациной (Манциной?) и Кв. Урбинием в 111 или 110 г. до н.э. (фото Д.В. Андриевского).

Fig. 2. Stucco Late Scythian bowl, 1st century BCE — 1st century CE (after Dashevskaya 1991: 16, tab. 13: 8) in which a denarius was found issued by Appius Claudius Pulcher, T. Manlius Macin (Mancin?) and Q. Urbinus in 111 or 110 BCE (photo by D.V. Andriyevskiy).

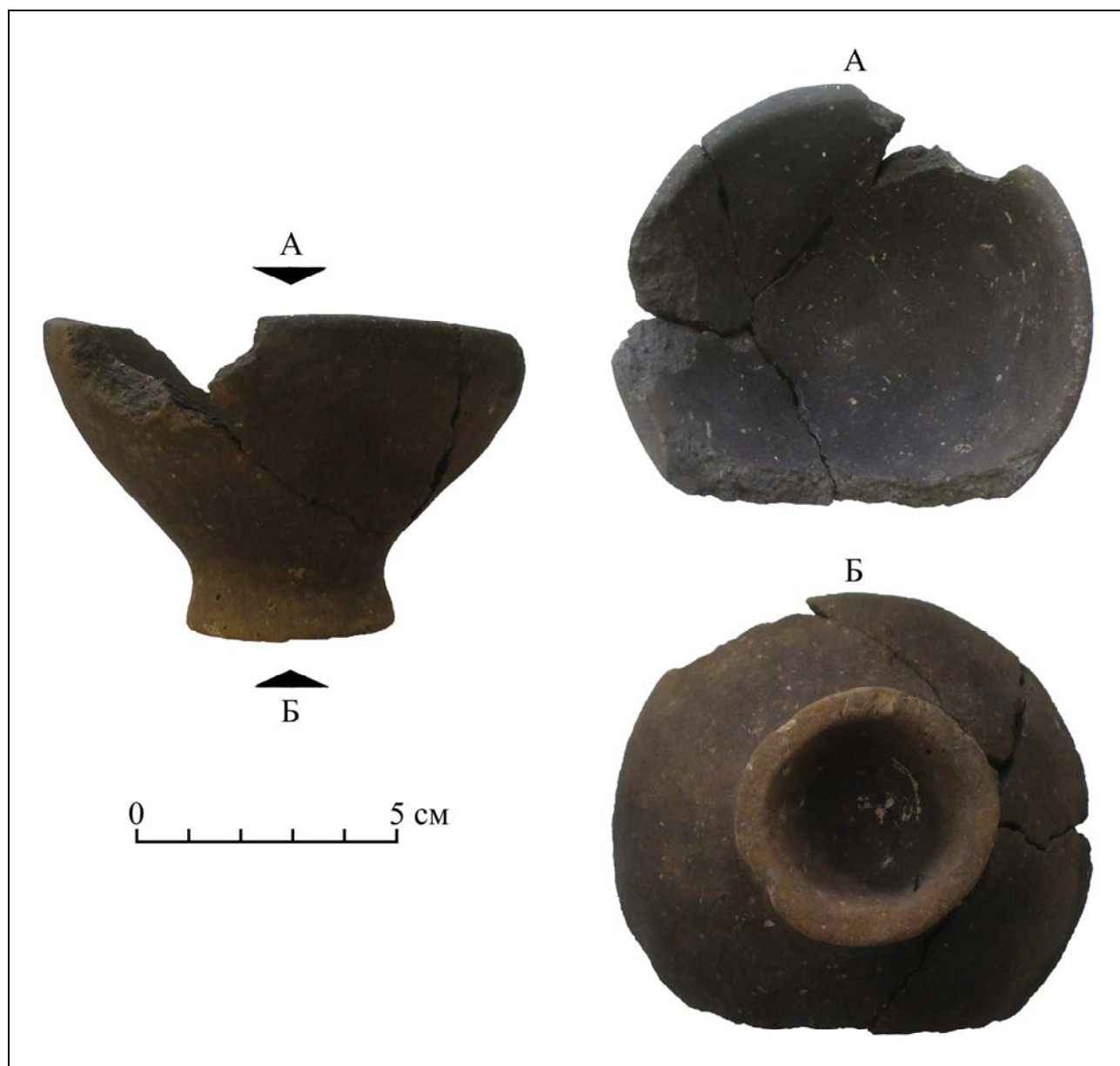

Рис. 3. Мисочка на невысокой ножке III в. до н.э. — середины I в. н.э. (по Дашевская 1991: 16, табл. 11: 3; Гаврилюк, Винокуров 2016: рис. 14: 8, 9; Клемешова 2018: 94, рис. 6: 3), в которой были найдены денарии Марка Антония в честь III Киренского легиона и Г. Юлия Цезаря типа Венера — Эней с Анхисом и палладиумом (фото Д.В. Андриевского).

Fig. 3. Small bowl on a low leg, 3rd century BCE — mid-1st century CE (after Dashevskaya 1991: 16, tab. 11: 3; Gavriilyuk, Vinokurov 2016: fig. 14: 8, 9; Klemeshova 2018: 94, fig. 6: 3) in which the denarii of Marcus Antonius in honor of the Legio III Cyrenaica and G. Julius Caesar of the Venus — Aeneas type with Anchises and palladium were found (photo by D.V. Andriyevskiy).

УДК 94(3)

DOI: 10.53737/2713-2021.2022.44.54.010

Д.В. Андриевский

ПРИВОЗНЫЕ МОНЕТЫ ЭПОХИ «СКИФСКИХ ВОЙН» ИЗ ГОРНОГО КРЫМА *

Объектом изучения стали семь монет. Шесть из них выпущены провинциальными монетными дворами. Речь идёт о четырёх тетрадрахмах Антиохии на Оронте, отчеканенных от имени Траяна Деция (2 экз.), его сына Геррения Этруска (1 экз.) и Требониана Галла (1 экз.), а также о бронзовых монетах Гордиана III (1 экз.) из Анхиала (Фракия) и Траяна Деция (1 экз.) из Резены (Месопотамия). В выборке представлен также антониниан Геррения Этруска, выпущенный в Риме. Представляется, что монеты поступили на полуостров в период «скифских войн», причём тетрадрахмы из Антиохии на Оронте и бронза из Резены завезены из малоазиатских провинций Римской империи.

Ключевые слова: археология, история, нумизматика, Горный Крым, «скифские войны», привозные монеты.

Сведения об авторе: Андриевский Денис Вадимович, Русское географическое общество.

Контактная информация: 190000, Россия, г. Санкт-Петербург, пер. Гривцова, д. 10 А, Русское географическое общество; e-mail: rgo@rgo.ru.

D.V. Andriyevskiy

IMPORTED COINS OF THE “SCYTHIAN WARS” TIMES IN MOUNTAIN CRIMEA

The sample under study consisted of seven coins. Six of them were issued by provincial mints. These are: four tetradrachms of Antioch on the Orontes minted on behalf of Trajan Decius (n=2), his son Herennius Etruscus (n=1), and Trebonianus Gallus (n=1), as well as bronze coins of Gordian III (n=1) from Anchialus in Thrace and Trajan Decius (n=1) from Rhesaena in Mesopotamia. The Antoninianus of Herennius Etruscus, released in Rome, was also found. It is assumed that these coins arrived on the peninsula in the times of the “Scythian wars”. Particularly, tetradrachms of Antioch on the Orontes and the bronze of Rhesaena were brought to Mountain Crimea from the provinces of the Roman Empire in Asia Minor.

Key words: archaeology, history, numismatics, Mountain Crimea, “Scythian wars”, imported coins.

About the author: Andriyevskiy Denis Vadimovich, Russian Geographical Society.

Contact information: 190000, Russia, Saint Petersburg, 10A Grivtsova Pereulok, Russian Geographical Society; e-mail: rgo@rgo.ru.

Продолжаю работу над топографией находок привозных античных монет на территории Крыма. В поле моего зрения оказалась небольшая подборка (7 экз.) памятников нумизматики эпохи «скифских войн», найденных местными жителями в горной части полуострова на земной поверхности в начале XXI в. (рис. 1). В настоящее время эти монеты хранятся в

* Статья поступила в номер 05 ноября 2022 г.
Принята к печати 18 ноября 2022 г.

одной из частных коллекций Крыма¹. Примечательно то, что большая их часть — тетрадрахмы чекана Антиохии на Оронте. Привожу описания монет этой группы.

1. Траян Деций (249—251). Чекан Антиохии на Оронте. Выпуск 249—250 гг.

Л.с.: ΑΥΤ Κ Γ ΜΕ ΚΥ ΤΡΑΙΑΝΟΣ ΔΕΚΙΟΣ СЕВ. Бюст Траяна Деция (249—251) в лавровом венке, в кирасе и в военном плаще, развернутый вправо.

О.с.: ΔΗΜΑΡΧ ΕΞΟΥСΙΑС. Орел на пальмовой ветви, с поднятыми крыльями, с лавровым венком в клюве, развернутый влево. Под ним — SC.

Тетрадрахма, чекан Антиохии на Оронте.

Биллон. Вес — 12,3 г. Диаметр — 2,6 см. Монета сильно стерта (рис. 1: 1).

2. Траян Деций (249—251). Чекан Антиохии на Оронте. Выпуск 249—250 гг.

Л.с.: ΑΥΤ Κ Γ ΜΕ ΚΥ ΔΕΚΙΟΣ ΤΡΑΙΑΝΟΣ СЕВ. Бюст Траяна Деция в лучевой короне, в кирасе и в военном плаще, развернутый вправо.

О.с.: ΔΗΜΑΡΧ ΕΞΟΥСΙΑС. Орел с поднятыми крыльями, с лавровым венком в клюве, развернутый влево. Под ним — SC.

Тетрадрахма, чекан Антиохии на Оронте (RPC IX: No. 1623). Выпуск 249—250 гг.

Биллон. Вес — 12,14 г. Диаметр — 2,7 см. Монета хорошей сохранности (рис. 1: 2).

3. Геренний Этруск (251). Чекан Антиохии на Оронте. Выпуск 251 г.

Л.с.: ΕΡΕΝΝ ΕΤΡΟΥ ΜΕ ΚΥ ΔΕΚΙΟΣ ΚЕСАР. Перед надписью — три точки. Бюст Геренния Этруска в кирасе и в военном плаще, развернутый вправо.

О.с.: ΔΗΜΑΡΧ ΕΞΟΥСΙΑС. Орел с поднятыми крыльями, с лавровым венком в клюве, развернутый влево. Под ним — SC.

Тетрадрахма, чекан Антиохии на Оронте (RPC IX: No. 1731). Выпуск 251 г.

Биллон. Вес — 12,2 г. Диаметр — 2,6 см. Монета хорошей сохранности (рис. 1: 3).

4. Требониан Галл (251—253). Чекан Антиохии на Оронте. Выпуск 251—253 гг.

Л.с.: ΑΥΤΟΚ Κ Γ ΟΥΙΒ ΤΡΕΒ ΓΑΛΛΟΣ СЕВ. Перед надписью — две точки. Бюст Требониана Галла в лавровом венке, в кирасе и в военном плаще, развернутый вправо.

О.с.: ΔΗΜΑΡΧ ΕΞΟΥСΙΑС. Орел с поднятыми крыльями, с лавровым венком в клюве, развернутый влево. Между его ног — «B». Под ним — SC.

Тетрадрахма, чекан Антиохии на Оронте (RPC IX: No. 1792). Выпуск 251—253 гг.

Биллон. Вес — 12,78 г. Диаметр — 2,7 см. Монета хорошей сохранности (рис. 1: 4).

Сразу же замечу, что большинство античных памятников нумизматики, найденных на территории Крыма — херсонесского, римского императорского или боспорского чекана (Кропоткин 1961: 63—66, № 566—639; Сапрыкин 2005: 137—187; Труфанов 2010: 235—250; Чореф 2013: 191—215; 2017: 213—221; Абрамзон, Ворошилов, Ворошилова 2022: 9—13). Римские провинциальные монеты крайне редки² (Кропоткин 1961: 64, 65, 66, № 585, 597, 600, 612, 614, 631; Сапрыкин 2005: 145, 146, 148, 149, 161, 162; Абрамзон 2010: 495—496;

¹ Монеты на рис. 1: 1—3 были опубликованы мною (Андриевский 2022: 5). Уточняя, что они были обнаружены в районе с. Скалистое. Монета на рис. 1: 4 была найдена близ городища Тепе-Кермен.

² М.Г. Абрамзон заметил, что «монеты греческих центров в римское время по-прежнему достаточно редко встречаются на Боспоре и не составляют сколько-нибудь значительной группы» (Абрамзон 2010: 495). Развивая этот вывод, в совместной с А.Н. Ворошиловым и О.М. Ворошиловой статье он подчеркнул, что «монеты небоспорского происхождения в целом не свойственны для денежного обращения античного Боспора и местной погребальной практики» (Абрамзон, Ворошилов, Ворошилова 2022: 9). Принимаю его точку зрения.

Андриевский, Чореф 2021: 875—881; 2022: 358—368). Так что сам факт обнаружения антиохийских тетрадрахм I—III вв. на территории полуострова крайне примечателен.

Попытаюсь дать ему объяснение. Начну с того, что вряд ли эти монеты могли попасть в Таврику в результате торговых контактов. Ведь, повторюсь, римские провинциальные монеты антиохийского чекана не известны ни на Боспоре, ни в Херсонесе. Не использовали их в Таврике и легионеры³ (Кропоткин 1961: 66, № 632—634; Сапрыкин 2005: 151—152, 155; Андриевский, Чореф 2022). Не выявлены антиохийские тетрадрахмы I—III вв. и в античных святилищах (Сапрыкин 2005: 149; Новиченкова 2015: 49—53; Новиченкова, Новиченкова 2017: 261).

Однако замечу, что привлёкшие мое внимание монеты были отчеканены в период «скифских войн». Так что они вполне могли поступить на полуостров как добыча северопричерноморских варваров.

Подчеркну, что вряд ли речь должна идти об осязательном результате похода в придунайские и балканские провинции Рима в 250—251 гг., закончившегося гибелью Траяна Деция и Геренния Этруска. Ведь добычей варваров тогда стали монеты, обращавшиеся в этих регионах. Не случайно в Долининский клад выпали анонимнианы (Пиоро, Герцен 1974: 81—90; Herzen 1995: 178; Чореф 2013: 202—204). Замечу также, что Антиохийский монетный двор при Требониане Галле наладил эмиссию монет этого номинала (RIC IVc: No. 79—96; Christol 1980: 70, 71). Что делает факт находки в Крыму тетрадрахм Антиохии на Оронте чекана 249—253 гг. еще более примечательным. Хотя он, замечу, вполне ожидаем. В тот период даже боспоряне накапливали сбережения в привозной, как правило, в римской имперской монете. Исключением были, разве что, драхмы Кесарии Каппадокийской (Абрамзон, Фролова 2007—2008: 387, № 92; Абрамзон 2010: 495; Чореф 2013: 205).

Как долго обращались в нашем регионе тетрадрахмы Траяна Деция, Геренния Этруска и Требониана Галла — судить трудно. Дело в том, что они могли цениться за содержащийся в них драгоценный металл. Хотя, подчеркну, монеты изготовлены из биллона. Полагаю, что в них могли видеть и сырьё для ранговых ювелирных изделий (Ахмедов, Гаврилов, Чореф 2018; Чореф 2019; Скворцов, Чореф 2020).

Кроме тетрадрахм, в изучаемом мною частном собрании хранятся две римские провинциальные бронзы. Примечательно то, что они также были отчеканены в эпоху «скифских войн».

5. Гордиан III (238—244). Чекан Анхиала (Фракия).

Л.с.: Бюст императора в лучевой короне, в кирасе и в военном плаще, развернутый вправо.

О.с.: ΟΥΛΠΙΑΝΩΝ ΑΓΧΙΑ[ΛΕΩΝ]. Атлет стоит, развернувшись влево. В его правой руке — венок, а в левой — пальмовая ветвь. Под правой рукой — обозначение номинала «Ε».

Пентассарий, чекан Анхиала (Фракия) (RPC VII.2: No. 1112).

Найден близ с. Малиновка.

Бронза. Вес — 12,26 г. Диаметр — 2,9 см. Монета сильно стерта (рис. 1: 5).

³ Соглашаюсь с выводом М.М. Чорефа (Чореф 2013: 199) — клад, найденный в с. Прибрежном в 1958 г. (Кропоткин 1961: 65, № 617), не мог принадлежать легионеру или приезжему торговцу. Вряд ли у них могла возникнуть потребность прятать довольно компактное сокровище в виде золотых и серебряных монет на варварской территории, а не вывезти его с собой. Учитываю и тот факт, что денарии в нем — разновременные. Самый ранний из них был отчеканен при Пуб. Клодии Туррине в 42 г. до н.э., а позднейшие — при Тите (79—81) (Кропоткин 1961: 65, № 617), т.е. они выпущены по разным стопам. Так что у нас есть все основания полагать, что клад из с. Прибрежное — длительного накопления (Чореф 2013: 199).

6. Траян Деций (249—251). Чекан Резены. Выпуск 249—250 гг.

Л.с.: АΥΤ Κ Γ ΜΕΚΥ [ΔΕΚΙΟΣ ΤΡΑΙΑΝΟΣ СΕΒ]. Бюст императора в лучевой короне, в кирасе и в военном плаще, развернутый вправо.

О.с.: СΕΠ ΚΟΛ ΡΗСА[ΙΝΗСΙΩΝ L ΙΙΙ Ρ]. Жрец пашет землю развернутым влево плугом, в который запряжены два быка. В его левой руке — посох. Над быками — орел на ладони с венком в клюве. Голова птицы развернута влево. Ниже композиции, под чертой — плывущее вправо божество р. Хабур.

Æ26, чекан Резены (Месопотамия) (RPC IX: No. 1576).

Монета найдена близ с. Почтовое.

Бронза. Вес — 13,85 г. Диаметр — 2,6 см. Монета сильно стерта (рис. 1: 6).

О путях поступления этих бронз на территорию полуострова можно лишь догадываться. Допускаю, что они также были завезены варварами. Вполне возможно, что их захватили как металл, подходящий для изготовления знаковых украшений (Ахмедов, Гаврилов, Чореф 2018; Чореф 2019; Скворцов, Чореф 2020).

Только одна монета из подборки была выпущена в Риме. Речь идет об антониниане Геренния Этруска, на тот момент — цезаря. Монета найдена на нижнем плато Чатырдага.

7. Геренний Этруск как цезарь (250—251). Чекан Рима.

Л.с.: Q HER ETR MES DECIVS NOB C. Бюст Геренния Этруска в лучевой короне, в кирасе и в военном плаще, развернутый вправо.

О.с.: PIETAS AVGVSTORVM. Симпулум, кропило, кувшин, патера и литуус.

Антониниан, чекан Рима (RIC IVc: No. 143).

Биллон. Вес — 3,57 г. Диаметр — 2,1 см. Монета сильно стерта и пробита (рис. 1: 7).

Судя по наличию отверстия, монета была элементом составного украшения. Поступить на полуостров она могла как в результате торговой сделки, так и в качестве добычи. Учитывая то обстоятельство, что такие артефакты обращались на всей территории империи, заключаю, что проследить их путь в Таврику не представляется возможным.

Но вернемся к задаче прослеживания времени и путей поступления на полуостров монет из Антиохии на Оронте и Резены. Допускаю, что они могли быть доставлены на полуостров в результате набегов на восточные провинции Римской империи в период «скифских войн», а, точнее, вскоре после 253 г. Этим обстоятельством следует объяснять уже отмеченный факт отсутствия подобных монет среди находок в таврических полисах и на близлежащих к ним территориях.

Нахожу это обстоятельство крайне важным. Дело в том, что в 253/254 г. власть в Боспоре на время захватил Фарсанз (253/254—254/255), в котором есть все основания видеть предводителя северокавказских варваров. А законный царь Рескупорид IV (242/243—253/254, 254/255—257/258, 261/262—267/268, 275/276—276/277), судя по прекращению выпуска статеров от его имени, был на время отстранен от трона (Чореф 2012: 187). По свидетельству Зосимы, в 254 г. бораны и остготы (Циркин 2015: 197), захватив боспорские корабли (Zos., I, 31—35), совершили неудачный набег на Питиунт. Вполне возможно, что корабли им передал Фарсанз (Циркин 2015: 196—197). Нам же важно то, что римский военачальник Сукцессиан, командовавший гарнизоном Питиунта, был назначен за эту победу Валерианом (254—260) префектом претория. Причем ему было поручено восстановление Антиохии на Оронте (Zos., I, 32, 1—2). Что не удивительно. Ведь император готовился тогда к войне с Шапуром I (240/241—271/272), а базой римской армии был вышеупомянутый сирийский город (Циркин 2015: 197). Так что есть все

основания полагать, что монеты антиохийского чекана могли поступать и в гарнизоны, размещенные для защиты северо-восточных областей Малой Азии.

Нахожу это допущение весьма важным. Дело в том, что набег, предпринятый варварами в 257 г., привел к разграблению Питиунта, а также Фасиса и Трапезунда (Zos., I, 32, 1—2). Полагаю, что в результате этого похода монеты из Передней Азии могли оказаться в Таврике.

Литература

- Абрамзон М.Г. 2010. Экономические связи Боспора в VI в. до н.э. — III в. н.э.: греческие монеты в денежном обращении. *ПИФК* 1 (27), 477—521.
- Абрамзон М.Г., Ворошилов А.Н., Ворошилова О. М. 2022. Монеты небоспорского происхождения из некрополя Фанагории. В: Зинько В.Н., Зинько Е.А. (ред.-сост.). *XXIII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Сакральное и материальное*. Симферополь; Керчь: ООО «Соло Рич», 9—14.
- Абрамзон М.Г., Фролова Н.А. 2007—2008. *Корпус боспорских кладов античных монет*. Т. 1. (1834—2005 гг.). Симферополь; Керчь: АДЕФ-Украина (БИ. Supplementum 2).
- Андриевский Д.В. 2022. Тетрадрахмы Антиохии из Горного Крыма. В: Чореф М.М. (отв. ред.). *Материалы и исследования по истории России*. Вып. 19. Нижневартовск: ИП Мельник Н.В., 5—8.
- Андриевский Д.В., Чореф М.М. 2021. Привозные эллинистические монеты, найденные близ с. Партизанское (Юго-Западный Крым), как исторический источник. *МАИАСП* 13, 875—881.
- Андриевский Д.В., Чореф М.М. 2022. Античные монеты, найденные близ пос. Почтовое (Крым), как исторический источник. *МАИАСП* 14, 358—368.
- Ахмедов И.Р., Гаврилов А.П., Чореф М.М. 2018. Клад римских монет I—II вв. из Среднего Поочья. *МАИАСП* 10, 436—460.
- Кропоткин В.В. 1961. *Клады римских монет на территории СССР*. Москва: Наука.
- Новиченкова Н.Г. 2015. *Горный Крым: II в. до н.э. — II в. н.э. По материалам раскопок святилища у перевала Гурзуфское седло*. Симферополь: Н. Оріанда.
- Новиченкова Н.Г., Новиченкова М.В. 2017. Римские республиканские монеты из археологических раскопок святилища у перевала Гурзуфское седло в Горном Крыму. *Античный мир и археология* 18, 252—274.
- Пиоро И.С., Герцен А.Г. 1974. Клад антонинианов из с. Долинное Крымской области. *НС* 5, 81—90.
- Сапрыкин С.Ю. 2005. *Денежное обращение на хоре Херсонеса Таврического. Историко-нумизматическое исследование*. Москва: Наука.
- Скворцов К.Н., Чореф М.М. 2020. Клад римских монет Мельниково-1. *МАИАСП* 12, 734—773.
- Труфанов А.А. 2010. Монеты из погребений варварского населения Крыма первых веков н.э. *АА* 22, 235—250.
- Циркин Ю.Б. 2015. «Военная анархия» в Римской империи. Санкт-Петербург: Нестор-История (Историческая библиотека).
- Чореф М.М. 2012. «Non multa, sed multum», или дифференцы на монетах Боспорского царства периода «скифских войн» как исторический источник. *Stratum plus* 4, 171—200.
- Чореф М.М. 2013. К вопросу о периодизации денежного обращения Таврики в эпоху римского господства. *Stratum plus* 4, 191—215.
- Чореф М.М. 2017. Сикли Ахеменидов из округа Неаполя Скифского. *Stratum plus* 3, 213—221.
- Чореф М.М. 2019. Звездовидная надчеканка I в. до н.э. на боспорском оболе III в. до н.э. как свидетельство межэтнических контактов населения Боспора и аспургиан. *Русин* 55, 34—43. DOI: 10.17223/18572685/55/3.
- Чореф М.М., Якушечкин А.В. 2016. Клад римских монет, найденный близ с. Перевального (Крым). *МАИАСП* 8, 579—591.
- Christol M. 1980. A propos de la politique extérieure de Trébonien Galle. *RN*. 6e série. T. 22, 63—74.
- Herzen A.G. 1995. Il tesoro di Dolinnoe. In: Arslan E.A., Della Porta C. (eds.). *Dal Mille al Mille. Tesori e popoli dal Mar Nero*. Milano: Mondadori Electa, 178—179.
- RIC IVc: Mattingly H., Sydenham E.A., Sutherland C.H.V. 1949. *The Roman Imperial Coinage*. Vol. IV. Pt. III. *Gordian III — Uranius Antoninus*. London: Spink and Son Ltd.
- RPC VII.2: Mairat J., Spoerri Butcher M. 2022. *Roman Provincial Coinage*. Vol. VII.2. *From Gordian I to Gordian III (AD 238—244)*. London: British Museum.
- RPC IX: Hostein A., Mairat J. 2016. *Roman Provincial Coinage*. Vol. IX. *From Trajan Decius to Uranius Antoninus (AD 249—254)*. Paris; London: British Museum Press.

References

- Abramzon, M.G. 2010. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury (Problems of history, philology, culture)* 1 (27), 477—521 (in Russian).
- Abramzon, M.G., Voroshilov, A.N., Voroshilova, O. M. 2022. In: Zin'ko, V.N., Zin'ko, E.A. (eds). *XXIII Bosporskiye chteniya. Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Sakral'noye i material'noye (XXIII Bosporan Readings. Bosporus Cimmerian and barbarian world in the period of antiquity and the Middle Ages. Sacred and material)*. Simferopol; Kerch: OOO "Solo Rich", 9—14 (in Russian).
- Abramzon, M.G., Frolova, N.A. 2007—2008. *Korpus bosporskikh kladov antichnykh monet (Corpus of Bosporan Treasures of Antique Coins)*. Vol. 1. (1834—2005 gg.) (1834—2005). Simferopol; Kerch: ADEF-Ukraina (Bosporan Studies. Supplementum 2) (in Russian).
- Andrievskiy, D.V. 2022. In: Choref, M.M. (ed.). *Materialy i issledovaniya po istorii Rossii (Materials and research on the history of Russia)*. Iss. 19. Nizhnevartovsk: IP Mel'nik N.V., 5—8 (in Russian).
- Andrievskiy, D.V., Choref, M.M. 2021. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 13, 875—881 (in Russian).
- Andrievskiy, D.V., Choref, M.M. 2022. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 14, 358—368 (in Russian).
- Ahmedov, I.R., Gavrilov, A.P., Choref, M.M. 2018. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 10, 436—460 (in Russian).
- Kropotkin, V.V. 1961. *Klady rimskikh monet na territorii SSSR (Hoards of Roman coins on the territory of the USSR)*. Moscow: AN SSSR (Corpus of Archaeological Sources G4-4) (in Russian).
- Novichenkova, N.G. 2015. *Gornyy Krym: II v. do n.e. — II v. n.e. Po materialam raskopok svyatilishcha u perevala Gurzufskoye sedlo (Mountain Crimea: 2nd century BCE. — 2nd century CE. According to the materials of the excavations of the sanctuary near the Gurzuf saddle pass)*. Simferopol: N. Orianda (in Russian).
- Novichenkova, N.G., Novichenkova, M.V. 2017. In *Antichnyy mir i arkheologiya (Ancient World and Archaeology)* 18, 252—274 (in Russian).
- Pioro, I.S., Gertsen, A.G. 1974. In *Numizmatika i Sfragistika (Numismatics and Sphragistics)* 5, 81—90 (in Russian).
- Saprykin, S.Yu. 2005. *Denezhnoe obrashchenie na hore Chersonesa Tavricheskogo v antichnuyu epokhu (istoriko-numizmaticheskoe issledovanie) (Money circulation on the chorus of Tauric Chersonese in antiquity (historical and numismatic research))*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Skvortsov, K.N., Choref, M.M. 2020. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 12, 734—773 (in Russian).
- Trufanov, A.A. 2010. In *Arkheologicheskiy al'manakh (Archaeological Almanac)* 22, 235—250 (in Russian).
- Tsirkin, Iu.B. 2015. «*Voyennaya anarkhiya*» v Rimskoy imperii («*Military Anarchy*» in the Roman Empire). Saint Petersburg: Nestor-Istoria (Historical Library) (in Russian).
- Choref, M.M. 2012. In *Stratum plus* 4, 171—200 (in Russian).
- Choref, M.M. 2013. In *Stratum plus* 4, 191—215 (in Russian).
- Choref, M.M. 2017. In *Stratum plus* 3, 213—221 (in Russian).
- Choref, M.M. 2019. In *Rusin* 55, 34—43. DOI: 10.17223/18572685/55/3 (in Russian).
- Choref, M.M., Yakushechkin, A.V. 2016. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 8, 579—591 (in Russian).
- Christol, M. 1980. A propos de la politique extérieure de Trébonien Galle. *RN*. 6e série. T. 22, 63—74.
- Herzen, A.G. 1995. Il tesoro di Dolinnoe. In: Arslan E.A., Della Porta C. (eds.). *Dal Mille al Mille. Tesori e popoli dal Mar Nero*. Milano: Mondadori Electa, 178—179.
- RIC IVc: Mattingly, H., Sydenham, E.A., Sutherland, C.H.V. 1949. *The Roman Imperial Coinage*. Vol. IV. Pt. III. *Gordian III — Uranius Antoninus*. London: Spink and Son Ltd.
- RPC VII.2: Mairat, J., Spoerri Butcher, M. 2022. *Roman Provincial Coinage*. Vol. VII.2. *From Gordian I to Gordian III (AD 238—244)*. London: British Museum.
- RPC IX: Hostein, A., Mairat, J. 2016. *Roman Provincial Coinage*. Vol. IX. *From Trajan Decius to Uranius Antoninus (AD 249—254)*. Paris; London: British Museum Press.

Рис. 1. Привозные античные монеты эпохи «скифских войн», найденные в Горном Крыму (фото Д.В. Андриевского).

Fig. 1. Imported ancient coins of the Scythian Wars era found in the Mountain Crimea (photo by D.V. Andriyevskiy).

Искусствоведение

Art history

УДК 94(3)

DOI: 10.53737/2713-2021.2022.23.59.011

М.М. Чореф

К ВОПРОСУ ОБ АТРИБУЦИИ «СТАТУИ ПОЛКОВОДЦА ИЗ ТИВОЛИ»*

Объектом исследования стала «Статуя полководца из Тиволи», датируемая большинством исследователей второй четвертью I в. до н.э. Наш интерес к ней обусловлен тем, что до сих пор не было установлено — кого из лидеров Республики она возвеличила. Полагаем, что это Гай Марий. При этом учитываем, в частности, сходство лица «полководца из Тиволи» и лиц бюстов из Глиптотеки Мюнхена и Музеев Ватикана, в которых исследователи видят изображения именно этого военного и политического деятеля. Высекли же статую после смерти диктатора Л. Корнелия Суллы, а точнее — в период Первого триумvirата и, скорее всего, по инициативе Г. Юлия Цезаря. Это обстоятельство и определило её дальнейшую судьбу: статуя была сохранена. Она украшала храм Геркулеса Виктора, возведённого в Тиволи в I в. до н.э., при раскопках которого и была найдена.

Ключевые слова: история, археология, искусствоведение, римская скульптура, «Статуя полководца из Тиволи».

Сведения об авторе: Чореф Михаил Михайлович, кандидат исторических наук, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского.

Контактная информация: 603950, Россия, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского; e-mail: choref@yandex.ru.

M.M. Choref

THE ATTRIBUTION OF THE “STATUE OF THE COMMANDER FROM TIVOLI” REVISITED

The object of the study was the “Statue of the commander from Tivoli”, which dates back, according to the majority of researches, to the second quarter of the 1st century BCE. Our interest in it is due to the fact that it is still not known which of the leaders of the Republic was glorified in this way. We believe that it is about Gaius Marius that we should speak. We are also taking into account the fact that the “commander’s” face is rather similar to those of the busts from the Münchener Glyptothek and the Musei Vaticani, in which many scholars tend to recognize the military and political leader mentioned above. The sculpture was made after the death of the dictator L. Cornelius Sulla, or, more precisely, it was carved during the First Triumvirate, and most likely on the initiative of G. Julius Caesar. This circumstance determined its future fate: the statue survived. It was supposed to adorn the Temple of Hercules Victor, erected in Tivoli in the 1st century BCE, and it was during the excavations of the temple that the statue was found.

Key words: history, archeology, art criticism, Roman sculpture, “Statue of the commander from Tivoli”.

About the author: Choref Mikhail Mikhailovich, PhD (History), Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod.

Contact information: 603950, Russia, Nizhny Novgorod, 23 Gagarin Av., Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod; e-mail: choref@yandex.ru.

* Статья поступила в номер 02 октября 2022 г.
Принята к печати 22 октября 2022 г.

Продолжаем изучение римской скульптуры (Чореф 2018; Яценко, Чореф 2021). Перейдем к «Статуе полководца из Тиволи» (рис. 1). Она хранится в Национальном музее Рима (Inv. № 106513). Наш интерес к этой статуе отнюдь не случаен. Ведь до сих пор не ясно кого из лидеров Римской республики изобразили. Причем нет сомнения, что речь должна идти о лице, некогда бывшем военным лидером. Ведь не зря ведь у его левой ноги разместили анатомическую кирасу с изображением горгонея в центре, а торс драпирован палудаментумом. Собственно, на этих фактах основываются предположения по атрибуции изучаемого артефакта, выдвинутые рядом исследователей (Бритова, Лосева, Сидорова 1975: 22—23, илл. 20; Kleiner 1992: 36, fig. 12; Kleiner 2010: 55—56, fig. 4-11; Holliday 2015: 196—197, 204, fig. 10.2; Tuck 2015: 7, fig. 1.6; Bugaj 2021: 330, fig. 3). Соответственно, в русскоязычной исторической литературе бытует название «Статуя полководца из Тиволи», а в англоязычной используются весьма близкое по смыслу понятия «Tivoli general» (Kleiner 1992: 36, fig. 12) и «General from Tivoli» (Kleiner 2010: 55—56, fig. 4-11; Tuck 2015: 7, fig. 1.6; Holliday 2015: 196—197, 204, fig. 10.2; Bugaj 2021: fig. 3).

Однако есть и иная точка зрения. Так, по мнению П.Дж. Холлидея, изобразили сенатора, отставного полководца, который в тот момент нес бремя гражданской власти, а не военного командования (Holliday 2015: 196). Что немаловажно, ведь «полководец из Тиволи» удостоился одной из высших почестей, предусмотренных для римлян периода Республики — его статую высекали из мрамора и установили в храме (Bugaj 2021: 330, fig. 3).

Внесем наш вклад в разрешение этой проблемы. Начнем с изложения сведений, с нашей точки зрения, крайне важных для изучения артефакта. Итак, статую обнаружили в Тиволи в 1925 г. в ходе раскопок храма Геркулеса Виктора, воздвигнутого или при Л. Корнелии Сулле (Ancierno, D'Aquino 2013: 44; Tuck 2015: 81), или в середине I в. до н.э. В любом случае, этот культовый комплекс перестроили в середине I в. н.э. (Kleiner 2010: 12—13, fig. 1—16). «Статую полководца из Тиволи» датируют второй четвертью I в. до н.э. (Бритова, Лосева, Сидорова 1975: 22—23, илл. 20; Kleiner 1992: 36, fig. 12; Kleiner 2010: 55—56, fig. 4-11; Holliday 2015: 196—197, 204, fig. 10.2; Tuck 2015: 7, fig. 1.6; Bugaj 2021: fig. 3). Так же в ней видят копию, изготовленную в период Ранней Империи с оригинала эпохи Поздней Республики (Бритова, Лосева, Сидорова 1975: 22). В любом случае, статую справедливо считают «наиболее ярким образцом эллинизирующего портрета на римской почве» (Бритова, Лосева, Сидорова 1975: 22; Kleiner 1992: 36). При этом исследователи обратили внимание и на очевидную дисгармонию: голова старика была приделана к торсу молодого, атлетически сложенного человека (Бритова, Лосева, Сидорова 1975: 22). Есть основания полагать, что речь должна идти о «псевдо-атлете»¹ (Kleiner 1992: 36; Kleiner 2010: 55). Причем, судя по драпировке фигуры, также выразителя идеи «патрицианского культурного превосходства»², характерного для периода Республики (Kleiner 2010: 56—57). Развивая эти тезисы, П.Дж. Холлидей справедливо заметил, что статуя «сочетает в себе сверхреалистическую или правдивую портретную голову»³ с характерными признаками возраста с сильно идеализированным почти обнаженным телом — тип, уподобляющий полководца греческому герою» (Holliday 2015: 196). Так что у нас есть основания полагать, что точная атрибуция артефакта представляется возможной.

¹ Мы находим это обстоятельство крайне важным и обратимся к его трактовке в свое время.

² Это заключение также крайне интересно. Вернемся к его обсуждению несколько ниже.

³ Ф.С. Клейнер также пришел к выводу, что она портретная (Kleiner 2010: 55). Так что мы не можем принять мнение авторов монографии «Римский скульптурный портрет», заключивших, что «Требования индивидуального сходства воплощены автором этой скульптуры чисто внешне» (Бритова, Лосева, Сидорова 1975: 22). Напротив, тщательность проработки лица изображенного, передача всех его дефектов, в т.ч. морщин, а также выражения глаз, позволяет считать его высокохудожественно исполненным портретом.

Переходим к решению этой задачи. Начнем с описания артефакта. Высота статуи — 186,5 см (Tuck 2015: fig. 1.6). Что немаловажно, ведь идеальный рост для легионера составлял 177 см (Veg., I, V). Далее, статуя выполнена из каррарского мрамора. Причем она наверняка была раскрашенной. Есть все основания полагать, что «Статуя полководца из Тиволи» производила сильнейшее впечатление на зрителя. Так что ее присутствие в храме было вполне уместным.

Теперь перейдем к трактовке атрибутов изображенного. При этом будем основываться на методике исследования античной скульптуры, предложенной и обоснованной Дж. Фейфер (Fejfer 2008). Начнем с анатомической кирасы с горгонейоном⁴. Ее наличие убедительно свидетельствует о том, что мужчина некогда был военачальником. Однако, как видим, доспех снят. Так что в момент сооружения монумента изображенный отошел от ратных дел. Вернее всего, причиной тому стала старость изображенного. Ведь не зря у него голова старика (рис. 1). Так что у нас есть все основания согласиться с выводом П.Дж. Холлидея (Holliday 2015: 196).

Но, как уже было сказано выше, у изображенного — тело молодого сильного мужчины. Это обстоятельство, конечно, можно объяснить пожеланиями заказчика, желавшего увековечить себя в образе «героя—атлета». Однако это допущение не кажется нам убедительным. Ведь, как помним, статуя была обнаружена в храме Геракла Виктора, а не на загородной вилле. Наоборот, мы склонны допустить, что выявленный факт поможет нам идентифицировать изображение. Полагаем, что нам удастся выявить жизнеописание престарелого полководца, занимавшегося делами римской общины, вполне возможно, влиятельного магистрата, и, в тоже время, уделявшего значительное внимание сохранению отличной физической формы.

Такой политический деятель времен Поздней Республики хорошо известен. Мы имеем ввиду Гая Мария (157—86 гг. до н.э.). Вот что писал о нем Плутарх: «Марий, из честолюбия упрямо не желая признавать себя старым и слабым, ежедневно приходил на Поле и упражнялся вместе с юношами, показывая, как легко он владеет оружием и как крепко сидит в седле, несмотря на старость, сделавшую его тело неповоротливым, грузным и тучным» (Plut., Mar., XXXIV). Что не удивительно. Ведь реформатор, создавший из ополчения римских граждан профессиональную армию, вряд ли мог в старости предаться праздности. И не зря его сына Гая Мария Младшего называли «сыном Ареса» (Plut., Mar., XLVI). Не менее успешен был Гай Марий и на гражданском поприще. Он первым из римлян был удостоен семикратного консульства. Причем его базой наряду с всадниками и с плебсом были армия и ветераны. Так что появление кирасы с горгонейоном у ног его статуи вполне объяснимо.

Учитывая выявленные обстоятельства, допускаем, что «Статуя полководца из Тиволи» была посвящена Гаю Марию. При этом мы отдаем себе отчет, что это утверждение следует безукоризненно обосновать. Полагаем, что это удастся сделать с помощью иконографического анализа⁵.

Для этого проследим особенности лица изображенного. Начнем с того, что исследователи обратили внимание на многочисленные складки—морщины (Бритова, Лосева,

⁴ Наличие этого элемента крайне важно. Очевидно, что скульптор акцентировал внимание на воинской доблести изображенного. Также заметим, что немаловажна и размещенная на кирасе символика. Горгонейон, по-видимому, являлся не только талисманом от зла, но и должен был повергнуть врагов в трепет (Шауб 2021). Не зря ведь голова горгоны Медузы, по верованиям древних греков, была закреплена на эгиде Афины Паллады. О значимости элементов оформления вооружения см. (Негин 2020; 2021).

⁵ Мы уже использовали эту методику при изучении бронз Савромата I (93/94—123/124 гг. н.э.) и Савромата II (174/175—210/211 гг. н.э.) (Чореф 2019; 2021). Применима она и при изучении римских монет (Скворцов, Чореф 2020).

Сидорова 1975: 22; Kleiner 1992: 36; Kleiner 2010: 56). Так, по две глубокие продольные борозды испещряют его щеки. Над переносицей просматриваются четыре продольные морщины. Но самой заметной, можно даже сказать знаковой приметой являются нависшие брови. У переносицы они образуют выступ (рис. 2). Вряд ли они появились в процессе старения. Наоборот, взгляд у мужчины жесткий и волевой. Так что есть все основания полагать, что эти складки появились на его лице еще в период зрелости.

Чем же интересны эти приметы? Они различимы на лицах предполагаемых бюстов Гая Мария (рис. 3), хранящихся в Глиптотеке Мюнхена (Inv. № 319) (рис. 3: 1) и в Музеях Ватикана (Inv. № 1488) (рис. 3: 2). Обратим внимание на щеки, на которых видны глубокие продольные морщины, на участок лба над переносицей, испещренный короткими продольными складками, а также на форму нависающих бровей.

Развивая тезис, заметим, что бюсты из Мюнхена и Рима сохранили облик Гая Мария в разные периоды его жизни. На первом из них запечатлен мужчина в полном расцвете сил. Судим по экспрессии и по хорошей сохранности мускулатуры лица. На втором передан облик дряхлого старика. У него потухший взгляд и обвисшая кожа. Примечательно, что выступы на нависающих бровях переданы как треугольники. Что вполне ожидаемо — кожа обвисла не только на щеках.

Итак, учитывая выявленные обстоятельства, заключаем, что все три бюста, привлечших наше внимание, сохранили облик Гая Мария в разные периоды его жизни. Так, бюст из Мюнхена запечатлел лик мужчины—воина, достигшего пика своей физической мощи. «Статуя генерала из Тиволи» была высечена позже, когда Гай Марий постарел и занялся гражданскими делами. А бюст из Рима воспроизвел лик старца, захватившего власть в Риме в 85 г. до н.э.⁶, во время Первой Митридатовой войны (89—85 гг. до н.э.).

Полагаем, что следует обратить внимание на следующее обстоятельство. По единодушному мнению исследователей, «Статуя полководца из Тиволи» была высечена во второй четверти I в. до н.э., после смерти Л. Суллы. Что довольно странно, ведь тогда у власти находились сулланцы. Однако заметим, что Г. Юлий Цезарь, стремясь завоевать любовь беднейших слоев населения, афишировал свои родственные связи с Гаем Марием. Это был хорошо продуманный и перспективный политический ход. Вот как Плутарх описал реакцию марианцев на его поступки: «у многих из них выступили слезы радости при виде изображения Мария, и они превозносили Цезаря величайшими похвалами, как единственного человека, который достоин родства с Марием» (Plut., Caes., VI, IV).

Вполне возможно, что по инициативе Г. Юлия Цезаря была высечена и привлекавшая наше внимание статуя. Это могло произойти в тот период времени, когда власть в Республике сосредоточилась в руках лидеров популяров. Вполне возможно, что «Статуя полководца из Тиволи» была высечена в период Первого триумvirата, т.е. в 60 (59?) — 53 гг. до н.э. По этой причине изображения Гая Мария почитали и в период Империи. Вполне возможно, что по той же причине их копировали (Бритова, Лосева, Сидорова 1975: 22). Этим же обстоятельством следует объяснять и столь явную демонстрацию идеи «патрицианского культурного превосходства» (Kleiner 2010: 56—57). Ведь заказчиком «Статуи генерала из Тиволи» мог быть высококультурный Г. Юлий Цезарь.

Полагаем, что использованные нами подходы к изучению изображений Гая Мария могут быть использованы для атрибуции иных античных скульптур. Выносим результаты нашей работы на научное обсуждение.

⁶ Речь идет о его последнем, седьмом консульстве, которое он получил, захватив власть, без народного голосования. Одно продлилось всего семнадцать дней — сказалось напряжение борьбы со сторонниками Суллы и невоздержанный образ жизни новоявленного консула (Plut., Mar., XLVI).

Литература

- Бритова Н.Н., Лосева Н.М., Сидорова Н.А. 1975. *Римский скульптурный портрет*. Москва: Искусство.
- Негин А.Е. 2021. Императорский оруженосец: к интерпретации фигуры с рельефа «Большого Траяновского фриза». *МАИАСП* 13, 689—697.
- Негин А.Е., Д'Амато Р. 2020. Шлем типа *spangenhelme* из коллекции «Фонда Марджани». *МАИАСП* 12, 513—523.
- Скворцов К.Н., Чореф М.М. 2020. Клад римских монет Мельниково-1. *МАИАСП* 12, 734—773.
- Чореф М.М. 2018. Судьба статуи, или к атрибуции «Геркулеса из Массико». *Scripta antiqua* 8, 378—391.
- Чореф М.М. 2019. Бронзовые монеты Савромата I с развернутым влево бюстом правителя на аверсе как источник исторической информации. *МАИАСП* 11, 583—591.
- Чореф М.М. 2021. Бронзы Савромата II с сидящей на троне Афродитой на реверсе как источник исторической информации. *МАИАСП* 13, 882—902.
- Шaub И.Б. 2021. Горгона в религии меотов. *МАИАСП* 13, 701—714.
- Яценко С.А., Чореф М.М. 2021. К атрибуции «Портрета Адриана в лавровом венке» из собрания Государственного Эрмитажа. *Scripta antiqua* 9, 264—276.
- Acierno M., D'Aquino R. 2013. Il santuario di Ercole Vincitore a Tivoli. Un restauro complesso, in *divenire. Arkos*. 5 Ser. 1/2, 44—57.
- Bugaj E. 2021. Some Remarks on the Problems of Art Research in Archaeology using the Example of Greek and Roman Sculpture. B: Żurkiewicz D. (ed.). *Treasures of Time: Research of the Faculty of Archaeology of Adam Mickiewicz University in Poznań*. Poznań: Adam Mickiewicz University, 327—337.
- Fejfer J. 2008. *Roman Portraits in Context*. Berlin: De Gruyter.
- Holliday P.J. 2015. Roman Art and the State. B: Borg B.E. (ed.). *A Companion to Roman Art*. Chichester, West Sussex, UK; Malden, MA: Wiley Blackwell.
- Kleiner D.E.E. 1992. *Roman Sculpture*. New Haven: Yale University Press.
- Kleiner F.S. 2010. *A history of Roman art*. Wadsworth: Cengage Learning.
- Tuck S.L. 2015. *A history of Roman art*. Chichester, West Sussex, UK; Malden, MA: Wiley Blackwell.

References

- Britova, N.N., Loseva, N.M., Sidorova, N.A. 1975. *Rimskiy skul'pturnyy portret (Roman sculptural portrait)*. Moscow: Iskusstvo (in Russian).
- Negin, A.Ye. 2021. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 13, 689—697 (in Russian).
- Negin, A.Ye., D'Amato, R. 2020. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 12, 513—523 (in Russian).
- Skvortsov, K.N., Choref, M.M. 2020. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 12, 734—773 (in Russian).
- Choref, M.M. 2018. In *Scripta antiqua* 8, 378—391 (in Russian).
- Choref, M.M. 2019. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 11, 583—591 (in Russian).
- Choref, M.M. 2021. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 13, 882—902 (in Russian).
- Schaub, I.Yu. 2021. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 13, 701—714 (in Russian).
- Yatsenko, S.A., Choref, M.M. 2021. In *Scripta antiqua* 9, 264—276 (in Russian).
- Acierno, M., D'Aquino, R. 2013. Il santuario di Ercole Vincitore a Tivoli. Un restauro complesso, in *divenire. Arkos*. 5 Ser. 1/2, 44—57.
- Bugaj, E. 2021. Some Remarks on the Problems of Art Research in Archaeology using the Example of Greek and Roman Sculpture. B: Żurkiewicz, D. (ed.). *Treasures of Time: Research of the Faculty of Archaeology of Adam Mickiewicz University in Poznań*. Poznań: Adam Mickiewicz University, 327—337.
- Fejfer, J. 2008. *Roman Portraits in Context*. Berlin: De Gruyter.
- Holliday, P.J. 2015. Roman Art and the State. B: Borg, B.E. (ed.). *A Companion to Roman Art*. Chichester, West Sussex, UK; Malden, MA: Wiley Blackwell.
- Kleiner, D.E.E. 1992. *Roman Sculpture*. New Haven: Yale University Press.
- Kleiner, F.S. 2010. *A history of Roman art*. Wadsworth: Cengage Learning.
- Tuck, S.L. 2015. *A history of Roman art*. Chichester, West Sussex, UK; Malden, MA: Wiley Blackwell.

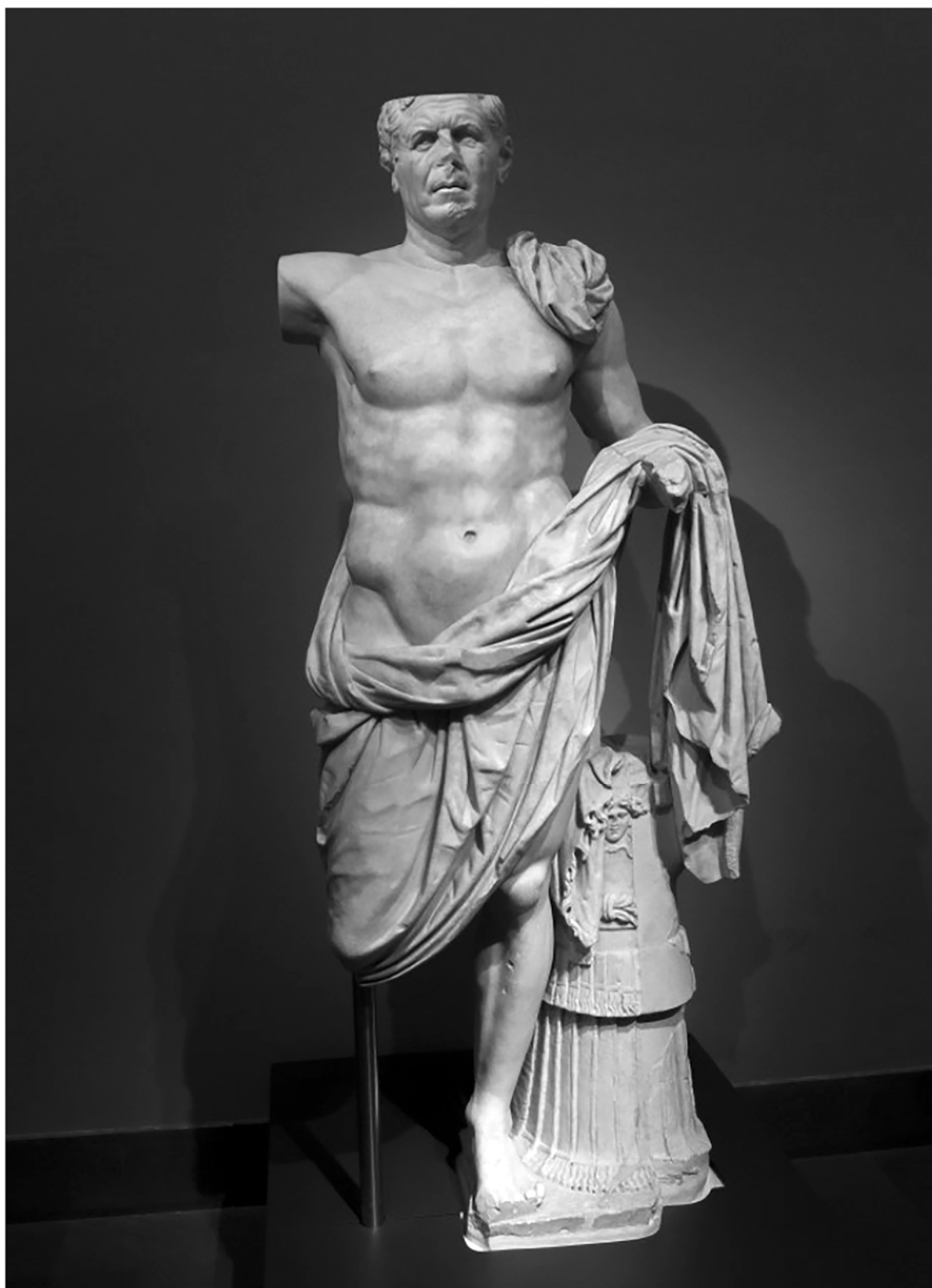

Рис. 1. «Статуя полководца из Тиволи» (Национальный музей Рима, Inv. № 106513).

Fig. 1. “Statue of the commander from Tivoli” (Museo Nazionale Romano, Inv. № 106513).

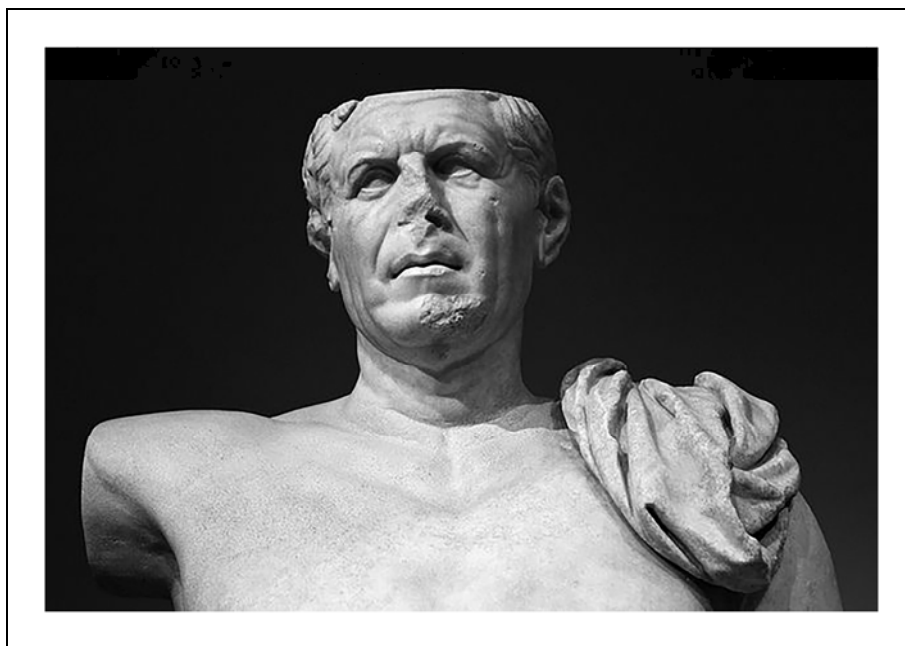

Рис. 2. Голова «Статуя полководца из Тиволи» (Национальный музей Рима, Inv. № 106513).

Fig. 2. Head of the “Statue of the commander from Tivoli” (Museo Nazionale Romano, Inv. No. 106513).

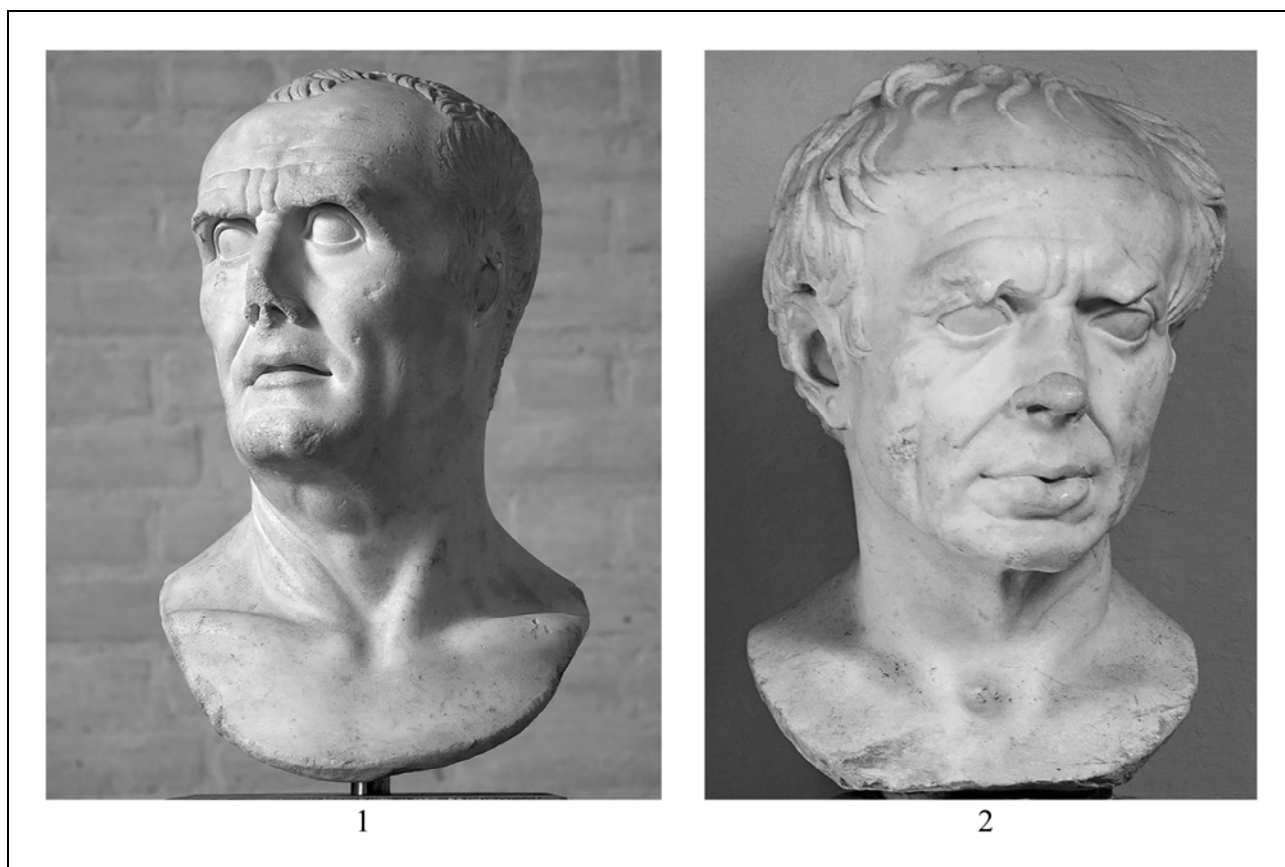

Рис. 3. Бюсты Гая Мария из Глиптотеки Мюнхена (Inv. № 319) (1) и Музеев Ватикана (Inv. № 1488) (2).

Fig. 3. Busts of Gaius Marius from Münchener Glyptothek (Inv. No. 319) (1) and Musei Vaticani (Inv. No. 1488) (2).

Список сокращений

АА	— Археологический альманах. Донецк.
АВ	— Археологические вести. Ленинград; Санкт-Петербург.
АН	— Академия наук.
АН СССР	— Академия наук СССР. Москва.
АН УССР	— Академия наук УССР. Киев.
АО	— Археологические открытия. Москва.
БИ	— Боспорские исследования. Симферополь; Керчь.
ВДИ	— Вестник древней истории. Москва.
ГИМ	— Государственный исторический музей.
ДБ	— Древности Боспора. Москва.
ЗОАО	— Записки Одесского археологического общества. Одесса.
ИА РАН	— Институт археологии Российской академии наук.
КБНЦ РАН	— Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук.
КБР	— Кабардино-Балкарская Республика
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии. Москва.
КСИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Ленинград.
МАИАСП	— Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. Нижневартовск.
МГУ	— Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР. Москва.
МИИР	— Материалы и исследования по истории России. Нижневартовск.
НАВ	— Нижневолжский археологический вестник. Волгоград.
НС	— Нумизматический сборник. Москва.
ПАВ	— Петербургский археологический вестник. Санкт-Петербург.
ПИФК	— Проблемы истории, филологии, культуры. Магнитогорск.
РА	— Российская археология. Москва.
РАН	— Российская академия наук.
СА	— Советская археология. Москва.
САИ	— Свод археологических источников. Москва.
ССКГ	— Сборник сведений о кавказских горцах. Тбилиси.
ТГЭ	— Труды Государственного Эрмитажа. Ленинград; Санкт-Петербург.
Труды ГИМ	— Труды Государственного исторического музея. Москва.
АА	— Archäologischer Anzeiger. Berlin: de Gruyter.
ACSS	— Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. Leiden; Boston: E.J. Brill.
AErgMak	— Το Αρχαιολογικό Έργο στη Μακεδονία και στη Θράκη. Thessaloniki: Υπουργείο Πολιτισμού, Ταμείο Αρχαιολογικών Πόρων και Απαλλοτριώσεων, Αριστοτέλειο Πανεπιστήμιο Θεσσαλονίκης.
AJA	— American Journal of Archaeology. Boston.
AJN	— American Journal of Numismatics. New York.
AM	— Athenische Mitteilungen. Berlin: von Zabern.

- AMIT** — Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan. Berlin: Dietrich-Reimer-Verlag.
- AWE** — Ancient West and East. Leuven: Peeters.
- AZ** — Archäologische Zeitung. Berlin: Reimer.
- BABesch** — Bulletin Antieke Beschaving. Leiden: Sighting Bulletin Antieke Beschaving; Leuven: Peeters.
- BAR** — British Archaeological Reports. Oxford.
- BCAA** — Bonn Contributions to Asian Archaeology. Bonn: Vor- und Frühgeschichtliche Archäologie Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn.
- Coin Hoards XI** — Abramzon M.G., Kuznetsov V.D. 2021. Greek Hoards. The Cimmerian Bosphorus. Leuven; Paris; Bristol: Peeters.
- IGCH** — Thompson M., Mørkholm O., Kraay C.M. 1973. An inventory of Greek coin hoards. New York: American Numismatic Society.
- IstMitt** — Istanbul Mitteilungen. Tübingen.
- JbBerlMus** — Jahrbuch der Berliner Museen. Berlin: Gebr. Mann.
- JDI** — Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts. Berlin: de Gruyter.
- RGZM** — Römisch-Germanisches Zentralmuseum Mainz.
- RIC** — The Roman Imperial Coinage.
- RM** — Römische Mitteilungen. Mainz: von Zabern.
- RPC** — Roman Provincial Coinage.
- RRC** — Roman Republican Coinage.
- SNG BM** — Sylloge Nummorum Graecorum, Great Britain. 1993. Vol. IX. British Museum. Pt. 1. The Black Sea. London: British Museum Press.

Авторам «Материалов по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья»

Авторы предоставляют рукописи статей в электронном виде. Высылаемый для публикации материал должен соответствовать следующим формальным требованиям:

1. Общие положения

1.1. Статья должна содержать следующие элементы:

- Имя, отчество, фамилию автора на русском и в английской транслитерации (например, как в заграничном паспорте);
- Сведения об авторе: ученые степени и звания, основные занимаемые в данный момент должности, адрес и e-mail для публикации в разделе «Сведения об авторах»;
- УДК;
- Название статьи;
- Резюме — 4—5 предложений, в которых изложены цели, методы и результаты работы, подчеркнуты новые и важные аспекты исследования.

Резюме является источником информации об основном содержании и изложенных в публикуемой работе результатах исследований; устраняет необходимость чтения полного текста работы в случае, если она представляет для читателя второстепенный интерес; используется в информационных системах для поиска документов и информации.

Резюме должно быть:

оригинальным, содержательным (отражать основное содержание работы и результаты исследований), структурированным;
компактным (укладываться в объем от 600 до 1500 символов с пробелами);
с адекватным и качественным переводом на английский язык (машинный перевод на английский язык не принимается и дает право редакции отклонить материал).

Резюме должно включать следующие аспекты содержания работы:

предмет, тема, цель работы (указываются в том случае, если они не полностью раскрыты в заголовке);
методы проведения работы (описывать в том случае, если они отличаются новизной или представляют интерес с точки зрения данной работы);
результаты работы (приводятся основные результаты, авторские выводы, оригинальные открытия);
выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в работе.

В резюме следует избегать:

фраз, дублирующих заглавие работы;
общих слов, лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...»),
сложных грамматических конструкций;
общеизвестных положений;
сведений историографического характера, если они не составляют основное содержание работы, не приводить названия ранее опубликованных работ;

- Ключевые слова — 5—10 слов, характеризующих статью, по которым она будет индексироваться в электронных базах данных.

Ключевые слова должны отражать основное содержание статьи и раскрывать следующие аспекты работы: регион, хронология, тематика, специальная терминология. По возможности не повторять термины заглавия и резюме. Использовать термины из текста статьи, а также термины, определяющие предметную область и позволяющие расширить возможности нахождения статьи средствами информационно-поисковой системы;

- Текст статьи. Ограничения по объему статей отсутствуют;
- Иллюстрации (при необходимости) и подписи к ним с подробным отражением названия, датировки и проч.;
- Список сокращений;
- Необходимо приложить перевод на английский язык названия статьи, аннотации и ключевых слов.

1.2. Файлы текста статьи и иллюстраций отправляются по электронной почте (choref@yandex.ru). После получения материалов отсылается подтверждение.

2. Требования к оформлению

2.1. Текст статьи набирается через единичный интервал, отступ абзаца — 1 см, без автоматического переноса слов, абзацы форматируются по ширине. Для русского и английского текста следует использовать шрифт Times New Roman 11 кеглем.

2.2. При наличии текстов на древних языках рекомендуется использовать шрифты типа Unicode. При использовании автором других шрифтов для древних языков, их следует предоставить в редакцию МАИАСП вместе с текстом статьи.

2.3. Ссылки на общепринятый текст Священного Писания (Библии) даются в тексте в скобках. После сокращенного названия книги, которое дается без точки, затем следует указать главу и стихи. После указания главы ставится двоеточие. Например: (Мф. 3: 11—12).

2.4. При использовании отсканированных, но не переведенных в текстовый формат вариантов бумажных книг (т. е. при просмотре электронных изображений бумажной книги) ссылка на интернет-ресурс, где можно загрузить книгу, необязательна.

2.5. Сноски должны иметь сквозную нумерацию по всей статье и располагаются внизу страницы.

2.6. Ссылки на иллюстрации помещаются в круглые скобки; в случае, если ссылка дается на отдельные позиции рисунка, их номера отделяются от номера рисунка двоеточием и пробелом и выделяются курсивом. Например: (рис. 1: 3, 5: 7—9).

2.7. Оформление списка литературы

Общий порядок	Фамилия и инициалы авторов, год выхода работы, название работы, название издания, где она была опубликована. Для монографий и сборников после названия указывается место выхода, а затем издательство, перед названием сборника обязательно указывается имя ответственного редактора. Для продолжающихся и периодических изданий указывается номер (отделяется от названия издания пробелом без точек и запятых). Для статей необходимо также указывать страницы (в конце после запятой).
Монографии	Яценко С.А. 2001. <i>Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья</i> . Москва: Восточная литература. Sestini D. 1831. <i>Descrizione d'alcune medaglie greche del Museo del signore barone Stanislas di Chaudoir</i> . Firenze: Presso Guglielmo Piatti.
Статьи в сборниках	Жеребцов Е.Н. 2009. Раскопки базилики 1935 г. в Херсонесе. В: Беляев С.А. (отв. ред.). <i>Очерки по истории христианского Херсонеса</i> . Т. 1. Вып. 1. <i>Херсонес Христианский</i> . Санкт-Петербург: Алетейя, 139—149. von Kohler H.K.E. 1822a. <i>Medailles Grecques. Serapis oder Abhandlungen betreffend das Griechische und Romische Alterthum</i> . Th. I. Saint Petersburg: Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1—29.
Статьи в продолжающихся периодических изданиях со сквозной нумерацией томов	Даниленко В.Н. 1966. Просопография Херсонеса IV—II вв. до н.э. (по эпиграфическим данным Северного Причерноморья). <i>АДСВ</i> 4, 136—178. Nadel B. 1977. Literary Tradition and Epigraphical Evidence: Constantine Porphyrogenitus' Information on the Bosporan Kingdom in the Time of Emperor Diocletian Reconsidered. <i>Dialogues d'histoire ancienne</i> 25, 87—114.
Диссертации и авторефераты диссертаций	Шаров О.В. 2009. <i>Боспор и варварский мир Центральной и Восточной Европы в позднеримскую эпоху (середина II — середина IV вв. н.э.)</i> : дисс. ... д-ра ист. наук. Санкт-Петербург: Институт истории материальной культуры РАН. Кутимов Ю.Г. 2009. <i>Происхождение и пути распространения катакомбного погребального обряда (по материалам могильников бронзового века)</i> : автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Санкт-Петербург: Институт истории материальной культуры РАН.
Архивные материалы	РГИА. Ф. 297. Оп. 2. Д. 90
Ссылки на интернет-страницы	Нужно по возможности максимально следовать тем же требованиям, что и при оформлении библиографии печатных работ, обязательно указывая полный электронный адрес материала, включая название сайта и, если есть, дату публикации. Например: Коптев А.В. Античное гражданское общество URL: http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1261777086 (дата обращения 01.10.2015). При использовании отсканированных, но не переведенных в текстовый формат вариантов бумажных книг (т.е. при просмотре

электронных изображений бумажной книги) ссылка на интернет—ресурс, где можно загрузить книгу, необязательна.

2.8. Ссылки на литературу помещаются в круглые скобки и оформляются следующим образом:

- если у работы один автор — (Фролова 1997: 215);
- если у работы два автора — (Smith, White 2004);
- если у работы более двух авторов — (Оверман и др. 1997: 59, рис. 1; Smith et al. 2007: fig. 33);
- на архивные материалы — (РГИА. Ф. 297. Оп. 2. Д. 90. Л. 15—16). Запятая между фамилией автора и годом выхода работы не ставится; в случае указания страниц они отделяются от года двоеточием и пробелом.

Авторы гарантируют отсутствие плагиата и других форм неправомерного заимствования в рукописи произведения, надлежащее оформление всех заимствований текста, таблиц, схем, иллюстраций и т.п.

Все поступающие рукописи проходят рецензирование. После получения рецензий редакция сообщает автору о принятии или отклонении его материала (в последнем случае с объяснением причин, опираясь на заключения рецензентов), либо о необходимости доработок.

МАИАСП. № S1 (2022)
Археология, история, нумизматика, сфрагистика и
эпиграфика.
2022. — 246 стр.

Подписано к печати 12.12.2022

Издательство «Киммерия»,
«МАИАСП» Р.Р.
Адрес: ул. Омская, д. 38, оф. 187,
г. Нижневартовск, Ханты-Мансийский автономный
округ — Югра, 628602, Россия

Формат 60×84½. Гарнитура «Times».
Интернет-журнал. Заказ № 40.

Опубликовано в Издательстве «Киммерия»:
Адрес: ул. Омская, д. 38, оф. 187,
г. Нижневартовск, Ханты-Мансийский автономный
округ — Югра, 628602, Россия

На обложке — фотография зеркала с изображением
сфинксов и благопожелательной надписью второй
половины XIV – начала XV в. Из раскопок Днестровской
археологической экспедиции у с. Глиное Слободзейского
района в 2018 г. (фото С.О. Симоненко).

MAIASP. No. S1 (2022)
Archaeology, History, Numismatics, Sigillography and
Epigraphy.
2022. — 246 pp.

Endorsed for print December 12, 2022.

Cimmeria Publishing,
“MAIASP” Journal:
Address: 38 Omskaya St., ap. 187,
Nizhnevartovsk, Khanty-Mansi Autonomous Area —
Yugra, 628602, Russia

Format 60×84½. Font “Times”.
Internet journal. Order No. 40.

Published in the Cimmeria Publishing:
Address: 38 Omskaya St., ap. 187,
Nizhnevartovsk, Khanty-Mansi Autonomous Area —
Yugra, 628602, Russia

The cover — the photo of mirror depicting sphinxes and an
auspicious inscription from the second half of the 14th —
early 15th century. From the excavations of the Dniester
archaeological expedition near the Glinoe village,
Slobodzeya district in 2018 (photo by S.O. Simonenko).

